С. В. ГАВРИЛОВ

«ПРИБЫЛ С ОТЧЁТОМ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ...»

Издательство «Новая книга»
Петропавловск-Камчатский
2022

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
Г12

Гаврилов С. В.

Г12 «Прибыл с отчётом о проделанной работе...» — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2022. — 752 с., ил.

ISBN 978–5–907448–00–1

Рассказано о некоторых сторонах биографии, касающихся научно-исследовательской, творческой и общественной деятельности автора. Включены семейная родословная и библиографический указатель с перечнем научных, учебно-методических изданий, историко-краеведческих трудов, редакторских работ и публикаций, ему принадлежащих и его касающихся.

Книга подготовлена к шестидесятилетнему юбилею вышеупомянутого персонажа и адресована всем, кому он интересен.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978–5–907448–00–1

© Гаврилов С. В., 2022
© Министерство культуры Камчатского края, 2022

Перефразируя классика: писание у Сергея Витальевича не было ни необходимостью, как у газетчика или «литературного раба», ни случайностью, как у эпигона, ни наслаждением, как у графомана: это было его обычное состояние, то есть образ жизни.

От автора

Заключённая в кавычки фраза, принятая заглавием к этой книжке, как мне представляется, не сильно удивит большинство лиц, с которыми взаимодействую по житейским, служебным или исследовательским надобностям. Именно её уже много лет использую наряду с приветствием, особенно после перерыва в нашем общении, вызванного чем-либо, например, отпуском или длительной невозможностью предстать лично. Она не вполне самостоятельна, ибо похожее выражение давно подслушано мною у незабвенного Юрия Деточкина, главного героя-чудака замечательной советской кинокомедии «Берегись автомобиля». Зато, надеюсь, хорошо отражает суть изложенного ниже.

Непосредственным же поводом для этого изложения стал приближающийся очередной юбилей, «круглый», вполне солидный, накануне коего становится понятно, что большая часть жизни-то уже минула и, хочешь не хочешь, а подводить кое-какие итоги (думается, что пока только промежуточные) самое время. Подобный опыт предпринимался мною и ранее, десять лет назад, он был представлен в виде брошюры «Публикации (1991—2012). Авторский аннотированный библиографический указатель». С тех пор удалось сделать ещё кое-что, надеюсь, что полезное для общества.

Долгое сидение в архивах подвело к мысли, что самым прочным на земле материалом является, как это ни покажется странным, бумага. Дерево гниёт и распадается в прах, железо ржавеет и рассыпается в окалину, стекло бьётся на мелкие частички и становится цветной прибрежной галькой, даже бетон и камень, выдерживающие прямое попадание артиллерийского снаряда, и те постепенно обращаются в песок. А давным-давно написанные бумаги преспокойненько сохраняются на полках архивов и библиотек, в запасниках музеев. Между тем от многих их авторов, а также творцов монументальных сооружений, ныне нельзя найти ничего вещественного,

в том числе и мест последнего пристанища. Так что товарищам учёным, писателям и прочей сочиняющей братии, оставляющей следы на бумаге, повезло — есть надежда, что их творения надолго переживут их бренные тела. Только, как представляется, чтобы это случилось, надо сделать что-то основательное, не пытаясь сей секунд пристроиться к складывающемуся на дворе положению вещей.

Кажется, что в этом смысле больше всех посчастливилось краеведам, к коим себя и отношу. Известно, что различная литература имеет свой «срок годности». Быстро устаревают, как принято выражаться, «морально» и списываются из библиотечных собраний в утиль общественно-политические и компьютерные книжки, медленнее — технические и справочные издания, стареет только «физически», то есть попросту ветшает, лишь настоящая классическая литература. А вот краеведческие издания списывать вообще не принято, даже если с годами становится понятно, что изложенное в них не вполне соответствует происходившему на деле или взглядам, царящим в обществе сегодня. Более того, зачастую подобные ошибки нередко специально подчёркиваются исследователями, становясь отправной точкой для последующих разысканий. Для некоторых же они предоставляют возможность самоутвердиться и показать, насколько нынешний автор «умнее» предыдущего, хотя бы и, как говорится, «задним числом».

Шуточный эпиграф к этой книжке должен настроить читателя на её соответствующее восприятие. Давно заметил, что многие коллеги, по-современному, «креативные персонажи», как раз к этой дате начинают чувствовать себя настоящими «мэтрами», нередко без должных на то оснований. То есть, выражаясь словами психологов, их самооценка вдруг становится завышенной, а, излагая проще, — начинаются приступы мании величия. Вполне возможно, что именно находясь на такой рискованной ступеньке развития, и затеяна подготовка вот этого «отчёта о проделанной работе». А её результаты уже не вмещаются на три обычных книжных полки. Вот, чтобы облегчить жизнь и труды какого-нибудь исследователя-толкователя наших теперешних времён, буде таковой отыщется, и предпринят сей опыт.

Ещё одной задачей этой книжки является желание вспомнить ушедших родных, поблагодарить различных людей, помогавших мне словом и делом в ходе творческого и человеческого становления.

Петропавловск-Камчатский, 29 августа 2021 г.

КТО И ОТКУДА ВЫШЕЛ

Самоотчёт начну «с корней», то есть с родословной. Дворянских и уж тем более аристократических кровей в ней не просматривается, все мои предки, известные с середины XIX в., крестьянского и мещанского происхождения. Они жили в нынешних Астраханской области и Дагестане. По отцу это семьи Жидковых и Гавриловых, по маме — Заскульниковых и Зерениновых.

Родословные семей Жидковых и Гавриловых

В качестве отправной точки для построения «родословного древа» приняты сведения об основателях его астраханской ветви — Василии Зотовиче и Екатерине Михайловне Гавриловых, моих деда и бабушки со стороны отца. Ровно век тому назад — в 1922 г. — они поселились в городе Астрахани.

Родители Екатерины Михайловны *Анна Васильевна* и *Михаил Петрович Жидковы* имели восьмерых детей: сыновей Петра, Семёна, Василия; дочерей Татьяну, Нину, *Екатерину*, Лидию и Валентину.

Старший сын Пётр стал железнодорожником, вполне успешно продвигался по службе и добрался до должности начальника станции Хасавьюрт. Женился, как говорили родные, «на некоей капризной даме», происходившей из обеспеченной семьи, имел двоих детей. После Великой Отечественной войны жил в Баку, там и умер.

Старшая дочь Татьяна — шляпная мастерица — вышла замуж за грека, после чего они перебрались в Мариуполь. Имели дочь Валентину, слывшую «богачкой». Она вышла замуж за директора винодельческого совхоза, ранее преподававшего в сельскохозяйственном техникуме, который она некогда окончила. Валентина скончалась в 1990-х гг.

Второй сын Семён прожил недолго и потомства не оставил. Во время гражданской войны ехал на крыше железнодорожного вагона, сильно простудился, получил воспаление лёгких, от чего и скончался, будучи двадцатилетним, в 1918 или в 1919 г.

Третий сын Василий тоже всю жизнь проработал на железной дороге, но был конторским писарем. Получил не самое благозвучное прозвище «чувырло», так как был неразговорчив, но при том слыл грамотным и добрым человеком. Женился дважды, его дети — Людмила и Борис — обитали в Дербенте. Борис жил в родительском доме вместе с бабушкой Анной Васильевной Жидковой, скончался в 1970-х гг.

Дочь Нина, так же как старшая сестра Татьяна, трудилась в шляпной мастерской. Вышла замуж за поляка, которого в семье называли «дядя Петя». Тот был счетоводом. Они жили в Кисловодске, имели двоих детей. Сын Юрий погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, дочь Людмила стала врачом и долго работала в Кисловодске.

Дочь *Екатерина* родилась 6 декабря 1898 г. в городе Дербенте, умерла 13 апреля 1979 г. в Астрахани. От неё и начинаются две ветви семьи Гавриловых, в разное время жившие и живущие ныне в Астрахани и Петропавловске-Камчатском.

Дочь Лидия отличалась от других детей тем, что обладала необычными способностями, сейчас сказали бы, что экстрасенсорными. Порой вела себя своеобразно, поэтому некоторые семейные знакомые её сторонились. Лидия работала в швейной мастерской. В шестнадцатилетнем возрасте исчезла из дома — вышла замуж за лезгина и жила в горах, там приняла местные обычаи. Её муж был учителем. Имела двух дочерей: Людмила вышла замуж за аварца, Роза — за еврея. Роза с мужем вначале жила в Дербенте в старом дедовском и отцовском доме, который долго сохранялся, возможно, стоит и поныне. Затем перебралась в Москву, трудилась врачом-гинекологом, обрела научную степень кандидата медицинских наук.

Самым младшим ребёнком в семье была дочь Валентина. Она родилась в 1911 г. В 1919 г. священник Павел Польский выдал её родителям следующую выписку: «В метрической книге Свято-Георгиевского собора города Дербента за 1911 г. в первой части, о родившихся, в статье № 61 записано следующее: “Родилась 3-го, а крещена 6 июля Валентина. Родители ея: дербентский мещанин Михаил Петрович Жидков и законная жена его Анна Васильевна; оба православные. Восприемниками были крестьянин Михаил Лонгинов Русанов и девица, мещанка Татьяна Михайловна Жидкова (то есть родная старшая сестра. — *С. Г.*). Таинства святого крещения совершал священник Симон Марков и псаломщик Павел Соловьёв. Правильность сей выписки подписью своею с приложением церковной печати свидетельствую. Августа 7 дня 1919 г.».

Большинство детей Анны Васильевны и Михаила Петровича Жидковых в школе учились вполне успешно, лишь Валентине это дело давалось тяжеловато. До шестнадцати лет она работала на швейной фабрике в Дербенте, где пришивала пуговицы. Старшая сестра Нина нашла ей в Кисловодске жениха — шеф-повара ресторана одного из санаториев. Молодые перебрались в Кисло-

водск. У них родился сын Виталий, умерший четырёхлетним, позже муж погиб на фронте. Валентина переехала в Боржом, где в военные годы была сестрой-хозяйкой в госпитале. Там познакомилась с будущим вторым мужем-осетином, выходила его после тяжёлого ранения.

После излечения он был «комиссован», то есть освобождён от воинской службы по состоянию здоровья. Выяснил, что во время войны жизнь в Астрахани оказалась немного легче, чем на Кавказе. Во время одной из поездок сюда познакомился с сестрой жены, *Екатериной Михайловной*, и её мужем *Василием Зотовичем Гавриловыми*, подружился и близко сошёлся с ними. Здесь ему удалось наладить своеобразное «предпринимательство»: торговлю церковным ладаном. Посылал его из Боржома в Астрахань племянникам, детям Екатерины Михайловны — Ларисе и Виталию Гавриловым, в то время студентам. Тогда существовали ограничения на почтовые пересылки, но учащимся получать отправления разрешалось.

Спустя какое-то время он и Валентина решили, что нужно перебираться в Астрахань насовсем, что они и сделали в 1944 г. Два года жили на квартире Гавриловых. Валентина Михайловна много лет проработала кассиром в кинотеатре. Детей у неё больше не было. Умерла она в 1990 г.

Дед Екатерины Михайловны Жидковой — *Пётр Антонович Жидков* был, по всей видимости, выходцем из центральных губерний Российской Империи. Он служил в армии на Кавказе, где-то в окрестностях Дербента. Этот город является не только самым старинным в нашей стране, но и в мире, он появился в незапамятные времена, как минимум две с половиной тысячи лет тому назад! Правительство России рассматривало его как военный оплот в Дагестане, народы которого в XIX в. долгие годы сражались с имперскими войсками. Здесь располагался русский гарнизон. После двадцатипятилетней выслуги Пётр Жидков получил земельный надел и средства на обустройство хозяйства с условием остаться на Кавказе. Так российское правительство в XIX в. заселяло эту окраину, закрепляя её в составе страны.

Но за годы службы Пётр Жидков отошёл от былой крестьянской жизни и поэтому решил перебраться в город. Вначале обитал в местечке под названием «Огни» (здесь горел выходивший из земли природный газ, сейчас это пригород Дербента). Затем перселился в Дербент, где купил одноэтажный дом. В вытянутом в длину строении последовательно размещались три небольших комнаты.

Дом примыкал к стене старинной Дербентской крепости. В ней со временем были оборудованы сараи и прочие подсобные помещения. Возможно, что он стоит и по сию пору, но кому принадлежит сейчас, неведомо: много лет назад правнучка Петра Жидкова — Роза — продала его перед отъездом в Москву. Рядом с этим домом находится ещё один, построенный позже. Он принадлежал Борису, сыну Василия, то есть внуку Петра Жидкова. Пётр Антонович Жидков умер в 1886 г.

Вот что 1 апреля 1992 г. сообщила жившая в Дербенте его внучка Марья Андреевна (дочь дочери П. А.) моей тёте Ларисе Васильевне Гавриловой: «...После демобилизации, кто хотел, оставался на постоянное жительство. Им давали участки для постройки домов в Солдатской слободке (в XIX в. слободой именовали большое селение с некрепостным населением. — *С. Г.*) и ещё землю за городом к северу от Дербента, примерно в пятнадцати — двадцати километрах. Они там сажали бахчу (так называют посевы арбузов, дынь или тыквы, расположенные вдали от жилья. — *С. Г.*).

Пётр Антонович был извозным подрядчиком, имел много лошадей, подвод, фургонов, нанимал ямщиков. Во время строительства здесь железной дороги и всех её сооружений возил материалы. У Петра Антоновича был сын Михаил (ваш дедушка) и дочь (наша мама). Он (Михаил. — *С. Г.*) работал на рыбных промыслах заведующим, специалистом по засолке. Весной съезжались с гор "националы" и лямками тянули с моря невода, а потом приезжали из России, укладывали улов в ящики...»

Л. В. Гаврилова позже вспоминала: «На кладбище в Дербенте все умершие родные лежат рядом. В центре — мой прадед Пётр Антонович, а вокруг — его сын, дочь и их дети. Стоит старый, гранёный серый камень, покрытый зеленью...»

Сын Петра Антоновича Жидкова — *Михаил Петрович Жидков*, то есть мой прадед, всю жизнь проработал на каспийских рыбных промыслах, был десятником, затем бригадиром. По возвращении с путины привозил с собой несколько бочек солёной селёдки, служившей существенным подспорьем его многочисленному семейству. На заработанные нелёгким рыбацким трудом деньги приобретались продукты и целые тюки ткани, из которых его супруга шила детям одежду и бельё. Все дочери с четырнадцати лет умели шить и сами.

Семья М. П. Жидкова обитала в домике, приобретённом его отцом. Рядом имелось отдельное помещение, которое иногда сдавали в наём. Жили небогато. Вечером мать брала с собой двух

дочерей и шла с ними на базар приобретать «задёшево» подпорченные или вовремя не проданные фрукты. Таскали их домой по две корзины. Покупали бараньи головы. Зимой отмачивали заготовленную селёдку и варили из неё борщ. Из домашней живности держали кур и двух свиней. Яйца «копили» на Пасху, тогда же резали одну из свиней.

Анна Васильевна слыла человеком добрым, но требовательным, её дом отличался чистотой и порядком. Дети маму очень любили, а вот Михаил Петрович бывал с ними строг, гулять разрешал лишь до определённого часу. Иногда на вопрос знакомых: «Сколько у тебя детей?» шутливо отвечал: «Не знаю, то ли пять, то ли шесть, то ли восемь». Больше всех любил дочку Катю, в том числе и за то, что она здорово умела почёсывать ему спину. За это ей выдавалась «денежка».

О времени кончины Михаила Петровича сведений не сохранилось: никто из его детей об этом почему-то не говорил. Его супруга — Анна Васильевна — в течение последних одиннадцати лет своей жизни была парализована. Судя по всему, М. П. Жидков умер в начале 1920-х гг., а его жена — в конце 1920-х или начале 1930-х гг.

Родоначальником гавриловского семейства, о котором сохранились надёжные сведения, является мой дед *Василий Зотович Гаврилов*. Он появился на свет в 1897 г. в большом селе Капустин Яр Астраханской губернии. Сейчас это посёлок городского типа, расположенный на левом берегу реки Ахтубы, волжского рукава. Неподалёку находится одноимённая железнодорожная станция. Село Капустин Яр возникло в начале XVIII в., считается, что оно названо в честь жившего здесь казака Капустина. Сейчас эти места хорошо известны по названию армейского ракетного полигона.

Никаких сведений об отце Василия Зотовича нет, за исключением, понятно, того, что звали его Зотом. По семейной легенде, отец Зота величался Титом. Стало быть, моего прадеда звали Зотом Титовичем. Такие необычные ныне имена заставляют вспомнить персонажей старинных пьес Александра Островского и обрисованное им «тёмное царство».

Мать деда — Ульяна Дмитриевна Гаврилова — происходила из мещан, всю жизнь прожила в Астраханской губернии. Кроме Василия, имела старшего сына Павла. Во время Первой мировой войны он был на фронте, стал георгиевским кавалером. Умер молодым и бездетным во время революционного лихолетья: получил крупозное воспаление лёгких. Похоронен в родном Капустином Яре.

В 1916 г. Василий Гаврилов обрёл педагогическое образование. Об этом говорит следующий документ: «Свидетельство. Совет Капустиноярской второклассной учительской школы Царевского уезда Астраханской губернии сим свидетельствует, что Гаврилов Василий, родившийся в 1897 г., января месяца 26-го дня, окончил курс Капустиноярской второклассной учительской школы и при отличном поведении показал успехи по предметам:

— закону божию — хорошо (5);
— русскому языку — отлично (5);
— русской истории — отлично (5);
— дидактике — отлично (5);
— практическим урокам — (5–, то есть «пять с минусом». — *С. Г.*).;
— географии — отлично (5);
— арифметике — отлично (5);
— геометрии — отлично (5);
— физике — отлично (5);
— письменным работам — отлично (5);
— славянскому языку — очень хорошо (4);
— церковному пению — отлично (5);
— гигиене — отлично (5).

На основании § 44 высочайше утверждённого 1-го апреля 1902 г. положения о церковных школах он, Гаврилов, имеет звание учителя школы грамоты и на основании того же положения в отношении льгот по отбыванию воинской повинности пользуется правами учебных заведений второго разряда.

Капустин Яр Царевского уезда Астраханской губернии 1916 года апреля месяца 30 дня».

Свидетельство подписано председателем школьного совета священником А. Карповым, старшим учителем И. Алексеевым и учителем Ив. Киселёвым.

Прабабушка Ульяна Дмитриевна Гаврилова, обитая в Капустином Яре, держала небольшую мясную лавку, где сама и торговала. В начале 1920-х гг. она жила вместе сыном и невесткой сначала в Махачкале, а последние годы провела с ними же в Астрахани, в квартире нашего «исторического» дома № 3 на былой улице Халтурина. (До революции она звалась Ахматовской. В советское время её переименовали в честь революционера-террориста Степана Халтурина, чуть было не взорвавшего самого императора Александра II с его семейством в Зимнем дворце. В 1882 г. он убил в Одессе военного прокурора генерала Стрельникова, за что и был в этом же году повешен. В последние годы эта улица вновь обра-

тилась в Ахматовскую. Никакого отношения к известной поэтессе это название не имеет, оно напоминает о старинном местном роде.) После переезда семьи в Астрахань Ульяна Дмитриевна некоторое время торговала семечками и всякой мелочью, зарабатывая себе на сладости, до коих была большая любительница. А вот с внуками — Юрием, Ларисой и Виталием — ими делиться не любила, ибо была весьма прижимиста. Впрочем, иногда для Ларисы делались исключения.

Характер у прабабки был, судя по всему, тяжёлый. Несмотря на то что жила с семьёй сына, пищу себе готовила отдельно и харчишки держала под замком. Заявляла: «На меня не рассчитывайте!» С внуками возиться тоже не любила. Последние годы жизни пребывала на инвалидности, ходила на костылях. Умерла в 1937 г., похоронена в Астрахани.

В годы гражданской войны (1918—1919) дед Василий Зотович Гаврилов находился в Дербенте. Как он туда попал, доподлинно не известно. Это в семье никогда не обсуждалось и, похоже, навеки ушло в историю вместе со стариками. Но можно предположить, что это каким-то образом было связано с его службой в старой русской армии: он, как имевший по тому времени неплохое образование, после призыва во время Первой мировой войны прошёл школу прапорщиков. Так стал офицером военного времени, то есть из мещанского сына вдруг обратился в «ваше благородие». Судя по всему, не будучи кадровым военным, дослужился до чина поручика. Может быть, его появление в Дербенте и было связано с обучением или направлением туда на службу. Здесь он и познакомился с Екатериной Михайловной Жидковой, в то время трудившейся вначале продавщицей в галантерейной лавке, а затем сестрой милосердия в госпитале.

Когда Василий начал ухаживать за Екатериной, то сумел найти «подход» к Михаилу Петровичу Жидкову и добился его уважения и расположения. По семейным преданиям, молодые развлекались в том числе и так: в определённое время отправлялись на прогулку, по пути покупали фунт винограда, затем шли в городской сад и там его «вкушали». Василий и Екатерина поженились около 1919 г. Их первый ребёнок — дочь Ирина — родилась в 1920 г. и вскоре умерла. Но случилось это уже в то время, когда молодая семья обитала в Новгороде.

Вернёмся к процитированному выше письму: «Катя (ваша мама) окончила курсы медсестёр, вышла замуж за Василия (ваш папа), у него была мать. Откуда они, я ничего не знаю. Он был, по-моему, поручик,

военная форма ему очень шла. В 1919 г. нас эвакуировали в вагонах-теплушках в Махачкалу 1-ю железнодорожную. Катя с мужем и его матерью жили в Махачкале. Не помню, в каком месяце, но зимой в Махачкале скопилось очень много военных, их называли "белогвардейцами", было много пароходов на рейде. Все военные срочно грузились на эти пароходы, в городе случилась большая паника. Валя в это время была у Кати в Махачкале, Надя поехала повидаться с подружкой.

В городе началась перестрелка, и как рассказывала тётя Надя, домой пришёл Василий в форме офицера и сказал девчонкам: "Не выходите никуда из дома, там опасно. Встаньте между окон и там оставайтесь!" Сам быстро ушёл.

Эта ночь в Махачкале была ужасной. На пристани горел груз — вата, рвались снаряды, гранаты, всё горело. На вокзале стоял вагон с динамитом. Белые убегали, хотели его взорвать. Железнодорожники об этом узнали, подогнали под пулями паровоз и угнали его на юг. Машиниста потом за это наградили. Больше ничего мы не знали. Много времени спустя узнали, что Катя и Вася — в Астрахани.

Я очень любила Катю, она была красивая, добрая, ласковая, лучше всех из сестёр. Одевалась хорошо, фигура красивая. Вася мне тоже нравился, пара была хорошая, и я, девчонка, всегда любовалась ими...»

В Новгороде молодое семейство Гавриловых оказалось, как уже говорилось, в 1920 г. Василий Зотович, будучи грамотным человеком, получил сюда направление как сотрудник биржи труда. В Новгороде Гавриловы обитали в полуподвальном помещении, жизнь здесь оказалась очень тяжкой. По всей видимости, в один не очень прекрасный момент Василий потерял свою должность. Вероятно, это и стало причиной того, что семья решила вернуться на Кавказ, где жизнь ей представлялась более лёгкой, да к тому же там ещё имелась и родня. А дорога туда пролегала через старинную южную Астрахань, тогда входившую в состав Сталинградской области.

Попав в этот достаточно сытый торговый и рыбацкий город, в общем-то, вернувшись на родину, ибо он происходил из другого селения той же области, Василий понял, что лучшего места можно и не найти. Он решил перебраться сюда насовсем. В это время в семье уже был второй ребёнок — сын Юрий, тоже родившийся в Новгороде, но в 1922 г. До устройства на новом месте Василий решил отправить жену и сына в Дербент, а самому остаться в Астрахани и заняться здесь поисками жилья и работы.

Он отправился на розыски хорошего знакомого по Капустину Яру, о котором знал, что тот где-то здесь портняжничает. Расспросив местных обитателей, Василий нашёл земляка, жившего в самом центре города, неподалёку от Кремля, на улице Ахматовской, в доме, где позже размещался кинотеатр «Комсомолец». Портной оказался человеком отзывчивым и отправил Василия во двор напротив к своему приятелю — Александру Петровичу Щербакову — который к тому же был здесь заведующим домом. Как оказалось впоследствии, А. П. Щербаков и его супруга сыграли в судьбе семьи Гавриловых заметную, возможно, что и решающую роль. Вскоре, несмотря на разницу в возрасте, они сблизились и много лет поддерживали очень душевные отношения.

Заведующий домом поместил Василия в комнату без отопления на втором этаже, пообещав к наступлению холодов переселить его в более подходящее для жизни помещение. Позже он отдал молодой семье одну из двух своих комнат. Василий перевёз в Астрахань жену и сына, и вскоре 5 ноября 1924 г., уже на новой квартире, у него родилась дочь Лариса. Супруга А. П. Щербакова — Мария Петровна стала её крестной матерью.

(Вот ведь как вышло-то: моя тётя Лариса родилась и умерла, прожив без малого девять десятков лет, в одном и том же доме. Такое случается нечасто.)

Долгое время после рождения дочери Василий Зотович не мог найти себе применения. В метрическом свидетельстве Ларисы даже имелась запись о том, что её отец — безработный. Чтобы как-то обеспечить существование, родители варили в помещении, находившемся под той самой, ранее упомянутой неотапливаемой комнатушкой, квас и продавали его разносчикам. В 1926 г. в доме освободилась квартира (сейчас № 3). В неё заселились несколько семейств, одним из которых было гавриловское, теперь имевшее уже троих детей. Младший сын — *Виталий* (мой отец) — родился 16 июля этого же года.

Раньше в этом старом доме размещалась гостиница с различными вспомогательными службами. На первом этаже располагались ресторан и кондитерская. Владело этим хозяйством обеспеченное семейство Бортновских. Оно же имело здесь и собственное жильё (его часть ныне представляют квартиры № 2 и 3). После отъезда, скорее бегства, Бортновских их комнаты заняла публика попроще.

Квартира № 3 освободилась от других обитателей к 1937 г. С этого времени семья Гавриловых зажила отдельно. В то время

она включала шестерых членов: Ульяну Дмитриевну, Василия и Екатерину и их троих детей.

В середине 1920-х гг. В. З. Гаврилов устроился на почту, вначале трудился киоскёром, постепенно дослужился до должности заведующего отделом Союзпечати. Несмотря на офицерское прошлое, власти больших препятствий ему не чинили, но и особого хода тоже не давали, хотя человеком он был весьма грамотным. Как «бывший», числился на учёте в «органах». По словам дочери Ларисы, время от времени ходил «отмечаться» в соответствующие инстанции вместе с другими военными «старого режима». Один из них, пожилой, интеллигентный кадровый полковник ещё императорской армии, работал в художественной мастерской, размещавшейся в полуподвальном этаже дома. Нередко они разговаривали, но смысл этих бесед детям в то время был недоступен. (Лариса долгие годы дружила с дочерью этого полковника, они вместе окончили Астраханский медицинский институт.)

В середине 1930-х гг. Василия Зотовича из Союзпечати уволили. Причина этого доподлинно неизвестна, вероятно, она также могла быть связана с его коротким офицерством. Но, тем не менее, набиравший обороты «большой террор» его, да и остальную родню, напрямую никак не затронул.

После этого Василий Зотович стал трудиться в Севкаспрыбводе по хозяйственной части в качестве снабженца. К концу 1930-х гг. (примерно в 1938 г.) у него развился туберкулёз лёгких. Несмотря на тяжёлую болезнь, он продолжал работать: материальное положение семьи оставалось сложным. Во время Великой Отечественной войны много ездил по служебным делам, побывал даже во Владивостоке. Его начальником был некто Дружинин, уважавший и ценивший Василия Зотовича. Когда тот почувствовал себя совсем плохо и был вынужден покинуть место работы, Дружинин продолжал помогать ему.

В 1948 г., незадолго до смерти, В. З. Гаврилов вышел на пенсию по инвалидности, получив первую группу нетрудоспособности. Его дети, Лариса и Виталий, в то время студенты, из-за недостатка средств за учёбу не платили (тогда за посещение высших учебных заведений и техникумов взимали плату в размере ста пятидесяти рублей в месяц). Более того, они получали небольшие стипендии, служившие всей семье определённым подспорьем.

Екатерина Михайловна Гаврилова в конце 1920-х гг. пришла в Союзпечать киоскёром. Одна из её торговых точек размещалась на так называемом «Кольце» — сейчас на этом месте стоит дом

быта «Кристалл». Тогда на этой площадке располагался небольшой рынок, где торговали пирожками, а во время финской войны (1939—1940 гг.) продавали даже горячий фруктовый кисель. Его привозили в бидонах и отпускали на розлив желающим в их посуду.

Перед Великой Отечественной войной, в 1941 г., Екатерину Михайловну перевели в экспедиторы. После начала войны, осенью, с ней приключилась такая история: в Астрахань одновременно доставили громадное количество почты, задержанной в течение нескольких месяцев. Очевидно, что её своевременной рассылке помешала проводившаяся в это время массовая переброска населения и промышленных предприятий в тыловые районы страны. Корреспонденцией вначале был завален весь двор почтамта, затем её перевезли в помещение Союзпечати. Здесь Екатерина Михайловна вместе со своей помощницей разобрали и отправили по назначению все пришедшие отправления и издания.

Дети, как могли, помогали маме: подносили ей тяжеленные газетные пачки. Этим занимались обычно Лариса и Виталий. Юрий на первых порах «руководил» ими на правах старшего. По воспоминаниям Ларисы, ей перетаскивание газет давалось легче, чем младшему брату. Как память о перенесённой в то время большой физической нагрузке, одна её рука какое-то время была длиннее другой.

Во время войны дети много читали сами, любили слушать озвучивавшиеся родителями произведения Гоголя: в семье каким-то образом оказалась его громадная, роскошно изданная книга. Особым интересом у ребят пользовался «Вий», но после «сеансов» семейного чтения этого произведения они боялись выходить из комнаты, а отец над ними смеялся.

Вечерами в холодное время топили печку, стоявшую в глубине квартиры. В качестве топлива для неё использовали камыш, опилки и даже мазут. Василий Зотович где-то раздобыл целую бочку с ним, приспособил для сжигания самодельную горелку.

Выбор продуктов питания в военные годы был небогат. По карточкам служащим и ученикам ежедневно выдавалось по двести пятьдесят граммов хлеба, рабочим и студентам — по четыреста. Кроме этого на месяц можно было получить фунт пшена (то есть около четырёхсот пятидесяти граммов), двести граммов сахара. Впрочем, сахар доставался очень редко, иногда его заменяли яйцами (по пять штук). Ещё полагались и так называемые «жиры». Весь хлеб на семью, после ухода Юрия на фронт состоявшую из четырёх человек, получала Лариса, учившаяся в то время в медицинском институте. Этот хлеб был, как правило, кукурузным и отличался

низким качеством, несмотря на красивую наружность. Его пекли в виде больших круглых булок, похожих на белые пшеничные. После остывания булки корка отходила, а мякиш скукоживался. Вкус тоже был неважный.

Раз в месяц случался маленький «праздник» — хлеба можно было поесть вдоволь. Хорошая знакомая Екатерины Михайловны, имевшая отношение к торговле, вернее, к распределению продуктов, дарила детям булку приличного пшеничного. К нему присовокуплялся и хлеб, полученный по карточкам.

Василий Зотович, бывая по служебным делам в районах области, привозил в мешках засоленную им рыбу. Её хранили в чулане, располагавшемся на веранде. Из рыбы, в частности из воблы, готовили холодную окрошку, её варили, грызли и просто так. Иногда удавалось разжиться свежей селёдкой.

(Вобла — это настоящий астраханский «национальный продукт» тех давних и последующих лет. На обороте одной из семейных фотографий 1930-х гг. сохранилась карандашная надпись, сделанная рукой Е. М. Гавриловой. Она адресована детям: «Ребята! Помажьте себе хлеб маслом, скушайте воблу, а я приду, будем пить чай».)

Как-то Василий Зотович привёз три ящика яблок. Сказал семье: «Ешьте, сколько захотите, потом это запомните надолго!» Это вообще было ему свойственно. При весьма небогатой жизни, когда удавалось раздобыть достаточное количество съестного, его не «растягивали» надолго, а как раз наоборот — ели вволю, дабы получить удовольствие и хоть нечасто, но насытиться вдоволь. Из подобных случаев Ларисе запомнилось, как отец привозил большую банку патоки и целый портфель очищенных подсолнечных семечек...

В должности экспедитора Екатерина Михайловна проработала примерно до 1950 г., затем перешла в отдел подписки, в котором трудилась до выхода на пенсию. В 1952 г. она осталась одна (Василий Зотович умер в 1948 г., дочь Лариса и сын Виталий, окончившие институты, уехали к месту работы). Коротать время ей помогали два живых существа: кошка да собака.

На пенсию она вышла в 1955 г. В это время у дочери Ларисы родился младший сын Александр (старший — Юрий — появился на свет 9 мая 1953 г. в китайском городе Порт-Артуре, где его отец старший лейтенант Николай Дурегин тогда служил в авиационной части). Её уговорили бросить работу и отправиться помогать молодой семье, в то время находившейся далеко от Астрахани, в одном из северных гарнизонов, в окрестностях Мурманска.

Отпускать на покой её не хотели: на работе она пользовалась всеобщим уважением как добросовестный сотрудник и порядочный человек.

В феврале 1946 г. известный журнал «Огонёк» опубликовал фотографию, изображавшую Екатерину Михайловну, отбиравшую литературу предвыборного характера, предназначенную для отправки в районы области и на пристани Каспийского моря. В это время она трудилась в Астраханской областной газетной экспедиции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1948 г. в стране были установлены персональные звания для различных категорий государственных служащих. 12 октября 1949 г. приказом министра связи СССР генерал-полковника войск связи Н. Д. Псурцева № 48/АТМ Е. М. Гавриловой присвоено звание «Младший инспектор связи 1-го ранга». В это время она была старшим экспедитором-организатором подписки Астраханского областного отделения Союзпечати. Незадолго до выхода на пенсию, 30 сентября 1954 г., приказом Минсвязи СССР за долголетнюю и безупречную работу ей объявлена благодарность и выдана премия в размере трёхсот рублей.

Е. М. Гаврилова умерла в 1979 г., похоронена в Астрахани.

Её младший сын *Виталий* родился 16 июля 1926 г. До четвёртого класса он посещал начальную школу имени Водопьянова, расположенную рядом с драматическим театром. Здесь же занималась и его сестра Лариса. Её затем перевели в школу имени Воровского, а Виталий перешёл в школу № 46 имени Калинина (на улице Советской милиции). Виталий учился ровно, успевал по всем предметам, но особый интерес проявлял к математике, хорошо решал физические задачи, так как имел соответствующий склад ума. Он окончил семь классов, 12 июня 1941 г. получил об этом свидетельство № 103. Из тринадцати пройденных предметов большинство оценены на хорошо, три — алгебра, геометрия и физика — на отлично.

Летом 1941 г. Виталий поступил в Астраханский речной техникум, располагавшийся на улице Розы Люксембург (ныне в этом здании находится речной колледж). Плавательную практику во время войны проходил на танкере «Никита Хрущёв» в рейсах по Волге и Каспию.

За время учёбы в техникуме освоил двадцать общеобразовательных и специальных дисциплин, на отлично защитил выпускную работу на тему «Проект компрессорного двигателя постройки Коломенского завода» и получил квалификацию техника-судомеханика по двигателям внутреннего сгорания.

Павел Зотович Гаврилов, георгиевский кавалер, 1915 и 1916 гг.

Семья Василия Зотовича Гаврилова: сын Юрий, дочь Лариса, сын Виталий, супруга Екатерина Михайловна. Астрахань, 1929 г.

В. З. и Е. М. Гавриловы, 1929 г.

Прабабушка Ульяна Дмитриевна Гаврилова, 1930-е гг.

В. З. и Е. М. Гавриловы на отдыхе. Вторая справа — Валентина, сестра Екатерины Михайловны. Начало 1930-х гг.

Прощание с Василием Зотовичем Гавриловым.
Астрахань,1948 г.

Екатерина Михайловна Гаврилова накрывает стол. За обедом с сыном Виталием, конец 1940-х гг.

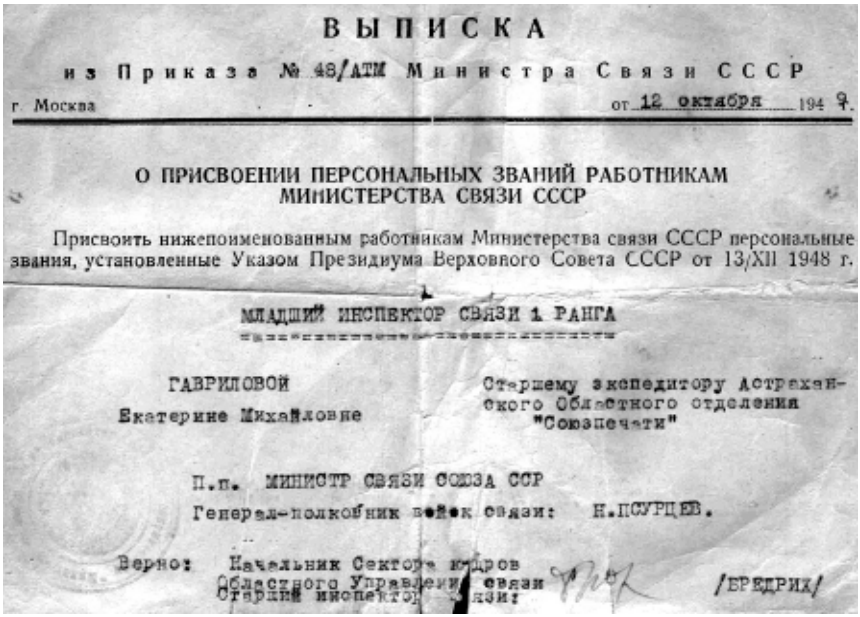
Е. М. Гаврилова наводит порядок в домашнем хозяйстве

Чаепитие с сыном Виталием, студентом Астрыбвтуза,
начало 1950-х гг.

Мать и сын, начало 1950-х гг.

ВЫПИСКА

из Приказа № 48/АТИ Министра Связи СССР

г. Москва от 12 октября 194 9 г.

О ПРИСВОЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЗВАНИЙ РАБОТНИКАМ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ СССР

Присвоить нижепоименованным работникам Министерства связи СССР персональные звания, установленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13/XII 1948 г.

МЛАДШИЙ ИНСПЕКТОР СВЯЗИ 1 РАНГА

ГАВРИЛОВОЙ Екатерине Михайловне — Старшему экспедитору Астраханского Областного отделения "Союзпечати"

П.п. МИНИСТР СВЯЗИ СОЮЗА ССР
Генерал-полковник войск связи: Н.ПСУРЦЕВ.

Верно: Начальник Сектора кадров Областного Управления связи
Старший инспектор связи: /БРЕДРИХ/

Приказ Минсвязи СССР о присвоении Е. М. Гавриловой персонального звания «Младший инспектор связи 1-го ранга», 1949 г.

НАШ ОПЫТ
ОБСЛУЖИВАНИЯ ВЫБОРОВ
ПЕЧАТЬЮ И ЛИТЕРАТУРОЙ

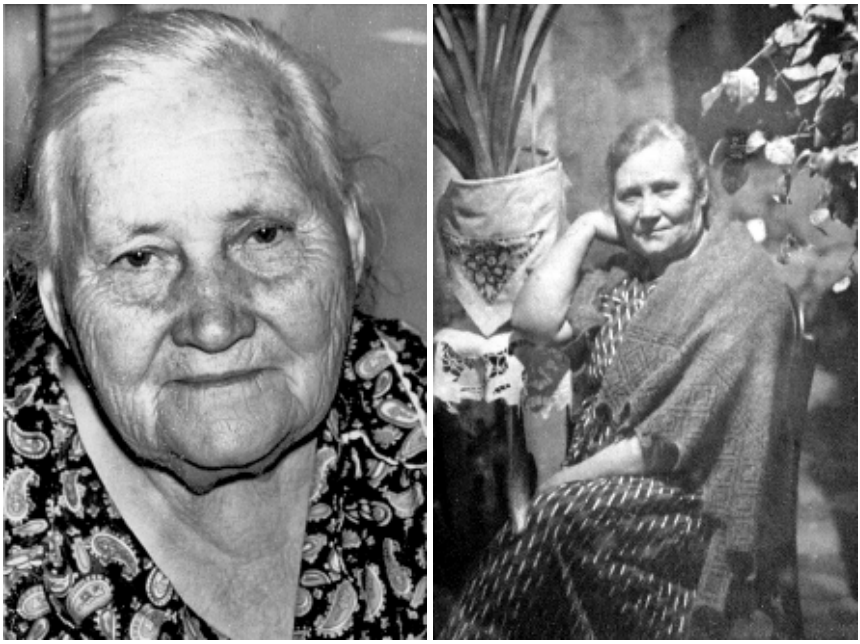
Выполнение большой политической и печатной работы доверено связистам-работникам распространения печати на Украине. С величайшим трудовым подъёмом принялись они за доставку выборной литературы трудящимся города и села.

Более полутора миллионов брошюр, посвящённых выборам в Верховный Совет СССР, распространено органами Союзпечати на Украине в ноябре. Из них более полумиллиона экземпляров «Положения о выборах».

В Станиславской области управление НКСвязи и областной комитет союза разработали условия и показатели социалистического соревнования связистов по обслуживанию большевистской печатью выборов в Верховный Совет СССР. Для лучших реорганизаторов Союзпечати установлено звание «Лучший организатор Союзпечати Станиславской области». Райорганизаторы, выполнившие условия соревнования и показавшие лучшие образцы работы, премируются и заносятся на «Доску почёта» управления НКСвязи. Для показа...

В Астраханской областной газетной экспедиции. Упаковка литературы по выборам в Верховный Совет СССР для отправки в районы области и на прибрежье Каспийского моря.
Фото И. Калиной (Фотохроника ТАСС).

Фото из журнала «Огонёк». Е. М. Гаврилова (слева) в Астраханской газетной экспедиции, январь-февраль 1946 г.

Екатерина Михайловна Гаврилова в 1978-м и 1960-х гг.

Юрий и Лариса Гавриловы, 13 мая 1926 г.

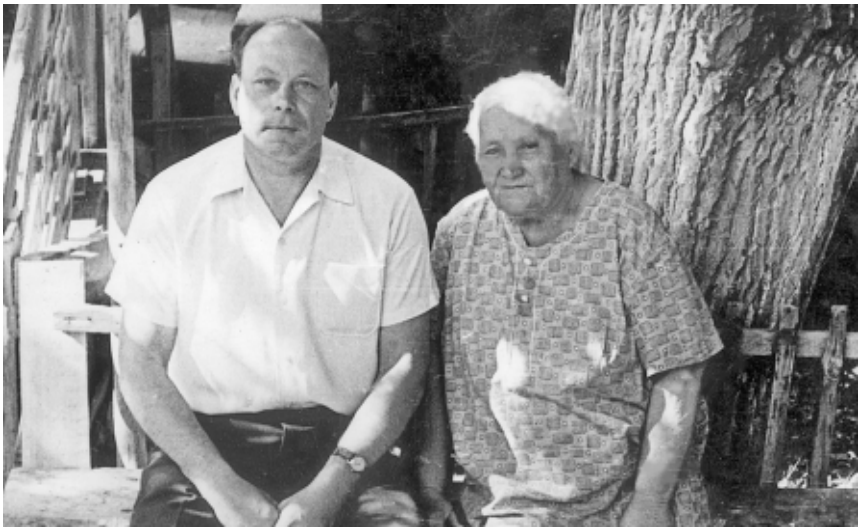

Лариса и Виталий Гавриловы, конец 1940-х гг.

Семья Гавриловых, конец 1940-х гг.

Виталий Васильевич и Екатерина Михайловна Гавриловы у «исторического гавриловского» дома. Астрахань, август 1976 г.

Диплом, точнее аттестат, об окончании речного техникума имеет № 1 и датирован 5 мая 1945 г. Через неделю, то есть 12 мая 1945 г., ему выписали рабочий диплом на звание механика 3-го разряда. Этот документ давал «право управлять судовыми установками судов речного и озёрного флота Союза ССР третьей группы, занимать должность старшего помощника механика на судах второй группы и младшего помощника механика на судах первой группы».

Учился Виталий неплохо и с удовольствием, поэтому ему предложили продолжить образование в Горьковском институте инженеров водного транспорта. Туда он и отправился вместе с товарищем. В Горьком (ныне Нижний Новгород) вместе сняли комнату. Тут ребятам приходилось очень нелегко в материальном смысле: при грошовой стипендии семьи особо ничем помочь им не могли, приходилось одновременно с учёбой трудиться.

Однажды с Виталием и его товарищем приключилась такая история. Как-то они заработали мешок картошки и потащили его в своё жилище. Этого запаса им должно было хватить надолго. На одной из улиц за ребятами поехал грузовик, который то ли случайно, то ли специально, но чуть на них не наехал. Мешок при этом они выронили, машина переехала через него, уничтожив и повредив много клубней, и исчезла.

Тяжёлая жизнь привела к тому, что Виталий смог окончить только один институтский курс, после чего был вынужден вернуться в Астрахань. Здесь он в 1946 г. поступил в Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства (рыбвтуз) на факультет промышленного рыболовства по этой же специальности. Ему предлагали перевестись сразу на второй курс, но он решил начать учёбу с первого. Пока же, до начала занятий, пошёл работать к отцу в Севкаспрыбвод и вместе с ним ездил по Астраханской области в командировки.

(Получается, что три поколения моих предков занимались рыбным делом, причём по-настоящему, в отличие от меня — «писчебумажного», видящего рыбу только на магазинном прилавке или дома в сковородке и через сетчатое окошко микроволновки. Но семейное дело продолжает и пятое поколение — мой племянник, сын сестры Ларисы, — Виталий Викторович Новоженин, тоже выпускник Астраханского рыбвтуза, то есть, по-современному, технического университета, ныне трудящийся главным рыбоводом крупных материковских хозяйств.)

Институт окончил с отличием, защитил дипломный проект на тему «Интенсификация неводного закидного лова в дельте Дона».

Решением государственной экзаменационной комиссии 17 марта 1952 г. ему присвоена квалификация инженера-механика. Теперь его путь лежал на Камчатку — получил распределение на работу в Западно-Камчатский госрыбтрест. Туда и отправился в мае 1952 г. Со 2 июня этого же года — инженер-механик, руководитель по добыче рыбы Микояновского (позже переименованного в Октябрьский) рыбокомбината.

В автобиографии от 4 мая 1975 г. он писал: «С 1952 г. по 1965 г. работал на Камчатке в рыбной промышленности. В 1965 г. по окончании договора и в связи с болезнью матери жены уволился и переехал в город Астрахань. С 1965 г. по декабрь 1971 г. работал в системе Главного управления "Каспрыба". С декабря 1971 г. по настоящее время работаю начальником Камчатского филиала Центрального проектно-конструкторского и технологического бюро (ЦПКТБ) Дальрыбы».

Подробнее это время его жизни выглядело так. 24 апреля 1952 г. заключил типовой трёхлетний трудовой договор с Астраханским отделением конторы «Союзрыбпромкадры» о том, «что обязуется проработать в качестве технорука лова рыбокомбината Западно-Камчатского госрыбтреста Главкамчатрыбпрома... Работник обязан выехать к месту работы, указанному в трудовом договоре, не позже пяти дней со дня заключения». Получил «в счёт причитающихся ему компенсаций в связи с переездом» две тысячи восемьсот девяносто рублей — очень приличную по тем временам сумму. Этот первоначальный договор неоднократно продлевался, вплоть до нашего отъезда в Астрахань в 1965 г., отчего посинел от многочисленных печатей, штампов и надписей.

Со 2 июня 1952 г. по январь 1955 г. трудился вначале инженером, затем старшим инженером Западно-Камчатского госрыбтреста с центром в посёлке Микояновском (позже Октябрьском). Затем полтора года, до июля 1956 г., был инженером добычи Митогинского комбината, жил в посёлке Митога. С сентября 1956 г. по февраль 1957 г. исполнял обязанности директора Митогинского комбината, потом был назначен главным инженером более крупного Кихчикского. На этом посту находился по май 1960 г. Далее был повышен до директора этого же комбината, руководил им до февраля 1962 г., после чего переведён директором на самое крупное предприятие Западной Камчатки — Озерновский комбинат. Здесь пребывал до сентября 1965 г. Как раз в это время, как указано выше, и пришлось по семейным причинам оставить Камчатку и перебраться на историческую родину — в Астрахань.

Здесь короткое время трудился старшим инженером отдела судоремонта управления «Каспрыба», а с декабря 1965 г. по май 1968 г. руководил Центральной лабораторией научной организации труда ЦПКТБ Каспрыбы. В мае 1968 г. назначен на должность с замысловатым названием — «главный механик — начальник сектора техники безопасности технического отдела главного управления "Каспрыба"». С неё 1 декабря 1971 г. приглашён руководством Главного управления «Дальрыба» в Петропавловск, где стал начальником Камчатского филиала его ЦПКТБ. Возглавлял филиал до своей кончины, последовавшей 29 декабря 1976 г.

В 1956 г. в тридцатилетнем возрасте вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, в комсомоле перед этим не состоял. Поучаствовал в советских и партийных выборных органах. Впервые избран депутатом Кихчикского поселкового Совета, где работал в 1960—1962 гг. Затем депутатская деятельность продолжилась в 1962—1965 гг. в Озерновском поссовете и одновременно в Усть-Большерецком районном Совете депутатов трудящихся. «Пиком» общественно-политической карьеры стало членство в пленуме Усть-Большерецкого райкома КПСС.

В армии не служил. Когда началась Великая Отечественная война, ему ещё не исполнилось пятнадцати. В 1943-м, узнав о гибели брата Юрия, хотел идти на фронт, но всё равно не подходил под призыв по возрасту. А в 1944-м, когда исполнилось восемнадцать, в военкомате заявили: «Учишься? Вот и учись, без тебя справимся! После войны пригодишься». Так и вышло.

Был военнообязанным, имел воинское звание старшего лейтенанта военно-морского флота. Через пару лет после его кончины по почте пришло военкоматовское извещение: «Вам присвоено звание капитан-лейтенанта»...

2 марта 1957 г., будучи заместителем директора Кихчикского рыбокомбината Главкамчатрыбпрома, указом Президиума Верховного Совета СССР был отмечен правительственной наградой, коих доселе не имел. Всего по этому указу орденов и медалей удостоилась большая группа работников рыбной промышленности и рыбаков-колхозников Камчатской области, всего четыреста восемьдесят семь человек.

Относительно недавно в фондах Государственного архива Камчатского края я наткнулся на наградные документы. В отцовском представлении написано: «Способный инженер с высокоразвитым чувством нового в работе. За пять лет работы на Камчатке превратился в зрелого специалиста-руководителя. Проделал большую

работу по увеличению добычи рыбы на участках бывшего Митогинского рыбокомбината, где работал в качестве главного инженера. Обеспечил досрочное выполнение плана 1956 г.: по добыче рыбы — на 109,9, по выпуску консервов — на 102,3, по валовой продукции — на 102,3 %».

Вообще-то, его представляли к ордену «Знак Почёта», знакомые даже начали поздравлять. Но вручили хотя и почётную, но лишь медаль «За трудовую доблесть». Видимо, кто-то «наверху» решил, что для первого раза молодому инженеру этого будет достаточно...

Характеристики В. В. Гаврилова как специалиста и человека в разное время давали весьма известные в отрасли, на полуострове и за его пределами люди. Вот что писал об отце в своих великолепных воспоминаниях «Камчатка: моя жизнь и судьба. Записки губернатора» Владимир Афанасьевич Бирюков (с. 18, 33, 52, 55—57, 64—65). Эта книга вышла в Петропавловске в 2010 г. и открыла интересный цикл изданий «Камчатские биографии», выпускаемый холдингом «Новая книга»:

«...Директором Митогинского комбината тогда работал Дмитрий Степанович Чернышёв, он находился в отпуске, и его замещал Виталий Васильевич Гаврилов, заместитель директора по добыче рыбы. В тот же день мы с ним познакомились, и он направил меня работать механиком на рыбозавод № 2, который все называли шестой базой. Таких баз на комбинате было восемь или девять...

Я с волнением принял своё первое назначение на работу. Оглядев меня с ног до головы и обратив внимание на мои ботинки, Виталий Васильевич поручил выписать мне сто рублей аванса и посоветовал купить резиновые сапоги. После этого я оформился в отделе кадров, получил свой аванс и купил сапоги. Приказ о моём трудоустройстве издан 25 сентября 1956 г. — это первая запись в моей трудовой книжке: «Назначен механиком рыбозавода № 2 Митогинского рыбокомбината». С этого момента и началась моя трудовая камчатская биография...

...Директором Кихчикского рыбокомбината был Виктор Семёнович Кириллов... С главным инженером Виталием Васильевичем Гавриловым я познакомился раньше, два года назад, ещё в первый день своего приезда в Митогу. Он тогда исполнял обязанности директора Митогинского комбината и впервые принимал меня на работу. Мы так и прошли с ним по жизни вместе, часто работая на одном и том же предприятии в различных должностях. Он умер

и похоронен в Петропавловске-Камчатском. Его дело продолжает сын Сергей Витальевич Гаврилов, который преподаёт в Камчатском техническом университете на кафедре судовой механики, а также занимается историей рыбной промышленности и историей Камчатки...

В августе 1961 г. меня назначили главным инженером Озерновского рыбокомбината... Директором комбината был Виктор Фёдорович Меньшенин, но вскоре после моего приезда его сменил Виталий Васильевич Гаврилов. Меньшенин же особенно и не настаивал на директорстве, он вроде бы даже временно исполнял обязанности. Он был известным на Дальнем Востоке директором, до этого работал в Нижне-Амурском тресте. С приходом В. В. Гаврилова остался работать заместителем директора комбината.

Виталий Васильевич был человеком опытным: работал на Митогинском рыбокомбинате техноруком лова, потом заместителем директора рыбокомбината, директором Кихчикского рыбокомбината...

Работа с Виталием Васильевичем для меня была школой административного управления и инженерного мастерства. Всё, что мне пришлось делать в инженерном плане, было результатом нашего совместного решения и довольно часто — его инициативы. Экономика и финансовое руководство были целиком и полностью под личным контролем Виталия Васильевича. Но это не исключало совместного обсуждения этих вопросов как с ним вдвоём, так и в кругу руководителей финансовых и экономических подразделений комбината. Был заведён порядок ежемесячного подведения итогов работы с участием руководителей цехового персонала...

Вопросы добычи рыбы, мореплавания, функционирования портового пункта, обработки транспортного флота и жизнеобеспечения населения были под непосредственным вниманием Виталия Васильевича. Им был заведён негласный порядок, при котором рабочий день директора начинается с диспетчерской портового пункта. Мы это знали, и если что-то надо было решить у директора или срочно согласовать, приходили туда.

Виталий Васильевич любил порядок во всём: в ведении административных дел, дисциплине, санитарном состоянии цехов и территории комбината. И порядок он навёл. Сразу после назначения на должность он занялся благоустройством территории. На ней стояли два старых жилых дома. Он сумел переселить жильцов в благоустроенные квартиры, а дома снести. Некоторые площадки озеленили, устроили бетонные пешеходные тротуары, забетонировали основной проезд от проходной до консервного цеха и пор-

тового пункта. Я об этом говорю так подробно, поскольку, как мне кажется, все на рыбокомбинате подтянулись, стали держать в чистоте свои рабочие места, захотели соответствовать общему порядку на предприятии. Возможно, я немного преувеличиваю, но мы все почувствовали хорошие перемены.

К производственной санитарии в цехах, особенно в консервном цехе, у Виталия Васильевича были особые требования. Его полностью поддерживала заведующая лабораторией Нина Алексеевна Гаврилова. Требования простые, но очень важные: халат, застёгнутый на все пуговицы, на голове чепец, чисто вымытые руки. Производственная одежда должна быть идеально чистой. Без выполнения этих условий никто не имел права войти в консервный цех. Для меня это было хорошей школой...

В это время рыбокомбинат принимал много минтая и перерабатывал на муку. Минтай не считался ценной пищевой рыбой. Но с некоторых пор для нас стала ценной икра минтая. Мы решили попробовать приготовить её. Я помню эту первую пробную икру. Собрались в консервном цехе, принесли минтай, распотрошили его и, как это обычно делается в домашних условиях, вилкой разделали ястыки. Женщины собрались, с любопытством смотрят, что будет дальше. А мы-то с Виталием Васильевичем Гавриловым — астраханцы, мы знаем, как из воблы икру делать, из сазана. Причём такая икра готовится сухим посолом, а не в тузлуке. Так мы поступили и с минтаевой. А её как посолил — тут же и есть можно. Но мы выждали некоторое время. Принесли хлеб, стали пробовать — кто с опаской, кто с интересом. Попробовали. Вкусно! "И что дальше?" — спрашивают женщины. Я пошутил: "А дальше жить будем!"...»

Об астраханском времени жизни В. В. Гаврилова и его работе в системе Каспрыбы в интервью, данном главному редактору сайта «Рыба Камчатского края» С. И. Вахрину 11 ноября 2013 г., вспоминал профессор Юрий Иванович Кокорев. Он — бывший заместитель председателя Государственного комитета по рыболовству СССР и президент Всероссийской ассоциации рыбопромышленников, предпринимателей и экспортеров:

«...Каждый нормальный человек, прежде всего, благодарит своих родителей, свою семью, учителей и наставников по жизни, коллег по работе и учёбе, ну и, конечно, страну, отрасль и дело, которое стало смыслом его сознательно прожитой жизни. Исходя из этого посыла, я считаю себя счастливым человеком, в том числе и потому, что на моём жизненном и трудовом пути постоянно были рядом

настоящие профессионалы и патриоты нашего общего дела, действительно Люди с большой буквы. Я им всем искренне признателен и благодарен. Одним из них был — он остался навсегда в моём сердце и памяти — Виталий Васильевич Гаврилов.

Познакомился я с ним в декабре 1965 г. Знал его одиннадцать лет, из которых только три года мы работали вместе, а точнее, я работал под его руководством. Но какие это были интересные, во многом поучительные годы нашего сотрудничества!

Для меня, молодого человека, к двадцати четырём годам которого за плечами был всего лишь опыт работы на производстве (в общей сложности порядка двух лет) в качестве слесаря, матросаобработчика, мастера судоремонтного завода и год службы в рядах Вооружённых Сил СССР, а на руках — диплом об окончании факультета промышленного рыболовства Астрыбвтуза, стояла задача выбора приложения своих сил в рыбном хозяйстве: работать по специальности или заняться вопросами экономики, которой я увлёкся на последних курсах обучения в вузе?

Виталий Васильевич также окончил Астрыбвтуз по этой же специальности, но на двенадцать лет раньше.

Судьба свела нас в Центральной лаборатории по научной организации труда ЦПКТБ главка "Каспрыба", руководителем которой только что был назначен Виталий Васильевич и куда я также был направлен, хотя работа эта, весьма актуальная и перспективная, была мне ещё совершенно незнакома.

Как известно, правительство СССР в 60-х гг. прошлого столетия приняло решение о переходе на новые методы планирования и экономического стимулирования (как в народе говорили — "реформы А. Н. Косыгина"). А работы в области научной организации и нормирования труда были частью этой реформы.

После непродолжительной ознакомительной беседы с Виталием Васильевичем, который откровенно признался, что пока ещё сам не в курсе, чем нам придётся заниматься, я и был принят на работу в качестве рядового инженера. Сам же Виталий Васильевич к этому времени уже имел тринадцатилетний производственный опыт, из которых десять лет были посвящены руководству тремя крупными рыбокомбинатами на Камчатке.

С первых же дней работы Виталий Васильевич создал в коллективе (а нас было порядка пятнадцати человек) атмосферу духовного единения и творчества, инициативы и доброжелательного отношения между коллегами, независимо от ранга, опыта работы и профессиональной компетентности. За сравнительно короткий

срок я понял, естественно, не без помощи Виталия Васильевича, что наша работа требует в основном знаний в области экономики предприятий, организации и управления производством, чем специальных технических.

Разобравшись в том, что от нашего подразделения ждут главк "Каспрыба" и Минрыбхоз СССР, а в конечном счёте — предприятия рыбной промышленности Каспийского бассейна, Виталий Васильевич организовал и поставил работу так, что в короткий срок её результаты уже отмечались не только руководством ЦПКТБ, но главком и даже министерством.

У меня, как и у моих коллег, к тому времени сложилось такое впечатление, что будто бы Виталий Васильевич занимался этой работой если не всю, то основную часть своей жизни, причём очень плодотворно. Он нас так увлёк, что время буквально пролетало, и создавалось впечатление, что прошла не неделя, а день, и не год, а всего несколько месяцев.

Я, будучи первые два года нашей совместной работы ещё человеком неженатым, соответственно, не спешил домой и ежедневно прихватывал два-три часа после рабочего дня. Мне хотелось быстрее познать то, что для Виталия Васильевича было уже азбучной истиной и на что он опирался, чтобы постичь новое и неизвестное. Я вообще поражался тому, как легко (во всяком случае, мне так казалось) ему даётся всё новое, зачастую достаточно сложное для остальных. При этом он руководствовался высказываниями мудрецов типа "Для того чтобы научиться плавать, нужно войти в воду" или "Всё сложное состоит из частей простого"...

По истечении примерно года нашей совместной работы я, возможно, не осознавая этого ещё в полной мере, но интуитивно почувствовал, что руководит нами не просто незаурядный человек, а личность, сформировавшаяся на далёкой Камчатке, масштабный руководитель, мыслящий стратегически и глобально, обладающий системными профессиональными знаниями, не только технико-технологическими, но и в области организации труда и производства, экономики и финансов.

Но главное, что я отчётливо понял и для себя высоко оценил в нём, — это умение работать с людьми, ценить их, мотивировать и создавать условия для проявления каждым сотрудником всех его потенциальных возможностей и способностей. При этом он старался оставаться как бы в тени, создавая впечатление, что всё это происходит само собой, в силу высокой сознательности и ответственности каждого члена коллектива за порученное дело.

Не имея каких-либо вредных привычек, будучи прекрасным семьянином, обладая многими высокими человеческими качествами, он достаточно тонко прививал и воспитывал эти качества в других людях и, прежде всего, в возглавляемом им коллективе. Его личный жизненный пример отношения к делу, к коллективу, семье — вот, пожалуй, главный фактор и залог успешных достижений в работе отдела и каждого его члена. Я это почувствовал, прежде всего, на себе.

Он не рисовал радужных перспектив, а просто создавал условия для заинтересованной работы и реализации потенциала каждого. В отношении себя я уже потом понял, что, ничего не говоря мне, он сам себе составил план, как меня двигать дальше, и получилось, что я за очень короткий период времени — три года — стал начальником центральной лаборатории, а он ушёл в главк. Ещё год я поработал начальником, и вдруг меня вызывают в отдел кадров главка и говорят, что освободилось место заместителя начальника планово-экономического отдела.

Моя первая реакция была — отказаться. Но начальник отдела кадров, опытная женщина, участник войны, предложила мне не горячиться, подумать неделю, но ни с кем не советоваться.

Я решил спросить мнение Виталия Васильевича. Он сказал, что исповедует следующий подход в кадровой работе: осторожно воспринимай людей, которые сами себя предлагают. Сначала нужно узнать человека, потом выяснить о нём мнение тех людей, которым доверяешь сам, а потом уже встречаться с этим человеком и складывать о нём какое-то личное впечатление.

“Вот ты, — говорит он мне, — не просишься, а тебе предлагают место. Почему тебе предложили? За тобой наблюдали, тебя изучали, поэтому, — говорит Виталий Васильевич, — твои сомнения мне совершенно понятны, объяснимы, и они ещё раз подтверждают, что ты просто порядочный человек, что ты, прежде всего, думаешь об ответственности. Я верю в тебя, в то, что ты в состоянии освоить эту новую ступень в твоей жизни и работе. Поэтому мой совет — через неделю говорить только «да»”.

Вот я и сказал “да”, и всё закрутилось в моей судьбе по сценарию, который ставили люди типа Виталия Васильевича.

Он не любил ездить в командировки и, как правило, вместо себя посылал меня. Я встречался с большим кругом лиц, которые прямо или косвенно формировали меня как руководителя. Я помню первое своё всесоюзное совещание по научной организации труда в 1967 г. в Дагестане — это был его уровень участия, но он убедил

всех, что представлять Каспрыбу нужно именно мне. Приехал я оттуда, рассказываю подробно, что мне дали слово для доклада, посадили в президиум. Он слушает внимательно, кивает заинтересованно и живо воспринимает состоявшуюся дискуссию.

Последняя моя с ним встреча была в 1975 г. Я поехал на коллегию Минрыбхоза. Коллегия закончилась, и меня ставят в известность, что есть приказ министра и создана комиссия по приёмке автоматизированной системы управления на Камчатке, ответственность за её разработку и сдачу в промышленную эксплуатацию была на В. В. Гаврилове. Вот мы и встретились — он здесь как раз и работал в должности начальника ЦПКТБ Дальрыбы.

Умер он в 1976 г., 29 декабря, узнали мы об этом 30-го, а 31-е было нерабочим. Это стало полной неожиданностью для нас. Внешне не было никаких признаков какой-либо болезни. У него, оказывается, уже случилось два инфаркта, а это был третий. Он всё носил в себе...»

О последних годах жизни отца в восьмом выпуске ежегодника «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» за 2005 г. (с. 198—199) вспоминал инженер Константин Никитович Семухин:

«...Тот, кто хоть раз побывал на Камчатке, тот никогда не забудет её, и его постоянно будет тянуть обратно. И вот через восемь лет жизни во Владивостоке я вернулся на Камчатку, в филиал ЦПКТБ Дальрыбы в Петропавловске... Предстояла интересная работа по реконструкции рыбообрабатывающих предприятий...

Пригласил нас на работу в филиал возглавлявший его незабвенный Виталий Васильевич Гаврилов. Камчатрыбпромом руководил Владимир Афанасьевич Бирюков. В кратчайшие сроки было реконструировано производство почти всех действующих рыбоконсервных заводов и некоторых рыбозаводов. Это — Олюторский и Усть-Камчатский рыбокомбинаты на восточном побережье и Хайрюзовский, Октябрьский и Озерновский комбинаты на западном побережье. Были спроектированы и построены два новых консервных завода — Крутогоровский и Петропавловский.

Оба руководителя — В. В. Гаврилов и В. А. Бирюков, как правило, принимали непосредственное участие в принятии важных технических решений на предприятиях. Часто на месте осуществления проекта, на комбинатах, проводились технические советы с участием ведущих специалистов заводов. Мне запомнилась одна совместная поездка с ними на Озерновский рыбокомбинат. Работали до поздней ночи, ища технические решения, а потом обсуждали их на техсовете. На обсуждения выносилось много нового, ещё не опробованного в производстве. Был риск, что принятое решение

может оказаться ошибочным. В процессе обсуждений некоторые предложения принимались с опаской. К чести как Гаврилова, так и Бирюкова, они не боялись рисковать. И нам было вдвойне отрадно, когда риск оправдывался. Это была интересная и увлекательная работа, и мы, не считая часов, засиживались на работе сверх положенного времени и часто, уходя домой, видели светящиеся окна кабинетов Бирюкова и Гаврилова.

Проведённое переоснащение комбинатов позволило Камчатке увеличить выпуск консервов в несколько раз против прежнего, до трёхсот миллионов условных банок в год. Таков оказался итог выполненной работы. Все рыбоконсервные заводы стали работать круглогодично. Во время их реконструкции были созданы новые поточно-механизированные консервные линии. А таких, как линия закусочных консервов производительностью двадцать пять тысяч условных банок в смену, в СССР больше не имелось...»

Это воспоминания соратников отца. Из них я узнал многое, что при его жизни было мне неведомо. Это и не удивительно — по моему малолетству было не до серьёзных разговоров. Хотя по поводу научной организации труда и автоматизации его процессов запомнился шутливый рассказ отца о том, как во время его пребывания в Москве на соответствующих курсах наряду с руководителями-управленцами и специалистами на них оказалось много колхозных механизаторов. Причина простая: пришла в хозяйство разнарядка на отправку для учёбы вычислительно-машинному делу. Кого послать? Понятное дело, человека, знакомого с машиной. А кто лучше всех знает машину? Естественно, тракторист.

Отец был человеком рукастым. Увлекался фотографией, знал и любил радиодело, свободно ремонтировал приёмники, телевизоры, самостоятельно собрал катушечный ламповый магнитофон «Лотос». В новой астраханской квартире в большом проёме между общей комнатой и кухней соорудил отделанную пластиком необычную стенку-шкаф, ставшую предметом зависти многих соседей, приходивших к нам «перенимать опыт». Как-то изготовил для балкона оригинальные цветочные горшки из цемента и стекловолокна, сам укладывал кафельную плитку, стелил линолеум, занимался сантехникой. Очень хотел построить катер и обзавестись дачным участком, но это откладывалось до наступления так и не случившейся из-за ранней кончины пенсии.

Как указано выше, Виталий Васильевич Гаврилов скоропостижно скончался 29 декабря 1976 г. Похоронен в Петропавловске на старом Халактырском кладбище.

На Камчатке он познакомился с Ниной Алексеевной Заскульниковой, тоже выпускницей Астраханского рыбвтуза, но технологического факультета. 26 сентября 1953 г., как тогда говорили, они «расписались», то есть вступили в законный брак. Место регистрации — Усть-Большерецкий районный ЗАГС. В Астрахани они жили, по сути, на одной линии — улица Электрическая (позже Советской милиции) — улица Кирова, но знали друг друга едва-едва.

Вот тут самый раз перейти к рассказу о семьях Заскульниковых и Зерениновых, то есть моих деда и бабушки со стороны мамы.

Родословные семей Заскульниковых и Зерениновых

О прадеде *Илье Заскульникове* никаких точных сведений не осталось, никто не помнит даже его отчества. Но известно, что он был мастеровым, дважды женился. Жил в Енотаевке. Это — одно из старейших сёл Астраханской губернии, основанное в 1742 г. видным политическим деятелем и одним из первых русских историков Василием Татищевым. Одно время оно являлось уездным городом, чем его обитатели очень гордились. Но в 1925 г., с упразднением уезда, город обратился в село.

Илья Заскульников имел четверых детей: старшего сына *Алексея* (моего деда), младшего Прокопия, старшую дочь Анастасию и младшую Александру. Прокопий получил приличное образование, в советское время работал главным бухгалтером Енотаевского банка.

Прадед *Сергей Матвеевич Зеренинов* умер примерно в 1926 г., в последние годы жизни ослеп. Его супруга — *Анисия Ивановна Зеренинова* — родилась в год отмены крепостного права, то есть в 1861 г., скончалась во время Великой Отечественной войны, в 1943-м. Они тоже жили в Енотаевке и тоже имели четверых детей: сыновей Михаила, Николая и Павла, дочь *Александру* (мою бабушку). От прабабушки Анисии осталась икона, которой, по семейному преданию, её благословляли перед замужеством, а потом она перешла к Александре.

О бабушкиных братьях известно мало. Про Михаила ничего разведать я так и не сумел. Николай Зеренинов служил в лейб-гвардии ещё при императоре Александре III в сводном батальоне, расквартированном в Гатчине, любимой царской резиденции. Батальон составляли представители разных гвардейских полков, похоже, что и Павловского. Этот полк, созданный при императоре Павле I, в память о нём пополняли относительно невысокими курносыми блондинами или рыжими. По этому поводу шутили:

«Курносы, как телята — это павловцы-ребята». Во всяком случае, сохранившийся портрет Николая с оттиском на обороте «Фотография Бодунова. Гатчино» изображает именно такого курносого и скуластого молодца.

Лейб-гвардейцы охраняли покой царя-батюшки и его «августейшего» семейства, несли караулы и наряды. От бабушки (его сестры) в детстве слышал рассказ о том, как во время каких-то работ на царской кухне солдаты, в том числе и Николай, стали свидетелями приготовления блюда из черепахи. Все они, простые мужики, удивлялись, как же это царь ест такую-то гадость? Но известно, что этот император любил простую русскую пищу. Наверное, в тот раз готовился стол для какого-нибудь официального приёма...

По слухам, Николай Зеренинов был арестован в начале 1930-х гг., после чего пропал. Никаких подробностей об этом не сохранилось.

Павел Зеренинов «вышел в люди» — получил неплохое образование, жил в Астрахани. Вначале он был приказчиком у какого-то купчины, после смерти коего взял да и женился на его вдове, приняв дело в свои руки. Жили они крепко, имели собственный дом. В советское время Павел трудился бухгалтером. Он и его жена умерли во время Великой Отечественной войны.

Ниже о жизни семьи А. И. Заскульникова вспоминает его дочь *Нина Алексеевна Гаврилова* (в девичестве Заскульникова), то есть моя мама.

Детские годы. Я родилась 21 ноября 1925 г. в селе Енотаевка Сталинградской (позже Астраханской) области. Отец — Алексей Ильич Заскульников — родился в этом же селе 30 марта 1888 г., умер 22 октября 1946 г. там же. Мама — Александра Сергеевна Заскульникова (в девичестве Зеренинова) тоже оттуда, родилась 6 мая 1892 г., скончалась 12 июня 1978 г. в Астрахани.

Родители поженились в 1910 г. Всего в их семье родилось семеро детей: старший сын Павел, затем Сергей, Борис, дочери Нина и Алевтина, ещё одна Нина, то есть я, и Лида. Четверо детей — сыновья Сергей и Борис, дочери Нина и Лида умерли в детстве.

(Подозреваю, что это случилось во время лихолетья Первой мировой и гражданской войн, вызванных ими жизненных потрясений, в том числе и голода. Это сколько же у меня могло быть родственников, если бы все они выжили! — *С. Г.*)

Осталось нас трое: брат Павел, родившийся в 1911 г., сестра Алевтина, 1920 года рождения, и я, самая младшая. Был в нашей семье и ещё один «член» — кошка Мурка.

Отец получил начальное образование, был маляром и работал по подрядам: ездил по окрестным сёлам и разным организациям. Мама вела домашнее хозяйство. В молодости, до замужества, она служила горничной у какого-то генерала. У него также имелись кучер, денщик и повариха. Генеральская семья была культурная, кроме самого генерала состояла из его супруги и двух детей.

(Из рассказов родни помню, что генеральское семейство бабушку очень любило, сильно огорчилось, когда она собралась замуж и решила их покинуть. На память ей подарили какое-то имущество к свадьбе, что-то вроде приданого. — *С. Г.*)

Во время Первой мировой войны, начавшейся в 1914 г., отца призвали в армию, он попал на фронт и был ранен. Лежал на излечении в госпитале в Саратове. Мама ездила туда к нему.

Дом наш был деревянный, рубленый, с десятью окошками и состоял из трёх комнат: спальни, зала и столовой. Имелись также кухня и большая застеклённая веранда. Отец построил его в 1929 г., а до этого семья жила в старом дедовском доме. Дом имел два крыльца: первое — высокое парадное — вело на улицу, второе находилось во дворе. Оба крыльца выходили на веранду, шедшую вдоль дома. Покрытый железной крышей, дом был покрашен, окна закрывались ставнями. Под домом размещался погреб с железной дверью, отдельно стояли летняя кухня, сарай и баня. Во дворе имелся бассейн, в котором хранили воду. Дом наш и поныне стоит на центральной улице Советской. В 1980-х гг. в нём размещалась парикмахерская.

Раньше, в царское время, Енотаевка считалась уездным городом. Моя мама это хорошо помнила и обижалась, когда нас называли «сельскими». Но во время моего детства Енотаевка была селом, большим и зажиточным, в котором обитало много наших родных: братья отца с семьями, семья второго брата матери (сам он к этому времени умер) и другие. В селе имелась церковь, но она в то время уже не действовала, работали школа, банк, почта, несколько небольших магазинов, клуб, который раньше назывался «Народный дом», была большая больница. Большинство жилых домов имели по одному этажу и были выстроены из кирпича. Церковь и больница — тоже кирпичные. Учреждения, как правило, являлись двухэтажными. Рядом с нашим домом размещалось правление колхоза, название которого я не запомнила (имени Ленина. — *С. Г.*).

Село стояло на берегу Волги, вдоль реки тянулся деревянный тротуар, по которому любили прогуливаться местные обитатели. Здесь же располагалась пристань. Несмотря на близость к реке,

водопровод в селе отсутствовал, поэтому воду доставляли с Волги в бочках на лошадях. Её сливали в большие цементированные и снабжённые крышками бассейны, стоявшие в каждом хозяйстве.

Дороги в селе покрытия не имели, были грунтовыми и песчаными. Летом, в жару, они страшно пылили. Деревьев росло мало, цветов почти совсем не было. Так, у нас во дворе не имелось ни одного деревца: для них просто не хватало воды. Позже, когда её подвели, сельчане стали сажать плодовые деревья, разводить сады.

Летом готовили пищу в летней кухне, стоявшей во дворе. Зимой топили в доме русскую печь с лежанкой. На зиму отец привозил мешки картошки, лука, солили капусту. Имели лошадь, корову, держали кур. Молоко и мясо у нас были свои.

Верующие родители придерживались старинных традиций. Помню, что на Рождество накрывался большой стол, обходили всех родственников и сами встречали их. Дети ходили в гости, «славили», то есть поздравляли хозяев с праздником, пели «Рождество». Оттуда приносили домой подарки, которые обычно складывали в одной из комнат на этажерку. Великий пост соблюдали строго. В это время питались чечевицей, горохом, варили постные щи с грибами. Мама собирала на Пасху куриные яйца, готовила сметану и творог. На последней неделе поста в доме тщательно убирались, наводили порядок и на дворе. В пятницу перед Пасхой начинали печь куличи, в субботу готовили сладкие пироги.

Нам, детям, поручали растирать сахар для куличей. Пробовать его не разрешали, говорили: «Нельзя кушать, грех, боженька накажет!» Куличи святили в церкви. Происходило это в четыре часа утра. Отец приходил домой с пасхой, приготовленной из творога, и освящёнными куличами. Родители будили нас, все садились пить чай, а затем снова ложились спать. Днём мы, дети, отправлялись к родным в гости, «славили» и получали за это различные подарки, как правило, сладости. Развлекались тем, что «катали» куриные яйца.

В 1930 г. до Енотаевки докатилась волна гонений против зажиточных земляков, началось их выселение. Как-то днём изгоняли из дома семью Карлиных. Всё село собралось возле их дома, многие плакали, кричали...

После этого власти стали заниматься этим страшным делом по ночам. Утром люди просыпаются: а в соседнем доме никого нет, его окна забиты досками.

Местные советские активисты объявили «кулаком» старшего маминого брата Михаила. Его «раскулачили» — отобрали дом и имущество и арестовали. Правда, потом разобрались, отпустили

на волю и даже вернули жильё. Такая же угроза нависла и над нашей семьёй. От отца стали требовать высокие налоги. Не дожидаясь худшего, родители решили продать дом и уехать в Астрахань. Причиной переезда стала боязнь тоже попасть под «раскулачивание»: зажиточной считалась и наша семья.

В первую волну «раскулачивания» попали богатые сельчане. Позже до отца окольными путями (проговорился один из поселковых «начальников») дошёл слух, что его тоже включили в список подлежащих этому самому «раскулачиванию». Знакомый также предупреждал его, что над ним готовится подобная расправа.

(Между прочим, занимаясь историей рыбной промышленности нашего полуострова, наткнулся на одного енотаевца, родившегося в 1884 г. в семье потомственного рыбака. После окончания гражданской войны он вернулся в родное село, стал председателем сельсовета, а в 1928 г. — одним из организаторов местной рыболовецкой артели. С 1938 г. трудился на Камчатке, работал неводчиком на судах, позже считался старейшим специалистом по пошивке сетей. Вполне возможно, что он каким-то образом был причастен к описанным выше событиям. Во всяком случае, с дедом и бабушкой точно был знаком. — *С. Г.*)

Переезд в Астрахань. Летом 1932 г. семья снялась с насиженного места и отправилась в город к двоюродной сестре отца. Енотаевский дом родители намеревались продать, но сразу этого сделать не удалось, так как собирались и уезжали в спешке. Одно время в доме жила сестра отца, а продали его позже.

Немногим раньше в Астрахань отправился брат Павел, устроился на завод имени Ленина, прописался и стал звать родителей и нас. Затем в городе побывал отец, чтобы «осмотреться» на месте. Здесь он встретил хорошего знакомого, «распределявшего» квартиры, и ему удалось получить наше первое астраханское жильё. При переезде забрали с собой часть вещей и кошку.

Наша первая астраханская квартира располагалась на улице Электрической (позже Советской милиции). Она состояла из одной комнаты, разделённой на две части печкой и перегородкой. Комната имела одно окно, выходившее на улицу. Потом здесь находилась жилищная контора.

Следующее наше жилище размещалось в этом же дворе, но в другой части дома на втором этаже. Оно оказалось больше предыдущего, было перестроено из отдельной квартиры. Её разделили на отдельные клетушки лёгкими перегородками, не доходившими до высокого потолка. По лестнице поднимались на небольшую

застеклённую веранду, служившую летней кухней. Затем шла комната с двумя большими окнами, выходившими во двор на лестницу, за ней размещалась небольшая спальня с печкой. Была и ещё одна спальня. Обе имели отдельные входы, но были без окон. На кухне окон также не имелось.

Брат Павел жил в одной комнате, сестра Аля — в другой, большой, я спала за маленькой печкой в спальне родителей. Все «удобства» помещались во дворе. Мыться ходили в баню Чернова на улицу Шаумяна.

Квартиру обставили мебелью, привёзенной из Енотаевки. Она в своё время составляла приданое матери: шкаф-горка, венские стулья, этажерка и большой стол на толстых фигурных ножках. Мебель привезли попозже, уже после того, как продали енотаевский дом. В этой квартире мы прожили до 1942 г.

В 1933 г. я поступила в семиклассную школу имени Клары Цеткин. Классы были многолюдные. Учебники и все прочие школьные принадлежности выдавали (или продавали по невысоким ценам) в книжном магазине. Помню, что в младших классах наши мальчишки сильно хулиганили, стреляли из трубочек жёваной бумагой и плевались, всячески «выводили» учителей из себя. Каждый год, начиная с четвёртого класса, нам устраивали переводные экзамены.

На 7 Ноября проводился праздник, в котором мы принимали разнообразное участие. Помню, как-то ставили «Сказку о царе Салтане». В этом спектакле я изображала «богатыря», стояла на сцене с какой-то палкой. В то время были популярны так называемые «фигуры» — выстроенные из спортсменов пирамиды — и акробатические этюды. На уроках пения с интеллигентной учительницей разучивали песни вроде «Перевоз Дуня держала» и, естественно, революционные. С четвёртого класса ходили на демонстрации, носили портреты вождей и всякие лозунги.

В самом начале 1939 г. впервые побывала на большом новогоднем представлении в Доме профсоюзов. (Этот бывший роскошный дом богатого купчины расположен напротив тогдашнего только что описанного жилья, через речку. Сохранился поныне, является настоящим памятником архитектуры начала XX в. — *С. Г.*) Пригласительный билет на него принёс отец с работы. В зале стояла большая наряженная ёлка, вокруг неё веселилось множество детей, шёл костюмированный бал, играла музыка. Показали новогоднее представление, потом все водили хороводы. Достались нам и хорошие подарки.

После окончания школы имени Клары Цеткин я перешла в школу имени Ленина. В девятом классе проходили военную подготовку, изучали автомобильное дело, знакомились с устройством грузовика и учились им управлять. Водили машину где-то за городом на пустыре. Это было уже в годы Великой Отечественной войны.

Военные годы в Астрахани. К началу войны мне ещё не исполнилось шестнадцати. В июне 1941 г. мы гостили в селе Замьяны у двоюродной сестры Ольги (дочери Михаила Зеренинова). Ей было двадцать шесть лет, она работала учительницей. Замьяны располагались в семидесяти пяти километрах от Астрахани. Помню, что в воскресенье 22 июня стояла сильная жара. Наевшись воскресных пирогов, улеглись отдыхать. Саша, муж Ольги, красивый, весёлый молодой мужчина, работал главным бухгалтером колхоза. Он пошёл в правление хозяйства, вернулся домой сам не свой, говорит: «Началась война...»

Мы поначалу решили, что он пошутил, так как правительственного сообщения никто ещё не слышал. После того как стало ясно, что это случилось на самом деле, засобирались домой, на следующий день уехали. Сашу вскоре призвали в армию, а в 1943 г. он погиб на Курской дуге. Он был лейтенантом.

Дома со дня на день ждал мобилизации брат Павел. Он недавно женился на Антонине, работавшей продавщицей. Жили они отдельно от нас.

Вскоре нас, учеников, собрали в школе и объявили: «Едем в колхоз, помогать родине...» Так мы попали в хозяйство «Имени шести павших коммунаров». Трудились на прополке овощей, уборке урожая. Однажды во время работы видели немецкий самолёт, по которому вели огонь наши зенитки.

После начала учебного года нас снова послали копать картошку в село Янгоул. Там мы жили около месяца в семьях колхозников. Кормили неплохо, давали горячий обед, было мясо, картошка, молоко. Здесь заработала мешок картошки, который повезла домой.

Вначале с продуктами было более-менее нормально, но уже вскоре с ними начала ощущаться напряжённость. Карточную систему ввели очень быстро, может быть, в сентябре 1941 г. Карточки представляли собой пёстрый картонный листок размером с тетрадку. Они были разные: на крупу — разовые, отоваривавшиеся единожды с указанием количества граммов полученного (тысячу двести) и оставались после этого в магазине, и ежедневные — хлебные (по двести пятьдесят и четыреста граммов в зависимости от того, какая была карточка: рабочая или иждивенческая). Из ежедневных

карточек ножницами вырезали талоны за каждый день. Разовые были и на «жиры» — маргарин или растительное масло.

Потеря карточек расценивалась как страшная трагедия: в этом случае есть было просто нечего. Хотя и хлеб, и крупы, и другие продукты на базаре имелись, но стоили они очень дорого. К счастью, участь сия нас миновала.

Отец работал маляром на консервном заводе. Изредка приносил оттуда консервы, кости. Мать на другом рыбокомбинате покупала рыбные отходы: головы и прочее. Варили их, ели и были довольны.

В девятом классе нас снимали с уроков и посылали в госпитали, размещавшиеся в общежитии медицинского института и в школе имени Горького. Там мы помогали дежурным сёстрам.

Директор школы имени Ленина — Лазовский — был всеми уважаемый человек, а школой имени Клары Цеткин руководил молодой директор Павел Петрович, фамилию его я точно не помню, по-моему, Фролов. Его тоже ценили. Обоих призвали в армию, и они погибли на фронте.

В десятом классе призвали большинство наших парней (мы начали учиться с восьми лет): Алексея Чванникова, Володю Яковлева, Левина и других. Многие из них погибли. В десятом же классе одна наша ученица — Лида Кузнецова — ушла на фронт добровольцем. Из городского комитета комсомола приходил какой-то представитель, спрашивал: «Кто желает пойти добровольцем?» Она оказалась единственной желающей, попала под Сталинградом в медчасть, во время бомбардировки получила тяжёлое ранение. Её привезли в Астрахань в госпиталь, мы её навещали сначала там, а потом ходили к ней домой.

В 1941 г. здание нашей школы заняли под госпиталь, а нас перевели в мою прежнюю, имени Клары Цеткин. Здесь я и окончила учёбу.

В 1942 г. в нашем классе учились двое беженцев и двое детей репрессированных. Одна беженка с Украины заикалась: это было следствием перенесённых ею потрясений.

Во время каникул после девятого класса мы опять работали в колхозе. В августе 1942 г. нас снова собрали в школе, велели явиться в определённый день, после чего отправили на строительство оборонительных сооружений. В это время фашисты приближались к Волге, под Сталинградом шли тяжёлые бои. Нас погрузили на баржу и потащили её на буксире вверх по Волге до села Нижне-Лебяжьего. Там собирался трудовой отряд, находились воен-

ные представители. Школьников разделили на отряды, и мы начали копать противотанковые рвы. Размещались в оставленных местными жителями домах.

Когда работали в Нижне-Лебяжьем, услышали страшный грохот. Побежали, решив, что на нас идут немцы. Потом увидели громадное зарево с той стороны, где стояла Астрахань. Это бомбили один из заводов. В Астрахани немецкие бомбы падали в Канаву (река в центральной части города. — *С. Г.*) и около Красных казарм. Иногда летали вражеские самолёты-разведчики. В этом случае объявлялась воздушная тревога, наши зенитные батареи открывали по ним огонь.

Постепенно место работ подошло к самой Волге, после чего нас сняли и отправили в степь километров за сорок от реки. Здесь мы продолжили рытьё противотанковых рвов. Жили в палатках, в нашем отряде была одна молодёжь. Кормили из полевых солдатских кухонь. Из прогоняемого мимо скота, который спасали от наступавших немцев, иногда «добывали» овец — это несколько разнообразило наше меню. Слышна была артиллерийская канонада.

В конце сентября и начале октября 1942 г. родители начали ходить в городе по инстанциям, добиваться возвращения детей домой. Вскоре нам на смену пришли другие, а мы получили задание: каждому выкопать по двадцать пять кубометров грунта. Тот был глинистый, тяжёлый, поэтому все сильно уставали. На дорогу дали хлеба, и мы пошли пешком в Джакуевку — село на берегу Волги. Здесь располагались воинские штабы. По пути заночевали в оставленной солдатской землянке, утром продолжили путь. В полдень пришли на место. В селе переночевали, вечером следующего дня сели на баржу и поехали в Астрахань. Когда подошли к городу, прозвучала воздушная тревога. Буксир оставил баржу посреди реки, все мы перепугались. Потом нас снова зацепили и подвели к берегу. С берега по немецким самолётам били зенитки. Добралась я до дома после этого приключения и от пережитого расплакалась...

Летом 1943 г. в школе состоялся выпускной вечер, нам устроили небольшое угощение, танцы под патефон. Звучали популярные мелодии тех лет: «Риорита», вальсы, фокстроты, песни в исполнении Леонида Утёсова, Клавдии Шульженко и Вадима Козина.

(От того времени остался аттестат № 262, выданный 18 июня 1943 г. В нём перечислены восемнадцать предметов, в том числе военное дело и немецкий язык, по всем выставлена единственная оценка — «отлично». Внизу заглавными буквами набрано: «На основании постановления Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б)

от 3/IX 1935 г. Заскульникова Нина Алексеевна пользуется правом поступления в высшую школу без вступительных экзаменов». Аттестат, несмотря на сложности военного времени, выполнен на качественной неформатной бумаге и забран в двойную золотистую рамку. — *С. Г.*)

После начала войны жить стало тяжело, так как отец серьёзно заболел. У него начался рак горла, но вначале его не распознали и лечили от туберкулёза. Квартиру решили обменять, уступив настойчивым просьбам одной обеспеченной соседки, работавшей тогда около «еды» — в тресте столовых. Врачи рекомендовали отцу переехать в деревню. Так и сделали: в 1943 г. он и мама вернулись в Енотаевск, считая, что там им прожить будет легче. Купили небольшой домик в две комнаты, в котором и поселились. А мы с сестрой остались в городе. Родители взяли с собой внука Юрия — сына Алевтины. Отец умер 21 октября 1946 г. После поминок на девятый день мы вернулись на моторной лодке по реке обратно в Астрахань. Так к ноябрю 1946 г. вся наша семья снова собралась в Астрахани. В 1948 г. от водянки умер шестилетний Юрий.

Учёба в Астраханском рыбвтузе. По окончании школы летом 1943 г. я поступила в Астраханский рыбвтуз. Тогда там имелось всего два факультета: технологический и промышленного рыболовства. На наш курс поступили более ста человек, но к концу первого семестра многие из них отсеялись. Технологов осталось шестьдесят два, разделённых на две учебные группы. Основную массу студентов составляли девушки: парней среди нас было всего четверо. Они были старше девчат, так как все прошли фронт.

Первый учебный год начался в октябре 1943 г. Помимо учёбы, студентов привлекали к различным работам: в институтском подсобном хозяйстве, на рыбозаводе, для разгрузки соли на реке Балде. Соль таскали за плечами в мешках, грузили рыбу, зачищали засольные ёмкости. Нередко для этого нас снимали с занятий. Питались студенты, как правило, дома, хотя при институте действовала столовая. До рыбвтуза с улицы Кирова добирались пешком: единственный ходивший трамвай, двигавшийся к тому же по одноколейному пути, всегда до отказа был забит работниками различных предприятий. Во время войны на улице Татищева вразброс стояли одноэтажные дома, здесь же находилось громадное болото, поросшее камышом.

В те годы рыбвтуз был небольшим институтом. На его территории уже был разбит парк, где росли высокие тополя, но он ещё не был огорожен. Здесь располагались: основной учебный корпус, так

называемый «Дом профессуры» (построен в 1937 г. — *С. Г.*), ещё два учебных корпуса, столовая и общежитие. В спецкорпусе проводилось курсовое и дипломное проектирование. Библиотека размещалась в основном корпусе.

Бумагу для записей студенты использовали, кто какую мог найти. Писали, например, в амбарных книгах. Для записей использовали карандаши и перьевые ручки с чернильницами. В аудиториях царил холод, так как их не топили, поэтому студенты сидели на занятиях в верхней одежде. К тому же в 1940-х гг. зимы были более холодными, чем сейчас. Для того чтобы люди не замёрзли, продолжительность занятий сократили до часа, затем объявляли перерыв и слушатели «активно разогревались», носясь по коридорам. По воскресеньям в институте объявлялись выходные дни.

Студенты получали рабочие продуктовые карточки, по которым отоваривались крупой и хлебом. Первое время мы не носили какой-то особой формы, но в 1946 г. было введено обмундирование, состоявшее из чёрного кителя с пуговицами, на которых были выдавлены якоря, берета и юбки. Материал выдали казённый, а форму шили сами. Я умудрилась сэкономить и сшила не только китель, но и пальто. Стипендия в то время составляла семьдесят пять рублей или около того.

Запомнилось окончание войны в 1945 г. К вечеру 8 мая все уже ждали официального объявления о победе. О том, что вскоре прозвучит правительственное заявление, объявили по радио. Народ прекрасно понимал, о чём в нём пойдёт речь. Студенты отправились в институт. Здесь мы ждали сообщения о долгожданной победе, которое и услышали ночью с 8 на 9 мая 1945 г. Все танцевали, радовались, веселились как могли...

Из преподавателей запомнился профессор Александров. Он читал нам высшую математику. Около года изучали военно-морское дело, знакомились с типами кораблей и их устройством. Помню, что в аудитории стоял макет торпеды. Изучали и азбуку Морзе, причём как на ключе, так и флажную сигнализацию. Военно-морской подготовкой руководил офицер в звании капитан-лейтенанта. Хорошо запомнился доцент В. Н. Войниканис-Мирский, читавший гидравлику — единственный «проваленный» мною экзамен. Кое-как сдала его после усиленной подготовки на троечку.

За время обучения студенты-технологи прошли три практики. Первая — ознакомительная — на Астраханском рыбокомбинате, вторая производственная — после окончания чётвертого курса в Махачкале на консервном и жиротуковом заводах. Там изготавливали

селёдку, консервы из частиковых рыб в томате, шпроты. Здесь же работали на коптильном комбинате, готовили леща и вырабатывали икру. Третья практика — преддипломная — прошла на Красинском рыбозаводе в Астрахани.

На Камчатку. Зимой 1947—1948 гг. у нас состоялось «распределение», то есть нам назначили места будущей работы. Комиссию по распределению возглавлял директор рыбвтуза А. В. Кипариди. Меня направили на Камчатку. Всего нас, таких «дальневосточников», оказалось двадцать два человека.

Темой моего дипломного проекта стала реконструкция рыбозавода. Руководил проектом вначале преподаватель рыбвтуза, а затем работник Каспийского рыбтреста. В июле 1948 г. защитила проект на хорошо. После защиты нам дали немного отдохнуть, а 8 августа 1948 г. собрали на Астраханском вокзале со всем скарбом — выпускникам рыбвтуза предстоял далёкий путь через всю страну. Я поехала в сопровождении мамы. Вначале сели в поезд, шедший до Москвы. До его отхода прибыл уполномоченный Дальрыбы, с нами заключили договоры, выдали подъёмные. Так много денег у меня ещё никогда не было.

В Москве пробыли несколько дней, здесь нас разместили в общежитии. Посмотрели столицу, я впервые побывала в Третьяковской галерее. Затем нас пригласили в Министерство рыбной промышленности СССР, где состоялась беседа с каким-то важным чином, от которого мы получили надлежащие напутствия. Затем путешествие продолжилось на поезде до Владивостока. По прибытии на место наша группа распалась: кто-то поехал на Сахалин, кто-то остался в Приморье.

Во Владивостоке молодые специалисты, следовавшие на Камчатку, сели на грузовой пароход, название его не помню. На нём разместились в твиндеках, оборудованных нарами. В пути питались тем, что взяли с собой. Есть особо-то и не хотелось: судно качало, а мы к морской качке были непривычны и переносили её плохо.

В сентябре 1948 г. прибыли в Петропавловск-Камчатский. В городе было сравнительно тепло. Разместили нас в больших брезентовых палатках на Четвёртом километре (здесь располагался пересыльный лагерь конторы «Камчатрыбпромкадры». — *С. Г.*). Петропавловск показался мне совсем необычным и непривычным: вокруг стоят высоченные сопки, нет общественного транспорта. Впрочем, о бытовых сложностях тогда сильно не задумывались — молодые были...

В Петропавловске посетили Главкамчатрыбпром, беседовали с его руководством. Отдел кадров распределил нас по различным рыбокомбинатам побережья. Пятерых или шестерых направили в комбинат имени Микояна (или Микояновский, позже он стал Октябрьским).

В комбинат из Петропавловска мы отправились на пароходе «Чавыча». Погода стояла солнечная, позволяла долго находиться на верхней палубе, а не томиться в трюме. Страшно было выгружаться с судна по прибытии на место. Пассажиров снимали грузовыми сетками и рассаживали на кавасаки, который повёз нас по морю. Здесь сильно качало, спокойно стало лишь после того, как вошли в реку. На берегу нас ждал парторг комбината, на ночлег разместили в клубе. На следующий день мы встречались с директором комбината Александром Константиновичем Евдокимовым.

Микояновский рыбокомбинат располагался на песчаной косе. С одной стороны — Охотское море, с другой — река Большая, за ней тундра. Лес начинался километрах в двадцати пяти от посёлка. Комбинат состоял из рыбозаводов, тогда их называли базами. Он включал центральную, первую, вторую, четвёртую, пятую базы, сезонный участок. На центральной базе находились управление комбината, партком, все учреждения, холодильник, рыбоконсервный завод № 48 и жиромучной завод, они шли с севера на юг. На первой базе ловили рыбу ставными неводами, солили, готовили икру. Обрабатывался в основном лосось, было немного разнорыбицы. Затем шла небольшая сезонная база (участок), её называли «Девятый километр», здесь занимались посолом в брезентовых чанах.

Меня направили на вторую базу, куда я поехала на подводе, запряжённой лошадью. Вторая база располагалась недалеко от центральной. Здесь 20 сентября 1948 г. начала работать засольным мастером с окладом в тысячу рублей. Дали нам с мамой комнату в деревянном доме с крышей из гофрированного железа. В комнате имелись две железные кровати, стол, стул, табурет — обстановка спартанская. Выдали матрацы. В доме жили также технический руководитель комбината и судья.

Приехали мы на базу в сентябре, когда ещё было тепло, а вот зимой в комнате стало довольно прохладно, приходилось часто топить, так как помещение сильно продувало. Снега наносило много, но тут нам повезло, далеко ходить не требовалось, моё служебное помещение — каптёрка мастеров и подрядчика — располагалось рядом с жильём.

Николай Зеренинов, лейб-гвардеец. Гатчина, 1894 г.

Павел Зеренинов, начало 1900-х гг.

Прабабушка Анисия Ивановна Зеренинова и её дочь Александра, 1930-е гг.

Семья Заскульниковых в 1922 г.: Александра Сергеевна, дочь Алевтина, сын Павел, Алексей Ильич

Семья Заскульниковых в 1914 г.: слева сын Павел, на руках — сын Сергей

Алексей Ильич Заскульников (в центре) с фронтовыми друзьями.
Саратов, 1916 г.

А. И. Заскульников, 1937 г.

А. И. и А. С. Заскульниковы, 1930-е гг.

Воскресное чтение газеты «Труд». Астрахань, 1939 г. Вторая справа — Александра Сергеевна Заскульникова

Крайняя слева — Нина Алексеевна Заскульникова, 1940 г.

Студентки-технологи Астрыбвтуза, 1945 г. В среднем ряду: четвёртая слева — Н. А. Заскульникова, вторая справа — В. И. Певцаева. Справа в нижнем ряду — Н. А. Андрюсек

Н. А. Заскульникова (справа) на практике. Махачкала, 1947 г.

Н. А. Заскульникова (стоит в центре) на Камчатке.
Микояновский рыбокомбинат, 1949 г.

Н. А. Заскульникова среди работников Микояновского рыбокомбината, 1949—1950 гг.

Нина Алексеевна Заскульникова-Гаврилова. Камчатка, 1953 г.

Познакомилась со старшим мастером-практиком М. А. Морозовым. Затем меня отвели на склад, подобрали спецодежду: сапоги сорок первого размера, халат, фуфайку. Потом показали производство, познакомили с людьми.

Так как приехали мы к концу путины, то весь заготовленный лосось был уже убран, оставалась только разнорыбица. Её засолили раньше, потом сортировали. Солили «сухим» посолом и в тузлуке. На второй базе выпускали только солёную рыбу и икру. Рыба хранилась под открытым небом, нередко она пропадала, иногда её грузили из-за отсутствия тары в трюмы пароходов навалом. Всё это вело к снижению сортности, вызывало большие потери и, вообще-то, являлось простым переводом добра. Зато вот так выполнялись «спущенные» сверху планы. Принимали в обработку всё, что шло рыбакам в сети.

Зимой готовили инвентарь к предстоящей путине. Запасали в бунтах (то есть штабелях) лёд, использовавшийся для охлаждённого посола. Холодильников на базе не было.

(Вот выдержка из «Справки о работе с молодыми специалистами», составленной в Главкамчатрыбпроме 1 ноября 1949 г.: «Ряд молодых инженеров и техников, назначенных на самостоятельную работу, быстро и хорошо осваивают свою специальность, неплохо справляются с порученной работой. Так, например, в 1948 г. в комбинат имени Микояна из Астраханского института прибыли инженеры-технологи товарищи Заскульникова и Кабанова. Они были назначены мастерами-засольщиками. Эти инженеры в путину 1949 г. работали хорошо, со своими обязанностями справляются». — *С. Г.*)

На второй базе имелись крытый засольный цех, более пятидесяти бетонных чанов, каждый вмещал по восемьдесят центнеров, приёмная и разделочная пристани, икорный цех, механическая и бондарная мастерские, склады для сетей, контора и бухгалтерия, маленькая технологическая лаборатория, общежития для рабочих, в которых жили русские и корейцы. Корейцев было две или три бригады. Они работали на посоле и как грузчики, трудились хорошо. Командовал ими бригадир Пак, он говорил по-русски, был вежлив. Руководил базой директор Фёдор Демьянович Гончаров.

В Микояновске в основном шла горбуша. Для её ловли в море устанавливали ставные невода, улов с них на берег доставляли кунгасами. Это — большие, глубокие и тяжёлые лодки, которые вытягивались на сушу к приёмной пристани лебёдкой на брёвнах-покатах. Этим занимались специальные бригады курибанов, крепких мужичков. С приёмной пристани рыба по гидрожелобам по-

давалась на разделочную пристань. Ловили неводами и в реке, но в основном всё-таки в море.

На разделочной пристани трудились до ста резчиков и мойщиков рыбы. Они занимали как закрытые (под навесами), так и открытые рабочие места. Отделённые от рыбы потроха не использовали, а уничтожали, так как утилизационных установок здесь не было. Крытые чаны заполнялись рыбой довольно быстро, поэтому в 1949 г. дополнительно к ним установили около сотни брезентовых ёмкостью по пятьдесят — семьдесят центнеров. Перед каждым из них ставился стол, насыпались рыба и соль. Брюшки и жабры горбуши набивали солью, затем рыбину клали на деревянный лоток с двумя бортиками и ручками. Засольщиков обычно ставили по двое на чан. В чане на доске стоял ещё один человек, он принимал рыбу и раскладывал её внутри ёмкости рядами. Последний ряд засыпали солью и закрывали соломенными матами. Соли уходило примерно четверть от веса рыбы. Затем чан накрывали сверху брезентом, чтобы защитить его от осадков и пыли.

Так как постоянных, то есть бетонных, чанов было мало, а уловы брали большие, то солили и в брезентовых чанах, расставленных по всей территории базы. Когда их тоже не хватало, солили прямо на земле. На ней расстилали соломенные маты и выкладывали штабеля из рыбы, пересыпанной солью. Это называлось «стоповым посолом». Его вскоре (примерно в 1949 г.) запретили. Разнорыбицу (камбалу, навагу, минтай) солили вместе. Солили и селёдку, убирали её в ящики, то же делали и с лососем, но потом запретили и это.

«Уборка» рыбы начиналась с чанов, заполненных первыми. К ней приступали сразу по окончании хода рыбы. «Уборка» заключалась в том, что рыбу промывали в тузлуке в специальных деревянных ваннах. Бочки для рыбы замачивались заранее, примерно за двенадцать часов до их заполнения. Обычных сейчас полиэтиленовых вкладышей тогда ещё не было, поэтому тара делалась герметичной. Бочки изготавливали в бондарном цехе комбината. Их обычно не хватало, поэтому часть рыбы убирали в ящики, при этом тузлуком её не заливали. Соль использовали китайскую, доставленную в соломенных кулях. Их хранили в больших штабелях под открытым небом, закрывая сверху брезентами.

Готовая продукция в ящиках складировалась под навесом на пристани, рыбу в бочках держали на территории базы в разных местах. Бочки периодически пополняли тузлуком, для этого были назначены специальные заливщицы. Перед перекатыванием забивали

пробку на бочке. Прежде чем погрузить её на пароход, окончательно заливали тузлуком и после этого надёжно закупоривали, окончательно вколачивая пробку.

Небольшое количество попадавшейся чавычи солили «шведским пластом», то есть после разделки на филе. Лососёвую икру готовили при помощи буры, уротропина и растительного масла. Солили её в обрезах, затем фасовали в деревянные бочки. Тузлук варили заранее в специальном чане, оборудованном паровым змеевиком. Готовили его прозрачным, отстаивали, фильтровали и затем хранили в особых икорных чанах. Всё это делалось весной ещё до начала хода рыбы. Большим специалистом по этой части был старый икорный мастер Петрович.

Из-за недостатка судов нередко осенью не могли своевременно вывезти продукцию, поэтому она оставалась зимовать на базах. Осенью сезонные рабочие уезжали, а остававшиеся следили за состоянием продукции, готовили инвентарь к предстоящей путине, а также доливали в бочки тузлук. Для того чтобы зимой можно было добраться до рыбы, приходилось перебрасывать много снега, пробивая в нём глубокие траншеи.

На второй базе Микояновского комбината имелся красный уголок. Здесь часто проходили техническая учёба и обязательные в то время политзанятия. На центральной базе размещался клуб. В нём находились все «развлечения»: танцы, кино (в основном трофейное немецкое), выступали приезжие агитбригады и комбинатовская самодеятельность.

Карточная система распределения продуктов питания была уже отменена. На базе работал магазин, располагавший весьма скудным ассортиментом товаров, разнообразившимся только с приходом пароходов. Здесь я впервые попробовала сою, сгущённое молоко и тушёнку, которые раньше, в военные и первые послевоенные годы, на материке мы и не видели. Хлеб покупали в магазине, его сюда привозили с центральной базы. Готовили сами, причём первое время добываемого лосося, в том числе и икру, не ели — они нам казались непривычными.

Зимой, когда путинное напряжение спадало, работникам предоставляли отгулы, а вот во время хода рыбы выходных не давали. В конторе мы не засиживались — всё время находились на производстве. От солнца и ветра волосы у меня выцвели, а на лице установился по-настоящему южный загар.

На второй базе я провела два сезона: 1948/49 и 1949/50 гг. Летом 1950 г. меня собирались перевести во вновь организуемый

Западно-Камчатский трест. Но директор комбината А. К. Евдокимов не отпустил, издав приказ о моей работе здесь до конца путины. В конце 1950-х гг. вторая база подверглась реконструкции: увеличилась чановая ёмкость, появилось много транспортёров, позже добавились крытые цеха. Затем все номерные базы ликвидировали, и осталась только центральная с консервным заводом. Но это происходило уже без меня.

В Западно-Камчатский трест меня направили только в 1951 г. Существовавший до этого единый Главкамчатрыбпром для повышения действенности был разделён на три треста: Западно-Камчатский, Восточно-Камчатский и Северо-Камчатский. Это деление сохранялось до конца 1954 г., после чего было признано неразумным. Вскоре был снова образован объединённый трест.

Управление Западно-Камчатского треста размещалось на центральной базе комбината. Здесь я начала работать в должности инженера производственного отдела. Отдел занимался разработкой технологии, проверял выработку, рассчитывал количество требовавшихся материалов. Возглавлял его инженер-холодильщик В. Л. Грабовский. Позже он стал главным инженером треста, а отделом стал заведовать Алексей Петрович Голубев. Здесь же трудились механики Гриншпунт и Рахимова.

Осенью, в октябре 1951 г., по окончании путины получила шестимесячный отпуск (за год полагалось, по-моему, пятьдесят четыре или пятьдесят шесть отпускных дней), и мы с мамой отправились в Астрахань. В комбинате садились на пароход при помощи верёвочного трапа, море волновалось, было очень страшно карабкаться по этой зыбкой опоре на борт судна. От Владивостока до Москвы ехали поездом в мягком купе.

В начале ноября 1952 г. до комбината докатились отголоски страшной трагедии — Северо-Курильской катастрофы, в которой погибло множество людей. Под утро наш посёлок затрясло, все перепугались. Утром, когда пошли на работу, увидели, что река Большая переполнена водой, она даже подошла под стены пекарни, стоявшей на берегу. Позже нам объяснили, что на Курилы обрушилось сильнейшее цунами. В нашем комбинате разрушений и жертв не было.

В то время, когда я работала в тресте, по-моему зимой 1953/54 гг., возле берега переломился пароход типа «Либерти». С берега во льдах виднелись половинки корпуса этого большого судна.

В начале 1950-х гг. в комбинате побывал писатель А. М. Борщаговский. Мы, молодые специалисты, все присутствовали на встрече

с ним, проходившей в помещении парткома комбината. Он знакомил нас с одной из своих книг, где писал о японцах. Сейчас помню только то, что он рассказывал про какого-то Киморо Кентаро.

(Поведала и о таком случае. 8 марта 1953 г. с подружками решили тайком таки отметить «женский день». Почему тайком? Да потому что в это время по всей стране шёл траур по скончавшемуся «вождю и учителю» И. В. Сталину и всякая «развлекаловка» была запрещена. То ли кто-то «стукнул», то ли начальство само проявило положенную в чрезвычайных обстоятельствах бдительность, но их компанию «накрыли». Тем не менее, обошлось без следствия, суда, ссылок, лагерей и расстрелов. Только одну барышню, между прочим, комсорга, попозже лишили сей почётной должности. И всё. А маме через год вручили заслуженную трудовую медаль. — *С. Г.*)

Митогинский комбинат. После ликвидации Западно-Камчатского треста, последовавшей в конце 1954 г., все его работники получили новые назначения: кто уехал в Петропавловск, кто на другие комбинаты. Наша семья, состоявшая тогда из трёх человек, отправилась в Митогу: мой муж Виталий Васильевич Гаврилов, тоже выпускник Астраханского рыбвтуза — начальником лова, я — заведующей лабораторией. На новое место работы двинулись в январе 1955 г. Ехали на нескольких собачьих упряжках, присланных за нами из Митоги. В то время собаки были весьма распространённым видом камчатского транспорта. Ранее я несколько раз ездила на них в командировки в Озерную, Опалу, Усть-Большерецк и другие комбинаты и базы. В пути, для того чтобы согреться, периодически слезали с нарт и бежали рядом. Ночевали в пути в какой-то одинокой сторожке. Нашей дочери Ларисе было тогда всего пять месяцев, но всё обошлось благополучно.

Поселили нас в деревянном одноэтажном доме. Одну комнату в нём занимали мы, вторую — семья нормировщика. Позже нам дали отдельную квартиру из кухни и комнаты в хорошем деревянном доме, но «удобства» по-прежнему располагались на улице.

Работать на комбинате начала 25 января 1955 г. Дочь Ларису пришлось отдавать в ясли (отпусков по уходу за детьми в то время не было, а продолжительность так называемого «декретного» составляла около семидесяти дней). На второй день Лариса заболела. Так как мне нельзя было оставить работу, то пришлось нанимать ей няньку — молодую девчонку.

В Митоге тоже солили лосось, делали из него консервы (здесь имелись заводы № 46 и 47), готовили икру, только размах был

поменьше. После реорганизации в Митоге осталась центральная база, находившаяся под началом Кихчикского комбината.

В 1956 г. отправились из Митоги в Астрахань в очередной отпуск. Пароход брал в комбинате продукцию, захватил нас и других отпускников. До Владивостока ехали с удобствами в отдельной каюте. После возвращения в Митогу из отпуска перебрались в другой дом. Наша новая квартира по тем временам была приличная: прихожая, кухня и две комнаты. Имелся и телефон — к этому времени муж стал главным инженером комбината.

Моя лаборатория размещалась в небольшом рубленом доме, она была неплохо оснащена. Основным видом продукции, выпускаемой Митогинским рыбоконсервным заводом № 47, были натуральные лососёвые консервы. Зимой 1956/57 гг. начали осваивать производство консервов из гольца в томате. Сырьё для них добывали подлёдным ловом. Экспериментальное производство развернули в помещении икорного цеха, здесь поставили обжарочную печь. Партии этой продукции были небольшие. Из отходов от разделки рыбы наладили выпуск котлет в томатном соусе.

В Митоге в середине 1950-х гг. имелся клуб и магазин. С продуктами дело здесь обстояло не очень хорошо. На полках магазина пылились аргентинские мясные консервы, китайский компот из мандаринов, масло, перловая крупа. Картошку и мясо покупали у местных жителей.

Конечно, обзавелись множеством знакомых, дружили с семьей Алёнкиных. Он работал заместителем директора комбината, его жена — химиком в лаборатории. К сожалению, Алёнкин рано умер. Скончался прямо на партийном собрании, похоронили его в Митоге.

В 1956 г. в нашей квартире гостил приехавший с материка писатель. Он, фамилию его забыла, изучал Камчатку и быт её обитателей. Муж пригласил его к нам. Родом он был, по-моему, из Краснодара. Несколько лет спустя случайно прочла в журнале «Огонёк» один из его рассказов, называвшийся то ли «Хозяин тайги», то ли «Хозяин таёжной речки» (речь идёт о Леониде Михайловиче Пасенюке. — *С. Г.*).

Кихчик. В 1957 г. началось укрупнение многочисленных камчатских комбинатов и баз. Из-за нерентабельности производства, трудностей в организации доставки снабжения и вывоза продукции мелкие базы стали закрывать, комбинаты объединять. Не последней причиной этого стало и резкое оскудение основательно подорванных сырьевых запасов.

Поэтому мы переехали в Кихчик. В моей трудовой книжке есть такая запись: «15 февраля 1957 г. в связи с реорганизацией назначена в Кихчикский комбинат». С марта 1957 г. стала исполняющей обязанности заведующей лабораторией, а с 29 апреля — заведующей. В этой должности проработала до апреля 1962 г.

До Кихчика добирались на санях, запряжённых лошадьми. Поместили нас в финский дом, снаружи обшитый узкими досками, таких в Кихчике было несколько. В доме имелись две квартиры, каждая состояла из кухни и двух раздельных комнат. Пищу готовили на печи, дрова для неё привозили под заказ за особую плату через хозяйственную часть комбината.

Кихчикский комбинат имел большой посёлок и серьёзную производственную базу. В её состав входили холодильник, консервный завод № 45, жиромучной завод, пристани, лаборатория, неплохое подсобное хозяйство. Посёлок располагал клубом, детским садом, почтой, госбанком, пекарней, столовой, несколькими магазинами рыбкоопа (двумя продуктовыми и одним промтоварным). Кулинарный цех выпускал колбасу, с фермы доставляли творог и молоко. Жизнь здесь оказалась значительно лучше, чем в тех местах, где мы работали раньше.

5 марта 1957 г. в «Камчатской правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями работников рыбной промышленности и рыбаков-колхозников Камчатской области». В соответствии с ним мужа — Виталия Васильевича Гаврилова, заместителя директора Кихчикского рыбокомбината Главкамчатрыбпрома, — наградили медалью «За трудовую доблесть». (О себе скромно умолчала, что ещё 5 марта 1954 г. была отмечена медалью «За трудовое отличие». — *С. Г.*)

В конце ноября или в начале декабря 1958 г. случилось сильное наводнение. На море разразился шторм, волны замыли устье реки, она переполнилась, и вода пошла на посёлок. На территории комбината разбросало значительную часть продукции, затопило стоявшие низко дома, но обошлось без жертв. Люди убежали на возвышенности. Повредило лишь домашний скарб. В нашем доме вода поднялась над полом сантиметров на шестьдесят, затопила запасы продуктов, часть вещей, повредила много книг, которые хранились в невысокой тумбочке. В комнаты занесло ил. Всё это длилось несколько часов.

Вышла на крыльцо — вокруг вода. Бросилась домой за Ларисой, надела на неё шубу, шапку. Отец наш находился на работе, меня с дочерью на другую сторону в безопасное место к двухэтажному

дому перевёз механик завода. Расположились мы в этом доме, но постепенно вода подошла и к нему. Спасаясь от неё, полезли на чердак. Постепенно ветер сменился, вода стала уходить в море. Когда она сошла совсем, соседка позвала нас к себе. Она оказалась более подготовлена к встрече стихии: успела убрать вещи. Переночевали у неё, а на следующий день отправились восвояси наводить порядок.

В 1960 г. мы переселились в новый рубленый дом с высоким крыльцом. Здесь также имелись две квартиры, вторую занимала семья парторга. Квартиру образовывали небольшой коридор с кладовкой, передняя с окном, налево от входа располагалась кухня, оборудованная печкой с плитой и духовкой. Она выходила в большую комнату. Вода в кухню подавалась при помощи ручного насоса, но раковины и слива не было. Большая комната имела три окна. Кроме неё была ещё и спальня. Новое жильё украсили приобретённые здесь же, в Кихчике, бархатные занавески и полосатые дорожки, остатки которых и сейчас можно наблюдать в моей астраханской квартире. Были у нас радиоприёмник, комод, круглый стол.

Из хороших знакомых и друзей в кихчикском периоде вспоминаются семьи Бирюковых, Малюги, врача Дьяченко, председатель поселкового совета Горшков.

Однажды весной 1961 г. пришли домой, слышим, по местному радио передают, что из района к вечеру поступит важное сообщение. С нетерпением дождались известия — о полёте в космос Юрия Гагарина. Удивились, обрадовались.

На ставных неводах в Кихчике работал бригадир А. Д. Матвиенко, депутат Верховного Совета РСФСР. Всю рыбу, которую он вылавливал, приходилось принимать: действовал его депутатский авторитет. Работали с утра до ночи, сильно уставали. Смотрели на море: везут очередной улов или нет. Рыбаки на неводе поднимали «маяк» — шест с флажком, означавший, что кунгас на неводе заполнен рыбой и его требуется буксировать к берегу.

Льда для хранения улова нередко не хватало, рыбу им не пересыпали. Не успевали её принимать. Рыбаки ругались и требовали быстрой обработки, особенно этот самый депутат, которому всегда нужно было давать «зелёный свет». Из-за задержки с приёмкой качество улова заметно снижалось. В первую очередь принималась рыба первого сорта, она шла на консервы и в заморозку, второй сорт направлялся в посол. Третий — с повреждениями и сильными нерестовыми изменениями — также шёл на засолку.

Нина Алексеевна Заскульникова. Камчатка, 1953 г.

Нина Алексеевна и Виталий Васильевич Гавриловы. Камчатка, 1953—1954 гг.

Александра Сергеевна Заскульникова с зятем Виталием Васильевичем Гавриловым и внучкой Ларисой, 1955 г.

Гавриловы в гостях у семьи Малюг. Камчатка, Кихчик, 1959 г.

В. В. Гаврилов (сидит второй слева), инженер лова Микояновского рыбокомбината, 14 апреля 1953 г.

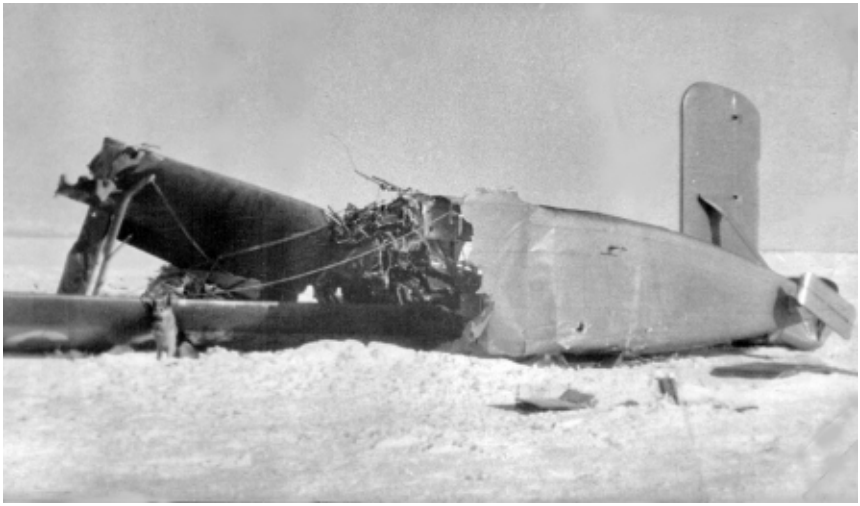
В. В. Гаврилов. Камчатка, середина 1950-х гг.

Микояновский рыбокомбинат. Камчатка, 1955 г.

В. В. Гаврилов в рабочем кабинете, 1958 г.

Обломки разбившегося самолёта, на котором летел В. В. Гаврилов. Кихчик, март 1962 г.

Н. А. Гаврилова во время сдачи продукции. Озерновский рыбокомбинат, 1964 г.

С Тамарой Викторовной и Владимиром Афанасьевичем Бирюковыми. Озерная. 1964 г.

Первомайский митинг в Озерновском комбинате, 1963 г. На трибуне крайний справа — директор В. В. Гаврилов

Озерная. В марте 1962 г., числа 19-го или 22-го, точно не помню, когда мужа уже назначили директором Озерновского комбината, а я ещё оставалась в Кихчике, он отправился за нами на самолёте Ан-2. При заходе на посадку в Кихчике самолёт потерял управление и упал. Он полностью разбился, но, к счастью, не взорвался. В нём находились два пилота, муж, начальник планового отдела Кихчикского комбината, повариха и экспедитор рыбкоопа. Повариха получила сильные травмы и впоследствии скончалась, муж с плановиком попали в больницу. У мужа было сотрясение мозга, имелись ушибы и царапины. Он с неделю пребывал в больнице, потом вышел оттуда, и мы вновь засобирались в Озерную.

(От отца слышал, что в самолёте находилась бочка со спиртом, её сопровождал экспедитор. Она тоже могла стать причиной взрыва, но обошлось. Потрясённый экспедитор с разбитым лицом больше всего заботился не о себе и спутниках, а о том, чтобы не растащили казённый спирт. — *С. Г.*)

Вылет всё откладывался, началась оттепель, и нам посоветовали ехать по морю. Пришёл буксир-спасатель, взял нас на борт. Ехали до места примерно половину суток. Утром 19 апреля 1962 г. нас в Озерной встречал Владимир Афанасьевич Бирюков. Я в то время находилась в декретном отпуске, по его окончании стала заведующей лабораторией.

Озерная отличалась от Кихчика более крупным посёлком, наличием мощного холодильника и мощным консервным производством. В это время действовал только один завод (№ 55), остальные были закрыты в ходе «укрупнения». Здесь производилось много продукции: и лососёвой, и в томате.

В 1963—1964 гг. мы начали осваивать засол минтаевой икры в бочках. До этого икра вместе с кишками и прочими отходами шла в жиромучное производство. Экспериментальная партия икры получилась хорошая, был приобретён необходимый в этом деле опыт, и начался широкий выпуск такой продукции. Комбинат готовил и варёно-мороженые крабовые конечности. Их фасовали по килограмму в пергамент, обвязывали шпагатом и укладывали в ящики.

Комбинат располагал «новым» тоннельным и «старым» стеллажным холодильниками, давал много мороженой продукции. Заморозка при низких температурах тогда на Камчатке была новшеством.

В то время моя зарплата составляла триста девяносто рублей (или три тысячи девятьсот до денежной реформы 1961 г.), муж получал шестьсот двадцать. Жизнь материально и в части снаб-

жения заметно улучшилась. Жили мы в кирпичном двухэтажном доме в двухкомнатной квартире. Здесь уже было паровое отопление и душ, но на кухне по-прежнему стояла печка с плитой, отапливаемая дровами. Прочие «удобства», как и раньше, располагались на улице.

Купили холодильник знаменитой марки «Москва-ЗиЛ». В то время это была диковинка, все наши знакомые удивлялись, зачем на Камчатке холодильник? Стоил он около трёхсот рублей. Мебель у нас по-прежнему была казённая, в продаже её тогда не имелось. Основными ценностями среди обывателей в то время считались ковры и хрустальная посуда, но последняя в продажу тоже почти не попадала.

В качестве развлечения слушали патефон и радиоприёмник. Рядом с домом стоял типовой, весьма приличный по тем временам кинотеатр. В кино бывали часто, в основном посещали поздние сеансы.

Когда уходили на работу, с детьми оставалась нянька Константиновна, шустрая пожилая женщина. Она занималась с детьми года два. Когда сыну Сергею было около двух лет, он любил подавать тапочки всем приходящим: отцу, сестре Ларисе, причём приносил каждому его собственные, не путая их. В случае обиды дулся и ходил на четвереньках, так выражая своё недовольство. Лариса приходила из школы, бросала портфель, кричала: «Сынуля!» Сергей начинал прыгать в кровати за сеткой. В кровати он обычно не сидел или лежал, а стоял или прыгал. Однажды опрокинул на пол вместе со стулом свою няньку: оттолкнулся ногами от края стола, так как не захотел есть предложенную кашу.

Во время жизни в Озерной мы поддерживали дружеские связи с Бирюковыми, Малюгами, Литвяками и Баженовыми. В последующие годы эти связи сохранились, а потом судьба вновь нас свела в Петропавловске.

Однажды, примерно в 1964 г., по комбинатскому радио объявили тревогу — готовность к подходу цунами. Схватили детей, поспешили на Чёрную сопку, решив там переждать напор стихии. Но на сей раз ничего не случилось, тревога оказалась ложной. Спустились в посёлок уже затемно.

За время моей работы в рыбной промышленности произошло множество перемен: внедрены технические усовершенствования, вырос выпуск продукции, изменились её виды. С 1960-х гг. начали морозить рыбу, добытую в море. Её сдавали средние траулеры тралфлота и свои, то есть комбинатские и колхозные, малые сейнеры.

Увеличился выпуск консервов в томате, появились линии по приготовлению консервов из обжаренной камбалы и трески в масле, производили тресковую печень.

Вначале, ещё с 1920-х гг., на линиях всех заводов по обработке лосося стояли старые «железные китайцы» — разделочные станки-автоматы. Потом их заменили более современными разных марок. В Озерной, например, после реконструкции поставили оборудование японской фирмы «Даичи» взамен старых американских линий «Троер Фокс».

Я застала ещё «паровые ящики» — эксгаустеры, в которых удалялся воздух из банок после их предварительной неплотной закатки. Банки подавались в эксгаустеры цепным транспортёром, подогревались градусов до девяноста семи, воздух выходил, и их закатывали уже окончательно. Ещё до начала 1960-х гг. эксгаустеры заменили вакуум-закаточными станками. Изменились и способы стерилизации. Вначале после закатки банки укладывались в квадратные железные решета, которые помещались на тележки и по рельсовым путям загружались в горизонтальные автоклавы. После стерилизации тележки крючьями выкатывали из автоклавов и прямо в решетах ставили на специальные площадки для охлаждения. В 1960-е гг. постепенно перешли на загрузку банок после закатки в клетчатые корзины, которые тельферами подавали в автоклавы. После стерилизации их охлаждали прямо в автоклаве и направляли на укладку в ящики.

Изменилось не только оборудование, но и ассортимент консервов. На всех заводах появились линии по выработке закусочных, предприятия стали работать почти круглогодично, использовать мороженый лосось (зимой делали консервы в томатном соусе). Консервов в масле, на мой взгляд, в 1960-х гг. готовили немного, их стало гораздо больше уже в 1970—1980-х гг.

Переезд из Озерной в Астрахань. Его причиной стала слепота моей мамы, страдавшей катарактой. В Астрахань уехали в мае 1965 г. Часть вещей отправили туда в двадцати пяти посылках, холодильник «Москва-ЗиЛ» упаковали в ящик, собрали чемоданы. В Озерной нас забрал пассажирский пароход «Азия», шедший в Петропавловск. Здесь мы остановились у семьи Крючковых, жившей на улице Ключевской. Из Петропавловска в Москву летели на самолёте, а из Москвы до Астрахани добирались поездом.

В Астрахани у нас уже была приобретена трёхкомнатная кооперативная квартира на улице Татищева. Строить её решили в самом

начале 1960-х гг. Мать мужа, Екатерина Михайловна Гаврилова, написала нам, что в Астрахани собираются создавать первый в городе жилищно-строительный кооператив. Виталий Васильевич вместе с Владимиром Афанасьевичем Бирюковым обсудили эту новость и решили строиться, подготовили необходимые документы. Дом сдали в 1963 г. Мужа даже летом в разгар путины отпустили на неделю съездить в Астрахань на вселение. После этого в квартире жила моя мама Александра Сергеевна. Квартира стоила пять тысяч четыреста, а первый взнос за неё составил две тысячи четыреста рублей.

Астрахань. 1965—1971 гг. В Астрахани Виталий Васильевич устроился в ЦПКТБ в отдел научной организации труда. В 1967 или в 1968 г. он перешёл в Каспрыбу, где был главным механиком. Получал зарплату в размере ста девяноста рублей. Я не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Муж трудился в Каспрыбе до 1971 г. В декабре этого года он уволился и поехал в Петропавловск. До этого, в августе или сентябре 1971 г., побывал там в командировке. В Петропавловске его сагитировали перейти сюда на работу. Такие же предложения он получал и раньше, когда ещё трудился в отделе научной организации труда.

Муж подумал и согласился. И в материальном плане эта работа была лучше, да и северные льготы для предстоящей пенсии совсем не помешали бы. К тому же зрение у мамы поправилось. 11 декабря 1971 г. муж вернулся на Камчатку. В Петропавловске он возглавил местный филиал ЦПКТБ. Вначале его поселили на Пятом километре в общежитии морского рыбного порта.

(Это «историческое» мелкоблочное здание стояло на «красной линии» возле бывшего Дома быта, напротив автобусной остановки. Оно, облезшее и заброшенное, три десятилетия уныло смотрело пустыми глазницами давно выломанных окон на проезжую часть. Время от времени его сиротский фасад стыдливо завешивали различными, как сейчас принято выражаться, «баннерами», вместо того чтобы снести этот позор и построить на его месте что-нибудь приличное. Здание являлось настоящим памятником безвременью, многие годы царящему в нашем крае. И вот 20 августа 2021 г., отправившись на прогулку, заметил, что возле него возводится забор. У строителя выяснил, что скоро начнётся разборка. А вечером по телевизору услышал подтверждение этого в выпуске новостей. Спустя ещё неделю, 27 августа, на месте «исторической семейной реликвии» уже раскинулась ровная площадка. — *С. Г.*)

Виталий Васильевич Гаврилов в разные годы жизни (1952, 1967, 1971, 1976)

Нину Алексеевну Гаврилову провожают на пенсию. Технологическая лаборатория ЦПКТБ, Петропавловск-Камчатский, март 1988 г.

С мамой в день её восьмидесятилетия. Астрахань, 21 ноября 2005 г.

Затем он получил квартиру и поехал за нами в Астрахань. 14 октября 1972 г. наша семья (я, муж и сын Сергей) на самолёте Ил-18 прилетели в Петропавловск. Дочь Лариса, к тому времени уже учившаяся в педагогическом институте, осталась с бабушкой (моей мамой) в Астрахани.

17 октября 1972 г. я начала работать в технологической лаборатории Камчатского филиала ЦПКТБ в качестве старшего инженера экспериментальной группы. Здесь встретила старых знакомых по побережью, в том числе Тамару Викторовну Бирюкову. Мужу восстановили все ранее имевшиеся у него северные надбавки, а мне пришлось зарабатывать их снова. Зарплата мужа составляла около шестисот рублей, а у меня поначалу всего сто двадцать пять.

Лаборатория размещалась в цокольном этаже деревянного здания на улице Чукотской, 2. (Сейчас на этом месте рядом со столовой КамчатГТУ расположен небольшой пустырь. — *С. Г.*) В 1975 г. я перешла в производственную группу. Примерно в это же время лаборатория переехала из полуподвала на первый этаж того же здания.

Коллектив лаборатории был хороший, работоспособный и постоянный. Его костяк составляли Тамара Викторовна Бирюкова, Екатерина Васильевна Поддубная, Валентина Александровна Лебедева, Лариса Петровна Велицкая, Анна Павловна Щербакова, Сания Саючбукеевна Серикова, Татьяна Александровна Карпова, Дина Яновна Добрынина и другие.

Задачами нашей лаборатории являлись надзор за соблюдением технологии приготовления рыбопродукции, её технохимический, бактериологический и радиационный контроль, разработка новых видов рыбных товаров. Во время работы в экспериментальной группе я принимала участие во внедрении в производство консервов «Тефтели в томатном соусе». Их начинали делать из фарша минтая, выпускавшегося в море на больших морозильных траулерах. На этот фарш в 1970-х гг. возлагали большие надежды, но особым спросом в то время он не пользовался. Наша задача состояла в его популяризации. Предложенная нами технология приготовления тефтелей затем была использована на основных комбинатах Камчатрыбпрома.

Кроме этого, работали над кнелями из фарша минтая, но в производство они так и не попали: освоить их не удалось. Экспериментальной базой для этих работ служил консервный цех Петропавловской жестянобаночной фабрики. А их производство пытались

наладить на хорошо знакомых мне заводах — Октябрьском № 48 и Озерновском № 55.

В технологическом отделе я занималась ведением документации по изготовлению всех видов рыбной продукции. Её размножали, рассылали на предприятия, в лаборатории баз флотов и производственный отдел Камчатрыбпрома, вносили туда необходимые изменения.

(23 февраля 1976 г. Госкомитетом стандартов при Совете Министров СССР была отмечена нагрудным знаком «За заслуги в стандартизации», а 30 марта 1978 г. — знаком «Победитель социалистического соревнования 1977 г.». — *С. Г.*)

Производственно-технологический отдел еженедельно проводил дегустации продукции, выпускаемой на предприятиях Камчатрыбпрома. Для этого собирался специальный дегустационный совет, в котором я была секретарём. Председательствовал в совете заместитель генерального директора Камчатрыбпрома Александр Павлович Старцев. Дегустацией оценивали качество консервов, икры, копчёностей, сельди специального посола, рыбной кулинарии. Проверяли и новые виды продукции, давая им «путёвку в жизнь». После того как они получали одобрение совета, начиналось их внедрение в производство.

Еженедельно в лаборатории, как и на всех предприятиях и в учреждениях страны, проводились политические занятия (шла учёба в сети партийного просвещения). Приходилось готовиться к ним по воскресеньям, теряя личное время. Все понимали, что это глупость и пустая трата сил, но таковы были нравы того относительно недалёкого времени... В лаборатории я трудилась до 27 марта 1988 г., до выхода на пенсию, после чего покинула Камчатку, вернувшись в родную Астрахань...

А вот что писал о маме Владимир Афанасьевич Бирюков в своей упомянутой выше книге (с. 57): «Несколько слов хочу сказать о Нине Алексеевне, супруге Виталия Васильевича. Она была для нас с Тамарой примером. Я её впервые увидел в Митоге, по дороге с шестой базы на центральный завод. Она шла по производственным делам мне навстречу, отмеряя те же восемнадцать километров. И я тогда подумал, что достаётся здесь мерить эту марафонскую дистанцию не только мне, но и другим людям, в том числе женщинам.

Ближе мы познакомились уже в Озерной, когда пришлось вместе работать. Она была заведующей лабораторией. Лаборатория на рыбокомбинате — это орган, который осуществляет контрольные

функции по соблюдению технологических норм и правил, санитарному состоянию производственных цехов и личной гигиене работающих. Понятно, что по долгу службы мне приходилось часто иметь с ней дело. Но это меня только радовало. С Ниной Алексеевной было приятно работать. Она — человек высокой культуры, специалист, в деталях знающий технологию производства рыбной продукции, умеющий добиваться своего не формальными приказами, а конкретными примерами и убеждением.

Нина Алексеевна сейчас живёт в Астрахани, и мы с Тамарой, бывая в отпуске, обязательно заходим к ней. Нам приятно вечером выпить у неё чашку чая и поговорить о всякой всячине и, конечно, о Камчатке, о жизни наших общих знакомых, о кинофильмах, театральных постановках, телепередачах и прочем. Это доставляет нам большое удовольствие...»

Н. А. Гаврилова скончалась в Астрахани 12 мая 2013 г., похоронена там же, рядом со своей старшей сестрой Алевтиной.

Наши семейные герои

Своих родных дядьёв я знаю только по рассказам родителей да тётушек. Так вышло, что потомством обзавестись они не успели, и теперь выходит, что я — их единственный наследник во втором поколении, хотя и не по прямой линии. А причина тому — война, унёсшая миллионы жизней наших с вами соотечественников.

Мой дядя со стороны отца (его старший брат) — *Юрий Васильевич Гаврилов* родился в Новгороде в 1922 г. Он десять лет проучился в астраханской школе-десятилетке имени В. И. Ленина, хорошо рисовал, любил математику, а вот с русским языком у него были нелады. Школу окончил в июне 1941 г., всего за день до начала Великой Отечественной войны. После её объявления тут же был вызван в военкомат. Родные решили, что его вот так сразу же и призвали в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, даже не дав толком проститься. Но, оказалось, вызвали затем, чтобы определить в разносчики повесток. Он мотался с ними по городу и вручал их другим призывникам. Поздно вечером этого же дня пришёл домой, успокоив родителей. Собственную повестку получил спустя какое-то время: её доставил ему другой такой же разносчик, как и он сам.

Хотел стать лётчиком, но в авиаучилище его не взяли — подкачало зрение. Направили в пулемётное, размещавшееся в Невинно-

мысске, на берегу реки Кубани. Летом 1942 г., по его окончании, Юрий получил звание лейтенанта и был послан на Сталинградский фронт, где как раз разворачивалась одна из величайших битв в истории человечества.

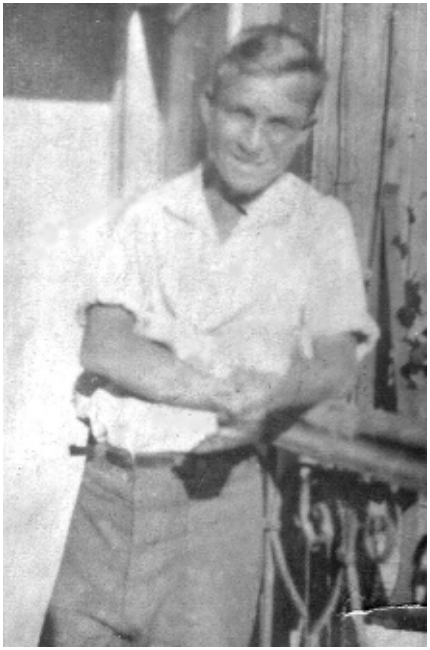
Во время боёв под Сталинградом у него появилась возможность перевестись из действующей армии в особый отдел фронта. В этом мог помочь отец его школьной подруги, занимавший в штабе фронта высокую должность. Кто знает, как могли бы повернуться события, если бы Юрий принял его предложение и не остался в боевых частях. В июле 1943 г. он получил тяжёлое ранение в сражении на Курской дуге. Спустя две недели, в августе, скончался от ран в госпитале в возрасте всего-то двадцати лет.

В официальном извещении о гибели, так называемой «похоронке», пришедшей родителям в Астрахань, значилось, что он погребён в посёлке Батрацкая дача Щербинского района Белгородской области в братской могиле. Спустя годы его сестра Лариса, то есть моя тётя, побывала в тех местах. По её словам, воинское захоронение располагается в саду у фонтана.

В письмах с фронта Юрий сообщал, что высылал родителям свои офицерские аттестаты, по которым они могли получать его денежное содержание. Но ни один из этих документов до адресатов почему-то не дошёл... Эти письма не сохранились, осталось от него лишь несколько портретов, из них один военный. С него сквозь время из октября 1941 г. на нас смотрит молодой курсант в уже тогда выглядевшей архаично будёновке с размашистой пятиконечной звездой на лбу. На груди — значок знаменитой команды «Спартак», он был её ярым болельщиком, да и сам хорошим спортсменом. На обороте его рукой написано: «На память дорогим родителям от сына Юрия. 17.X.41». А его отец, то есть мой дед, в апреле 1945-го пометил карандашом: «Прошу сделать хорошо. Плату добавлю в зависимости от качества». Видимо, хотел увеличить это изображение до размера настенного портрета.

(К сожалению, почему-то имя Ю. В. Гаврилова в Книге памяти Астраханской области отсутствует, хотя точно известно, что сведения о нём родные составителям передавали. Его портрет долгие годы был выставлен в музее школы, которую он окончил. Сейчас в её здании размещается Астраханская консерватория).

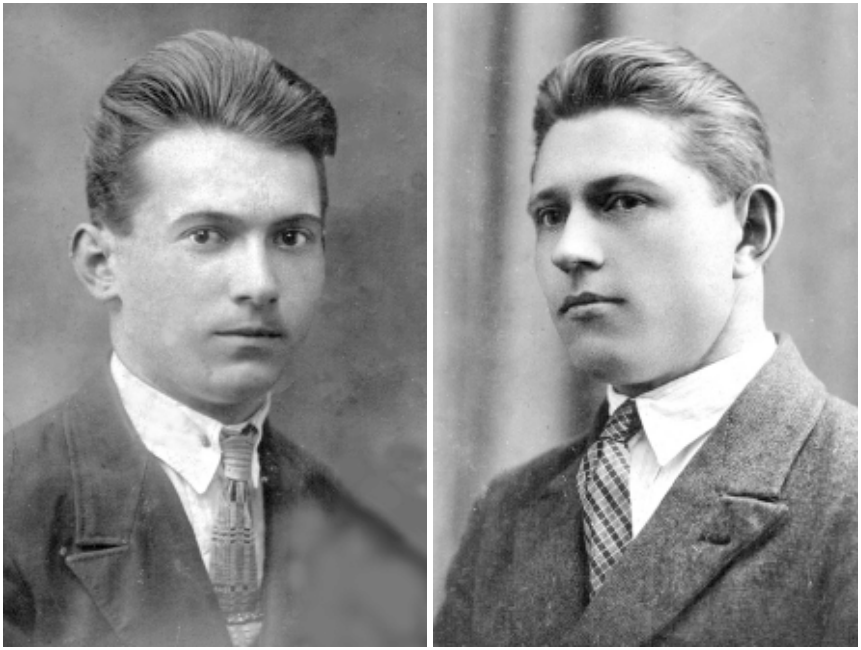
Второй дядя — *Павел Алексеевич Заскульников*, старший брат мамы, к началу войны был уже зрелым человеком. Он родился в июле 1911 г., в 1930-х гг. прошёл срочную воинскую службу, но позже своего возраста (должен был призываться в 1929—1930 гг.).

Дядя Юрий Васильевич Гаврилов. Лето 1940 г., 17 октября 1941 г.

Юрий Васильевич Гаврилов (в центре) со школьными друзьями.
Астрахань, 1940 г.

Дядя Павел Алексеевич Заскульников. Астрахань, середина и конец 1930-х гг.

Павел Алексеевич Заскульников (слева) во время лечения в госпитале. Станция Цеми, Грузинская ССР, 1 мая 1942 г.

Тётя Лариса и дядя Коля, начало 1950-х гг.

Старший лейтенант Н. Г. Дурегин (Гаврилов) с сыном Юрием, 1954 г.

Фронтовики: дядья Павел Кириллович Лунёв (слева) и Николай Геннадьевич Гаврилов в нашей астраханской квартире на улице Татищева, начало 1970-х гг.

Общее семейное фото (слева направо): тетя Аля, мама, отец, тётя Лариса, дядя Коля, бабушка Шура, сестра Лариса, двоюродные братья Александр и Юрий, бабушка Катя, двоюродный брат Владимир. Астрахань, 1957 г.

Летом 1930 г. в бригаде вместе с отцом он ремонтировал больницу в селе Харабали, что под Астраханью, сорвался с крыши и, упав, повредил ногу в колене, получив тяжёлый перелом. Долго лечился. На призывных комиссиях его выбраковывали и только в 1936 г. призвали в строительные части. Он служил на станциях Борзя и Оловянная возле Читы. Перед финской войной был в Монголии. Демобилизовался зимой 1938 г., после чего работал маляром на заводе имени Третьего Интернационала в Астрахани. Незадолго до начала войны женился.

Призвали его в начале июля 1941 г. Их эшелон собирали несколько дней, а потом отправили на пароходе с 17-й пристани вверх по Волге. Все мобилизованные были в гражданской одежде.

В 1941—1942 гг. Павел воевал на Украине. Зимой 1942 г. пошёл в разведку, наткнулся на мину, взрывом ему оторвало пальцы на ноге. После ранения какое-то время лежал в госпитале, а потом летом 1942 г. приехал домой в отпуск. Опираясь на трость, ходил в госпиталь, расположенный неподалёку, на улице Розы Люксембург (сейчас в этом здании расположен военно-морской госпиталь), на перевязки. В это время разворачивались бои под Сталинградом. В декабре 1942 г. в Астрахани формировалась 28-я армия, куда после выздоровления Павла и зачислили. Вначале от него шли письма с марша из сёл Ленинское, Подгорки, Ремонтное. Потом никаких вестей долго не было. А весной 1943 г. в Астрахань приехал один из его сослуживцев, сообщивший, что Павел погиб в наступлении под Таганрогом. Похоронка на него пришла позже. В ней сообщалось: «Ваш сын... пропал без вести 15 февраля 1943 г...» Было ему неполных тридцать два года.

(В Книге памяти Астраханской области о нём есть такая справка: «Заскульников Павел Алексеевич, рядовой, 1911 г. р., Астраханская область, Енотаевский район, село Енотаевка. Призван Сталинским райвоенкоматом. Пропал без вести в марте 1943 г.».)

Остались от дяди Павла несколько профессиональных довоенных фотопортретов и любительских снимков, в том числе и госпитальный, датированный 1 мая 1942 г. На его обороте чернильной ручкой хорошо поставленным почерком написано: «На память родителям и сестрёнкам от сына и брата Павла. Грузинская ССР, станция Цеми». Здесь он изображён в госпитальном халате и белой нижней рубахе, но в солдатской пилотке.

Случилась в нашей семье ещё одна потеря — весной 1942 г. погиб, точнее, пропал без вести, младший лейтенант-связист *Иван Фёдорович Горбунов*, муж тёти Алевтины, маминой сестры, кадро-

вый военный. До войны служил в Астрахани в так называемой «крепости». Вначале был сержантом, потом перешёл в комсостав, стал командиром взвода. Поженились они в декабре 1939 г. До финской войны жили на персидской границе в городе Кусары в Азербайджане. Затем его часть перевели в Эривань (лагерь Магуп). Здесь он пребывал до начала войны. В октябре 1941 г. Иван отправился на фронт, а в 1942 г. пришло извещение о том, что он пропал без вести.

Родные вспоминали вот такую загадочную историю, случившуюся весной 1942 г. в Астрахани. Однажды домой к Алевтине и её отцу, то есть моему деду Алексею, пришёл незнакомый солдат, сказавший, что его попросил зайти к ним какой-то человек, весь обмотанный бинтами, сидевший в грузовике возле госпиталя на улице Розы Люксембург. Похоже, что он был сильно обожжён, просил позвать жену.

Только что в Астрахань прибыл эшелон с ранеными, их собирались разместить в госпитале, но оказалось, что мест здесь уже нет. Пока дед и Алевтина бежали до госпиталя, раненых увезли на пристань, и эшелон отправился из Астрахани на барже вниз по Волге и далее Каспийскому морю, видимо, в Баку.

Так и не удалось тогда доподлинно выяснить, кто же это был. Но вскоре появился слух, что какую-то баржу с ранеными в море разбомбил немецкий самолёт и все они погибли. А затем поступило и официальное извещение о пропаже лейтенанта Ивана Горбунова без вести...

(Астраханская Книга памяти содержит скупые сведения о младшем лейтенанте Иване Фёдоровиче Горбунове, родившемся в Астраханской области и призванном Кировским райвоенкоматом. Указано, что он пропал без вести 23 апреля 1945 г. Здесь в годе допущена опечатка.)

К сожалению, от Ивана Фёдоровича Горбунова у меня ничего нет, даже его фотографии. Его и Алевтины сын, то есть мой самый старший двоюродный брат Юрий, родившийся в 1940 г., умер малолетним после войны от тягот тогдашней полуголодной жизни, похоронен на старинном астраханском кладбище.

Своих павших героев мы помним. Совсем недавно мой племянник, сын сестры Ларисы, Виталий Викторович Новоженин назвал одного из своих сыновей в честь двоюродного деда Павлом. Мой двоюродный брат Юрий Николаевич Гаврилов в своё время был назван в честь Юрия Васильевича Гаврилова, его дядьки, которого он тоже никогда не видел. С их портретами участвуем в шествии

«Бессмертного полка» — этой потрясающей реки народной памяти, заполоняющей центральные улицы наших городов 9 мая, в день Великой Победы.

И эти строки — тоже дань их светлой памяти, да и всех павших защитников отечества.

Были в нашей семье два фронтовика, которым посчастливилось уцелеть на полях сражений, дожить до размеренных и спокойных 1970-х гг. Это мужья моих тётушек — Николай Геннадьевич Дурегин (дядя Коля) и Павел Кириллович Лунёв (дядя Паша).

Дядя Коля воевал рядовым в авиации, получил серьёзное ранение. По окончании войны поступил в военное училище, готовившее морских лётчиков. Будучи курсантом, носил флотскую форму с тельняшкой и голубым воротником с белыми полосками.

С тётей Ларисой они поженились в начале 1952 г., когда он был лейтенантом. Вскоре молодая семья уехала служить на Север, откуда Николая перевели на Дальний Восток, вернее в Китай. Здесь он был военным советником, учил китайских товарищей летать на современных реактивных машинах. Так сказать, являлся «воином-интернационалистом». Возможно, что имел какое-то отношение и к шедшей в Корее войне. По словам тёти Ларисы, китайские лётчики при своём привычном рационе не выдерживали больших физических нагрузок, почему были переведены на питание по русскому образцу, то есть на щи да кашу с мясом, и это делу помогло. По поводу мяса запомнился её рассказ о том, что в то время в бедном Китае оно было роскошью, да и продавалось почему-то без костей. А для русского человека щи без костяного навара и мозгов — удовольствие явно неполное. Почему они и радовались, когда удавалось заполучить эти самые кости.

От того времени в их семье осталось несколько китайских сувениров, в частности, несколько шкатулок и даже настоящая тигровая шкура с когтями на лапах и сморщенным сушёным носом на былой хищной голове, ныне с пустующими глазницами. Помню, что шкура, обшитая по краям зелёной суконной окантовкой, в 1970-е гг. использовалась в качестве напольного ковра, а потом, после реставрации, перекочевала на стену. А папе и маме были подарены старинные шахматы, сделанные вручную из слоновой кости двух оттенков, которые я зачастую использовал для игры в солдатики, что, в общем-то, не поощрялось.

Затем Дурегины вновь служили на Севере. В конце 1950-х гг. дядю Колю в числе других лётчиков подвергли суровой медицинской проверке, включавшей множество разнообразных упражнений

и осмотров. Как выяснилось позже, это шёл отбор кандидатов для выполнения особо важного и секретного правительственного задания. Потом, спустя несколько лет, стало известно, что набирали в первый отряд космонавтов. Николай испытания не прошёл, в первую очередь из-за военного ранения, да и возраст у него уже был по тем меркам «критический».

Годы спустя обнаружилось, что в первый отряд космонавтов попали некоторые из его тогдашних сослуживцев. Видел тому и вещественные подтверждения: поздравительные открытки и письма от них, тогда уже ставших Героями Советского Союза, написанные в 1960—1970-х гг. Во время совместной гарнизонной жизни они дружили семьями, а тётя Лора, отличный педиатр, к тому же лечила их детей. Была, так сказать, «семейным доктором».

В начале 1960-х гг., после знаменитого хрущёвского сокращения Вооружённых Сил, дядя Коля остался не у дел. Пришлось ему, будучи совсем взрослым человеком, осваивать гражданскую специальность, учиться в Астраханском рыбвтузе и трудиться в одной из рыбохозяйственных организаций. Тогда же он сменил фамилию. Судя по всему, произошло это из-за того, что её часто произносили неправильно, и вот, чтобы не травмировать детей, пришлось стать по жене Гавриловым. Зато благодаря этому теперь и существуют две ветки гавриловского семейства: астраханская и камчатская.

Дядя Коля имел много боевых отличий, орденов и медалей, в том числе и, как его называли в народе, «китайский орден Красного Знамени». Умер в начале весны 1972 г., внезапно, сидя дома перед телевизором. Потом врачи сказали, что «осколок дошёл до сердца», во всяком случае, именно так мне это, тогда девятилетнему, запомнилось, а сейчас и уточнить-то не у кого. На его намогильном памятнике написано: «Лётчик ушёл в последний полёт»...

Дядя Паша был сухощавым, немногословным человеком с копной тёмных волос на голове. Работал в одной из астраханских школ учителем труда. Видимо, там и сошёлся с тётей Алей, всю жизнь трудившейся «техничкой», то есть простой уборщицей.

Он время от времени заходил к нам на улицу Татищева. Помню, как-то принёс мои отремонтированные и отлично наточенные коньки. У них было отвалился полоз, который он приклепал на место. На этих коньках я учился кататься на расположенной в одном из соседних дворов залитой площадке.

Как-то, в самом начале 1970-х гг., стал свидетелем разговора дядьёв о войне. Случилось это на очередную годовщину Победы, одновременно в этот день отмечался и день рождения двоюродного

брата Юрия. После застолья, состоявшегося в старой гавриловской квартире на улице Кирова, прогуливались по вечернему городу. Беседа продолжилась и здесь. Она, кстати сказать, была одним из немногих свидетельств очевидцев, которые мне удалось услышать. Общеизвестно, что настоящие фронтовики таких разговоров не любили.

С дядей Пашей косвенно связан и мой первый «творческий продукт» — школьное сочинение, написанное в мае 1975 г. по случаю тридцатилетия Победы. Учась в шестом классе, находясь под впечатлением от его скупых рассказов и многократно просмотренной выдающейся киноэпопеи «Освобождение», придумал историю про некоего солдата-артиллериста. При этом «вдохновлялся» образом, отлично созданным замечательным артистом Николаем Олялиным. Сочинение было оценено на пятёрку и даже зачитано перед классом. Спустя какое-то время эти два исписанных тетрадных листа в полоску попали под руку отцу. Тот, просмотрев мой «опус», произнёс что-то вроде: «Нужно попробовать заняться этим серьёзнее». Но всё это осталось тогда без последствий, да и отец вскоре скоропостижно скончался.

Дядя Паша ушёл из жизни в конце 1970-х гг. Жизнь его тоже была не слишком долгой. На этом сказались, в том числе, и лишения времён военной молодости.

Вот такая получилась родословная. В ней есть пробелы и, наверное, неточности. Возможно, что когда-нибудь мне удастся попасть в астраханские архивы, дополнить и прояснить изложенное выше, найти новые сведения, в первую очередь о дореволюционном времени и 1920—1940-х гг. Но то, что удалось собрать, надеюсь, уже сейчас может стать основой семейной истории, на которую смогут опираться последующие поколения.

Биография житейская

Теперь самое время привести собственное жизнеописание. Не хотелось бы излагать так, как это делается в анкетах или личных листках по учёту кадров, вроде «родился в роддоме, учился в училище, служил на службе, работал на работе, женился в ЗАГСе, похоронился на кладбище». Это представляется скучноватым. Потому и решил подать былое в виде небольших эпизодов, описывающих отдельные, наиболее запомнившиеся события. Некоторые из них, кстати сказать, стали в какой-то мере определяющими для последующей жизни.

На свет появился 6 мая 1962 г. в селе Озерная Усть-Большерецкого района Камчатской области. Как уже написано выше, мой отец тогда работал директором Озерновского рыбокомбината, а мама — там же заведующей технологической лабораторией.

Пятно на родословной. Прямо перед моим появлением на свет в семье стряслась большая неприятность — на подходе к Кихчику рухнул самолёт, в котором находился отец. Машина полностью разрушилась, были жертвы, но он отделался относительно легко, хотя и попал в больницу. На память об этом событии на правой голени у него осталось вытянутое тёмное пятно на месте полученной раны. Интересно, что примерно такое же и на этом же месте я заработал в 1985 г. во время срочной воинской службы.

От озерновской жизни до переезда в Астрахань, состоявшегося в сентябре 1965 г., в памяти по малолетству почти ничего не задержалось, за исключением двух случаев. Первый — вроде бы сижу у отца на коленях за столом, а перед нами стоит сковородка, и на пару мы вкушаем её содержимое — большую жареную камбалу. Второй — находимся в тёмной щели, которую неведомая сила сначала зачем-то подбрасывает вверх, а затем стремительно роняет вниз. Годы спустя по поводу последнего мама сказала, что это, вероятно, запомнилось нахождение на катере во время его отправки к пароходу, на котором выбирались из Озерной. Исполнилось мне тогда три года и три месяца.

Все остальные детские воспоминания связаны уже с Астраханью. Тогда я вначале был дошкольником, затем учеником начальных классов. Вот одно из самых ранних, будем считать его третьим из навсегда врезавшихся в память.

Тяжесть подмоченных штанов. Почва в Астрахани глинистая, поэтому после дождей в некоторых местах вода сразу не сходила, а образовывались вместительные долгостоящие лужи. Как раз такая возникла и у нашего подъезда. Выйдя на прогулку, обряженный в резиновые сапожки, смело отправился на промер глубин. Сколько времени он занял, сейчас сказать трудно, но вдруг мои увлечённые исследования были прерваны возникшим неудобством — штанишки намокли, и вовсе не от стоялой воды. Вполне возможно, что на моей памяти, а было мне тогда года четыре с небольшим, это случилось впервые, отчего и запомнилось. Стало как-то совсем неуютно, я бы сказал, что грустно. Ноги казались связанными, перебирать ими почему-то больше не хотелось, словно давила какая-то тяжесть, и замер я посередь этой лужи недвижимо, как прибрежная скала. Продолжалось окоченение, видимо,

достаточно долго, пока на мою «задумчивость» не обратил внимания шедший мимо сосед по лестничной площадке, выдернувший меня из этой лужи и доставивший домой. Мокрые штаны — дело, конечно, неприятное, но всё же они лучше, чем подмоченная репутация.

Утечка мозгов. Жили мы вместе с бабушкой Александрой Сергеевной, или бабой Шурой. (Кстати сказать, у нас с ней совпадали дни рождения. Правда, родилась она задолго до революций 1917 г. и последовавшей за ними сменой летоисчисления. Поэтому как-то задумался, а по какому стилю она его отмечала? Пришёл к выводу, что, скорее всего, всё-таки по старому. Между прочим, в этот день родился и последний российский император.) А в гостях часто, в том числе и с ночёвкой, бывал у бабушки Екатерины Михайловны, или бабы Кати. Она, помимо прочего, была очень интересным рассказчиком и классным советчиком. Как-то, будучи ещё дошкольником, утирая текущий нос, спросил у неё, откуда берутся сопли? На что получил шуточный ответ, что это так мозги вытекают. Уже зная, что мозги — штука важная, приняв ответ всерьёз, даже испугался за себя, как бы все не вытекли! С соплями связана ещё одна, более поздняя, история, вернее, бабушкин совет. Оказывается, чтобы быстрее зажило место небольшого ожога, его надо смазать собственными, как мы тогда говорили, «козюлями». Проверял, работает.

А по поводу бабушкиных советов могу добавить, что она научила меня, например, правильным подходам к людям старшего возраста, отчего зачастую общаться с ними мне было свободнее и интереснее, чем со многими сверстниками.

Учиться начал 1 сентября 1969 г. в школе № 15, сейчас в её здании размещён какой-то колледж. Первую учительницу звали Верой Семёновной, а вот её фамилия прочно забылась. Педагог это был опытный и совсем взрослый, лет за сорок. Из тех времён приведу несколько случаев, приключившихся вскоре после начала учёбы.

Первая «двойка», а может быть и «кол». Когда пошёл в первый класс, сестра Лариса (у нас разница в возрасте восемь лет) занималась уже в девятом. В те былинные времена в советской начальной школе оценки, в том числе и отрицательные, ставили, и вот меня ею и удостоили, уж не помню, за какую провинность. Домой идти совсем не хотелось, но деваться было некуда, почему и брёл с заплетавшимися ногами и буквально волочившимся по асфальту портфелем. Вид у меня был по-настоящему несчастный, о чём позже поведала сестра, увидевшая меня сверху из окошка своего класса. Насколько мне известно, сейчас в начальной школе

оценок не ставят, во всяком случае, плохих. Может быть, это и правильно — в жизни будет одним расстройством меньше.

Сохранилась «Ведомость оценки знаний и поведения» за 1969/70 учебный год, из которой следует, что оценивать нас начали со второй четверти. Из восьми предметов, изучавшихся в первом классе, четвёрку получил только по русскому языку (грамматика и правописание), по остальным — пятёрки, в том числе и по пению. Последнее даже странно — чего-чего, а вот петь не умел никогда.

Ошибка полиграфии, или непослушные квадратики. В качестве одного из домашних упражнений как-то была поставлена задача — перерисовать из учебника в тетрадку и раскрасить квадратики размером в стандартную тетрадную клетку. Их было несколько, собранных по три на три штучки, отпечатанных в чёрных рамочках, а затем затейливо раскрашенных разными цветами, причём расцветка не совпадала с чёрными границами, выходя за их пределы почему-то с разных сторон. Если очернённые квадратики я нарисовал довольно успешно, то вот «наложить» на них цвет долго не получалось, дело чуть не дошло до истерики. Пытались помочь домашние — баба Шура и мама, но у них толком тоже ничего не выходило. Тут вернулся с работы отец, увидел наши совместные мучения, заглянул в тетрадку и учебник, рассмеялся и сказал, что это при печати цвета не совместились, а посему раскрашивать надо прямо по границам. После этого доступного разъяснения мучения быстро завершились, а на следующий день в школе выяснилось, что делать надо было именно так. Попутно обнаружилось, что выполнение сего задания оказалось серьёзным испытанием не только для нашего семейства. (Учебники тогда были гораздо проще, в части бумаги и полиграфического исполнения, чем сейчас. Наверное, среди них попадались и бракованные, с подобным смещением.)

Регулировка школьного движения. Во время классного часа школьный библиотекарь красочно рассказала о пришедших новых книжках. Одна из них меня сильно увлекла, и через пару дней я отправился за ней в библиотеку. Наш класс помещался на первом этаже, а библиотека — где-то выше. Доселе покидать первый этаж не приходилось, посему о том, что в школе тоже существуют «правила дорожного движения» не знал. На второй этаж вели две лестницы, возле коих, как и положено, во время перемен стояли дежурные. И вот одна из них — барышня класса из пятого-шестого, а то и старше, с красной повязкой на рукаве, наверх меня не пустила. Будучи скромным, застенчивым мальчиком, не ожидая

такого исхода, был сильно смущён, перечить старшекласснице не решился (а надо было просто переспросить). Потоптавшись на месте, несолоно хлебавши отправился восвояси. Повторять этот неудачный опыт долго не хотелось. Только потом сообразил, что по одной лестнице надо было подниматься наверх, а по другой — спускаться вниз. Просто я зашёл не с той стороны, а дежурная лишь добросовестно выполнила свои обязанности.

Наиболее яркие впечатления детства приходились на конец апреля — начало мая. Это время представлялось мне сплошным праздником. Первыми его признаками становились бабушкины куличи, разнообразные сладости и почему-то разноцветные яйца. Слово «Пасха», конечно, слышал, но в силу возраста, да и общей нецерковной атмосферы времени это понятие тогда не обретало какой-то ясный смысл. Обе бабушки — Катя и Шура — настоящие, ещё «дореволюционные», простые русские люди, в бога верили искренне, строго исполняли всё положенное по церковным канонам и являлись, как сказали бы сейчас, «хранителями традиций» семьи.

Затем следовал Первомай, сопровождавшийся школьными утренниками, массовыми шествиями и действиями, красными флагами, лозунгами, маршами, цветными шарами, разноцветными бумажными и настоящими цветами, застольями и прочим. Он плавно перерастал в собственный день рождения с присущими только ему приятными моментами, спустя три дня праздновался день рождения двоюродного брата Юрия, совпадавший с Днём Победы.

А если учесть, что Астрахань — это южный город, весна туда приходит рано, то наступившая тёплая солнечная погода, зелёная травка, молодая листва, а также коротенькие штанишки с лёгкой белой рубашкой и красная пилотка по торжественным случаям только усиливали ощущение этого непрерывного торжества...

Толерантность по-советски. Как уже указывал, баба Шура была глубоко верующей. В «длинной» спальне нашей квартиры у неё имелся уголок, уставленный иконами (одну из них сейчас сохраняю как семейную реликвию), лампадкой и прочим подобным. Молилась она часто и довольно продолжительно, нередко не только кланяясь в пояс, но и стоя на коленях. Мешать этому мне со своими детскими заботами твёрдо не советовалось. Бабушка время от времени посещала расположенный неподалёку величественный Покровский собор из красного кирпича, построенный в конце XIX в. на купеческие деньги. Он никогда не закрывался, в том числе и во время революционного лихолетья.

При этом её зять, то есть мой отец, с 1956 г. состоял в коммунистической партии, заседал, как тоже уже говорил, в парткомах

и райкомах, являлся ответственным руководителем средней руки. А его мать, баба Катя, опять же была верующей. И никого это тогда не смущало, и никому это не мешало ни в служебном росте, ни в общественном самочувствии.

В связи с этим вспоминается и история деда Василия, бывшего «белого» офицера, «золотопогонника», как говорили наиболее злостные противники «старого режима». Его старший сын Юрий стал советским командиром (слово «офицер» тогда ещё не использовалось, вошло в обиход году к 1944-му. А ещё раньше оно было почти созвучно слову «враг»). С марта 1943 г. он тоже успел в своей короткой жизни поносить погоны с одним просветом — лейтенантские, по-старому — подпоручика. Те самые, некогда не лучшим образом отозвавшиеся на судьбе его отца.

Из рассказов старших родственников узнал, что во время войны в Астрахани, долгое время бывшей прифронтовым городом, где размещалось множество госпиталей, военные училища, пехотные и авиамеханическое, и одно время даже штаб Сталинградского военного округа, некоторые командиры-офицеры, уже с золотыми погонами, вовсе не стеснялись посещать церковь. По этому поводу в народе гулял слух, что после войны «будет как при царе».

Об этом пишу не случайно. Похоже, что перечисленное тоже стало маленьким вкладом в моё последующее понимание того, что непростая история страны — едина. Солнце над Россией взошло вовсе не 25 октября 1917 г., как это много лет считалось ранее, и уж тем более не 21 августа 1991-го, как это некоторые полагают сейчас. Оно светило над ней всегда. Кресты на куполах и пятиконечные звёзды на шпилях и обелисках друг другу не противоречат, а дополняют, ибо являются знаками одного мироустройства. Наша история — как семейная. Во всяком случае, именно так я довольно быстро воспринял её, когда в 1990-е гг. приступил к знакомству с камчатской стариной, особенно переломного времени первой трети двадцатого столетия. Хотя у разных людей мнения на сей счёт были и тогда, и сейчас остаются ой какими противоположными...

Первые уроки краеведения. Бабушки, особенно Катя, нередко рассказывали о былой жизни в Астрахани, нравах её жителей, о том, что когда-то размещалось в том или ином здании в историческом центре города. Наши беседы проходили как дома, за столом, на диване или в креслах, так и на улице во время прогулок, ближе к вечеру, когда спадала знаменитая астраханская летняя жара. Наиболее запомнилось то, что бабушки рассказывали и показывали во время наших приездов из Петропавловска на время

отпусков. Тогда я был уже подростком, любил читать исторические книжки, поэтому услышанное и увиденное воспринимал как своеобразные иллюстрации к ним.

Из бабушкиных рассказов приведу парочку. Первый — о дореволюционной жизни. В одном из больших магазинов, это здание сохранилось и поныне, купить можно было всё, что душе угодно, в том числе и живого осетра. Большой аквариум с ними располагался в торговом зале, указав приказчику пальцем сквозь толстое стекло, можно было заполучить понравившуюся тебе рыбину. Редкая и дорогущая по нынешним временам чёрная икра продавалась тогда на развес по вполне доступным ценам, с ней даже готовили пироги, большие и малые, предлагавшиеся желающим кусками и поштучно.

Второй — из ранних советских времён, начала 1920-х гг. По тогдашней бедности некоторые представители молодёжи, стремившиеся на вечерний летний променад, заменяли отсутствующие приличные белые штаны (наверное, те, о которых мечтал великий комбинатор) обыкновенными кальсонами, надеясь, что в темноте подмена не будет обнаружена. Прилагавшиеся к таким «дудочкам» матерчатые тапки для форсу «отбеливались» обычным мелом.

Теперь мне понятно, что им самим эти рассказы навевали воспоминания о прошедшей молодости. Помню одну поговорку бабы Шуры: «При царе сахар был слаще». Только с годами стал понимать её истинный смысл, означавший, помимо шутливого, что многое в старину делалось гораздо основательнее, чем потом.

Центр Астрахани — музей под открытым небом. По дороге попадались литые колодезные крышки с надписями ещё в старой орфографии, такие же «старорежимные» таблички на некоторых почтовых ящиках или дверных щелях. Каждый старинный дом обладал только ему присущими архитектурными чертами и особым очарованием. Можно было бесконечно рассматривать ажурную кирпичную кладку, литую чугунную вязь парадных лестниц, балконов и колонн. Конечно, главным историко-культурным центром города являлся Кремль с его многовековыми церквями, башнями и стенами. Наверное, вовсе не случайно в нём размещалось и художественное училище, которое в своё время окончили двоюродный брат Александр и его жена. Говорят, что «стены учат», не сомневаюсь, что такие исторические — в особенности.

Да вот, по поводу чугунных лестниц. Такая была в давно снесённом доме на улице Советской милиции, где жила мамина сестра — тётя Аля. А, наверное, самая грандиозная находилась в быв-

шем богатом купеческом доме этажа в четыре, да каких высоченных, в котором располагалась поликлиника водников, то есть работников водного транспорта. В ней трудилась тётя Лора, и я бывал там по мере необходимости. Наверх вела широченная, до блеска отполированная подошвами посетителей лестница с тонким просвечивавшим узором по краям ступеней. Подниматься по ней для меня было ещё сносно, а вот спускаться — так просто страшно! Помню, как судорожно цеплялся за перила, а чтобы посмотреть вниз... Интересно, что спустя годы мне о своём таком же почтительном страхе перед этим выдающимся чугунолитейным сооружением поведал племянник.

«Гавриловский» дом на улице Кирова уже тогда считался историческим, он был возведён в середине XIX в. В разделённых перегородками былых покоях для солидных господ сохранялись лепнина на потолке, уже недействующие печи у стен, исконные двери с массивными бронзовыми ручками. Неподалёку от ведшей ко входу в жильё подворотни стоял чугунный столбик с грибовидной верхушкой, слегка покосившийся от времени. Он оказался своеобразной «швартовной тумбой» — местом, где извозчики когда-то привязывали своих лошадей. Показали мне и остатки особого «воротника», закреплённого то ли на столбе, то ли на дереве. О его края было удобно обдирать сургучную заливку бутылочных горлышек и удалять пробку. Значит, поблизости когда-то размещались кабак или винная лавка.

Предметы старины имелись и в нашей квартире на улице Татищева. Это были вещи бабы Шуры. Среди них — отлично сохранившийся сундук, обитый медными полосами, покрашенный голубым и закрывавшийся на врезной замок, а также чугунная ступка с пестиком, кое-какая посуда, фамильные иконы.

Ранние петропавловские впечатления и заблуждения. В 1971 г. отец вернулся по приглашению руководства Камчатрыбпрома на полуостров, возглавив недавно организованный в Петропавловске Камчатский филиал ЦПКТБ Главного управления «Дальрыба». Наша семья воссоединилась в октябре 1972 г.

Первое, чем меня удивил осенний Петропавловск, это своей «вертикальной природной компоновкой», если так уместно выразиться. То есть высоченными сопками, встроенными прямо в городскую черту, словно врезавшимися в небо, не говоря уже о далёких вулканах. Горизонт, особенно обрамлявший Авачинскую губу, чем-то напоминал зубья пилы. А в Астрахани — всё плоское, самыми приметными являлись исключительно рукотворные сооружения —

телевышка, кстати, точно такая же, как и на нашем новом месте жительства, колокольня и Успенский собор в Кремле.

Второе — довольно мрачным видом многих городских строений. Они в значительной мере были представлены сейчас уже почти исчезнувшими неказистыми деревянными одно- и двухэтажными сооружениями, обшитыми досками, зачастую с облупленной краской. Их мокрые, оттого и серые стены, уличная прохлада и сырость, голые ветки деревьев сильно отличались от привычных ярких астраханских видов с красивой архитектурой, широкими и прямыми дорогами и тротуарами. Потом узнал, что некоторые сооружения назывались бараками и являлись одним из распространённых видов тогдашнего камчатского жилья. Как раз такой располагался ниже нашего дома, позже выяснилось, что там обитал один из моих школьных сотоварищей.

Третье — малым числом плоских площадок. Это в последние годы они стали появляться в новых районах да освобождаться при перепланировке старых. Тогда же город представлял собой несколько основных дорог, по сторонам коих тянулись бесконечные заборы, нередко обвитые колючей проволокой. За ними скрывались воинские части, разнообразные склады и зоны, промышленные и уголовные, а также и помянутые бараки. И уж никак, по астраханским меркам, на понятие «площадь» тогда не тянула Комсомольская, в окрестностях которой прошла большая часть моей сознательной жизни. Тем отраднее, как старожилу, видеть, как изменился облик Петропавловска, особенно за последнее десятилетие.

Из окошка родительской спальни дома на улице Вилюйской виднелись Петровская сопка, Култучное озеро, Авачинская губа и вулкан на её противоположном берегу. На сопку, почти до самой вершины, до торчащих камней, от подножия тянулись несколько троп. Перед поездкой на полуостров, ещё в Астрахани, специально прочитал несколько популярных книжек и статей и, как просвещённый человек, знал о том, что наше новое/старое место обитания — край вулканов, гейзеров и землетрясений. А последние непременно порождают трещины в земной коре. Вот такой трещиной я решительно объявил самую заметную тропу и искренне не понимал, почему такое разумное объяснение вызывает усмешки со стороны взрослых.

На берегу Озерновской косы недалеко от берега, примыкавшего к механическому заводу, лежало полузатопленное деревянное судно. Его остатки видны и сейчас. Вполне откровенно, и не я один, полагал, что это и есть остов корабля самого великого капитана-

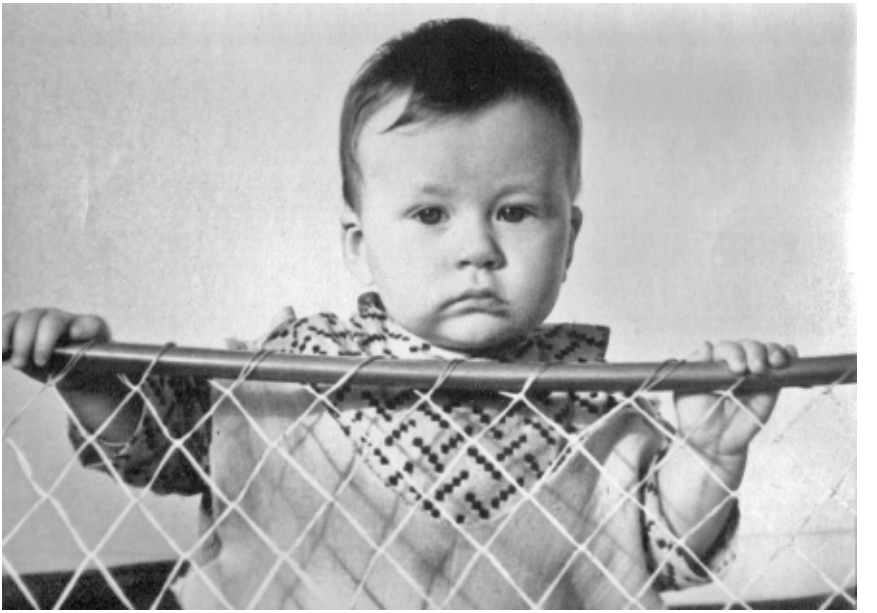
командора. Став повзрослее, расставшись с этим заблуждением, с приятелями неоднократно удили рыбу, забрасывая снасти с его корпуса, обросшего тёмно-зелёной бахромой водорослей.

Какое-то время был твёрдо убеждён, что на Камчатке тоже есть железная дорога. Дело тут вот в чём. Наш астраханский дом стоял в квартале крайним и примыкал к рельсовым путям, неподалёку находился переезд через них, располагались различные службы. Душными летними вечерами и ночами сквозь открытые окна хорошо слышались отдаваемые по мегафону команды, стуки сцепляемых вагонов, шумы и свистки тепловозов.

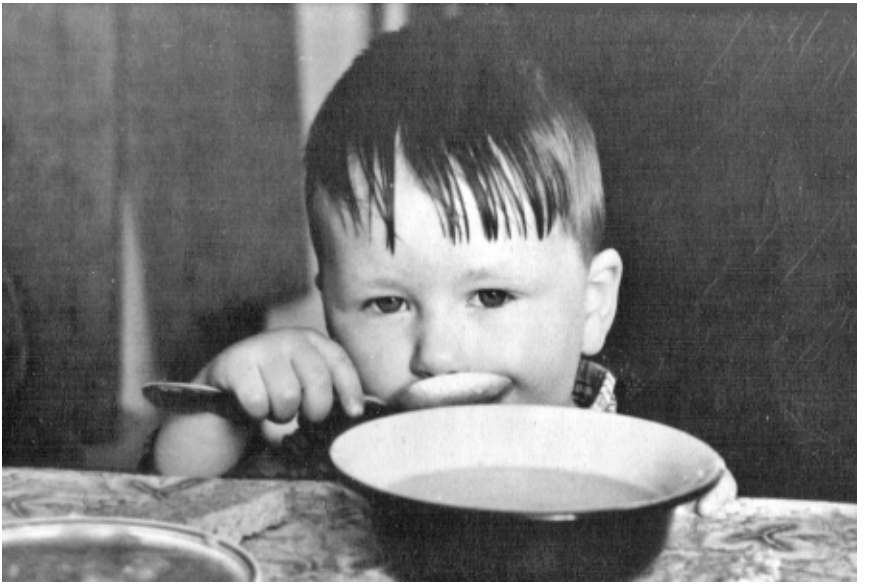
Нам строго-настрого запрещалось даже думать о том, чтобы сунуться в этот чрезвычайно интересный, но и крайне опасный для непосвящённых мир, обнесённый забором. Моё убеждение, что в Петропавловске дело обстоит так же, подчёркивалось тем обстоятельством, что на механическом заводе со стороны, где шла дорога, стоял «энерговагон», то есть обычный железнодорожный, начинённый дизельной электростанцией. В соседнем с нашим частном доме жил почтенный человек, почему-то ходивший в фуражке, весьма похожей на железнодорожную...

Вторая школа. В октябре 1972 г. отправился учиться в памятную многим старожилам Петропавловска среднюю школу № 2 имени Л. Н. Толстого, что на улице Ключевской, в бывшем АКОграде. На всякого её посетителя классик сурово взирал со своего чёрно-белого портрета, начинавшегося чуть не от пола и помещённого прямо напротив входа. Школа была небольшая, располагалась в двухэтажном деревянном здании. В ней ещё стояли классические гимназические деревянные парты, объединённые с сидениями, с некогда откидывавшимися, но теперь намертво заколоченными крышками. На их верхней плоскости сохранялись выемки для ручек, карандашей и чернильниц. (Их, кстати сказать, ещё застал в астраханской школе в первом классе. Чернильница имелась и в подаренном мне в 1969 г. «Наборе первоклассника». Но ими уже никто не пользовался.)

Был зачислен в четвёртый «В» класс, руководитель — Лидия Ивановна Линник, замечательный, душевный человек. В школе дела шли обычным образом. Каких-то уж очень ярких событий, связанных именно с учёбой, не припомню. Разве пару выступлений с докладами по географии (про великую русскую реку Волгу) да истории (долго готовился и, как мне казалось, красочно излагал одноклассникам ход последней русско-турецкой войны 1877—1878 гг.), ещё уже упомянутое сочинение на военную тему.

Похоже, что это моё первое сохранившееся изображение.
Озерная, 1963 г.

За трапезой, 1964 г.

С сестрой Ларисой. Озерная,
1963—1964 гг.

«На побывку едет молодой моряк...»

В московском зоопарке

Мама, Лариса и я, 1964 г.

Возле кинотеатра. Озерновский комбинат, 1965 г.

Приятели по дому: Рафаэль Бикбаев и Дима Фишман. Астрахань, 1968 г.

«Война и мир». С Серёжей Семёновым. Астрахань, 1970 г.

В начальной школе, 1971—1972 гг.

Больше запомнились дела общественные и житейские, вроде того, что классе в шестом из раздевалки спёрли демисезонную болоньевую куртку, которая так и не нашлась. Помню свои душевные и физические мучения по случаю неумения кататься на лыжах. Вскоре после начала учёбы пришла зима, и уроки физкультуры были перенесены на заснеженный лёд Култучного озера. На него надо было скатиться с довольно крутого откоса, что пребывает напротив строящегося гостиничного комплекса. Мои неуклюжие попытки делать это вызывали законные насмешки новых одноклассников. Потом это дело кое-как, конечно, освоил, но не полюбил, что для камчатского обитателя, согласитесь, не вполне обычно.

В Астрахани научиться кататься на лыжах было невозможно из-за отсутствия там для этого главного — снега. Он выпадал не каждый год, а если и ложился, то ненадолго и был неглубоким. Здесь вспоминается один связанный с этим эпизод. В нашем и соседних домах обитало довольно много выходцев с Дальнего Востока. И вот один из них, улучив такой редкий момент, достал свои уже бесполезные, но зачем-то сохранённые лыжи, встал на них и сделал несколько кругов по своем*у* и окрестным дворам. Публика, значительная часть которой лыжи видела только в кино, была немало удивлена. В нашей семье для вывешивания белья в ванной долгое время использовался кусок архаичной бамбуковой лыжной палки, наверное, тоже завезённой с Камчатки.

А вот с морозами в Астрахани было всё в порядке, поэтому с катанием на коньках сложностей не возникало. Но на них-то скользят исключительно по ровной и плоской поверхности, а на лыжах — далеко не всегда...

Году в 1974-м класс принимал участие в параде по случаю Дня пионерии (19 мая). Мы изображали «юных пожарных», для чего были обряжены в чёрные комбинезоны и каски, правда, пластмассовые строительные, и сидели на автомашине — настоящей пожарной лестнице. Та двигалась по спуску с Ленинской на Театральную площадь. 7 мая 1975 г. присутствовал при открытии по случаю 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне памятника — танка Т-34 на Комсомольской площади. Как-то был делегатом большого пионерского слёта, проходившего во Дворце пионеров на улице Пограничной.

Учителей представляю внешне, а вот кого как звали — нет. Вспоминаются имена и отчества одних, фамилии других, а чтобы всё сразу... Стыдно, конечно, но что уж теперь поделаешь...

В 1977 г. я окончил восемь классов этой замечательной школы, в «Свидетельстве о восьмилетнем образовании», выданном 11 июня, при «удовлетворительном поведении» значатся два зачёта (музыка и изобразительное искусство), двенадцать четвёрок и две пятёрки, последние — по истории и географии. Этот год стал для школы № 2 последним — вскоре её преобразовали в межшкольный учебно-производственный комбинат.

Ближе к завершению восьмого класса имел большое желание поступить на судомеханическое отделение петропавловской средней «мореходки», стать моряком. Произошло это под впечатлением от рассказов старших приятелей по дому, уже учившихся там и красочно живописавших происходившее. Этому решительно воспротивилась мама (отец уже умер), категорически настоявшая на продолжении школьного обучения. Вообще-то у родителей были свои планы на моё будущее: мама хотела, чтобы я пошёл учиться на врача (наверное, имела в виду Астраханский мединститут), а отец часто шутил, что неплохо было бы стать генералом, то есть военным. Но в мореходке я, в конце концов, всё-таки оказался, правда, в ином качестве.

Библиотечный прихожанин. Ближайшая к дому библиотека, помимо школьной, в начале 1970-х гг. размещалась в доме на улице Ключевской, 56, в его среднем подъезде. На первом этаже влево вёл вход в неё, а вправо — в третье почтовое отделение. Сейчас и библиотека, и почта тоже расположены рядом, только теперь в комплексе зданий КамчатГТУ со стороны улицы Ленинградской.

Туда записался сразу по переезду и был довольно активным читателем. Вспоминается вот такой, связанный с ней, хотя и не вполне книжный, эпизод. Сильно нравилось мне носить блестящие чёрные резиновые сапожки, несмотря на то, что большой необходимости в них не было по причине отсутствия на улицах воды. В народе же гуляло мнение, что ношение резиновой обуви чуть ли не способствует развитию ревматизма, уж не знаю, насколько это верно. Не поощряла это дело и мама. Тем не менее, нарядившись в любимую обувку, отправился сдавать прочитанные и брать новые книжки. А тут вдруг приехала телевизионная группа снимать сюжет, тогда на кинокамеру. Я как раз сдавал книжки, поэтому был в принудительном порядке выставлен режиссёром/оператором в выгодном ракурсе возле стойки и запечатлён на плёнке. Потом опасался, что посмотрит мама телевизор, увидит меня непослушного и расстроится. Сюжет, действительно, спустя пару дней показали в новостном

выпуске, но запретные сапоги в кадр не попали, в него вошло только то, что размещалось выше пояса...

Как-то раз, сразу после Нового года, в начале зимних каникул зашёл в библиотеку и был перерегистрирован под первым номером. Это мне понравилось — не каждый же может называть себя первым хоть в чём, и поэтому стал каждый год приходить пораньше, преследуя именно эту цель. Как-то опоздал, но с удовлетворением отметил, что первый номер за мной сохранён на последующее время. «А мы тебя хорошо запомнили», — было заявлено мне в тот раз.

Позже, в выпускных классах, когда библиотека уже находилась на своём нынешнем месте, стал первым читателем многих толстых красных томов собрания сочинений Дюма. Они выпускались в особой серии, предназначенной только для библиотек. Освоил всё подряд, в том числе, конечно, и знаменитых «Трёх мушкетёров». Помню, что в голове после этого всё перемешалось: чужие исторические короли с миледями, виконты с дебражелонами, графья с монсеньерами и прочая, и прочая, и прочая. Спустя годы подумалось, а чего ради столько сил было положено на одоление сего иноземного чтива, за исключением, конечно, помянутых мушкетёров, на положительных примерах и романтизме которых выросло не одно поколение? Не лучше ли было бы потратить их на настоящее освоение собственного, богатейшего российского литературного наследия? Но эта мысль пришла уже потом.

Сейчас по-прежнему являюсь верным «прихожанином» этой библиотеки, названной в честь писателя Николая Васильевича Санеева, но по старинке именуемой в народе «рыбацкой». Дело в том, что пошла она ещё от знаменитого в своё время книжного собрания Акционерного Камчатского общества, главной рыбацкой организации на полуострове. С нынешним коллективом библиотеки и её заведующей Ириной Юрьевной Ческидовой (называю её «хозяйкой книжной горы») поддерживаем уважительно-дружеские отношения, которые весьма ценю. Стараюсь принимать участие в проводимых этими славными людьми действах, некоторые мои книги сознательно впервые представлены публике именно в здешних гостеприимных стенах. Не скрою, особенно приятно было, когда узнал, что в библиотеке даже имеется особый «уголок писателя Гаврилова», или что-то вроде того.

Урок курения. Приобщение к этому пагубному занятию состоялось несколько необычно. То, как таким увлекательным делом, как тогда казалось, придающим солидность и взрослость, занимаются

старшие пацаны (девчонки тогда, в отличие от современных, не дымили), наблюдали с завистью. Происходило это действо за школой, и заходить туда малолеткам — относительно культурненьким мальчикам из хороших семей было страшновато.

Поэтому с приятелем пошли другим путём: сэкономили из родительских средств, выдававшихся на завтрак или обед, приличную сумму. Её решили «целевым образом» использовать на покупку заворожившей нас настоящей кубинской сигары, упакованной в алюминиевый футляр с завинчивающейся крышкой. Футляр же был ещё и помещён в целлофановый пакетик. Это чудо продавалось в центральном гастрономе на улице Ленинской, сейчас на его месте находится заброшенная стройплощадка. Оно было выставлено в шикарной старой витрине с цельным изогнутым стеклом и стоило много — целый рубль ещё и десять копеек. Это при том, что школьный перекус из стакана сливового сока (почему-то запомнился именно он) и сдобной булочки обходился копеек в пятнадцать.

Поскольку продажа табачных изделий несовершеннолетним запрещалась, применили хитрость, попросив постороннего дядьку, сказав ему, что хотим сделать такой подарок взрослому родственнику. Затем возник вопрос, а где, собственно, её распробовать? У школы — исключено, на улице — страшно. Решили делать это у меня в ванной. Тут надо пояснить, что там стоял привычный в те времена дровяной титан, жестяная труба которого уходила в дымоход, выполненный в стене. Туда и отправились, решив пускать дым изо рта в топку. Стали зажигать сигару спичками, но та никак гореть, то есть тлеть, не хотела. Нам и в голову не могло прийти, что настоящие курильщики обрезают у неё кончик. Поскольку жечь сигару быстро гаснувшими спичками оказалось делом хлопотным, перешли на постоянно горящую свечку.

Мусолили долго, пока, наконец, не прорвали наслюнявленный табачный лист на кончике. Дым стал тянуться. Началось собственно «курение»: мы по очереди набирали дым в рот и выпускали его в открытую топочную дверцу. Если бы затягивались, то точно бы закашлялись, как это бывает со всеми новичками, тем более что сигара гораздо крепче, чем обычная папироса или сигарета, но этого не случилось. Тем не менее, во рту стало неприятно и кисло, голова закружилась. «Покурив» столь затейливо, обалдели и вышли проветриться на улицу, долго приходили в себя, сидя возле подъезда на краешке подвального вентиляционного люка.

Сигару предварительно потушили, потыкав ею о заднюю стенку чугунной топочной дверцы, вложили в футляр. Затем на протяжении

нескольких дней прикладывались к ней ещё не раз, пока её вместе с футляром не отобрали старшие школяры. Случилось это как раз за школой, где мы гордо являли одноклассникам своё приобретение в действии.

Потом был долгий перерыв, а более-менее часто покуривать, уже по-настоящему, то есть «взатяжку», да ещё выпуская дым из носа, стал классе в седьмом. Но теперь в дело шли уже не сигары, а вполне приличные папиросы, вроде «Герцеговины флор», которые, как говорят, уважал сам товарищ Сталин, «Палехский баян» и «Богатыри». Они упаковывались в распахивавшиеся плоские коробки: первые в чёрно-зелёную с золотом, вторые — в коричневую, а третьи — в золотисто-жёлтую с васнецовской картинкой. Некоторые папиросы даже имели золотой ободок на картонной трубочке. Стоило это добро от полтинника до семидесяти пяти копеек и запросто покупалось нами в табачном отделе легендарного гастронома № 3 на Ленинградской (сейчас на его месте находится автостоянка Океанрыбфлота). Позже перешли на обычный, но крепкий «Беломорканал» за двадцать две копейки, кисловатый «Казбек», простые сигареты без фильтра «Прима» копеек за пятнадцать и с фильтром типа «Ту-134» или «Опал», уже за сорок.

Как-то попался на улице с сигаретой маме, состоялась «разборка» с укором, что в семье никто не курит. Это было так. К тому же совсем недавно я заполучил в последней четверти «трояк» по математике. В совокупности всё это указывало на начавшееся стремительное моральное и нравственное падение...

В хроническую привычку пагубное занятие не переросло, происходило, как говорится, «по случаю». Начинал покуривать и неоднократно бросал в институте, на службе, во время работы в средней мореходке. Окончательно дымить бросил 1 марта 1991 г., когда мы отмечали юбилей коллеги по кафедре в «вышке». А произошло это по «заранее согласованной программе». Дело в том, что в это время табачные изделия продавались по талонам. На них в последний раз пришлись довольно противные сигареты без фильтра «Астра», или, как их именовали в народе, «Астма». Отоварившись за последний квартал 1990 г. за всё семейство их трёх человек, двое из которых этим добром никогда не баловались, отнёс приобретённое на кафедру и объявил себе и коллегам, что курить брошу, когда закончится последняя сигарета. Сие и случилось во время нашей помянутой коллективной пьянки. Никакого желания возобновлять это дело с той поры больше не возникало, помогла тому предварительная «моральная подготовка».

Первая школа, то есть № 1. В сентябре 1977 г., по закрытии школы № 2, были отправлены доучиваться в девятом и десятом классах в школу № 1, располагавшуюся на улице Пограничной. Здесь мы, перешедшие в большом количестве, основательно разбавили уже существовавшее местное школярское сообщество. Это учебное заведение оказалось гораздо больше и просторнее старого. Оно было типовым трёхэтажным, с широкими коридорами, просторными классами, полноценными актовым и спортивным залами.

Но в школу № 2, правда, уже бывшую, пришлось вернуться. Как уже говорил, в течение 1977—1978 гг. её преобразовали в межшкольный учебно-производственный комбинат. В советское время трудовому воспитанию школьников уделялось очень большое внимание. Небезосновательно считалось, что оно способствует вхождению молодёжи во взрослую жизнь, прививает не просто какие-то навыки, но и ответственность за порученное дело, приучает к жизни в коллективе.

Руководство комбинатом было поручено легендарному, без всякого преувеличения, педагогу Ивану Петровичу Олейникову, пребывавшему тогда уже в почтенном возрасте. Он был ветераном войны, имел много наград и пользовался в городе и области большим уважением. На нас, юных обалдуев, сильное впечатление производили его страстные и образные речи, иногда произносившиеся во время общих построений. Спустя годы, в «высшей мореходке» трудился на одной кафедре с его сыном — Борисом Ивановичем Олейниковым, профессором и ректором. Он стал достойным преемником отца в деле воспитания молодёжи, у него мне удалось много чему научиться. Борис Иванович, несмотря на ректорскую и депутатскую занятость, стал рецензентом моей первой краеведческой книжки — «Маленькие камчатские истории», вышедшей в 2002 г.

Последний — десятый — класс занимался в комбинате по специальности «автодело». Между прочим, она пригодилась — во время летних каникул работал в таксопарке. Честно говоря, учиться в школе не любил, но делал это неплохо: в аттестате о среднем образовании, выданном 26 июня 1979 г., троек не имел. По географии по-прежнему получил пятёрку, её же — по астрономии, а вот по истории СССР и всеобщей — уже по четвёрке, хотя и «выполнил программу... по факультативному курсу истории», правда, в чём именно она заключалась, не помню. Тем не менее, уже тогда стала явно просматриваться моя определённая тяга к «гуманитарной» составляющей школьного образования, впрочем, сочетавшаяся с технической в лице помянутого автодела. Может быть, этому

поспособствовала и нелюбовь к математике, одной из причин которой были сложные взаимоотношения с классным руководителем, как раз «математичкой».

Сохранилось моё сочинение из десятого класса на тему «Каково значение статьи Ленина для возникновения и развития социалистической литературы?». Похоже, что в нём обсуждалась статья вождя мирового пролетариата «Партийная организация и партийность литературы». Вот кусочек сочинения: «...Будущее социалистической литературы Ленин видел в том, что это будет литература, свободная от финансовой зависимости, она будет служить миллионам трудящихся и будет ими поддерживаться...» Тогда и не подозревал, что борьба с этой самой «финансовой зависимостью» станет одним из моих основных занятий на многие годы вперёд. Но об этом расскажу позже.

Операция по смене пола. Первый паспорт получил, как тогда и было положено, в шестнадцать лет, то есть весной 1978 г., в паспортном столе, что и ныне располагается в здании отдела УВД на улице Ленинградской, напротив старой обл/крайбольницы. С этим документом связан вот такой, если так можно выразиться, «биографический курьёз». В графе «национальность» чёрной тушью или чернилами по сероватому сетчатому фону красивым почерком почему-то было записано «русская». (В те «нетолерантные» времена, в отличие от нынешних, эта графа, пятая по счёту, в паспортах присутствовала, и это никого не смущало.) Это при том, что на предыдущей странице была приклеена моя мужественная фотоличность. Не заметив этого, получив основной документ гражданина СССР на руки и расписавшись за него в толстом журнале, отправился домой. И только тут мы с мамой рассмотрели допущенную работниками стола ошибку.

Поспешил обратно, показал тётенькам неисправность. Те удивились, переглянулись между собой, а потом одна из них, приложив палец к губам, многозначительно произнесла: «Никому не говори!» После чего обычным бритвенным лезвием аккуратно подчистила две последние ошибочные буквы и вписала вместо них правильные. Вот так легко и просто был изменён мой пол, только по устному заявлению. Намного же я тогда опередил время, вот так запросто заглянув в современную «трансгендерную» эпоху с её множественными «самоидентификациями»! Исправленное рукой профессионала было незаметно и на просвет, и в таком виде паспорт служил мне до конца 1990-х гг., когда графа «национальность» исчезла из него, и похоже, что навсегда.

Амортизаторы и холодильники. По окончании девятого класса, то есть летом 1978 г., прошли военные сборы в Чапаевке. Выстроили нас, только юношей, на площадке перед школой, под началом военрука посадили в автобус и отправили в часть. Там показали расположение и вооружение, провели какие-то беседы, сводили в кино. Затем состоялся обед. Помимо традиционных солдатских щей да каши с компотом дали по яблоку, пряннику и конфете. Подумалось, что живётся воинам не так уж и плохо. Правда, один боец потом пояснил, что это специально для нас так расстарались, на самом деле всё обстоит гораздо прозаичнее. Отправились на стрельбище, там нам дали по несколько раз пальнуть одиночными в мишень из «калаша», отчего основательно заложило непривычные к такому шуму уши. Стреляли и раньше, на школьных уроках по начальной военной подготовке, из винтовки-мелкашки в карьере, что выше улицы Пограничной, но это оказалось несопоставимо. Кому-то повезло — ему представилась возможность выпустить очередь из ручного пулемёта. На этом «военная наука» и завершилась, управились за один день.

После такого приобщения к будущей воинской жизни, а все мы уже прошли «приписку» в военкомате на улице Максутова, отправились на производственную практику в таксомоторный парк (пассажирское автотранспортное предприятие № 2, как он назывался официально), что на улице Высотной, по родной специальности «автодело». На ней как раз «проходили» основную тогда такси-машину ГАЗ-24 «Волга». Были они, как правило, салатно-жёлтого цвета с чёрными или коричневыми «шашечками» на корпусе. В парке нас расписали по разным участкам, я в основном помогал слесарю, возившемуся с гидравлическими амортизаторами, но как-то поучаствовал и в разборке двигателя. А потом мы нашли себе «коммерческое» занятие. Не помню, с чьей подачи, пристроились парой «бригад» по трое мыть машины. Тариф был такой: корпус с салоном — три, всё это ещё и с мотором — пять рублей. В принципе, для школяров весьма неплохо, так что к концу практики обзавёлся вполне приличной, хоть и «левой», но честно заработанной суммой. Во время одной из помывок/помоек услышал вот такую фразу, отпущенную в наш адрес одним из водил по поводу другого: «Он коммунист — много не даст!» Так впервые узнал, хоть и с чужих слов, что коммунисты — это какие-то особенные люди... Мои труды на этой практике руководство парка отметило почётной грамотой «за усердие и добросовестную работу»

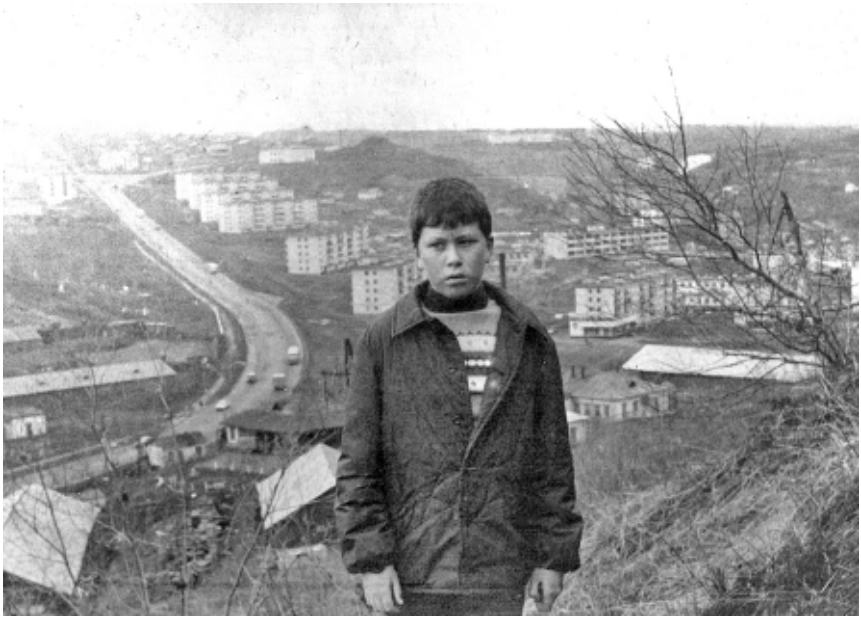
Наш дом на улице Вилюйской (справа, с высокой трубой), январь 1973 г.

Лыжные учения на Култучном озере, январь 1973 г.

На Петровской сопке, октябрь 1973 г.

Подъём на Четвёртый километр. Вид с Петровской сопки, октябрь 1973 г.

В термальном бассейне. Паратунка, лето 1974 г.

С отцом. Астрахань, июль 1976 г.

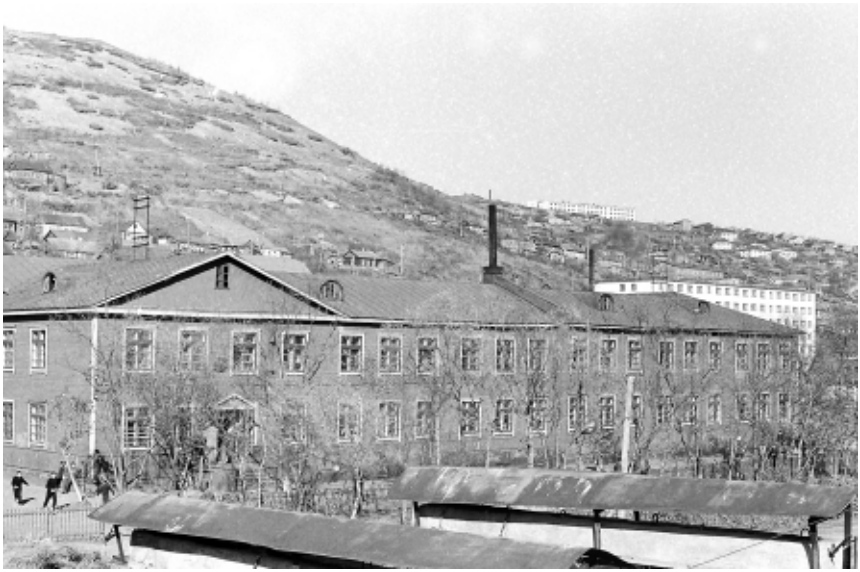
С мамой дома, октябрь 1976 г.

На берегу Авачинской губы, сентябрь 1976 г.

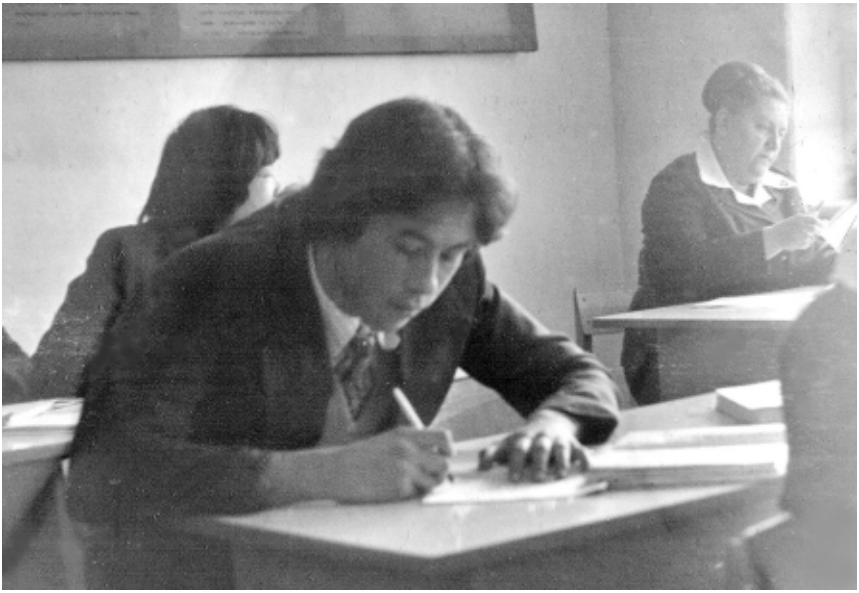
Школьные приятели: Гена Кузьмин, Саша Ларкин, Костя Пономарёв, Андрюша Колесников, Валера Кулагин. Школа № 2 имени Л. Н. Толстого, 1 мая 1977 г.

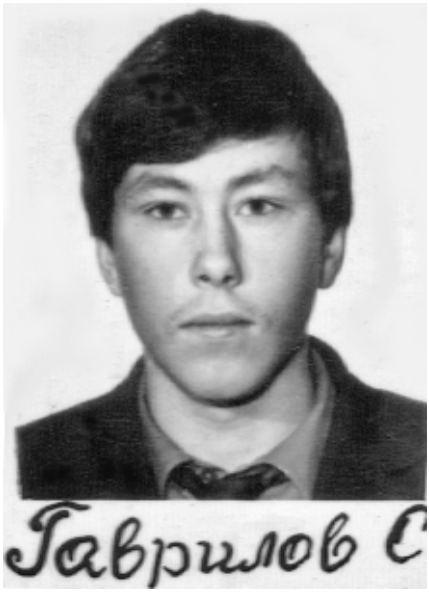
Вот она — эта ныне не существующая школа № 2 на улице Ключевской

8-й «В» класс, школа № 2 имени Л. Н. Толстого. С одноклассниками Андреем Казанковым и Сергеем Проторским, 1977 г.

10-й «В» класс, школа № 1. Сзади — Слава Цай, справа — учитель физики Нина Александровна Костенко, 1979 г.

Из выпускного альбома
за восьмой класс
(1977 г.)

Из выпускного альбома за десятый
класс (1979 г.)

Аттестат зрелости вручает директор школы № 1 М. Ф. Белавина, июнь 1979 г.

Студент Камчатского филиала Дальрыбвтуза, курс примерно третий,
то есть 1982 г.

Однокурсники: Сергей Гранкин, Андрей Вологин, Сергей Дидух
(с ним вместе служили в в/ч 25108-Р)

Группа СМ-41 судомеханического факультета КФ Дальрыбвтуза, 1983 г., куратор И. А. Курносова

ПКМУ. С преподавателем-методистом В. М. Овчинниковым (моим педагогом-наставником) в его кабинете судовых вспомогательных механизмов, 1988 г.

ПКМУ. Фото с «Личного листка по учёту кадров», 1988 г.

Курсанты 221-го класса ПКМУ в бытовой комнате — готовят парадную форму к увольнению

ПКМУ. Коллектив судомеханического отделения за чаем по случаю 8 марта 1987 г.

ПКМУ. Молодые преподаватели у входа в главный корпус (слева направо): В. В. Сафронов, Е. А. Голубев, С. В. Гаврилов, И. Н. Столбов, В. В. Лашин, В. А. Галичин, 1989—1990 гг.

Практика окончилась, лето было в разгаре. Официальных занятий не просматривалось, а бездельничать особо-то и не хотелось. Тогда нашёл себе другое дело — устроился по объявлению, прочтённому по случаю, в магазин «Электрон» объединения «Промтовары» учеником продавца. Тут мне определили, как несовершеннолетнему, законный шестичасовой трудовой день, выдали тёмно-синий халат. Отныне моей заботой стала ни много ни мало, а продажа бытовых холодильников. Ходил с отвёрткой, торчащей из переднего кармана халата, ею прикручивал по месту рукоятки и прочую холодильную атрибутику. Но сначала белоснежные аппараты (исключительно белоснежные и все отечественные) надо было выкатить в торговый зал, снять упаковку, испытать в работе, показать, так сказать, товар лицом заинтересованным покупателям.

Надо заметить, что некоторые из них принимали меня, к моему полному удовольствию, вполне всерьёз. Научился разбираться в маркировке, в том, что обозначают снежинки на крышке морозилки или дверке холодильника, как проверять плотность прилегания уплотнителя, быстро оценивать общую работоспособность, получил и другие полезные навыки. Коллектив магазина был понастоящему комсомольско-молодёжным, в основном женским, все меня значительно старше. Тем не менее, общались замечательно. Хотя моя работа в «Электроне» и завершилась месяца через полтора, наши встречи продолжались долго. Время от времени заходил туда, благо он располагался недалеко от школы, пересекались на улицах или в разных местах, а одна кассир/ша спустя какое-то время жила в моём доме. Последних своих недолгих коллег по «торговому цеху» встречал уже в начале 2000-х. Они к этому времени перебрались в другие места нашей необъятной страны, но приезжали заработать на время лососёвой путины. Поначалу звали поработать ещё, и сделал бы это с удовольствием, но следующее лето, 1979-го, обещало быть нескучным и так.

Камчатский филиал. По окончании школы № 1 поступил на судомеханический факультет Камчатского филиала Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства. Такое длинное и официальное название в обиходе использовалось довольно редко, обычно ограничивались коротким — «Дальрыба». За три десятка лет деятельности филиала (с середины 1960-х гг. до 1986 г.), на Камчатке, да и за её пределами сложился «клан» его выпускников, для которых слово «Дальрыба» и поныне является своеобразным «паролем», означающим их принадлежность к определённому сообществу.

Зачислен туда 25 августа 1979 г. после успешной сдачи четырёх вступительных экзаменов: математики письменно и устно, физики устно и сочинения. Готовился к ним весьма основательно, потому и сдал неплохо: два на четвёрки, два — на пятёрки. Лучшим среди нас оказался мой одноклассник, получивший три пятёрки (правда, он был отчислен со второго курса, но не за неуспеваемость, а за дисциплинарный проступок. Восстановился позже, после службы). Конкурс был небольшой, но был — два с половиной человека на место. Специальность судомеханика ценилась, считалась в нашем вузе самой престижной. Сразу же получил стипендию в размере шестидесяти четырёх рублей. Нас, таких счастливчиков, в группе оказалось поначалу всего четверо, потом добавились ещё трое.

Выбор именно этого вуза (старожилы ещё помнят шутливую поговорку: «Самый лучший в мире вуз — наш камчатский Дальрыбвтуз!») был не случаен. С детства рос в атмосфере производственных «рыбных» разговоров родителей, их коллег и друзей. Это с одной стороны. А с другой — особого разнообразия-то среди высших учебных заведений Петропавловска тогда и не было: педагогический институт с его гуманитариями, филиал всесоюзного юридического со здешними крючкотворами да уже помянутая техническая «Дальрыба».

Студенчество началось с «картошки», то есть с месячной сентябрьской командировки на сельхозработы в село Шаромы, совхоз «Комсомольский». Там обитали в деревянном бараке из двух отсеков, отапливавшимися железными печками-«буржуйками», водные процедуры совершали на свежем воздухе в общем умывальнике, столовались из одного котла. Пищу готовили повара из нашего же числа. Работали не столько на картошке, сколько на свекле и морковке. Насколько здорово это у нас получалось, судить не берусь, но дело было полезным с точки зрения нашего знакомства друг с другом и «притирки» нового коллектива. На учёбу отправились 1 октября. Последующие годы начало осени у нас занимали тоже сельхозработы, только не в поле, а на ближайших овощебазах — на Двадцать пятом километре и, чаще, — в городе, на Восьмом, там, где сейчас рынок, по привычке тоже именуемый «базой». Здесь грузили разнообразное и даже как-то участвовали в засолке капусты. А вот эти занятия, на мой взгляд, были, в общем-то, бессмысленными.

В филиале получил одну из самых универсальных специальностей, какие имеются в перечне даваемых в технических вузах, — «инженер-механик по эксплуатации судовых силовых установок».

Почему самую универсальную? Да потому что большое судно — это настоящий плавающий город с собственным жизнеобеспечением, на нём есть почти все виды оборудования, встречающегося на свете. Так что у хорошо подготовленного механика кругозор должен быть более чем широким.

С наставниками повезло. Это были достойные, уважаемые люди, учёные и педагоги. Подавляющее большинство из них уже ушло от нас навсегда в силу возраста, но небольшая часть продолжает успешно работать в наследнике филиала — Камчатском государственном техническом университете (КамчатГТУ). Его самый старожил сейчас — известный многим камчатцам преподаватель химии Рэм Артурович Ляндзберг. Под его руководством, кстати сказать, началась моя вузовская биография: таскали из корпуса в корпус тяжеленные химические столы.

В институте учиться было гораздо интереснее, чем в школе: здесь индивидуальность приветствовалась, естественно, в разумных и безопасных для окружающих пределах. С шестого семестра получал только «отлично», но «красного» диплома не увидел из-за собственной глупости, содеянной на третьем курсе: растерялся на экзамене по термодинамике и что-то невнятно долдонил про, в общем-то, нехитрое уравнение Ван-дер-Ваальса. За это получил единственный «трояк», а при появившейся возможности пересдать ею не воспользовался.

Поступал в филиал при директоре Алексее Максимовиче Таране, отставном морском офицере, участнике Отечественной войны. Он пользовался в городе и области большим авторитетом и, по сути, при официальном названии учебного заведения «филиал» обратил его в самостоятельный вуз. При этом научных степеней не имел. Завершал учёбу при директоре Игоре Сергеевиче Лукьянове. На втором курсе он читал нам знаменитую науку «Сопротивление материалов», сокращённо «Сопромат». (Существовала такая, уж не знаю на чём основанная, поговорка: «Сдал сопромат — можно жениться».) В наше студенческое время он защитил диссертацию и стал первым на полуострове «собственным» доктором технических наук, до этого имелись только приглашённые с «материка». А его супруга вела по этой же дисциплине практические занятия.

Куратором группы все пять лет обучения была преподаватель черчения Ирина Афанасьевна Курносова, замечательный, душевный человек. Большой вклад в наше становление внесли такие специалисты, как заведующий выпускающей кафедрой Вячеслав Петрович Абушкевич, профессор Анатолий Николаевич Ширшов,

доценты Эдвард Северинович Глясман, Владимир Андреевич Ткаченко, Парталион Иванович Макаров.

Моим первым деканом на судомеханическом факультете был Виктор Никифорович Дегтярёв, наш, камчатский человек. Детство он провёл в Усть-Камчатском районе, где рано познакомился с рыбацким трудом. Руководитель был принципиальный, суровый, но справедливый. Терпеть не мог бездельников и прогульщиков, отчислял провинившихся беспощадно. Грозного и решительного вида, с громким голосом, он устраивал такие разносы, что мало не покажется. Мы его, конечно, побаивались, но и уважали. Тем не менее, на двери деканата какой-то остряк нацарапал слово «дёганат». Спустя год Дегтярёва перевели деканом на «разболтавшийся» факультет судовождения и промышленного рыболовства — наводить порядок там, а ему на смену пришёл Владимир Степанович Филёв. Вскоре «дёганат» был заменён «филёвалом», обыгрывавшим и фамилию нового декана, и слово «филиал».

Владимир Степанович был талантливым преподавателем, организатором и руководителем. Он отличался спокойным, неконфликтным характером, относился ко всем с уважением. Ценили и мы его. Когда с нашей, студенческой, стороны приключалась какая-нибудь некрасивая история, он при разборе дела вместо того, чтобы повышать голос, наоборот, начинал говорить тише и с расстановкой. При этом его глаза, и так слегка навыкате, становились ещё более выразительными. Приходило понимание, что мы были сильно неправы. Дополнительный авторитет ему в наших глазах придавала настоящая книжка в твёрдом переплёте за его авторством, выставленная в неиспользовавшейся дверной нише, обращённой в витрину. Тогда это было редкостью.

За время обучения студенты-судомеханики имели пять практик. Первую — береговую судоремонтную — прошёл летом 1980 г. на Петропавловской верфи имени Ленина, в бригаде трубопроводчиков под руководством Владимира Ильича Дорогайкина (полного тёзки того персонажа, в честь которого называлось это самое большое на Камчатке механическое предприятие). Помимо него, бригаду составляли ещё один немногословный слесарь средних лет и ваш покорный слуга.

Мастером трубопроводного цеха был В. И. Китаев, известный в городе человек, прежде всего тем, что был хорошим самодеятельным певцом, неоднократно участвовавшим и побеждавшим в различных конкурсах. Время от времени его выступления показывали по местному телевидению (оно, кстати сказать, тогда было гораздо

насыщеннее и интереснее современного, не говоря уже и о продолжительности вещания).

Как-то возле причала верфи любовался судном, только что окончившим ремонт, — большим теплоходом, бывшей плавбазой Камчатрыбфлота «Советская Арктика». Будучи порожним, оно возвышалось над причалом, поблёскивая свежеокрашенными чёрными бортами и белоснежными центральной и кормовой надстройками. При этом над водой торчала лопасть здоровенного гребного винта. Подумалось: а было бы здорово попасть в плавание на таком замечательном судне...

На этой практике освоил некоторые приёмы по изготовлению и сборке трубопроводов и по окончании получил удостоверение слесаря третьего разряда. Довольно прилично заработал, купил себе стереоэлектрофон (то есть проигрыватель виниловых грампластинок), по окончании поехал в гости к астраханским родственникам. Там, в возрасте восемнадцати лет, в полной мере ощутил бытовую разницу между камчатским и материковским населением. К примеру, для нас, студентов, не было сложностью запросто потратить на пиво, а то ещё на что-нибудь покрепче, трояк или пятёрку, а тут многие «жались» за каждую копейку, экономя на всём, чем можно. Как-то зашёл в магазин с честно заработанной на верфи сотенной бумажкой с целью что-то приобрести и попутно её разменять. Эта эффектная купюра, а за ней и моя персона, вызвали прямо-таки нездоровый интерес, её чуть не на зуб попробовали, убеждаясь в подлинности. Помню, что всё это тогда сильно удивило. Особенно когда прокатился по замкнутому трамвайному маршруту, окольцовывавшему штук пять или шесть рынков. Потом дошло, что город детства — старинный торговый центр, связывавший Россию с Востоком, и значительная часть здешнего населения всегда была связана с торговлей и рынком. Но до объявленных позже «рыночных отношений» в нашей стране было ещё довольно далеко. Ещё удивили зарешечённые окна жилых домов на нижних этажах, тогда у нас почти отсутствующие.

Следующие практики были морскими. Вторая — летом 1981 г. — состоялась именно на «Советской Арктике». Ходили на ней в Южно-Курильскую экспедицию, где раздавали судам снабжение и перегружали с них готовую продукцию — вкуснейшие консервы из сардины иваси. Там увидел самый большой пароход в «системе» союзного Минрыбхоза — турбинную плавбазу «Восток», на палубе которой даже размещался с десяток малых сейнеров. Наша «Арктика», не самое малое судно длиной целых сто сорок пять метров,

была, стоя у неё под бортом, словно шлюпка. На «Арктике» в группе сокурсников пребывал в роли ученика моториста, что-то заработал.

Как-то раз вроде бы даже начали тонуть. Во всяком случае, старший и второй механики, а также старпом ходили с очень озабоченными лицами, а в машинном отделении болталось подозрительно много воды, выплескивавшейся при качке из-под плит. Многовато её было и в туннеле гребного вала. Но в этот раз всё обошлось. (Много лет спустя вычитал в архиве, что в следующем осеннем рейсе, уже без нас, дела на «Арктике» складывались ещё хуже.)

Практика 1982 г. проходила на плавбазе «Комсомольск-на-Амуре» Управления тралового и рефрижераторного флота, большой, достаточно современной и многонаселённой. Народу здесь пребывало под три сотни человек. Принимали и обрабатывали лосось, перемещаясь по побережью. В основном работал в рыбном цеху на мойке и разделке, но и в машине тоже немного был задействован. Под руководством второго механика, например, индицировал главный двигатель.

Летом и в начале осени 1983 г. практиковался на теплоходе-лесовозе «Хатангалес» Камчатского морского пароходства. Судно построили в конце 1960-х гг. в Финляндии в составе большой серии. На этом «лесе» ходили между Усть-Камчатском и Владивостоком с древесиной, назад возили продукты и снабжение. Здесь был мотористом и даже какое-то время «руководил» группкой своих младших сотоварищей по филиалу, числившихся практикантами.

Благодаря старшему механику Александру Михайловичу, фамилию его прочно запамятовал, молодому, но серьёзному цепкому дядьке, много чего узнал и освоил. Куда он меня только не отправлял! Побывал я и в котле, и в днищевых танках, и ресивере главного двигателя, полазил под плитами настила машинного отделения, составляя схемы систем, посетил и прочие подобные увлекательные места. Понял, что именно такая практика и является полноценной и, можно сказать, образцовой.

Завершающая — преддипломная — вновь состоялась на судоверфи, только теперь в дизельном цеху.

В филиале помимо учёбы удавалось подрабатывать в качестве лаборанта с половинным окладом в пятьдесят один рубль, естественно, с камчатским коэффициентом. Это вместе со стипендией, к пятому курсу дошедшей до девяноста рублей, и заработанным во время летних практик позволяло существовать вполне безбедно.

Физики и лирики. Несмотря на техническое предназначение нашего вуза, гуманитарная составляющая образования в нём была

поставлена здорово. На младших курсах — первом и втором, помимо программных общественно-политических дисциплин с их семинарами, коллоквиумами, конференциями, мы прошли совсем небесполезные «Школу молодого лектора», различные кружки. На старших — на так называемом «Факультете общественных профессий» — обрели «общественную профессию» политинформатора и даже посещали курсы «Руководитель кружка юных мотористов». Между прочим, на время плавательных практик нам ставилась задача участвовать в общественно-политической жизни экипажей. И не просто участвовать, а активно, то есть проводить политинформации и беседы, что, кстати, пару раз и сделал. Сейчас, «задним числом», понимаю, что без этого вряд ли бы укрепился мой интерес к краеведению.

На первом курсе попал под очарование личности доцента, кандидата исторических наук Геннадия Николаевича Романова. Умер он давно, в конце 1980-х гг., но, думаю, многие помнят его и сейчас. Это был своеобразный преподаватель с довольно грозной манерой общения со студентами. В 1979—1980 гг. он читал обязательную тогда для всех вузов дисциплину «История КПСС», весьма скучную и идеологизированную. Но как читал! От него мы впервые узнали про тогда почти не упоминавшиеся и уж совсем не обсуждавшиеся стороны прошлого страны, в том числе о репрессиях, внутрипартийной борьбе и прочем. Это иллюстрировалось, так сказать, «наглядными пособиями». Дело в том, что он был не только доцентом, лектором общества «Знание», автором нескольких брошюр, вышедших в своё время приличными тиражами (например, работа «В учебники не вошло», напечатанная в 1981 г.), но и страстным коллекционером. Собирал значки и прочие «артефакты» дореволюционного и раннего советского времени, публиковал, опираясь на них, в газетах интересные статьи. Всё это тогда произвело на меня сильное впечатление и в итоге тоже привело к тому, что вышло — доценту по кафедре судовых энергетических установок, пишущему и составляющему книжки про камчатскую старину.

Распределение. Полученная в филиале специальность подразумевала работу в море, но так уж вышло, что по семейным обстоятельствам пришлось осесть на берегу. По окончании филиала в 1984 г. был направлен в среднее Петропавловск-Камчатское мореходное училище (ПКМУ), памятную многим «мореходку», в качестве преподавателя судомеханических дисциплин.

Распределение состоялось в начале 1984 г. в кабинете директора филиала. Этим занималась специальная комиссия, включав-

шая представителей флотских предприятий. Заранее на двери директорского кабинета был вывешен их список, в том числе иногородних, вроде Корсаковской базы океанического рыболовства, вовсе не пользовавшейся ни у кого из сотоварищей популярностью. Тут же висела очередность захода будущих «молодых специалистов» на комиссию, в которой я значился вторым, при том, что мой одногруппник — круглый отличник и даже редкий ленинский стипендиат — оказался почему-то только третьим. Чем раньше зайдёшь — тем более приличное или подходящее место будущей работы сможешь выбрать. (Надо напомнить, что в то время все выпускники высших учебных заведений «добровольно-принудительно» направлялись на три года обязательной отработки на различные предприятия. Избежать этого было можно в отдельных случаях, описывать их не буду, получив «свободное распределение», но при этом терялся статус «молодого специалиста», позволявший, например, встать в отдельную очередь на получение остро не хватавшего жилья. Уклонение же от прибытия на место распределения расценивалось как нарушение закона и могло повлечь даже уголовное преследование.)

Зашёл, представился, получил вопрос: «Куда желаете получить направление?» Ответил — в мореходное училище. Это вызвало оживление в комиссии, среди её членов началась какая-то суета. Директор филиала, а он, наверное, был её председателем, до этого как-то отвлечённо смотревший в сторону, обратился к коллегам с вопросом, в чём дело. «А у нас есть отношение на это место». — «Ну и что? Его право — он и выбрал», — таков был его окончательный ответ. То, что на «мореходку» претендует один из моих однокурсников, имевший в ней «зацепку», я не знал. Зато вот так получил наглядный урок человеческой порядочности, теперь уже вне вузовской программы. Урок и того, что ходить следует по прямой, тем более что самое короткое расстояние между двумя точками есть её отрезок. Этим нехитрым правилом пользовался многократно ранее и пользуюсь сейчас, и часто искренне не понимаю, почему люди так любят перемещаться без нужды зигзагами?

Средняя мореходка. 1 августа 1984 г. прибыл в училище в качестве молодого специалиста, попал под наставничество начальника судомеханического отделения, ныне покойного, Николая Адамовича Столбова и отличного преподавателя-методиста Виктора Михайловича Овчинникова, тоже давно ушедшего от нас. Приступил к «сеянию разумного, доброго, вечного» в своеобычной форме подготовки

техников-судомехаников. Чем продолжаю заниматься уж скоро как сорок лет, впрочем, с одним перерывом.

Первым моим занятием в качестве преподавателя стало руководство судоремонтной практикой на заводе «Фреза». Собирал и пересчитывал курсантов до начала рабочего дня и по его окончании, выдавал им, сидя на скамейке перед столовой рыбного порта, талоны на обед, время от времени слонялся по заводским цехам. Через месяц снова попал на сельхозработы, теперь в качестве руководителя. Вскоре начались и занятия. Читал дисциплину «Судовые паросиловые установки» на третьем курсе.

В конце октября 1984 г. призван на срочную службу, прошёл её на Краснознамённом Тихоокеанском флоте по полученной квалификации судомеханика. Демобилизовался в октябре 1986 г. в звании «главный старшина», приобретя воинскую специальность «машинист-турбинист». Флотскую службу вспоминаю с теплотой: за два года, отпущенных на неё, «зелёному» выпускнику технического вуза удалось приобрести массу полезных навыков и пройти «школу жизни» в самом прямом смысле этого слова.

В ПКМУ вернулся 1 декабря 1986 г. со справкой из родной войсковой части 25108-Р, гласившей, что «со 2 ноября 1984 г. по 21 октября 1986 г. проходил действительную военную службу в закрытом гарнизоне города Владивостока». А испросил сей документ по случаю желания поскорее обрести очередные «северные» надбавки. За два года приморской службы на основании этой бумажки дали камчатскую только одну.

С декабря 1986 г. по сентябрь 1990 г. вновь трудился преподавателем специальных дисциплин судомеханического отделения. На рубеже 1990—1991 гг. ПКМУ вошло в состав учебного комплекса «Петропавловск-Камчатское высшее морское училище» (ПКВМУ). Это сопровождалось весьма драматичными событиями, позже описанными мною в книге «Мы все учились понемногу...» Тогда мы, несколько молодых преподавателей, решили перейти из мореходки в «вышку». Это вызвало неодобрение и даже осуждение части старших коллег. Нам же хотелось чего-то большего. Но спустя несколько месяцев, 1 января 1991 г., объединение состоялось, и все мы снова оказались вместе.

Как-то наткнулся на собственноручно составленный «Индивидуальный план по самообразованию». С сентября 1988-го по сентябрь 1989-го мне следовало в рамках «повышения идейно-политического уровня и деловой квалификации» заниматься изучением материалов и резолюций недавно случившейся XIX партконфе-

ренции; знакомиться с документами пленумов ЦК КПСС и постановлениями правительства; вести «дальнейшее изучение классиков марксизма-ленинизма» (между прочим, как выяснилось много лет спустя, это было занятие совсем не лишнее, особенно при последующих попытках разобраться в особенностях вновь наступившего на нашу страну в 1990-х гг. описанного ими капитализма); участвовать в семинарских занятиях политической группы судомеханического отделения и лекторской пропаганде. Затем добровольно обязывался в ходе «работы по повышению специальной подготовки» изучить только что появившиеся новые справочники по горюче-смазочным материалам и книжку по эксплуатации судовых энергетических установок за авторством профессора Б. И. Олейникова. Далее шли обычные и сейчас разделы, не стареющие и не изменяющиеся вместе с политическими веяниями: «Повышение педагогических знаний», «Повышение деловой квалификации» и прочие.

Средняя «мореходка», как видится по прошествии многих лет после её упразднения, была очень серьёзной школой, направившей на истинный жизненный курс не одно поколение молодых людей. Считаю, что мне, как человеку, связанному с подготовкой молодёжи, повезло дважды. Во-первых, удалось послужить отечеству в нормальной, хорошо организованной, в меру «уставной» и в меру «неуставной» флотской части, возглавляемой достаточно мудрыми и зрелыми командирами, да ещё и во время устойчивого существования государства под названием «СССР». Во-вторых, поработать в средней «мореходке» с её крепким порядком, давно сложившимися и тщательно сохранявшимися традициями и опытными кадрами преподавателей, учебных мастеров и воспитателей, весьма неравнодушными людьми. (Между прочим, традиции средней мореходки закладывались и долгие годы поддерживались, в том числе, выдающимися педагогами Михаилом Васильевичем Стрыгиным и его супругой Валентиной Ивановной Певцаевой — рыбвтузовскими одногруппниками моей матушки.) Поэтому могу смело сказать, что застал отечественное морское образование в его лучшие годы.

«*Вышка*». С сентября 1990 г. — старший преподаватель кафедры судовых энергетических установок ПКВМУ, затем преобразованного в Камчатскую государственную академию рыбопромыслового флота и далее — в КамчатГТУ. С мая 1994 г. исполнял обязанности доцента той же кафедры. В 2001 г. окончил аспирантуру при КамчатГТУ, в 2003 г. получил учёное звание «доцент

по кафедре судовых энергетических установок». В должности доцента состою по настоящее время.

По сути, в этом учебном заведении, неоднократно менявшем статус и название, прошла вся моя сознательная жизнь: от абитуриента до пенсионера, ветерана труда и ветерана самого университета (недавно придумали такое звание). Весьма признателен ему, ставшему родным домом, и не только в переносном смысле. Жил рядом, как-то подсчитал количество шагов от порога квартиры до порога кафедрального помещения: по самому короткому пути оказалось всего пятьсот восемьдесят. Поэтому хождение на работу стало сродни переходу из спальни на кухню. Надоело дома сидеть — пошёл разгребать бумажки на кафедре, наоборот — забрал их домой. Благодаря преподавательскому ненормированному рабочему дню и длинному отпуску, причём гарантированно в летнее время, удалось сделать то, что удалось. Понимаю, что этого точно не случилось бы, если бы пять дней в неделю просиживал штаны от девяти до восемнадцати в какой-нибудь конторе. Да и по определению обстановка в «вышке» должна быть творческой и действительно длительное время была таковой...

Подробнее жизнь этого учебного заведения в 1990-х — начале 2000-х гг. тоже изложена мною в книге «Мы все учились понемногу...» и ниже, в «эпистолярном» разделе этого самоотчёта.

Уроки от... Помимо описанного выше урока, полученного в ходе распределения, в моей жизни случилось несколько эпизодов, связанных с определёнными лицами, коим я весьма признателен за их неравнодушие. В какой-то мере они поспособствовали моему становлению, и человеческому, и творческому. О некоторых и хочу рассказать.

...*Сергея Васильевича Камкина и Вадима Валентиновича Бооля*. Друг друга они не знали. Первый — доктор технических наук, профессор Санкт-Петербурской морской академии, настоящее «светило» в судомеханической области. По его учебникам занимался в студенческие годы и готовился к занятиям в преподавательские. Второй — инженер-энергетик, впрочем, ко времени нашего знакомства пенсионер, известный камчатский краевед, деятельный экологический просветитель и защитник природы.

Сергея Васильевича в конце 1990-х гг. пригласили в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии на защиту дипломных проектов. Встречали мы его с коллегой в аэропорту, стоя с плакатиком, на котором была написана его фами-

лия. К нам подошёл просто одетый сухощавый, высокий пожилой человек. Пока ехали в город, чтобы устроить его в гостинице, разговорились. В очень располагающей интеллигентной манере он попросил рассказать о городе и учебном заведении, поинтересовался у нас, бывших как минимум вдвое моложе, чем занимаемся, в смысле научной деятельности. Я доложил, что пытаюсь разбираться с историей развития судовых энергетических установок. Это его заинтересовало, он сказал, что тема увлекательная и может быть даже положена в основу диссертации. Задал несколько вопросов, что-то посоветовал.

На следующий день утром прибыли в гостиницу, чтобы начать, так сказать, «культурную программу». Совершенно неожиданно он говорит: «Я подумал о вчерашнем разговоре, накидал вам кое-какие соображения», — и протягивает мне несколько исписанных карандашом листов. Ничего подобного не ожидал: кто он, кто я, да и разговор-то случайный был и на бегу! И вот этот серьёзный человек потратил своё время, да ещё после утомительного переезда, на мою скромную персону! Сейчас эти листы хранятся в моём домашнем архиве как пример уважительного и заинтересованного отношения к доселе неведомому младшему собрату, без различия рангов и сословий. А его советы использовал при подготовке книжки по истории этих самых установок.

Что-то подобное через несколько лет произошло у меня и с Вадимом Валентиновичем. Его давно знал по газетным публикациям, но лично познакомился в 2000 г. Он стал инициатором моего вступления в Камчатский отдел Русского географического общества. Иногда справлялся у него, уже тогда прозванного «живой энциклопедией», по разным вопросам. Как-то попросил посмотреть заготовки очередной книжки, потому как возникли некоторые сомнения в её географической части. Через какое-то время получил от него пять листов жёлтой писчей бумаги, плотно заполненных машинописным текстом. Здесь были подробные ответы на интересовавшее, да ещё и некоторые дополнительные соображения.

Вот так эти разные люди, сами того не ведая, преподнесли мне урок, заключавшийся в том, что серьёзно работающим коллегам надо помогать, и делать это по-настоящему.

...Евгения Валериановича Гропянова (1942—2010). Этот выдающийся камчатский просветитель, литератор, редактор и издатель сыграл существенную роль в моём становлении как краеведа и пишущего человека. Его тоже «заочно» знал по книгам и различным

публикациям, а лично познакомился в самом начале 2000-х. Возник пред ним в «Камчатском печатном дворе» с заготовкой будущей книжки «Вдоль камчатских берегов», тогда представлявшей два увесистых «кирпича» формата А5, вложенных в самопальные картонные «переплёты». Он удивился, внимательно рассмотрел предложенное и сказал, что «это не книжный макет». Собственно, это так и было, а делалось для того, чтобы можно высчитать примерную стоимость печати, дабы предложить возможному благотворителю «товар лицом» вместе со счётом на издательские услуги. С этого случая и началось наше взаимодействие.

Частые продолжительные беседы и совместная работа по доведению книжных макетов до необходимой «кондиции», рекомендации этого знатока книжного дела и носителя исторического наследия Камчатки значили многое. Советов вроде: «Ты пиши здесь такую-то букву, а вот здесь такую-то букву не пиши» он, конечно, не давал. Учёбой было само общение с этим интеллигентным в самом лучшем смысле этого слова человеком.

Как-то рассказал ему про своё «военное» школьное сочинение. Он удивился и заявил, что с ним в своё время приключилась очень похожая история.

У Евгения Валериановича можно было получить исчерпывающие справки о событиях XVIII—XIX вв.; персоналиях, в разное время внёсших вклад в развитие и освоение Камчатки; услышать от него очень интересные суждения о лицах, совсем недавно игравших значительную роль в общественно-политической жизни полуострова и делающих это и сейчас; узнать «закулисье» тех или иных событий. Рассказывал он замечательно, давая ёмкие оценки изложенному. Неоднократно спрашивал его, почему не засядет за «мемуар», не сохранит эти знания на бумаге для последующих поколений? В ответ он разводил руками и говорил, что вот надо бы, да... В последние годы жизни «тащил» на себе многое: руководство нашей писательской организацией и школой юных литературных дарований, редакторскую работу в холдинге «Новая книга» и собственные труды. Может быть, такая большая нагрузка и стала причиной его достаточно раннего ухода из жизни.

Евгений Валерианович мог преподать и ещё один важный урок — уравновешенного и уважительного отношения к окружающим. Никогда не слышал, чтобы он повышал голос и говорил о комнибудь что-то нехорошее.

Весьма рад, что мне удалось довести до воплощения несколько давних гропяновских задумок, в первую очередь касающихся твор-

чества известного знатока истории Северо-Востока России и Камчатки Б. П. Полевого. Как высокую честь рассматриваю присвоение мне в 2013 г. первой премии имени Е. В. Гропянова.

...Роберта Савельевича Моисеева (1937—2007). Это был выдающийся человек, настоящий гражданин и учёный, бескомпромиссно отстаивавший интересы родной Камчатки и её обитателей в различных инстанциях. Мне очень нравилось слушать его всегда конкретные и ёмкие выступления на общественных чтениях и в утренней передаче, которую он вёл по проводному радио. Думаю, что немало начальников чувствовали себя очень неуютно, когда он касался в ней различных вопросов в части неустройства нашей жизни.

К нему, тогда директору Камчатского филиала Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, впервые обратился после того, как начал заниматься своим первым сборником «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Доселе лично его также не знал. По мере выхода предоставлял выпуски Роберту Савельевичу, хорошо о них отзывавшемуся. А в 2003 г. в шестых «Вопросах...» напечатал его статью «Влияние промышленности приморской специализации на формирование трудовых ресурсов Камчатки». Её содержание с его согласия «извлёк» из кандидатской диссертации, позволив себе подредактировать и даже кое-что переставить по ходу изложения материала.

Неоднократно бывал в его рабочем кабинете. Когда появился впервые, увидел его сидящим за столом в строгом костюме, но с вязаной шапочкой на голове. Это показалось необычным, но позже узнал, что шапочка была чем-то вроде «талисмана». Да и пора тогда была сложная — с отоплением в городе дело обстояло совсем неважно. Справлялся у Роберта Савельевича по некоторым неясным для меня вопросам, касающимся экономики и производства. Всегда получал исчерпывающие ответы, да ещё и советы, на что следует обратить внимание по сопутствующей части. Услышал от него и несколько очень небесполезных и интересных исторических экскурсов.

В 2002 г. Роберт Савельевич откликнулся на мою просьбу написать рецензию на готовившуюся к печати книжку «Вдоль камчатских берегов». В академической среде не редкость, когда мэтры важно подписывают заранее заготовленную соискателями чего-либо заготовку-«рыбу», особо себя не утруждая. Моисеев же прочитал рукопись и собственноручно подготовил ёмкую рецензию,

рекомендовав книгу к изданию. Помимо этого, он убедил депутатский комитет по рыбной промышленности тогда областного Совета народных депутатов в необходимости её печати на казённые средства. В результате в бюджете области на 2003 г. по этому поводу появилась и была успешно освоена отдельная статья.

А вот урок лекторского мастерства от него. В конце 1990-х гг. я как-то забрёл на то ли экономическую, то ли экологическую конференцию, шедшую в бывшем Доме политического просвещения (ныне здание КамГУ имени Витуса Беринга) на улице Ленинской, 69. Народ заполнял зал до отказа. На сцене — стол президиума, справа — трибуна для выступающих. На ней — неведомый мне профессор небольшого росточка, так что видна только его склонившаяся над бумажками лысина. Он уныло читает с листа что-то скучное. Зал отзывается соответственно: по нему разносится лёгкий гул, люди вполголоса беседуют о собственном насущном. Подошло время, председательствующий стучит по стакану, мол, пора сворачиваться.

Объявляется следующий выступающий — Роберт Савельевич. В зале мгновенно воцаряется тишина. Моисеев стоит за трибуной, взявшись за неё обеими руками и откинувшись назад, говорит ярко, внятно, образно и, понятно, что без бумажки. Публика внимает с гробовым молчанием, обычно в таких случаях говорят, что слышно, как муха летит. Заканчивается законное время выступления, председательствующий снова бренчит по стакану. Из зала раздаются выкрики: «Добавить ещё регламент!» Это и происходит, и вновь повторяется уже описанное. Выступление завершено, на трибуне новый оратор, а в зале снова стоит гул, но погромче — публика «переваривает» только что услышанное... Вот так — излагай интересно, дабы потом было что обсуждать.

Известие о том, что Р. С. Моисеев объявлен почётным гражданином Петропавловска-Камчатского, общественность восприняла как давно заслуженную награду.

Все эти замечательные люди от нас уже ушли. К сожалению, ныне подобные личности наперечёт — это безвозвратно исчезающая натура...

Хочу сказать спасибо и другим неравнодушным землякам, отменным знатокам истории полуострова, помогавшим мне словом и делом в подборе материалов, легших в основу большинства книг и ежегодников. Это — начальник отдела публикаций и использования документов Государственного архива Камчатской

области/края Елена Павловна Абрамова и директор бывшего Центра документации новейшей истории Камчатской области писатель Валентин Петрович Пустовит.

Биография творческая

Смысл расхожей фразы: «Все мы родом из детства» начинаешь понимать с годами. Действительно, образ жизни, привычки, увлечения закладываются в самом раннем возрасте как отзвук окружающей семейной обстановки. Здесь мне повезло — обстановка была вполне творческой. Родители — люди интеллигентные, образованные и воспитанные, с широким кругозором привили интерес к познанию окружающего мира и способность размышлять о прочитанном и увиденном.

Дед по образованию был учителем, отец — хорошим инженером, руководителем и организатором производства. Некогда, в молодые годы, отец хотел пойти в науку, писать книги, но не сложилось. Случайно или нет, но так уж вышло, что всем этим пришлось заниматься мне. Не будучи по основной специальности педагогом, почти сорок лет тружусь в области морского и рыбохозяйственного образования и уже два с половиной десятка лет пытаюсь изучать историю Камчатки, в том числе и выпускать книжки. Тут поневоле задумаешься о «генетической предрасположенности», «наследственности», «преемственности» и прочем. Наверное, всё-таки что-то в этом есть.

Детских увлечений было много: фотодело, радиолюбительство, собирание марок, прочее, но в серьёзные занятия, остающиеся на всю жизнь, они не переросли. Хотя фотографирую и поныне с удовольствием, тем более что при помощи современных цифровых «мыльниц» это делать совсем несложно. Детская коллекция марок с изображением репродукций картин русских и западноевропейских художников уже несколько десятилетий пребывает в книжном шкафу в полной сохранности, периодически перелистывается как справочник и даже изредка пополняется.

Самым же любимым занятием и тогда, и сейчас полагаю чтение. Кстати, общаясь со студентами и курсантами, вижу, как многим из них не хватает именно его. По-моему, это значительно обедняет личность и определяет то, что многие из них не умеют чётко выстроить мысли ни устно, ни на бумаге. Но ведь отсутствие порядка в словах свидетельствует об отсутствии его же и в голове. А скоро многим из них предстоит занять некие «командные высоты»

и отдавать распоряжения, в том числе, как недавно говорили, «судьбоносные», которые будут определять жизнь множества людей на годы вперёд.

Читать научился рано, ещё до школы. В младших классах с большим удовольствием погружался в популярные книги таких авторов, как Сергей Алексеев, причём интересовался в основном военной тематикой: Пётр Великий, Суворов, Ушаков, пугачёвский бунт, Отечественная война 1812 г. Нравилось узнавать про то, как проектировались и строились корабли, самолёты, танки, автомобили и прочая техника. Тогда же познакомился с хорошо иллюстрированной книгой-альбомом «Корабли-герои». В ней наибольший интерес у меня почему-то вызвали не элегантные парусники, а ощетинившиеся стволами громадных орудий допотопные, похожие на утюги, неуклюжие броненосцы с их высоченными цилиндрическими дымовыми трубами, напоминавшими голенища сапог. Довольно рано прочитал «Цусиму» А. С. Новикова-Прибоя. В этом потрясающем романе-исследовании самое большое впечатление на меня произвели не столько великолепно прописанные батальные сцены, сколько описания работы механизмов, движения корабельных пушек, погрузки угля и подобные «технические» вещи.

Когда стал постарше, столкнулся с книгами из серии «Замечательные корабли», первая из них «Крейсер “Варяг”», вышедшая ещё в 1975 г. Они подробно рассказывали не просто об истории создания кораблей, но о политической обстановке в стране и мире, предшествовавшей их появлению, содержали технический разбор прототипов, множество инженерных подробностей. Сейчас понимаю, что эти работы сыграли значительную роль как в становлении моего интереса к будущей специальности судомеханика, так и к истории морского флота именно в её техническом разрезе. Между прочим, в них впервые увидел таинственные обозначения, вроде «ЦГА ВМФ, ф. 421, оп. 8, д. 59, л. 16» и им подобные. То, что это архивные ссылки, толком ещё не знал, но чувствовал, что они словно придают этим книгам некую весомость и значимость, отличая их от обычных.

К середине 1990-х гг. мною уже был приобретён вполне приличный преподавательский опыт, подразумевающий, кроме прочего, и писание так называемых «методичек». Полагая, что специалисту в любой области неплохо было бы знать истоки того дела, которым он профессионально занимается, а также памятуя собственный детский интерес к технике, написал первую историко-техническую книгу «Страницы истории судовой энергетики».

Её ранний вариант был готов в 1995 г. Это малотиражное издание, опубликованное в 1998 г., оказалось крайне несовершенным и сейчас ничего, кроме улыбки, у меня не вызывает. Но работа над ним позволила приобрести главное: очень ценный опыт — и «писательский», и «редакторский». Со временем этот труд преобразовался в более солидную книгу «Судовые энергетические установки. История развития».

Теперь настала пора определяться с научной тематикой: в ПКВМУ ожидалось открытие аспирантуры. Вполне естественно сложилось название будущей научной работы: «Историко-технический анализ энергетических установок судов Камчатского бассейна». Осталось дело за материалами. За ними я и отправился вначале в областной государственный архив, а затем в Центр документации новейшей истории (бывший партийный архив), где засел за изучение фондов, касающихся флотских организаций. Результаты и расстроили, и порадовали. Расстроили тем, что никаких документов по предполагаемой теме исследования там не оказалось. Как выяснилось, эти бумаги уничтожаются спустя довольно короткое время. Считается, что интереса для истории они не представляют. Хотя история, как я сейчас понимаю, бывает разная, в том числе и техническая. А порадовали тем, что передо мной раскрылся неведомый, интересный и порой драматичный ход создания той среды, в которой мы сейчас живём.

История Камчатки привлекает своей необычностью: наш край оказался местом пересечения множества интересных судеб и удивительных событий. К тому же она (я имею в виду русский период) очень короткая: всего-то три с половиной века. Причём, как это ни странно, наиболее неизвестное время — это совсем недавно завершившийся двадцатый век. К этому выводу пришёл в начале 1990-х гг., когда стал посещать общественные чтения и исторические конференции. С удивлением обнаружил, что времена «камчатского Ермака» Владимира Атласова и легендарного капитан-командора Витуса Беринга нам гораздо более ведомы, чем происходившее всего-то полвека назад, хотя последнему имеются и документы, и живые свидетели. Это показалось мне несправедливым и стало толчком для исследовательской работы. Да и потом, неплохо было бы представлять себе прошлое той земли, на которой живёшь и трудишься. Понимание того, что ты на ней не первый и не последний, должно порождать ответственность за сохранность доставшегося от предков наследия и удерживать от необдуманных поступков, могущих принести неудобства последующим поколениям.

Вот так и получилось, что в середине 1990-х гг. увлёкся историческим краеведением. К последовательной работе по изучению прошлого Камчатки двадцатого столетия приступил в 1996 г. Печататься в газетах, литературных, специальных и научных журналах по краеведческой тематике начал в 1999 г.

Результатами «погружения» в архивы стали несколько направлений в творчестве:

— во-первых, книги научно-популярного характера «Маленькие камчатские истории» (2002), «Камчатское наследие» (2006), «Такой (не)известный Петропавловск» (2019) и «Камчатские истории» (2021), определяемые мною как «исторические очерки»;

— во-вторых, серия монографий, посвящённых первоначальному рыбопромышленному и морскому транспортному освоению охотско-камчатского побережья. Их три, все имеют двойные названия: «Вдоль камчатских берегов (транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX в.)» (2003), «Три века Петропавловского порта (развитие портового хозяйства г. Петропавловска-Камчатского в XVIII—XX вв. 1740—1980 гг.)» (2004) и «Мы все учились понемногу... (история морского и рыбохозяйственного образования на Камчатке)» (2010);

— в-третьих, серия книг, так сказать, «узкой направленности» под общим названием «Флот Камчатки», их шесть. Три из них посвящены истории, по сути, одной организации, в разное время называвшейся АКОфлотом, Камчатрыбфлотом и Рыбхолодфлотом. Она существовала с 1928 по 1996 г., это старейший судовладелец полуострова, от которого со временем «отпочковались» все имевшиеся ранее и действующие сейчас флотские организации, из неё же выросла большая часть Петропавловска и его окрестностей;

— в-четвёртых, появление нескольких серий историко-краеведческих ежегодников, начиная с «Вопросов истории рыбной промышленности Камчатки» (1999). За ними последовали «Вопросы истории Камчатки» (2005) и «Камчатский летописец (2011);

— в-пятых, серия книг «Из фондов музея», начатая в 2012 г.

Все эти издания ныне сложились в отдельный мирок, пребывать в котором мне привычно и удобно, нередко из него выходить даже и не хочется. О них будет рассказано ниже.

Если обратиться к неким формальным «вешкам», которыми постепенно обставлялся творческий фарватер, то в их числе:

— избрание в 2000 г. действительным членом Русского географического общества;

— принятие в 2002 г. в члены Союза журналистов России;

— вхождение в 2006 г. в состав краеведческого Крашенинниковского общества;

— вступление в 2008 г. в члены Союза писателей России;

— зачисление в 2010 г. в члены Камчатского морского собрания;

— избрание в 2013 г. членом общественного совета при министерстве культуры Камчатского края, в 2015 г. — членом общественного совета при агентстве ЗАГС и делам архивов Камчатского края;

— вступление в 2016 г. в члены Камчатского регионального отделения Всероссийского военно-исторического общества;

— избрание в 2021 г. членом общественного совета по культуре при правительстве Камчатского края.

Иногда на общественных действах с моим участием ведущие пытаются озвучить всё перечисленное выше «членство». Наверное, по их задумке, этот пафос долженствует придать бо́льшую значимость представляемой персоне. Поскольку отношусь к ней с большим юмором, то нередко приходится прерывать, шутливо поясняя — «многочлен». Надеюсь, торжественность случая это нарушает не сильно, но казённую обстановку разряжает точно.

А вообще-то давно исповедую три сами собой сложившихся основных житейских и творческих принципа:

— *первый*: чем меньше барахла имеешь, тем спокойнее живёшь. Из него вытекает следствие: чем дольше живёшь, тем меньше надо;

— *второй*: прежде чем приняться за некое действо, ответь себе на вопрос: зачем? Если ответа нет, может, и начинать не стоит?;

— *третий*: делать что-либо надо или по-настоящему, или никак. Отсюда исходят два правила:

— сделанное по-настоящему, без ожидания сиюминутного итога рано или поздно окажется востребованным;

— глупости требуют — глупости и делаем, но быстро, с наименьшей потерей времени, дабы сберечь его для чего-то действительно существенного.

Сейчас самое время похвастаться обретёнными в разное время общественными, региональными и ведомственными наградами и поощрениями, а то когда ж ещё придётся:

— в 1986 г. во время службы на Краснознамённом Тихоокеанском флоте вручён знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец 11-й пятилетки» 2-й степени;

— в 2004 г. отмечен региональной краеведческой премией имени С. П. Крашенинникова с формулировкой «за глубокий научный

подход в изучении и популяризации истории Камчатки XX в.». До сих пор являюсь её самым «юным» обладателем;

— в 2005 г. удостоен почётной грамоты Международного союза книголюбов (решение от 4 апреля);

— в 2006 г. награждён грамотой Союза ректоров Камчатки (решение от 24 января);

— в 2007 г. стал победителем Всероссийского конкурса исследовательских работ по истории профессиональных учебных заведений (решение конкурсной комиссии при Федеральном музее профессионального образования от 21 января);

— в 2008 г. награждён медалью «100-летие со дня рождения министра рыбного хозяйства СССР А. А. Ишкова» (решение Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров № 3161 от 28 июня);

— в 2009 г. отмечен благодарностью Федерального агентства по рыболовству (приказ № 567л от 22 июня). Присвоено звание «Ветеран труда»;

— в 2013 г. награждён медалью Росвоенцентра при правительстве Российской Федерации «Патриот России» (решение № Б-9683 от 24 апреля);

— в 2013 г. стал первым лауреатом региональной историко-литературной премии имени Е. В. Гропянова;

— в 2014 г. отмечен благодарностью главы Петропавловск-Камчатского городского округа (постановление № 30 от 8 февраля);

— в 2015 г. присвоено звание «Лауреат Камчатской краевой государственной премии» с формулировкой «за создание высокохудожественных образов, произведений в области литературы...» (постановление губернатора Камчатского края № 103 от 8 декабря);

— в 2015 г. вторично отмечен благодарностью главы Петропавловск-Камчатского городского округа (постановление № 178 от 23 декабря);

— в 2016 г. награждён почётной грамотой Федерального агентства по рыболовству (приказ № 261л от 24 июня);

— в 2107 г. объявлена благодарность ПАО энергетики и электрификации «Камчатскэнерго» ЦЭС «за многолетний добросовестный труд, высокий уровень профессиональной деятельности и личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для энергетики Камчатского края»;

— в 2018 г. награждён почётной грамотой министерства культуры Камчатского края «за высокий профессионализм и самоотверженный творческий труд, многолетнюю плодотворную деятель-

ность в работе общественного экспертного совета по издательской деятельности, а также за неоценимый вклад в развитие краеведения Камчатского края»;

— в 2018 г. присвоено звание «Лауреат Государственной премии Камчатского края имени С. Н. Стебницкого» с формулировкой «за значительный вклад в развитие культуры, в воспитание, обучение, подготовку к жизни и труду подрастающего поколения Камчатского края» (постановление губернатора Камчатского края № 103 от 12 декабря);

— в 2019 г. присвоено звание «Почётный работник рыбного хозяйства России» (приказ Федерального агентства по рыболовству № 213-л от 29 мая);

— в 2020 г. награждён ценным подарком Законодательного Собрания Камчатского края — «часами наручными мужскими» за «большую организационную работу по подготовке и изданию книги, посвящённой двадцатипятилетию законодательной (представительной) власти Камчатки» (решение № 11 450 от 17 сентября);

— в 2020 г. отмечен благодарностью председателя Городской Думы Петропавловск-Камчатского городского округа «за особый вклад в развитие на территории... науки и истории» (постановление № 48 от 13 октября);

— в 2021 г. по случаю восьмидесятилетия со дня образования Камчатского краевого отделения Русского географического общества удостоен благодарности председателя Законодательного Собрания Камчатского края «за большой вклад в популяризацию географии, сохранение исторического и культурного наследия Камчатки» (19 мая); тогда же — благодарностью председателя попечительского совета отделения при губернаторе Камчатского края.

Теперь несколько подробнее расскажу о некоторых коротко помянутых выше эпизодах «творческой биографии».

«Вести», «Новая камчатская» и «Рыбак». 31 июля 1999 г. состоялся мой дебют в тогда очень известной в народе газете «Вести». Её редакция размещалась в Доме печати, что на улице Лукашевского, 5. Сюда зашёл несколько дней назад с материалом «Первый рейс камчатского краболова». В нём рассказывалось о начале в 1928 г. нашего крабового промысла. Сперва по незнанию обстановки забрёл в другую газету, где, глянув в напечатанный текст, бодро и главное чётко сказали, что попал не туда, мол, мы таким не интересуемся. И решительно ткнули пальцем в сторону другого коридора, где и размещались «Вести».

Руководителя этой газеты сейчас не помню, потому что в основном общался с журналистом Вадимом Михайловичем Богомоловым, позже заместителем главреда. Вскоре выяснил, что он — уникальный знаток и свидетель событий из истории полуострова второй половины двадцатого, а сейчас — и двадцать первого века. Настоящий «ходячий свод знаний» о множестве событий и персоналий, живших и трудившихся в Петропавловске и на полуострове, обладатель потрясающего собрания редчайших местных изданий и фотоизображений. Он всегда с удовольствием делится своими обширными познаниями с коллегами, много лет ведёт исторический календарь на страницах тех изданий, где приходится работать. Видимо, поэтому и откликнулся на появление пред ним совершенно неведомого персонажа, но тоже «вооружённого» некоторыми новыми краеведческими сведениями.

Моя первая историко-краеведческая публикация состоялась, как указано, 31 июля 1999 г. в 109-м выпуске «Вестей». Через номер, в 111-м от 4 августа вышла вторая, озаглавленная «Как покупали шхуны для Камчатки». Обе были газетными вариантами пространной околонаучной статьи, уже готовившейся к выходу в первом выпуске задуманного ежегодника «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Позже эти материалы были использованы в книжке «Маленькие камчатские истории» и монографии «Вдоль камчатских берегов».

Чуть погодя понёс статьи в «Новую камчатскую правду», её редакция располагалась в этом же здании этажом ниже. Этой газетой руководил Владимир Вячеславович Гусев (скоропостижно скончался 21 мая 2016 г. на пятьдесят восьмом году жизни), он же был председателем местной организации Союза журналистов России. «Новая» была выдающимся изданием даже на фоне других наших газет, в те времена отличавшихся весьма высоким качеством материалов. Гусев сделал её настоящим информационно-аналитическим еженедельником. На слове «аналитический» хочу сделать упор. Здесь глубоко рассматривались важные политические, экономические, социальные темы, находилось место для обсуждения вопросов культуры и истории. Многим читателям памятны такие рубрики, как «История уходящего века», «Камчатские судьбы», «Точка на карте», «Моё камчатское детство». Издание существовало недолго — около пяти лет, но за это время стало одним из ведущих не только на полуострове, но и на всём Дальнем Востоке. После его закрытия, состоявшегося из-за смены собственника, общей уровень камчатской периодической печати, как

мне кажется, сильно понизился. Вместо аналитики всё больше внимания стало уделяться примитивному репортёрству и «желтизне».

В «Новую» принёс большой очерк «Ледовый поход парохода “Совет”». В нём рассказывалось о предпринятой летом 1932 г. неудачной попытке сменить колонию зимовщиков на далёком полярном острове Врангеля. Очерк вышел в двух последовательных номерах за 12 и 19 августа 1999 г. и вызвал определённый читательский интерес. Получил за него несколько первых отзывов о своём «творчестве».

Но главным моим «пристанищем» стала ныне старейшая газета полуострова «Рыбак Камчатки». Это было издание с традициями и крепким коллективом, ранее оно называлось «За высокие уловы». Им много лет (четверть века) руководил Вячеслав Михайлович Иваницкий, уделявший большое внимание сохранению исторического наследия отрасли. Он написал великолепную книгу «Жил отважный капитан», посвящённую Александру Игнатьевичу Дуднику, капитану-директору первой советской китобойной флотилии. В своё время с удовольствием читал её ещё в газетном варианте и могу сказать, что она тоже стала одной из отправных точек моего интереса к рыбацкой и морской истории. В 2009 г. с большим воодушевлением воспринял предложение Вячеслава Михайловича написать предисловие для её переиздания. В нём, в частности, указал: «Книга... сыграла определённую роль в том, что я увлёкся именно историей морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Надеюсь, что её второе издание ещё кого-нибудь направит на путь познания истории своего отечества или просто поможет правильно оценить своё предназначение». (Позже «Уловы» и «Рыбак» стали для меня одним из источников сведений по рыбацкой истории полуострова, ссылки на них имеются почти в каждой монографии.)

Когда перешагнул порог редакции, а она располагалась в историческом месте — бывшем доме семей руководящего состава АКО, стоявшем рядом со зданием Камчатрыбпрома, ей руководила главный редактор Ольга Ивановна Космынина, известный высокопрофессиональный журналист. Сюда пришёл в конце октября того же 1999 г. с очерком «Хождение “Чавычи” близ Камчатки. Один год из жизни капитана Щетининой». Он был напечатан 4 ноября. Постепенно через «Рыбака» прошли все мои более-менее серьёзные материалы, потом тоже перетекшие в ежегодники и книги. Часть статей была специально подготовлена для этой газеты. Вначале публиковался в общей рубрике «Истории, гипотезы, путешествия»,

а позже «дослужился» до персональных, вроде «Чтобы помнили» и «История».

Спустя три года после начала сотрудничества с газетами понял, что пришла пора получить профессиональную оценку. Такой казалось вступление в Союз журналистов России. Рекомендации дали наши мэтры — Ольга Ивановна Космынина и Юрий Вениаминович Егин (скончался в начале 2017 г. на восемьдесят третьем году жизни). С Юрием Вениаминовичем познакомился в университете, тогда он был редактором нашей вузовской газеты, а перед этим трудился в «Камчатской правде», «Моряке Камчатки» и других серьёзных изданиях. Многие его очерки, глубокие и содержательные, касались рыбной отрасли, в своё время они стали для многих настоящим потрясением, вроде серии «Золотой краб». Их даже обсуждали на собраниях во флотских коллективах. Во втором выпуске моих «Вопросов истории рыбной промышленности Камчатки» вышел его интересный очерк «Сероглазка на переломе: реалии восьмидесятых», где он по-новому взглянул на прошлое и современность полуострова.

В кабинете В. В. Гусева на заседании правления состоялся «разбор полётов», и коллеги сочли возможным впустить меня в свои ряды. Билет получил осенью 2002 г. на отчётном собрании организации, проходившем в здании тралового флота. Оказался вторым членом местного отделения, не «кормившимся» в средствах массовой информации как на основной работе. Первым и единственным таким «приходящим» журналистом много лет был хорошо известный всем нашим землякам заслуженный артист России, почётный гражданин Петропавловска-Камчатского Валерий Трофимович Кравченко.

О. И. Космынина придала «Рыбаку», попавшему в самое раннее «постсоветское время» в жестокий кризис, новую жизнь. Я весьма рад тому, что прошёл и её школу. Совсем не ожидал, что в своей книге воспоминаний «Когда жили динозавры» (Петропавловск-Камчатский, 2019), она коснётся и моей персоны (с. 275—276):

«В ноябре 2018 г. я прилетела на Камчатку, чтобы отметить со своими друзьями-коллегами столетие комсомола. Это оказались девять дней, счастливые не только самим праздником, но и встречами. Одна из них была с Сергеем Гавриловым, известным летописцем рыбацкой Камчатки (он много печатается в “Рыбаке Камчатки”) и просто хорошим человеком. Гаврилов — сосед по камчатскому адресу, и мы сидели с ним на кухне, а стол был занят его новыми книгами, он принёс их в подарок. Все очень интересны.

Потому что его стиль — факты и только факты. Но даже среди этих книг оказалась особая — “Тех сражений славою и сейчас дышу...”, подготовленная краевым музеем (Гаврилов — составитель) по материалам архивного фонда Василия Акшинского...» (Акшинский в своё время был редактором газеты «Камчатский комсомолец», где начиналась творческая биография Ольги Ивановны, «доросшей» здесь до главного редактора. — *С. Г.*)

Часто публиковался в газетах два десятка лет, вплоть до 2018 г., когда многие издания «залихорадило», а некоторые вообще перестали существовать на бумаге. Наступило время попрощаться с этим интересным делом. Собственный газетный опыт расцениваю как очень полезный, и вот почему. Во-первых, с точки зрения «засветки», то есть обозначения существования, обретения некоей известности. Во-вторых, «обкатки» или первого показа материалов с целью их последующего совершенствования и устранения выявленных недочётов. В-третьих, установления новых знакомств, получения опыта в ходе общения со старшими коллегами и, наконец, в-четвёртых, небольшой поддержки семейному бюджету. Те времена в материальном смысле были довольно сложными, а газеты платили скромные гонорары. В «Рыбаке» их накапливал за год и обычно получал в январе, после новогодних праздников, когда все денежки уже были потрачены, а до казённой зарплаты надо было ещё суметь дожить. Так что эти гонорары становились чем-то вроде домашнего «резервного фонда».

Но «газетчиком» в общепонимаемом смысле не стал, хотя бы потому, что приходил в редакции с уже готовыми материалами на весьма отвлечённые от «текучки» темы. Имея другое постоянное место работы, подённым репортёрским трудом не занимался. И это хорошо — в нём есть и отрицательная сторона: вижу, что некоторые пишущие коллеги, в своё время обретшие журналистский опыт, до конца не избавились от присущих ему особенностей, в том числе так называемых «штампов».

Усыновлён архивом. В августе 1996 г. впервые побывал в Государственном архиве тогда ещё Камчатской области (ГАКО). В его читальном зале потихоньку начал знакомство со 106-м фондом — Акционерного Камчатского общества, некогда главной на Камчатке производственной организации. Одновременно зал являлся «резиденцией» отдела с громоздким названием «Публикации и использования документов государственного архивного фонда Российской Федерации». На деле обычно ограничивались первыми четырьмя

словами — «Отдел публикации и использования документов», им заведовала Елена Павловна Абрамова. Этого человека, удивительного знатока камчатской старины, помнят и ценят многие исследователи и простые посетители за душевность и искреннее желание помочь, поделиться собственными немалыми познаниями. Её имя вместе со словами благодарности встречается в предисловиях множества наших краеведческих изданий. От неё получил полезные советы по обращению с архивной документацией.

В первые дни пребывания здесь стал свидетелем завершения работы над воспоминаниями заслуженного строителя, почётного гражданина Петропавловска И. Г. Зелинского. В 1960-х гг. он руководил строительно-монтажным участком на моей исторической родине — в посёлке Озерновском. Автор и сотрудники архива подбирали к будущей книге — она называлась «Этажи моей жизни» и вышла в 1997 г. — материалы и иллюстрации. Это казалось неким священнодействием. В то, что у меня появятся собственные книжки, ещё и не мечталось.

Сидючи в читальном зале, помимо знакомства с удивительными событиями, изложенными в старых бумагах, повстречался со многими интересными людьми, некоторые из этих встреч стали прологом к многолетнему сотрудничеству. Нередко в зале пересекались несколько исследователей, работавших над схожими темами или относящимися к одному и тому же времени, но вовсе не всегда являвшихся единомышленниками. Зачастую между ними начиналось обсуждение тех или иных вопросов, нередко с нарастанием «накала страстей», что, конечно, являлось нарушением порядка. Звучало шутливое, но строгое замечание Елены Павловны, и спорщики отправлялись в коридор при входе, где стоял обитый тёмным дерматином диван на металлических ножках, рядом с ним в углу — фикус в кадке. Обмен мнениями продолжался на искусственной коже под сенью крупных листьев этого растения...

Поначалу писал от руки, от той поры в домашнем собрании осталось несколько пачек листов пожелтевшей бумаги, заполненных мелким почерком. Потом, когда появился переносной компьютер, всё написанное было перепечатано на нём. Сейчас удивляюсь этому — как только хватило терпения! Вот уж, действительно, один из «талантов», крайне необходимых исследователю, — это наличие твёрдой и широкой задней нижней части тела. В 1998 г. обзавёлся компьютерной «оргтехникой» — настоящей японской переносной «Тошибой». Точно такой пользовался для перехвата управления космическим спутником коварный злодей из амери-

канского боевика, известного как «Захват-2». Мир же от него спасал сам Стивен Сигал, ныне наш соотечественник. Японское техническое чудо стоило тысячу долларов, сумму для простого бюджетного препода тогда неподъёмную. Поэтому досталось мне как «гуманитарная помощь» при делёжке оборудования, пришедшего на кафедру для выполнения так и несостоявшейся научной темы.

В то время носимый компьютер был ещё редкостью, в отличие от уже привычных настольных, почему вызывал неподдельный интерес у других посетителей читального зала, да и у архивных сотрудников тоже. Машинка оказалась надёжной, прослужила десять лет. К концу своего жизненного срока она вновь стала вызывать интерес, но теперь уже как технический раритет, резко отличавшийся от появившихся ноутбуков. «Тошиба» имела всего лишь 486-й процессор и двенадцатидюймовый экран, правда, уже цветной, у неё не было привычного всем USB-порта, с окружающим миром можно было связаться только при помощи трёхдюймовой дискеты, отсутствовал «тачпад». Вместо него прямо в клавиатуру был встроен довольно неудобный джойстик. Помимо архивных изысканий, на этой машинке были подготовлены многие методички, первые сборники и книжки. Ныне заслуженный аппарат пребывает «на вечном отдыхе» — после списания сдал его в краевой музей. Недавно мы вновь встретились там на одной из выставок.

Печатать статьи и очерки на основе накопленных архивных материалов начал в 1999 г. Через многие годы после этого одна сотрудница архива поведала, что отдельные бдительные граждане из их среды, наверное, удивлённые некоторыми, доселе никому неведомыми, обнародованными сведениями, сверяли их с подлинными делами по приведённым ссылкам. Судя по всему, эту проверку я прошёл успешно, потому что спустя какое-то время почувствовал к себе определённое расположение и доверие. Оно, например, вылилось в то, что (открываю страшную тайну) мне давали старые газеты, которые я уносил домой (!), где перепечатывал на помянутой выше «Тошибе». Сейчас представить себе такое невозможно, но тогда многое было проще.

Ежегодно проводил в архиве по два-три месяца в пересчёте на полноценные рабочие дни. В общей сложности протирал здесь штаны ровно четверть века, за которые стал чем-то вроде предмета интерьера, наподобие уже давно несуществующего фикуса при входе. Об этом с удовольствием сообщил архивным в шутливом поздравлении, будучи приглашён на торжество по случаю юбилея этого замечательного учреждения. А ещё пошутил, что был в своё

время архивом усыновлён, в нём вырос и возмужал. Если учесть, что прошедшие, хоть и частично, в его стенах двадцать пять лет — значительная часть жизни (больше провёл только в родном университете), то можно считать, что шутка оказалась вполне уместной и была принята.

В 1999 г. добрался до бывшего архива обкома КПСС, теперь именовавшегося Центром документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО), директор Валентин Петрович Пустовит. Центр размещался в полуподвале известного всем величественного здания с колоннами на улице Ленинской. Здесь хранились бумаги общественно-политического свойства, вроде протоколов и стенограмм заседаний обкома и разных ревкомов, материалы о деятельности политотделов и парткомов на предприятиях и прочие подобные. А госархив располагал документами о текущей работе различных предприятий и учреждений, такими как годовые отчёты, приказы по основной деятельности, деловая переписка с инстанциями, технические проекты. Собранные и там, и там сведения пересекались, дополняли друг друга и затем на равных использовались во многих работах, и популярных, и монографических, причём большинство было тоже опубликовано впервые.

И в Центре удалось познакомиться с рядом интересных людей, например, с исследователем жизни камчатского населения Виктором Ивановичем Борисовым, доныне знал его только по газетным заметкам. Вскоре мы начали весьма плодотворно сотрудничать.

В 2006 г. содержимое ЦДНИКО в ходе объединения влилось в фонды ГАКО, вскоре преобразованного в ГАКК, то есть Государственный архив Камчатского края.

Посетители ГАКК (имею в виду в первую очередь исследователей) отмечают царящую здесь особую душевную обстановку. Сильно этому удивляются приезжие из больших и столичных городов. Да, в нашем архиве всё как-то по-домашнему, несмотря на то, что это режимное учреждение. Здесь всегда помогут, и сделают это, не только выполняя должностную инструкцию. Наверное, в том числе и потому, что сотрудники — не замшелые «архивные крысы», а творческие люди, сами занимающиеся исследованиями и готовящие интересные публикации. Ныне отдел возглавляет Анастасия Сергеевна Сесицкая, а трудятся в нём замечательные Ольга Анатольевна Копотилова, Наталья Вениаминовна Цегельнюк, Анна Валерьевна Маркова и Ирина Валерьевна Ткачук. Пользуясь возможностью, хочу ещё раз сказать им большущее спасибо за помощь, пожелать здравия и всяческих успехов.

Очень большим подспорьём для исследователей является то обстоятельство, что рядом с архивом расположена Камчатская краевая научная библиотека имени С. П. Крашенинникова. У них «перекрывающийся» режим работы. То есть, пришёл с утра в архив, в его обеденный перерыв отправился в библиотеку, затем — обратно, а по завершении рабочего дня в архиве — снова в библиотеку, открытую допоздна. Это позволяет полностью использовать «световой» день и быстрее накапливать необходимые материалы. Библиотека уже давно является не просто главным книгохранилищем края, но настоящим культурным средоточием для всех творческих людей Петропавловска самых разных устремлений. Она располагает, помимо уникального собрания редких и старинных изданий, специальным отделом краеведения, местом, где уже много лет собирается краеведческое Крашенинниковское общество.

Крашенинниковское общество. Весной 2005 г. в составе группы краеведов (В. В. Бооль, Е. П. Абрамова и В. И. Борисов) был приглашён на конференцию «Человек в истории», проводившуюся историческим факультетом Камчатского госуниверситета имени Витуса Беринга. Сидели, слушали интересные доклады. Вдруг ведущая предоставляет слово нам, чего мы совсем не ожидали. Поэтому каждый говорил хоть и экспромтом, но о наболевшем. Когда пришла моя очередь, озвучил три давно вынашиваемые идеи. Первая — пора организовать, точнее, возродить когда-то существовавшее краеведческое общество. Вторая — этому обществу нужен свой печатный орган (как раз тогда «зрел» замысел «Вопросов истории Камчатки»). Третья — надо искать устойчивый денежный источник для предстоящих историко-краеведческих публикаций.

Вскоре началось осуществление высказанного. К осени 2005 г. был подготовлен первый выпуск «Вопросов...» Затем несколько раз в стенах областной библиотеки заходил разговор о возможном возрождении краеведческого общества при ней. И наконец, 15 февраля 2006 г. под началом заместителя директора библиотеки Татьяны Анатольевны Диковой в секторе редкой книги состоялось организационное собрание краеведов, на которое прибыли восемнадцать человек. Здесь общество и появилось, тут же оно было названо Крашенинниковским, чем отдавалась дань и нашему великому отцу-основателю, и месту бытования нового/старого образования. В качестве председателя, как инициатора, Т. А. Дикова предложила мою персону, но от этой большой чести я отказался, объяснив, что для пользы дела общество должен возглавить штатный работник библиотеки,

а не приходящий «вольный художник». Это приняли во внимание и единогласно избрали председателем ведущего камчатского краеведа, заслуженного работника культуры Российской Федерации Ирину Васильевну Витер. Она является нашим бессменным председателем и поныне.

Главный редактор издательства «Камчатский печатный двор» Е. В. Гропянов отметил: «Сегодня происходит историческое мероприятие — создание нового общества». Его членами стали краеведы, преподаватели высших учебных заведений, журналисты, писатели, сотрудники музеев, библиотек и научных учреждений. Решили, что заседания будут проходить раз в месяц, по третьим средам. Поначалу думали обзавестись официальной атрибутикой: уставом, логотипом, прочим. Разработку устава поручили одному участнику, но за много истекших с той поры лет этот документ так и не появился. Это лишний раз подчёркивает неформальность общества, являющегося не бюрократическим заведением, а своеобразным клубом по интересам, местом встреч и обмена мнениями. Тем не менее, оно вполне авторитетно, например, по сути является «коллективным членом» общественного экспертного совета по издательской деятельности, давая заключения о нужности или наоборот тех или иных предложений. Однажды руководитель одного из учреждений культуры, давно, но безуспешно желавший обзавестись собственным официальным советом, посетовал, что, мол, включать в него некого — всех вобрало неформальное Крашенинниковское общество, а там «всё держится на авторитете определённых лиц».

Постепенно сложился ныне привычный порядок заседаний. Председатель сообщает о наиболее важных событиях, произошедших за последнее время или намеченных на ближайшее будущее, затем сотрудник библиотеки (обычно это Наталья Александровна Побережная) представляет тут же оцениваемые с разных сторон новинки краеведческой литературы. Потом начинается обсуждение разнообразных вопросов, иногда возникающих по ходу заседания. Здесь можно получить интересующие сведения от узких знатоков или обменяться мнениями по тому или иному вопросу. Время от времени заслушиваются заранее подготовленные сообщения, в том числе и с показом разнообразных материалов, например фильмов. Нередко председатель знакомит собравшихся со старыми изданиями, извлёченными из библиотечных хранилищ. И всё это происходит в непринуждённой дружеской обстановке за большим накрытым вкусненьким столом.

Своеобразный «дневник» общества (протоколами в необходимых случаях оформляются лишь отдельные заседания) много лет ведёт старейший и заслуженный краевед, автор ряда интересных и содержательных книг Александр Петрович Пирагис. Приведу несколько сохранённых им на личном сайте эпизодов.

«*19 января 2011 г.* ...собралось тридцать краеведов и историков Петропавловска-Камчатского. Присутствующие были ознакомлены с редкими краеведческими изданиями и новой литературой по краеведению. Также были проинформированы о проводимых в 2011 г. чтениях и готовящихся к изданию книг холдинговой компанией "Новая книга". Состоялся деловой обмен мнениями по обсуждаемым вопросам. Каждый получил план работы общества в 2011 г. и информационные письма о проводимых чтениях...

16 февраля 2011 г. ...на этот раз собралось шестнадцать человек, однако всем было интересно. Общались, делились своими открытиями при чтении книг, в которых упоминалась Камчатка. В краевой библиотеке приступил к работе краеведческий отдел...

22 октября 2013 г. ...прошло очередное заседание Крашенинниковского общества. Как обычно, его вели сотрудники краеведческого отдела библиотеки Ирина Витер и Наталья Побережная. Ирина Васильевна рассказала об экспедиции на остров Шумшу и своих впечатлениях о ней. А Наталья Александровна познакомила собравшихся с новинками краеведческой литературы. Также состоялся предметный разговор о тематике Крашенинниковских чтений в 2014 г. Участникам XXX Крашенинниковских чтений были вручены уже изданные материалы чтений...

21 декабря 2016 г. ...заседание вела Ирина Витер. На этот раз она познакомила собравшихся с краеведческой литературой прошлых лет. В ходе обзора состоялся интересный разговор по отдельным вопросам истории Камчатки, в том числе и о теме предстоящих 5—6 апреля 2017 г. XXXIV Крашенинниковских чтений "Вселенная для знаний — необъятна", посвящённых двухсотдвадцатилетию со дня рождения святителя Иннокентия (Вениаминова). Члены общества поделились своими мнениями о вышедшей в этом году подарочной книге, состоящей из трёх частей: "Атлас", "Личность в истории" и "Фотоальбом".

Отмечая важность и необходимость таких книг, краеведы обратили внимание на поверхностное освещение истории Камчатки, отдельные неточности и ошибки. Были высказаны пожелания в дальнейшем при подготовке таких книг прислушиваться к мнению историков-краеведов.

Сергей Вахрин поделился впечатлениями о своей командировке в Москву, где участвовал в работе специалистов по генеалогии. Он отметил, что с начала XXI в. в России набирает популярность изучение родственных взаимосвязей людей, истории родов, происхождения отдельных лиц; установление родственных связей, составление поколенных росписей и генеалогических древ...

22 февраля 2017 г. ...на этот раз собралось более двадцати человек. Отрадно, что активное участие в заседании принимают писатели С. И. Вахрин, С. В. Гаврилов, М. Я. Жилин, В. П. Пустовит. Заседание вела Ирина Витер. Она продолжила знакомить собравшихся с краеведческой литературой прошлых лет. Ирина Васильевна напомнила членам общества о ближайших мероприятиях в библиотеке, в том числе о презентации книги Н. И. Курохтиной, а также о подготовке материалов на предстоящие 5—6 апреля 2017 г. XXXIV Крашенинниковские чтения... Затем члены общества общались между собой. Так, П. Л. Калмыков рассказал о поисках местонахождения в ходе обороны в августе 1854 г. батареи № 4.

19 декабря 2018 г. ...выступили с различной информацией И. В. Витер, А. А. Смышляев, Д. А. Лабынько и С. В. Гаврилов. Ирина Витер сообщила, что в одной из социальных сетей появилась информация, что Култучное озеро засыпают и что земляки выступают в его защиту. Она разделила их обеспокоенность, выразила готовность выступить в защиту озера. Члены общества согласились с этой позицией. Александр Смышляев рассказал о выходе в свет литературного сборника “Камчатка-2018”, его авторах. Денис Лабынько поделился проблемой определения границ территории Камчатского краевого объединённого музея и просил помощи у краеведов. Сергей Гаврилов уточнил издания, которые выйдут на Камчатке в 2019 г. Среди них “Краеведческие записки”, сборник краеведческих статей В. В. Бооля, мемуары В. П. Пустовита.

20 февраля 2019 г. ...Ирина Васильевна Витер... рассказала о совещании, на котором рассматривался вопрос об исправлении ошибок и неточностей на различных досках и монументальных сооружениях в Петропавловске-Камчатском... Продолжая тему о памятных и мемориальных досках, Анастасия Сергеевна Сесицкая отметила, что исчезла доска с информацией, в честь кого названа улица Капитана Драбкина. Мне с горечью пришлось добавить, что за последние годы исчезли такие же доски на улицах Обороны 1854 г., Чубарова, Тушканова, Давыдова, Фролова.

Сергей Витальевич Гаврилов представил две книги исторической направленности, вышедшие уже в этом году. Это “Флот Камчатки. Траловый флот. 1946—1958” (автор С. В. Гаврилов), в которой прослеживается история первого на Камчатке рыбопромышленного предприятия, связанного с активным морским ловом, и “Голоса и лики нашей Победы” (составитель С. В. Гаврилов), написанная на основе музейного архива с использованием оригиналов и копий приказов военного времени, наградных документов советских бойцов и командиров, сведений о работе камчатских предприятий и о ходе сбора средств в Фонд обороны СССР, воспоминаний, прочих документов, отражающих различные стороны жизни Камчатки в 1941—1945 гг.».

Некоторые заседания общества превращались в настоящие конференции, иногда с участием приезжих гостей полуострова; проходили как представление новых книг и фильмов. Их давно устоявшуюся очерёдность поколебали события, известные как «пандемия коронавируса», но отдельные заседания проводятся и сейчас, и все мы, участники, с нетерпением ждём восстановления привычного порядка общения.

О ЧЁМ НАПОМНИЛИ СТАРЫЕ ПИСЬМА

«Остров Русский и сопки крутые...»

Этот закавыченный заголовок — единственная запавшая в память строчка песни, некогда звучавшей на плацу войсковой части 25108-Р во время строевых смотров и подготовки к ним, в том числе и в моём «исполнении». Кто её автор, что следует до и после, узнал относительно недавно. Оказывается, называется она «Марш тихоокеанцев» и написана ещё в 1960-х гг. довольно известными в своё время владивостокскими авторами.

Как читатель уже догадался, теперь речь пойдёт о срочной флотской воинской службе, длившейся с октября 1984-го по октябрь 1986-го и протекавшей в основном на сем славном месте. Она оказалась не вполне типичной, а если точнее, то совсем нетипичной. Возможно, что её ход, описанный ниже, кого-то удивит. Но события более чем тридцатипятилетней давности восстанавливал по «первоисточникам», то есть по некоторым подлинным документам и собственным письмам.

В своё время они были отправлены мною сначала в славный город Астрахань, а позже — в Петропавловск-Камчатский, в адрес мамы. В 1988 г. она, выйдя на пенсию, переехала на жительство на историческую родину — в Астрахань и забрала их с собой. Там они и хранились до её кончины, последовавшей в мае 2013 г. Их, а также прилагавшиеся фотографии и газетные заметки, вместе с другими бумагами из семейного архива забрал домой, в Петропавловск. Спустя какое-то время разобрал, разложил по датам, прочёл, удивился, вспомнил те славные времена молодости и решил предать их гласности, с одной стороны, как часть собственного жизнеописания, а с другой — как зарисовки из жизни некоторых воинов-«срочников» середины 1980-х.

К сожалению, письма сохранились не все. Особенно большой разрыв в их датах пришёлся на весну и лето 1985-го, когда в моей жизни происходило множество примечательных событий. Так что это время вспоминаю, что называется, «по косвенным признакам» да по другим сохранившимся бумажкам. К тому же некоторые эпизоды, связанные с возникавшими сложностями, сопутствующими срочной службе в то, уже далёкое от нас время, в письмах мною не излагались. Зачем лишний раз беспокоить ничем не могущих

тебе помочь родных, тем более что из них удавалось выпутываться с наименьшими издержками для здоровья и душевного равновесия?

Конечно, многое с годами видится иначе, как правило, с ностальгией и определённым перекосом в сторону «важности» собственной персоны и, наоборот, недооценкой прочих окружающих, но уж такова человеческая природа. Сознательно не упоминаю имён и фамилий сослуживцев, ибо пытаюсь описывать не историю конкретных событий, а скорее, окружавшую обстановку. Думаю, что читателям, не служившим в те времена, персоналии не важны. Те же, кто «в теме», поймут, о ком идёт речь, а может быть, даже узнают самих себя.

Между прочим, именно во время пребывания на славном острове Русском проявилась склонность к собиранию всяких «артефактов», в данном случае разнообразных бумажек, и выстраиванию отражённых в них событий в хронологическом порядке. В дальнейшем она выразилась в долголетнем сидении в камчатских архивах, музеях и библиотеках и написании многочисленных книжек по истории родного края. Но если бы мне в годы матросско-старшинской молодости кто-нибудь сказал о том, что это когда-либо случится, я бы сильно удивился...

Так уж вышло, что моя срочная воинская служба началась с расстройства. И вовсе не желудочного или психического, а житейского. В смысле внезапного разрушения, как казалось, надёжно складывавшегося жизненного распорядка. Сомнений в том, что нести эту самую службу придётся, доселе никогда не возникало. Окружавшая семейная и общественная обстановка, собственные убеждения, сложившиеся, в том числе, и под воздействием того, что ныне называют «патриотическим воспитанием», прочего и не предполагали. Излагая «высоким штилем», предстояло «отдать долг родине». А имелся ли он? Полагаю, что да. И принимая во внимание наши русские исторические традиции, и персонально — с учётом полученного собственного воспитания, обретённого, и не просто задарма, но с немалой стипендией, вполне приличного, да ещё и высшего, образования, назначенной в детстве и юношестве казённой пенсии, обозначенной как «по утрате кормильца», и прочего. Хотя многие мои собратья-студенты тогда так не думали.

В начале 1980-х среди значительной части будущих призывников прочно бытовала поговорка «Срочная служба — хорошая школа, но лучше учиться в ней заочно». В их глазах «откос» от призыва считался чем-то вроде особой доблести, выделявшей из

множества менее удачливых собратьев по разуму, которым скоро предстояло быть обряженными в защитные или чёрные шинели, украшенные одним рядом дутых или штампованных алюминиевых пуговиц с пятиконечной звездой или якорем соответственно. В числе моих сокурсников таковых нашлось, как показало время, трое. Словно в противовес им имелось среди нас и трое уже «дембельнувшихся». Один из них, ещё недавно два года топтавший солдатскими сапогами забугорную землю в составе Группы Советских Войск в Германии, поступил вместе с нами на первый курс. Остальные, честно отдавшие три года матросской жизни Краснознамённому Тихоокеанскому флоту и два солдатской — танковым войскам, некогда были изгнаны со старших курсов за разные провинности и восстановились ближе к завершению учёбы.

Было ли страшно в преддверии призыва? Да, и страхи эти подогревались россказнями «бывалых» знакомцев, в том числе и только что помянутых наших старших сокурсников, о пресловутой «дедовщине» и «неуставнухе», красочно подкреплявшимися многочисленными и разнообразными примерами, а также утверждениями, что «служить надо со своим годом», в смысле рождения. Услышали мы о том, как плац метут ломами, палубу драят зубными щётками, лестницы моют шнурками от ботинок и прочие страсти. Но бравый вид большинства рассказчиков оставлял нам, малоопытным «салажатам», надежду на то, что, глядишь, да как-нибудь обойдётся — тоже выживем. Ближе к защите дипломных проектов, то есть к июню 1984-го, разговоры на эту тему стали в основном сводиться к рассуждениям, что неплохо было бы попасть на полтора года, а не на два.

Наверное, тут нужно пояснить, что для тогдашних выпускников вузов, не имевших военной кафедры, в том числе и нашего Камчатского филиала Дальрыбвтуза, устанавливался укороченный срок службы. Если обычный призывник шёл в Советскую Армию на два, а на Военно-Морской Флот — на три года, то новоиспечённый инженер или педагог — на полтора и два соответственно. (По этому поводу острили: «Сапоги короче ботинок на год», в нашем случае — на полгода.) Правда, «полторашники» имелись и на флоте. Так, в морской авиации, береговых частях и морской пехоте служили именно этот вожделенный срок. Но, пожалуй, самым престижным местом для будущего воина в среде городских призывников считалась «та сторона», то есть военный судоремонтный завод в Приморском. Это было что-то вроде стройбата: там и отбывать надо было полтора года, и зарплату платили. За службу

можно было обрести несколько тысяч рублей — весьма приличную по тем временам сумму, трудились бы мы, в общем-то, по обретённой морской специальности, да и до дома — рукой подать. Но попадали в это заветное место, как правило, по большому блату. А вот его-то у большинства простых граждан, в современной терминологии «лузеров», в том числе и у меня, не имелось.

Зато имелся ещё один страх — возможные предстоящие физические нагрузки, особенно пугавшие откровенных хиляков и прочую публику, слабо дружившую с физкультурой и спортом. Насмотревшись по «ящику» и на широком экране художественного кино на военную тематику, показывавшего, как слабосильные «духи» умирают во время кроссов или преодоления полосы препятствий, решил принять предупредительные меры (вот она, великая и зажигательная сила настоящего искусства!). Они свелись к вполне целенаправленным тренировкам по бегу, проходившим на замощённых большими квадратными плитками из чёрной резины дорожках расположенного неподалёку от дома стадиона «Спартак». Получив инженерский диплом, мотался по ним примерно полтора летних месяца, доведя надёжно и бодро пробегаемую дистанцию километров до шести, после чего решил, что этого на первые дни ожидаемой новой жизни должно хватить. Так что честно могу сказать, что к предстоящим «тяготам и лишениям» готовился по-настоящему.

(Забегая вперёд, отмечу, что этой скороспелой «закалки» хватило, и с избытком. Потеть в кроссе, причём вполне символическом, пришлось лишь единожды. Ежедневные же пробежки по плацу в ходе утренней зарядки причислять к серьёзным физическим нагрузкам даже как-то неудобно. К имевшемуся в части спортзалу и снарядам за первые полгода службы не подступал, точнее не подпускали, ни разу.)

В начале октября 1984-го, уже работая в средней «мореходке», получил повестку о призыве. Отправитель — Октябрьский районный военкомат родного города в лице некоего подполковника напомнил: «На основании закона СССР “О всеобщей воинской обязанности” вы подлежите призыву на действительную военную службу». Судя по имеющимся на ней трём фиолетовым прямоугольным штампам, 4, 9 и 15 октября прошёл все необходимые медицинские процедуры и собеседования. В последний день — 15-го числа — состоялась областная призывная комиссия, заседавшая совсем рядом с родным домом — в ныне снесённом двухэтажном деревянном

сооружении ещё довоенной постройки на улице Ключевской, 21. Там же была определена и последняя дата прибытия на призывной участок по этому же адресу для отправки в часть: 30 октября 1984 г.

Многих подробностей уже не помню, но в памяти задержалось, что мотались по кабинетам помянутого здания с бумажками от одного врача к другому да толкались в коридорах, оживлённо обсуждая последние слухи. А ещё в подкорке сохранилось давнее предупреждение, что к отправке всем следует коротко постричься. Оно могло и не отложиться, но тому помог следующий забавный случай.

Утром 30 октября призывная братия, в числе которой было примерно с десяток моих сокурсников, собралась на площадке перед участком. Вышел какой-то начальник, приказал построиться. Хотя военную кафедру никто из нас не посещал, но все прошли в старших классах средней школы замечательную прикладную и жизненную науку под названием «Начальная военная подготовка». Уж чему-чему, а основным строевым командам, разборке-сборке на время «калаша», также и пальбе в мишень из «мелкашки» отставной майор-фронтовик, военрук родной школы, научил нас вполне основательно. Так что выполнить поступившее приказание было несложно.

Пройдясь вдоль строя, начальник обратил внимание на явно выбивавшуюся из него единственную нестриженую голову моего однокашника, отличавшегося солидными габаритами и шикарной тёмной шевелюрой, пышной и кудрявой. Это зрелище вызвало большое неудовольствие командира и сопровождалось заявлением с общим смыслом: «Я тебе покажу, такой-сякой ослушник!» Наш коллега под конвоем одного из присутствовавших здесь солдатиков, сопровождавших новособранную команду, был препровождён в здание призывного участка, откуда вскоре возвращён в строй весьма неровно постриженным «под ноль». Впервые за пять лет совместного студенческого существования мы увидели его с непропорционально маленькой, по сравнению с привычной объёмной причёской, лысой макушкой, к тому же теперь отдававшей синевой. Это вызвало, несмотря на не вполне праздничное настроение, взрыв хохота. Тот, добродушно смущаясь, тем не менее показал самым смешливым кулак размером чуть меньше собственной побритой головы. Так на его примере будущим воинам наглядно и доходчиво было объяснено, что отныне они сами себе уже не принадлежат, а к распоряжениям вышестоящих лиц им следует относиться с подобающим пиететом.

Но вернёмся к заявленному выше расстройству. Дней за пять до призыва на залитой ярким светом прожекторов сцене Дворца культуры рыбаков, как принято говорить, «в торжественной обстановке», получил из рук представителя городской комсомольской организации путёвку «на корабль ВМФ “Камчатский комсомолец”». Она представляла собой раскрывающуюся открытку, на обложке которой были изображены комсомольский значок с золотистым профилем Ильича, красная звезда, флотский флаг и нынешняя георгиевская (тогда — гвардейская) лента. Внутри — собственно путёвка и набранное крупными красными буквами напоминание о том, что ещё в 1922 г. наша славная комсомолия взяла шефство над Военно-Морским Флотом. Здесь же юбилейные даты — «1922—1982». Долго же она меня ждала: уже завершался 1984-й! Вполне возможно, что за эти два с лишком года срок её годности подошёл к концу, а значит — ослабли свойства и качество, как будет показано далее.

На сцене совершенно неожиданно столкнулся с былым одноклассником, а теперь коллегой-призывником. Он недавно окончил физмат нашего педагогического института, начал учительствовать. Ему вручили путёвку в пограничные войска на те самые, столь предпочтительные полтора года, и он туда действительно угодил. Кроме нас двоих под лучами софитов переминались с ноги на ногу ещё человека три таких же «счастливчика», наверное, тоже выпускники местных вузов, но с ними я никогда до этого не пересекался. Всё это действо называлось «торжественными проводами в Вооружённые Силы СССР».

Почему выбор пал на мою скромную персону, могу только догадываться. Может быть, этому поспособствовали мои недавно обретённые преподавательская должность в мореходке и членство в составе её довольно многочисленной комсомольской организации. А может быть то, что именно на нашем примере — дипломированных и «вышеобразованных» молодых специалистов — областная и городская комсомолия решила показать свою заботу о призывниках, попутно поставив галочку напротив соответствующей статьи своей отчётности?

Ярым членом ВЛКСМ я никогда не был. Понятное дело, что «как все» сидел на собраниях, честно платил копеечные взносы и «скопом» принимал участие в, выражаясь казённым языком, «текущих мероприятиях». Да и вступил в ряды этой замечательной организации довольно поздно — менее чем за два месяца до окончания школы, в апреле 1979-го, под давлением мамы, время

от времени трагическим тоном возвещавшей, что без этого «тебя не примут в институт!» А туда хотелось. Так что, оценив этот весомый матушкин аргумент, пришлось писать заявление. В классе, несмотря на то, что был его старостой, к этому времени являлся единственным «несоюзным» учеником. Но на школьной «карьере», как видите, это никак не сказалось.

Краснокожий комсомольский билет с многоциферным номером 49 175 820 выдали мне в апреле 1979 г., и не в Октябрьском райкоме, как это делалось обычно, а прямо в школе. Помню, что, будучи дылдой-десятиклассником с пробивающимися усами и бакенбардами, стоял в ряду мелкорослой недавней пионерии. Билет вручала миловидная сотрудница райкома, ещё совсем недавно преподававшая в нашей школе английский язык. Спустя многие годы неоднократно встречал её в коридорах тогда ещё областной администрации, где она работала.

Комсомольской «корочкой» по наступлению «демократии» в конце 1980-х гг. бросаться не стал, сохранил её, как и учётную карточку. Они пригодились хотя бы как документы той, давно ушедшей эпохи. Между прочим, из листочков билета, обозначенных как «уплата членских взносов», следует, что молодые преподаватели «мореходки» жили не так уж и плохо. Моя первая, «допризывная», зарплата в сентябре 1984 г. только лишь с одной «северной» надбавкой была сто семьдесят рублей. Её величина достигла «пика» в августе 1988 г., составив целых четыреста семьдесят «деревянных», причём «отстёгнуто» с неё в распоряжение доблестного комсомола было семь рублей и три копейки. Получается, что месячный членский взнос составлял полтора процента. Последний был заплачен в феврале 1989 г. с вполне приличного жалования в четыреста пять рубликов.

После этого ваш покорный слуга, не дождавшись трёх месяцев до наступления двадцатисемилетнего возраста, по достижении коего по давно установленному порядку членство в комсомолии прерывалось естественным образом, самовольно покинул её ряды, унеся документы с собой. Хочу отметить, что, судя по аккуратно прописанным цифрам зарплаты и взносов и поставленным подписям со штампиками «Уплачено. ВЛКСМ», эта сторона её деятельности была отлажена надёжно.

Ударившись по случаю в воспоминания о взносах той поры, могу попутно поведать о таком, ныне диковинном, вычете из зарплаты, как «налог за бездетность», коему подвергались все граждане Страны Советов, дожившие до двадцати пяти лет, а потом-

ством не разжившиеся. По-моему, брали с нас, с молодых и неженатых-незарегистрированных, процентов шесть. Ещё один уходил в профсоюзы, а подоходный налог был таким же, как и ныне — тринадцатипроцентным. Получается, что при тогдашнем «коммунистическом режиме» с простого трудящегося брали аж на семь с половиной процентов больше, чем при нынешнем «демократическом». Обращаю внимание любителей порассуждать на тему «проклятого советского прошлого»: вот оно, ещё одно зримое, точнее, денежное, проявление былого «тоталитаризма»!

Вручение путёвки на флот прояснило многое. Во-первых, стало понятно, что служить буду два года и, скорее всего, на корабле по полученной в филиале специальности судомеханика. Во-вторых, обнаружилось, что местом службы станет родной град Петра и Павла. Назначенный мне корабль — база подводных лодок «Камчатский комсомолец», похожая на крейсер, с парой орудийных башен по носу и корме, — угловатой серой громадиной возвышался в одной из примыкавших к городской черте бухт, то есть был виден чуть ли не из домашнего окошка. А дома, как известно, и стены помогают. Былые страхи почти улеглись...

Так в чём же заключалось расстройство-то? Да вот в чём. 30 октября 1984 г., простившись с родными и друзьями, мы разместились в нескольких автобусах и в сопровождении обряженных в защитно-зелёное товарищей офицеров и сержантов отправились в путь. Ожидал, что он завершится в так называемом «полуэкипаже», что и ныне размещается на улице Тундровой, а уж оттуда и ждёт меня дорога на славный «Камчатский комсомолец», как было означено в столь торжественно выданной путёвке. Но поехали почему-то в сторону десятого километра, а вскоре пришло понимание, что везут в сторону Елизово. Тут меня начали, как говорилось в одном замечательном отечественном кинофильме, «терзать смутные сомнения». Успокаивал себя тем, что сейчас разберутся, тем более что путёвку показывал на недавней призывной комиссии, и повезут назад.

Тем временем прибыли, но не в Елизово, а подальше километров за десяток — в деревню Кеткино. Там был развёрнут сборный пункт, стояли армейские палатки. Поспешил к здешним начальникам-офицерам, предъявил им свою цветастую бумагу. В ответ услышал классическую фразу о том, что могу определить её, сами догадываетесь, куда. Бунтовать не имело смысла: документы пребывали у товарищей военных, деваться без них было некуда, так что пришлось покориться судьбе-злодейке и отправиться из этой

достопамятной деревни через Елизовский аэропорт в славный град Владивосток...

(Наверное, следовало заранее перестраховаться с этой путёвкой, так сказать, «постелить соломку»: сбегать в комсомольский райком да «организовать» звонок оттуда в тот же военкомат. Но простодушному бывшему студенту тогда это в голову не пришло. Как-то так вышло в жизни, что ни «блата», ни опыта в разных «хитрых» делах доселе не имел.)

Вот такую «обиду» нанёс мне в самом конце октября 1984 г. наш славный комсомол. Присущий этой конторе в последние годы её существования формализм с блеском был продемонстрирован на примере вашего покорного слуги. Выданную ею путёвку, сложенную пополам и основательно потёртую за дни службы, сохранил и привёз обратно домой.

Но, как выяснилось годы спустя, комсомолия «реабилитировалась» передо мной весной 1986 г. Вдруг в один из майских деньков призвали меня в штаб родной части и вручили знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец одиннадцатой пятилетки» второй степени (или ступени?) Такая небольшая серебристая медалька в форме окружности с пятиконечной звездой, подвешенная на тёмно-красной лакированной колодке. Спустя много лет обнаружилось, что её обладатель может рассчитывать на присвоение ему федерального звания «Ветеран труда» с причитающимися натуральными и денежными льготами, ибо знак отнесён к тому, что именуется «государственными наградами», пускай и самого низшего розлива...

Из владивостокского аэропорта доставили нас в памятную многим, я бы даже сказал, в легендарную, войсковую часть 15110, проще — в 21-й флотский полуэкипаж, а ещё проще — на ПТК. Под этой аббревиатурой скрывалось понятие «Приёмно-техническая комиссия флота». За её забором в разное время началась воинская биография значительной части мужского населения нашей бескрайней страны во многих поколениях.

Полуэкипаж располагался в городской черте, сразу же за помянутым забором шла обычная гражданская жизнь, стояли многоэтажки, ходили простые и честные советские люди. С одной стороны часть примыкала к сопке. Разместили нас в одноэтажной казарме или, скорее, бараке. Публика в здешних местах собралась самая разнообразная: множество народу слонялось в «гражданке», как мы, кто-то щеголял в новенькой форме, с бескозырками, но почему-то без ленточек, кто-то был обут в башмаки со шнурка-

ми (позже узнал, что они именуются «гады», иначе «прогары»), а кто-то и в сапоги.

Сильно удивил один уже послуживший матросик. На его чубатой голове красовалась лихо заломленная на затылок «беска» с золотистой надписью «Балтийский флот». Далековато забрался этот, видимо, спутник одного из «покупателей», то есть командированного за пополнением офицера! Имелись здесь и морпехи в своей эффектной чёрной форме. Снова забрезжила мечта определиться-таки на вожделенные полтора года! Местные знатоки пояснили, что матросы, обутые в сапоги, предназначаются к отправке на Камчатку. Это тоже слабо намекало на возможность возвратиться на родной полуостров...

А пока сидим в бараке, гадаем, что да как сложится. Одни дремлют, другие беседуют, третьи неспешно перебрасываются в картишки. Честно говоря, не помню того, чтобы нас тут особенно «угнетали». Местный кадровый состав — срочнослужащие старшины и матросы — вполне любезно, если такие слова уместны в данных обстоятельствах, делился своими соображениями и давал советы «на всякий случай». Вдруг наше относительно безмятежное существование было прервано слухом, что заставят «тащить службу» прямо здесь — в качестве дневальных или приборщиков. Этого, честно скажу, делать не хотелось, но кого-то действительно отловили (то есть, согласно бытовавшей местной словесной норме, «припахали») и отправили на разные хозяйственные работы и помывки. Несколько времени прошло в томительном ожидании, когда и чем накормят: домашние запасы мамкиных пирожков у всех подошли к концу.

Постепенно окружающую публику стали вызывать на означенную «приёмную комиссию». Дошла очередь и до меня, понятно, что не одного. В сопровождении кого-то из здешних «военных» нашу группку повели в сопку к одному из зданий. По дороге встретился наш довольный дальрыбвтузовский коллега, так внезапно расставшийся со своей роскошной шевелюрой на пороге призывного пункта. Он радостно заявил, что определён в морпехи. Подумалось, что ничего удивительного в этом нет: а куда ещё с такой представительной фигурой? Не на подводную ж лодку. Да, кстати, чуть не забыл! Ходила тут легенда, уж не знаю, стояло ли за ней хоть сколько-нибудь истины: мол, если поведут в барокамеру, то точно будешь служить на подводной лодке. А чтобы от этого «откосить», то во время испытания повышенным давлением надо кричать и биться в истерике...

Настала моя очередь предстать перед ПТК. Разговаривал с солидным кап-три с лицом, обрамлённым короткой интеллигентской бородкой, что в офицерской среде и тогда, и сейчас было редкостью. Тот, видимо, заранее ознакомившись с делом призывника, поинтересовался некоторыми техническими подробностями, спросил о том, какие дисциплины читались мне во время учёбы и что я сам преподавал в мореходке. Потом объявил, что лежит мой путь в учебный отряд, или попросту в «учебку». Вот тут и стало окончательно ясно, что на биографическом горизонте замаячил пресловутый «остров Русский». Эту пару слов в прежней жизни слышал не раз, обычно как определения беспредельной жёсткости службы, к тому же сопровождавшимися краткой характеристикой: «Вешалка!»

В памяти тут же всплыли давние россказни про какую-то крутую лестницу, ведшую в сопку, по которой заставляли мотаться туда-сюда до изнеможения. Вспомнилось и про умывальники, по щиколотку заполненные кровью, якобы выбитой из носов молодого пополнения, и о том, что там не дают ни пожрать толком, ни поспать и ни помыться, и всё бегом...

С этим кап-три спустя какое-то время встретился уже на острове, в части. Он служил командиром одной из рот, а потом был повышен, переведён в город в штаб флота и иногда инспектировал свою бывшую учебку. И, как я сейчас понимаю, именно его заслуга заключается в том, что в ней впервые единовременно скопилось с десяток призывников с высшим образованием, и не только выпускников нашего замечательного филиала. Как-то раз попался ему на глаза во время очередной инспекции и получил разнос за свою плохо побритую, по его мнению, физиономию.

Во второй половине дня 3 ноября 1984 г. нас, отобранных для прохождения службы на острове, отправили на морской вокзал пригородных сообщений, что находился в районе Корабельной набережной. Эти места были мне знакомы: во Владике неоднократно бывал пару лет назад в ходе студенческой плавательной практики. Здесь погрузились на «тяни-толкай» — одинаковый с носа и кормы автопассажирский паром, точно такой же ходил и через родную Авачинскую губу, и двинулись к острову. Уже стемнело, когда паром подошёл к причалу. Возле него под уходящей в темноту неба горой стояло некое сооружение, как потом оказалось, контрольно-пропускной пункт (КПП) с залом ожидания и автобусная остановка. (Между прочим, в эту гору вела крутая лестница. Подумалось: а не та ли самая?)

Нас построили и повели по не вполне ровной грунтовой дороге, тянувшейся вначале по берегу, а затем вдоль каких-то сооружений и складов. Спустя непродолжительное время колонна подошла к воротам части, рядом виднелся фигурный забор, выложенный из тёмного и светлого кирпича. Втянулись на территорию, остановились возле пропускного пункта и рубки дежурного. Тут было освещено, нас встречало некоторое количество местных обитателей из числа срочнослужащих так называемого «кадрового состава», искавших земляков, а также то, чем можно было бы завладеть из пожитков нового пополнения. Прошло первое «раскулачивание». Затем снова двинулись в потёмках в неведомое, хотя и пояснили, что теперь держим курс на баню: предстоят стрижка, омовение и смена гражданского одеяния на флотскую форму.

Баня состояла из двух отсеков. В первом разделись догола. Здесь толкались какие-то неведомые личности. Одной из них отдал за ненужностью свою потасканную демисезонную тёмно-зелёную куртку и шикарные голубые шерстяные брюки-колокола, которые сшил ещё перед окончанием школы в 1979-м и уже несколько лет не надевал — вышли из моды. Зато вот сгодились мне в последний раз на время призыва, да и этому воину — видать, бегать в самоволки. Кто-то сказал, что желающие могут отправить вещи домой, для чего их надо было зашить в наволочку и написать на ней адрес. По-моему, таковых не нашлось.

Во втором отделении, облицованном пожелтевшей от времени и влаги плиткой, нас ждали ушаты, мыло и несколько кранов с горячей, точнее тёплой, и холодной водой. Водные процедуры затянулись, а в помывочной оказалось довольно прохладно. Помню, как один сотоварищ уселся в ушат и найденной по случаю облезшей эмалированной кружкой поливался сверху тёпленькой водичкой, обогреваясь таким незатейливым способом. Мокрые и продрогшие, мы, наконец, были впущены в раздевалку. Здесь уже разложили новенькое зимнее обмундирование. Его раздачей занималась пара матросов, а руководил ими человек почтенного возраста, к которому те обращались почему-то «полковник». Налицо имелось явное несозвучие: полковник и баня сочетались как-то не очень. Истинного же его звания не было видно, потому что он был обряжен в короткую чёрную меховую кожаную куртку без погон с распахивающимся на «молнии» капюшоном. Такие шикарные одеяния предназначались для подводников, они весьма ценились на гражданке. Во всяком случае, один мой былой филиаловский однокурсник носил его с большой гордостью.

Доставшаяся мне шинель оказалась коротковатой, как и форменные брюки, из-под которых виднелись белые кальсоны, выданные взамен привычных трусов, так как дело шло к зиме (кальсоны увидел и надел впервые в жизни). Обратился к старшему по установленной форме: «Товарищ полковник!», вызвав усмешку старослужащих. Обернувшись, тот сказал своим подчинённым: «Дайте-ка этому хлопцу другие панталончики». Спустя время выяснилось, что это был начальник вещевого склада, местная легенда, мичман, начавший служить ещё чуть ли не в Отечественную войну. Но вот как его звали, я прочно запамятовал (позже вспомнил фамилию — Гришин). А шинельку мне заменили примерно через неделю.

Поздним вечером, переходящим в ночь, снова в кромешных потёмках, нас отвели на пустой камбуз (так именовалась здешняя столовая) и накормили чем-то, не вызвавшим отторжения. Наконец, гораздо позже времени законного «отбоя» молоденький старшина привёл нас в полупустую роту, уставленную двухъярусными железными койками (по-местному, «шконками») с литыми спинками и даже с какими-то завитушками. Но определили нас не ко сну, а в коридор между спальным помещением и так называемой «ленинской комнатой». Там вручили почтовые конверты, бумагу, ручки, сообщили адрес части и приказали писать домой короткие письма. Содержание моего приведено ниже. Затем конверты были запечатаны, письма собраны, а взамен выданы чёрные погоны с жёлтой резиновой буквой «Ф», отныне означавшей нашу принадлежность к славному флотскому сообществу.

Предстояло новое испытание: теперь их надо было пристроить к новеньким чёрным, жёстким, плохо гнущимся шинелям. Тут выяснилось, что далеко не все мои теперешние коллеги-воины умеют обращаться со швейными принадлежностями, а кое-кто не понял, куда следует поместить полученные погоны. Совсем скоро это было подтверждено треском только что намётанных ниток: неправильно пришитое под лёгким старшинским усилием покинуло плечи одного моего новоявленного сотоварища, не уразумевшего, что его край должен совпадать со швом, шедшим от рукава к воротнику. Наутро, уже при дневном свете, этот треск повторился ещё пару раз и был сопровождён короткими, но эмоциональными определениями со стороны того же старшины. Пришлось моим новообретённым товарищам ещё раз колоть себе пальцы.

Ну вот, погоны прилажены на уставные места, и нас в полутьме помещения развели по койкам. Наступил не сон, а скорее забытье,

вскоре прерванное первой в моей жизни настоящей воинской командой: «Подъём!»

3 ноября 1984 г. «...Пишу первое письмо, находясь в рядах Вооружённых Сил. 30 октября отвезли нас в Кеткино, затем направили во Владивосток. В моей команде десять человек из родного Камчатского филиала (далее КФ. — *С. Г.*). Во Владик прибыли на следующий день, здесь находятся ещё шестеро наших. Всех определили на флот, на два года, независимо от команды, к которой были приписаны ранее. Здесь и Б. (два года на подводных лодках) и К., и прочие. В тот день, когда мы уезжали из Владивостокского полуэкипажа, обещали привезти ещё одну группу, в которой тоже были наши. Сейчас нахожусь в части во Владивостоке, адрес... Приняли нормально, обмундировались. Пища хорошая. Подробности сообщу позднее. Нас в этой части из КФ пока трое, скоро будут ещё.

P. S. Носки и перчатки изъяли на карантине (в полуэкипаже, как неуставные. — *С. Г.*). По возможности, пришлите тёплые носки чёрного цвета и перчатки нитяные, тоже чёрные». (Какое-то время в преддверии наступавшей зимы эти самые носки и перчатки представлялись особо важными предметами, поэтому они будут помянуты ещё не раз.)

На следующий день началось знакомство с особенностями военно-морского бытования, в том числе и с основными понятиями и определениями. В ходе первой приборки в ротном помещении узнал два новых слова, точнее их местное значение. Первое — «обрез». Вообще-то обычно так именовали разрезанную пополам бочку, которую я и пытался было отправиться искать, получив команду «Тащи обрез!» Но удивительным образом выяснилось, что тащить-то следовало обыкновенный банный ушат из оцинкованного железа с двумя ручками. Второе слово — «баночка» или «банка». Вроде бы подобным образом обозначалось посадочное место в шлюпке или морская отмель, но в моей новой жизни теперь так именовалась массивная деревянная табуретка с узкой прорезью в крышке или даже обычный стул.

Этим я, уже обладавший определённым словарным запасом, был несколько дезориентирован в ныне окружавшем меня пространстве, отчего объявлен «мутным», то есть тем, который «плохо врубается». Да, видимо, многому меня не научили в нашем рыбном институте!

Ещё через день мой военно-морской словарь пополнился ранее неведомым словом «канолевый». А произошло это так. Отправленный

вместе с собратьями по «смене», то есть взводу, мести площадку перед тем самым КПП (он назывался «Подножье», так же как и посёлок, в котором размещалась часть), через который совсем недавно был доставлен на остров, я бодро размахивал веником, скрученным тут же из дикорастущей травы. Несмотря на начало ноября, было довольно тепло и тихо, светило солнышко, чёрная шинелька и шапка нагрелись, выступил пот. Пыль стояла столбом...

Раздумья о превратностях судьбы были прерваны властным окриком: «Эй, ты, ну-ка, бегом сюда!» Смотрю, стоят два бывалых воина, засунувшие руки глубоко в карманы не доверху застёгнутых бушлатов, с краснозвёздными пилотками, сдвинутыми на затылок. Это, а равно и тон, коим сделано вышеозвученное предложение, явно свидетельствуют об их здешнем высоком общественном положении. Типа, надо подчиняться. Подчиняюсь. «Ремень канолевый?» Поскольку он не кожаный, говорю «да», подразумевая, что «каноль» — это, наверное, материал, из которого он сделан, что-то вроде кожзаменителя.

Один из воинов выворачивает ремень на себя, после чего начинает недовольно и угрожающе махать руками, произнося слова, общий смысл которых сводится к тому, что нехорошо всяким глупым молодым бойцам обманывать столь заслуженных людей: за это можно и поплатиться. Поплатиться за глупость, слава Создателю, в тот раз не пришлось, зато отныне твёрдо понял, что «канолевый» — это в переводе с блатного означает «новый». (Странное, согласитесь, соотношение: блатной — военно-морской, но с ним мы ещё пересечёмся.)

Поясню, что незадолго до этого помянутый выше старшина снял с нас только что выданные новенькие кожаные ремни и заменил их чёрными старыми из синтетического материала. У них даже отсутствовали металлические петли, замёненные прорезью, набрасываемой на язычок бляхи. Сделано это было с расчётом избежать возможного изъятия в пользу старослужащих. Только что изложенное подтвердило старшинскую мудрость.

Вскоре пришлось повстречаться с ещё одной островной легендой. В группе «слонов», как именовались курсанты «учебки», как-то шествовал по заданной командирами военно-морской надобности. Смотрим, возле дороги стоит целый подполковник, и это при том что командиром части тогда был только капитан третьего ранга (по-сухопутному, майор). Промаршировали мимо, отдав честь. Тот вяло отмахнулся. Заметили, что одет он почему-то в весьма потёртую шинель, а просветы на погонах не ярко красные, как у медиков

или морпехов, а какие-то выцветшие, скорее малиновые. Позже спросили «стариков», кто таков. Те пояснили, что это гарнизонный связист, действительно подполковник, но в отставке. Говорили, что он единственный, кто знает все линии связи, проложенные по острову за восемьдесят лет, начиная ещё чуть ли не с русско-японской войны. Его обычно сопровождал матросик, таскавший сумку с инструментом и катушку с проводами. Потом пересекались с ними ещё несколько раз.

Последующие дни прошли в строевых занятиях на плацу, изучении уставов, приборках, «уборках» коек, то есть освоении хитростей правильной и красивой натяжки на них одеял, и разнообразных работах. Ради последних дважды выезжали во Владивосток. Первый раз — на какую-то железнодорожную станцию, где из вагонов выгружали мешки с мукой, пропитавшей только что полученное новенькое тёмно-синее рабочее платье. Это удивило, наивно подумалось, что неплохо было бы выдать для этого занятия какую-нибудь другую одёжку, поплоше. Ещё больше озадачил обед, полученный «сухим пайком», состоявший из банки рыбных консервов, что-то в томате, на двоих и пары кусков хлеба. Второй раз косили, точнее, щипали траву на откосах где-то в районе штаба флота.

Как-то побывали на некоей «лесосеке», но это, по-моему (со временем забылось), происходило в пределах острова. Там перетаскивали с одного места на другое спиленные древесные стволы, используя собственные «тренчики», то есть брезентовые поясные ремешки. Именно на этой лесосеке впервые столкнулся с особенностями местной природы. Здешние старожилы объяснили, что работать надо в застёгнутой одежде и заправленных в носки брюках, а через каждые полчаса проводить «взаимный самоосмотр». Этим вроде бы предупреждалось нападение распространённых в Приморье и совершенно неведомых тогда на Камчатке (сейчас уже появились) клещей, могущих переносить энцефалит.

Существованию же этой заразы имелось и живое подтверждение: отставной кап-раз, некогда бывший командиром одной из островных частей и даже, если ничего не путаю, начальником гарнизона. Он перемещался с шейным фиксатором и в сопровождении специально приставленного матроса. Говорили, что клещ напал на него во время пребывания в госпитале. Меня сия участь миновала, а вот одному сотоварищу клещик впился прямо-таки в самое интимное место (вовсе не имею в виду кошелёк). Помню, что тот, обнаружив покушение, сильно перепугался, побледнел и понёсся

в санчасть, а потом, после удаления означенного паразита, дня три сильно переживал. Но всё обошлось благополучно... Предупреждали нас и о змеях, которые могли прятаться под камнями и брёвнами. Оных рептилий на Камчатке мы тоже никогда не видели.

Вечером в ротном помещении открывалась своя программа, включавшая шараханье по среднему проходу по командам «Становись! Разойтись!», обучение «правильным» отбоям, наставительные беседы старшинского состава перед строем в духе «вы тут никто и умрёте с тряпкой на палубе». Прирастал и военно-морской словарь, пополнившись, например, всеподходящим словом «тело» и безотносительной командой «Аллё, б... бегом, б..!» Но случаев откровенного мордобоя и проверки прочности «фанеры», столь часто возникающих в рассказах былых советских срочнослужащих, не припоминаю.

В торжественный день 7 ноября понял, чем праздник для молодого матроса отличается от будней: во время обеда выдали по пряннику и паре карамелек (тут вспомнились школьные военные сборы из десятого класса). Вечером впервые смотрели кино в клубе. 18 ноября приняли присягу.

Как-то, во время очередного метения территории, на сей раз неподалёку от управления части, то есть её штаба, вместе со своими собратьями по «смене», иначе взводу, наблюдал такую картину. По дороге с возвышенности, из района, где располагался гараж, неспешно шествовал бравый моряк, одетый в широкие клёши от колена и сильно зауженный бушлат. Он гордо нёс на затылке карликовую, совершенно несоразмерных размеров с его чубатой головой бескозырку, к тому же снабжённую длинной, чуть не по пояс, лентой с надписью «Тихоокеанский флот» с якорями по концам, обрезанными как ласточкин хвост. За ним семенил обряженный в потасканные «рабочее платье» и бушлат молодой матросик-«адъютант», тащивший чемодан буквально на «полусогнутых».

Один мой жизнерадостный сотоварищ, призванный из Казахстана, немало скрасивший своим врождённым оптимизмом наше не вполне весёлое начальное существование, выдохнул: «Во, дембеля провожают!» Так впервые в жизни я увидел, как же должен выглядеть этот легендарный флотский персонаж в полном парадном облачении и прямо по месту бытования. В то, что мы тоже со временем окажемся в его роли, совсем не верилось, хотя и было известно, что дембель неизбежен, как крах мирового империализма.

3 декабря 1984 г. «...Пламенный привет с родного Краснознамённого Тихоокеанского флота от “старого, больного моряка” (это

прозвище присвоила мне сестра Лариса во время пребывания в отпуске на материке после студенческой плавательной практики. — *С. Г.*), впрочем, ныне молодого матроса Гаврилова. Пишу вам пятое письмо. В данный момент нахожусь в учебном отряде, в так называемой "учебке". Делают тут из меня воина — машиниста-турбиниста. Всё идёт к тому, что пребывать в этом учебном отряде придётся долго. После бесед с командирами и начальниками пришёл к выводу, что хотят меня оставить здесь в качестве инструктора. И не меня одного: всех наших дальрыбвтузников в количестве четырёх также собираются оставить здесь. Говорят: "Что там вам на кораблях делать два года?" С одной стороны, это неплохо.

Служба идёт нормально, хожу в караул, привыкаю помаленьку. Я писал, что в роте я самый старый "молодой матрос", старше большинства начальников. Заметил, что отношение ко мне несколько отличается от отношения к другим пацанам. Постоянно занимаюсь всякой "барской" работой, чувствую определённый интерес со стороны "стариков".

Люди здесь собрались разные, много чересчур молодых и глупых. Надоело подобное общение ужасно. Только когда с коллегами-инженерами встретишься, тогда и отведёшь душу.

Наступила зима. Как по заказу, в ночь на 1 декабря выпал первый снег. Морозец пока небольшой и, самое главное, нет ветра. Так что жить можно.

Теперь немного о моём житье-бытье. Часть наша старая, существует с 1939 г., вполне ухожена и благоустроена, имеет ряд традиций, считается одной из лучших в учебном отряде. Расположена в живописном месте. Видимо, летом здесь весьма недурно.

Вестей от вас до сегодняшнего дня не имею. Это весьма прискорбно, не знаю, что и думать. На всякий случай, ещё раз пишу свой адрес... Во всех своих письмах перемываю одно и то же, так как писать вроде нечего, а надо. Когда наладится двусторонняя связь, тогда будет легче».

Поясню про помянутую выше «барскую работу». В то время как мои сослуживцы мели плац, а потом топтали его башмаками-«прогарами», чистили полуночную картошку на камбузе и драили дощатую палубу в роте, а также занимались прочими приятными вещами подобного рода, я сидел в бытовке и не спеша подписывал форму для всей смены.

Каждый из многочисленных предметов матросского обмундирования должен был нести на себе обозначение принадлежности

конкретному персонажу. Делалось это, в том числе, и для предотвращения воровства, а также принудительного изъятия новых вещей в пользу старослужащих. Наличие и качество подписей, между прочим, проверялось и при строевых смотрах. Пару раз приходилось демонстрировать собственные клейма, для чего отворачивать клапан на парадных брюках, обнажая исподнее, задирать бушлат и даже снимать галстук («слюнявчик», он же «сопливчик»). Такую же проверку мог устроить и заскучавший патруль, выловив зазевавшегося моряка во время городского увольнения.

Клеймо состояло из двух частей. Первая, из четырёх цифр высотой примерно полтора сантиметра, означала время призыва и включала его месяц и год, в нашем случае «1184». Вторая — семизначный номер военного билета. Обе части забирались в прямоугольные рамки и располагались в один ряд. Технология нанесения надписей была довольно проста. В небольшой ёмкости, вроде крышки от банки или бутылки, или, на худой конец, пластмассовой мыльнице до полужидкого состояния разводилась водой обыкновенная хлорка. Спичкой полученная масса аккуратно наносилась на подкладку или оборотную сторону ткани, обесцвечивая её до идеально белого состояния, впрочем, со временем начинавшего отдавать желтизной. Тут требовалось не переусердствовать: ткань можно было и прожечь. Цифры следовало наносить ровненько и в стиле тех, которыми обозначался индекс на почтовых конвертах. Оказалось, что далеко не всем удавалось провести эту процедуру качественно. Вот тут-то и пригодилось моё инженерство: зря, что ли, пять предыдущих лет «ставили руку», уча черчению и принудив выполнить множество чертежей!

Часть предметов нужно было обеспечить не нарисованными хлоркой надписями, а нашивными бирками. Их делали из картонных полосок, обворачивая белой тканью, подписывали тем же стилем, но шариковой ручкой, а потом крепили на особо указанные места. И наконец, третий этап: изготовление боевых номеров, которые военные матросы носят на кармане робы. Существовало два их варианта: оттиснутые чёрной краской по трафарету на белой ткани или написанные пером на картоне, затем обёрнутом полиэтиленовой плёнкой (сейчас бы сказали, что ламинированном). Первый довольно быстро обесцвечивался, а второй нужно было спарывать перед каждой стиркой, а потом пришивать вновь.

Вот на это и было потрачено множество моего «слоновьего» времени. Возможно, что именно оно и уберегло меня от разнообразных неприятностей, с высокой вероятностью сопровождавших

молодого воина на первых порах его службы. К тому же всё это вполне укладывалось в одну из выработанных десятилетиями флотских мудростей: «Матрос без бирки — что... (далее следовало название одной из трёх, по выбору произносившего, частей тела) без дырки». По этому поводу можно вспомнить и другую поговорку: «На флоте всё должно быть единообразно. Пускай неправильно, но одинаково».

К разряду «барских» относились и оформительские работы, проводившиеся в ленинской комнате — непременном атрибуте тогдашних казарменных помещений, месте общих собраний и политзанятий. В них тоже довелось поучаствовать, и здесь пригодилось умение более-менее пользоваться чертёжным инструментарием и плакатными перьями.

Вспоминается ещё один эпизод из того начального времени, тоже сработавший на мой «авторитет». Зимой с 1984-го на 1985-й, когда начались вполне серьёзные морозы, применив инженерскую смекалку, восстановил действие перемёрзшей было системы отопления помещения КПП «Подножье», того самого, через который был доставлен на славный остров несколько месяцев назад.

Наша первая рота размещалась на первом же этаже двухэтажного кирпичного казарменного здания («экипажа»), стоявшего на мощном фундаменте из природного камня. Построено оно было весьма основательно, как и всё, что возводилось при царе-батюшке в начале двадцатого века. Сейчас понятно, что это сооружение являлось самым настоящим архитектурным памятником той поры. Здание имело два входа-выхода по торцам, за ними располагался довольно пространный коридор с полом, извиняюсь, палубой, выложенный плиткой. Оттуда вправо вверх шла лестница на второй этаж, где располагалась вторая рота. Затем находились двери в собственно ротное помещение. Так же была устроена и вторая половина здания, где размещались, соответственно, третья и четвёртая роты. В тамбуре перед спальным помещением, слева от входа, располагался пост дневального по роте (так называемая «тумбочка»), слева и справа имелось несколько дверей, ведших в умывальник со смежной бытовой комнатой, в канцелярию, баталерку и оружейную комнату. Со стороны спального помещения к оружейке примыкал старшинский кубрик. В глубине расположения за отдельной дверью находился коридорчик, соединявшийся с ленинской комнатой.

Самое страшное место для убогого «слона» — это ротная баталерка. Её стену от палубы до потолка, словно соты, но прямоугольные,

занимали деревянные ячейки, вобравшие в себя положенное каждому воину «вещевое довольствие». Здесь царил тоже самый страшный персонаж — ротный старшина, срочнослужащий, обычно в звании главного. Вместе со своими приятелями — наиболее приближёнными «годками» — он и вершил суд и расправу. Имелся у него и «адъютант», именовавшийся по месту пребывания «баталерщиком». Вместо маршальского жезла старшине роты полагался другой символ могущества и безраздельной власти над молодняком: связка ключей, болтавшаяся на шнурке, который хорошо отработанным движением периодически наматывался на указательный палец, например в то время, когда его обладатель неспешно прохаживался по среднему проходу перед выстроившимся воинством или возвышался над ним на крыльце экипажа.

Стены внутри спального помещения были оштукатурены и окрашены в серо-жёлтый цвет, белёный потолок покоился на толстенных стальных двутавровых балках, на которых читалось англоязычное клеймо производителя. Палуба была сложена из более чем солидных толстых некрашеных досок. Ходили слухи, что здесь когда-то, ещё при царе, квартировали чуть ли не драгуны. Мол, на втором этаже обитали люди, а на нашем, первом, — размещались лошади. Но это не так, на самом деле казармы предназначалась для размещения одного из Восточно-Сибирских линейных полков — пехотного.

Спальное помещение заполняли двухъярусные металлические койки, выкрашенные в шаровой цвет. Периодически, когда в роте скапливалось много народу, навешивался третий ряд. Койки (по-местному, «шконки») заправлялись синими или серыми одеялами разных оттенков с несколькими тёмными полосами по краям. На свободном месте у стены стояла «образцовая» койка и рядом с ней разрезанная вдоль и застеклённая «образцовая» же тумбочка, показывавшая, как следует правильно размещать её содержимое: мыльницы, зубные щётки и прочие предметы личного обихода. Такие же тумбочки, только целые, попарно стояли между койками. Над средним проходом на особом креплении громоздился здоровенный ящик цветного телевизора (тогда с трубкой-кинескопом). Позже обзавелись довольно неплохим кассетным стереомагнитофоном с парой колонок.

На стенах висели приличествующие месту стенды, плакаты и лозунги. Хорошо запомнились два: абстрактный «Воин-тихоокеанец! Помни: турбина — сердце корабля!» и за вполне определённым авторством: «Нет аварийности оправданной и неизбежной.

Аварийность и условия её возникновения создают люди своей безграмотностью и неорганизованностью». Эти удивительно точные и ёмкие слова принадлежали недавнему Главнокомандующему Военно-Морским Флотом СССР Адмиралу Флота Советского Союза С. Г. Горшкову (надо же, сколько заглавных букв подряд!). Недавнему же потому, что теперь нашим самым большим начальником был новый главком — адмирал флота В. Н. Чернавин.

Особо хочется отметить, как время от времени обихаживалась помянутая деревянная палуба. Она ежедневно мелась и протиралась, но чернела от постоянного шарканья резиновых подошв матросской обувки. Поэтому пару раз в год проводились её мойка и покрытие самопальной «мастикой». Для этого помещение или его половина освобождались от коек, табуреток и тумбочек, выносившихся из экипажа наружу. К ним приставлялась охрана, дабы не дать ротному имуществу пропасть. Теперь начиналась мойка. По поверхности разливалась вода, например из отопительных батарей, наводилась пена из стирального порошка. На палубу «падали» «слоны» и приступали к делу, используя щётки, но вовсе не зубные, и скребки.

Для ускорения мойки и улучшения её качества использовалось приспособление в виде металлического листа, подбитого резиной, с закреплённой в виде дуги ручкой. В неё впрягалось несколько человек, а один сидел сверху листа, прижимая его своим весом к палубе. Вот таким гигантским скребком и проводилось это действо, а потом удалялась избыточная вода. Затем начиналась сушка древесины, становившейся после этого почти белой. В это время на улице готовилась «мастика», состоявшая из воды, порошкового сурика и мелко настроганного хозяйственного мыла. Может, в её состав входили и ещё какие-то составляющие, но сейчас это уже забылось. На кирпичи или блоки ставилась металлическая бочка, под ней разводился костёр. Помешиваемая при варке «мастика» доводилась до необходимого состояния, после чего наносилась на отмытую и высушенную древесину. После застывания начиналась её тщательная полировка. В итоге всех этих трудозатрат палуба покрывалась блестящей розовато-коричневато корочкой. Дабы подольше сохранить её первозданный вид, по роте перемещались в дерматиновых коричневых или чёрных тапках, выставленных на специальных полках вдоль стен под вешалками.

Позже для улучшения сохранности было применено вот такое новшество. Где-то наши ротные следопыты разыскали много тонкой чёрной листовой резины, вроде говорили, что срезали её с какого-то

резервуара. Словно линолеум, эту резину расстелили на среднем проходе через все спальное помещение и закрепили по краям жестяными полосами на гвоздях. Теперь построения происходили на этой чёрной дорожке, быстро ставшей предметом зависти остальных рот.

В ленинской комнате проводились собрания и политзанятия. Командиры доводили до нашего сведения содержание отдельных документов «партии и правительства» и рассказывали о текущей политике. Весной 1986-го, памятуя, что и на «гражданке» в мореходке придётся сидеть на этих, тогда обязательных занятиях и тратить совсем нелишнее собственное время на подготовку к ним, кусками законспектировал в тетрадке материалы как раз случившегося в ту пору XXVII съезда КПСС. (Потом эта тетрадка выручала меня пару лет на гражданке в училище, пока политзанятия не отмерли сами собой, незадолго до кончины породившей их страны. А тот конспект храню до сего времени как свидетельство ушедшей эпохи.) Периодически устраивались и политинформации, но уже в общем ротном помещении, на среднем проходе. Тут выставлялось стадо табуреток, извините, «баночек», и на специальной подставке вывешивалась политическая карта мира.

Определённая доля дня проводилась в учебных корпусах (УК). Их было два, один располагался возле ворот части, там, в частности, располагались газотурбинисты из второй роты, ещё один УК стоял за плацем. Здесь имелось наше паротурбинное имущество, то есть первой роты, вспомогательное корабельное оборудование третьей роты и водолазное хозяйство. Последнее включало бассейн, барокамеру, компрессоры высокого давления с баллонами, склад с имуществом, прочее, а распоряжались всем этим несколько спецов, по-здешнему «водомутов», во главе с мичманом, приписанные к нашей первой роте. УК был построен тоже до революции и так же основательно, как и экипажное здание, имел толстенные кирпичные стены, никогда толком не прогревавшиеся. Зимой, несмотря на теплящиеся батареи, там порой было откровенно холодно, летом же царила благословенная прохлада, особенно приятная во время июльской или августовской уличной жары.

Наш УК имел два этажа и два входа. На первом этаже располагалось действующее и имитационное оборудование, в том числе весьма сложное и громоздкое, такое, как целый корабельный главный турбозубчатый агрегат с однокорпусной паровой турбиной типа ТВ-9 (такие стояли, например, на сторожевиках), а также несколько механизмов с паровым приводом. Среди них впечатлял

габаритами так называемый «ПКБТ» — питательно-конденсатно-бустерный турбонасос. Это оборудование действовало, питалось паром от расположенной неподалёку учебной котельной, обслуживаемой нашими собратьями из четвёртой роты. Периодически, в ходе комплексных учений, всё это запускалось в работу. Помню, что по результатам одних из них и сдачи квалификационных экзаменов мне был присвоен 2-й класс и выдан соответствующий знак «воинской доблести».

На втором этаже по обе стороны длинного, узкого и мрачного коридора размещались учебные классы и вспомогательные помещения, в том числе и мои «персональные апартаменты» — кабинет учебно-наглядных пособий (УНП). Немного о нём. Дверь в кабинет располагалась напротив входа на этаж. За ней у противоположной стены стоял деревянный, покрытый тёмным лаком письменный стол с тумбой и пара канцелярских стульев, справа — высоченные окна с широкими подоконниками и фанерными приступками, скрывавшими под собой отопительные батареи. Слева от входа высился многоуровневый металлический стеллаж, покрашенный светло-зелёной эмалью. Внизу стеллажа были устроены деревянные ящики со съёмными крышками. Всё это предназначалось для хранения этих самых учебно-наглядных пособий: разнообразных моделей механизмов, весьма виртуозно выполненных на специализированных предприятиях, и натурных макетов их отдельных частей. По мере необходимости они извлекались со своих штатных мест и показывались обучаемым на занятиях.

Кабинет являлся одним из мест, где можно было «зашхериться». Стеллажи и ящики позволяли много чего спрятать, хотя, конечно, начальство об этом знало и периодически устраивало «шмон».

(Среди прочего хранил там свой домашний тёмно-синий пуловер, идеально помещавшийся под формой и помогавший в случае сильных холодов, а также маленький однодиапазонный радиоприёмник «Космос-М». Которые, кстати сказать, при моём отсутствии в части летом 1986-го спёр матрос кадровой команды. Оный злодей был вычислен, припёрт к стенке, сознался в содеянном, но доложил, что уворованный приёмник уже успел продать. С ним разобрались своими силами. Пуловер был возвращён, а за приёмник, подаренный ещё в детстве покойным отцом, была заплачена соответствующая сумма. На неё в одном из увольнений купил во Владике аппарат немножко больших размеров, называвшийся «Вильга». Вообще-то, персональный матросский приёмник в те времена был предметом запретным. Пару раз отцы-командиры его «конфисковывали», но

спустя какое-то время, подобрев, возвращали. Потом отвёз его домой, а в памятные августовские дни 1991 г., отправившись с ним по грибы, вдруг услышал, что у меня, как и у большинства остальных сограждан, украли страну под названием «СССР».)

В кабинете можно было частично скинуть оковы суровых воинских уставов. Например, подремать на подоконнике и упомянутой приступке над батареей. Для большего удобства просверлил в ней множество отверстий, дабы тёплый воздух полнее омывал уставшие от несения такой службы члены. Странно, но ни один из моих предшественников по заведованию до этого почему-то не додумался. Размещаться на жёстком было не очень удобно, поэтому в качестве прокладки между военно-морским «телом» и подоконником использовался рыжий надувной спасательный жилет, а сверху «тело» накрывалось спёртым из роты казённым одеялом (всё это тоже «шхерилось» на стеллаже). Главное в этом деле было не проспать общее построение части, именовавшееся «большим сбором». Что один раз и произошло, причём во время «слоновей» молодости, когда спать хотелось особенно сильно, завершившись соответствующей «разборкой», произведённой моим наставником, спустя короткий срок «дембельнувшимся», а перед этим сдавшим мне этот кабинет в безраздельное распоряжение.

Здесь можно было и спокойно попить чайку. Уместно вспомнить несколько забавных эпизодов. Первый пришёлся на кончину очередного престарелого генсека К. У. Черненко (март 1985-го). В стране был объявлен уже ставший привычным траур, а в серьёзных войсковых частях — боевая готовность. Мы же, простые смертные, «бывшие инженеры», как сами себя иногда величали, в полутьме, дабы не привлекать внимания, спокойно беседовали с «коллегами по несчастью» о разных разностях, прихлёбывая чаёк, закусывая его классическим матросским деликатесом: мятными пряниками. Одним словом, несмотря на такое великое горе всех советских людей, сидим и наслаждаемся жизнью. Вдруг один коллега произносит: «Почувствуйте разницу: а ведь кто-то сейчас на китайской границе торчит в окопе в обнимку с автоматом». Отношения с этим великим восточным соседом тогда были ой какими непростыми! (Между прочим, как-то в ходе одной из прогулок по острову в лесу наткнулись на столб с проржавевшим металлическим предупреждением, до конца не ясно, кому адресованным: «Воин-тихоокеанец! Помни: до границы с Китаем пятьдесят километров!»)

Второй эпизод. Как-то поздно вечером заглядывает собрат-инженер из второй роты. Он только что вернулся из командировки,

продрог, устал и опоздал на камбуз. Напоил его горячим какао с молоком и сахаром да угостил помянутыми пряниками. Потом он этот, казалось бы, обычный случай, долго, в том числе и на «гражданке», вспоминал как короткий миг особого блаженства.

Кипяток для этих яств изготавливался на месте в стеклянной трёхлитровой банке при помощи двух бритвенных лезвий, разделённых по краям прокладками из спичек и связанных нитками. Каждое лезвие подключалось к отдельному проводу, те прикручивались к обычной электрической вилке и вставлялись в розетку. Эта нехитрая, хотя и небезопасная технология была освоена нами ещё в студенчестве во время морских практик. Позже обзавелись стандартным заводским кипятильником, впрочем, тоже запретным.

Иногда кабинет, «по договорённости», использовался моими сотоварищами как место тайных романтических, да и не очень свиданий. Но что-то много бытовых подробностей, пришла пора вспомнить и про службу, тоже шедшую в стенах этого УК.

В классах поначалу изучали уставы. Старшина взвода сидел за преподавательским столом и что-то зачитывал, «слоны» с натянутыми от холода на уши шапками и поднятыми воротниками клевали носом за партами: всё время хотелось спать и есть, причём одновременно. (Здесь уже не работало вековое правило студента, что до обеда тот борется с голодом, а после — со сном.) Ближе к весне начались специальные предметы, в том числе и водолазная подготовка. В ходе последней прошли барокамеру и даже погружались в бассейн с целью обучения подводному кручению гаек и рубке троса. Занятия шли поверхностно, постоянно прерываясь разнообразными работами. Велась и строевая подготовка, как на основном плацу, так и на площадке перед УК: ожидались строевые смотры от разного начальства.

К середине апреля 1985-го обучение завершилось. Об этом на память остались две бумаги. Первая — «Личная книжка легководолаза». В ней написано: «Водолазная подготовка с 10 декабря 1984 г. по 18 апреля 1985 г. Разрешены спуски под воду в снаряжении СВУ-3 до глубины 20 м». Вторая: свидетельство от 20 апреля 1985 г.: «Выдано матросу Гаврилову С. В. в том, что он окончил в/ч 25108-Р по специальности “машинист-турбинист”».

После этого началась самостоятельная жизнь в качестве инструктора. Заведовал уже известным кабинетом УНП и вёл занятия, в частности по котельным установкам. Как-то раз пришлось даже давать «показательный урок»: рассказывал «слонам» про устройство, работу и настройку предохранительных клапанов паровых

котлов. В классе присутствовали какие-то проверяющие, в том числе женщина-методист, по совместительству супруга командира роты. Вроде бы всё прошло хорошо. (Вот ведь как вышло-то: всю жизнь преподавал эти самые «котлы»! В средней мореходке до призыва под названием «Судовые паросиловые установки», затем в учебном отряде, потом снова в средней мореходке, а позже — в «вышке», то есть в нынешнем КамчатГТУ, теперь уже как «Судовые котельные и паропроизводящие установки».)

Ещё один вид деятельности заключался в составлении так называемых «структурно-логических схем». Дело в следующем. Большое начальство из технического управления флота озаботилось высокой аварийностью на кораблях и в частях. Ну и кому, как не электромеханическому учебному отряду, следовало разработать методические меры по её снижению? Эта задача была поручена, в частности, нам. Смысл предстоящей работы: подготовить пошаговую иллюстрированную инструкцию для лиц, управляющих определёнными механизмами. Сейчас такое руководство «для чайников» прилагается к любому бытовому прибору, тогда же это было определённым новшеством. Сделали пробную схему в виде плаката: получился стандартный бумажный лист современного формата А1 с нанесённой последовательностью операций и условными обозначениями, по типу тех, что ныне называют «иконками». В нашем УК на одном из турбонасосов возле каждого органа управления разместили металлические таблички с номерами, показывавшими последовательность воздействия на них, после чего механизм стал похож на наряженную новогоднюю ёлку. Сделали и пробную, иллюстрированную фотографиями инструкцию по управлению отопительным котлом, в частности последовательности продувания его водоуказательных приборов.

Всё это показывалось высокому руководству на месте, то есть в учебных кабинетах, затем в управлении части и даже возилось в техническое управление флота во Владивосток. Начальникам поначалу вроде бы всё понравилось, они были довольны. Но тут стряслось незапланированное. Какой-то чин, причём самый мелкий (у него, наверное, «глаз ещё не замылился», как говорилось в популярном телефильме), обнаружил, что на фотографиях матросто, продувавший эти самые стёкла, — без тельняшки, то есть с нарушением формы одежды! Рабочее платье у него, понимаш, надето прямо на голое тело (снимали в действующей кочегарке, там ведь жарко)! А этого по всесильному и всемудрому Уставу не полагается. Пришлось переделывать...

(Между прочим, все эти наработки впоследствии пригодились. Вернувшись в мореходку, через пару лет подготовил свою первую «методичку» по помянутой дисциплине «Судовые паросиловые установки», раздел «Водоподготовка и водоконтроль». В ней были проиллюстрированы фотографиями операции по проведению анализов питательной и котловой воды с помощью портативной химической лаборатории.)

Срочнослужащее народонаселение части по роду занятий делилось на несколько категорий. Самая большая — переменный состав — курсанты, они же «слоны», редко-редко «духи». Обычное время их пребывания здесь — около полугода, затем — отправка в части или на корабли. Некоторые задерживались, переходя для пополнения кадровой команды, готовясь в старшины или занимая разные должности, вроде писарей или клубного художника. Имелись и так называемые «заграничники», коих ждала служба, например, на базе флота Камрань во Вьетнаме. Вторая категория — старшинский состав, делившийся на две группы: строевики, то есть заместители командиров взводов, те самые, что гоняли «слонов» по плацу и на работы, и инструкторы по обслуживанию техники и подготовке по определённым специальностям. Третья категория — кадровая команда, составленная из водителей, электриков, коков, кочегаров, то есть лиц, обеспечивавших повседневную жизнь части.

Переменный состав был сведён в четыре роты, численность каждой менялась от призыва к призыву, но в среднем составляла человек сто сорок (иногда доходило и до двухсот и даже больше, тогда в ротном помещении и подвешивали третий ряд коек). Получается, что общая численность нашего войска примерно соответствовала батальону. Поэтому по штату духовой оркестр нам не полагался, а на разводе и строевых занятиях ритм движению задавали барабанщики. В соседней радиотехнической школе народу было побольше, видимо, с полк, там оркестр, если не изменяет память, имелся. Во всяком случае, на одном из смотров ходили там именно под издаваемые им звуки.

Смена переменного состава происходила дважды в год, примерно через полтора месяца после выхода очередного приказа министра обороны об увольнении выслуживших сроки в запас. Начинался так называемый «малый дембель». Бывшие курсанты-«слоны», снабжённые всем полагающимся вещевым довольствием, сложенным в заплечный «сидор», в сопровождении «покупателей» убывали к новым местам службы. Ротная баталерка на время пустела.

Хочу вспомнить добрым словом своего наставника из срочнослужащих. Он — главный старшина, инструктор и начальник кабинета, собирался убыть домой весной 1985-го. Был повзрослее остальных старшинок, так как до службы успел окончить несколько курсов института, из коего был отчислен за какие-то грехи. Отличался интеллектом, высоким ростом, солидной внешностью и уравновешенным поведением. Как пишут в характеристиках, «пользовался у сослуживцев авторитетом». Решил, что я подхожу для замещения его должности, и стал оказывать мне определённое покровительство. А его слово что-то значило и для командиров, и для других старшинок. Так что и ему я в значительной мере обязан относительно спокойным вхождением в новую для себя роль воина-тихоокеанца.

С его помощью на первых месяцах службы неожиданно попал в обычную, но уже порядком подзабытую семейную обстановку. Как-то вдвоём отправились в командировку. Цель: доставка на владивостокский Дальзавод контрольно-измерительных приборов для поверки. Старшина — с бумагами, я — в качестве носильщика с мешком за плечами. Сдали приборы, времени до возвращения в часть осталось достаточно, поэтому заехали к его хорошим знакомым. Там за неспешной беседой гостеприимная хозяйка накормила нас отличными домашними пельменями (и не одной порцией), да ещё под несколько рюмочек «беленькой». Помню, что неловко прятал под стул ноги с «карасями», то бишь не самыми свежими носками да смущался своего застиранного тельника. Но хозяева прекрасно понимали, с кем имеют дело, поэтому всё прошло очень естественно и душевно. Такие яркие моменты, иногда случавшиеся посреди достаточно суровой и расписанной жизни начинающих срочнослужащих, в памяти откладываются надолго.

Похожая картина сложилась и у моих коллег по КФ. А уже через год, осенью 1985-го, «попечителями подрастающего поколения» стали мы сами. Незадолго до моего отъезда в отпуск, в часть доставили новую партию «молодых». Ко мне забежал коллега из второй роты с вестью, что «наших привезли». Поспешили к рубке дежурного. Тут картина знакомая: уже темно, на освещённой площадке сгрудилась группка обалдевших от происходящего новоприбывших, вокруг с важным видом кучкуются местные старожилы.

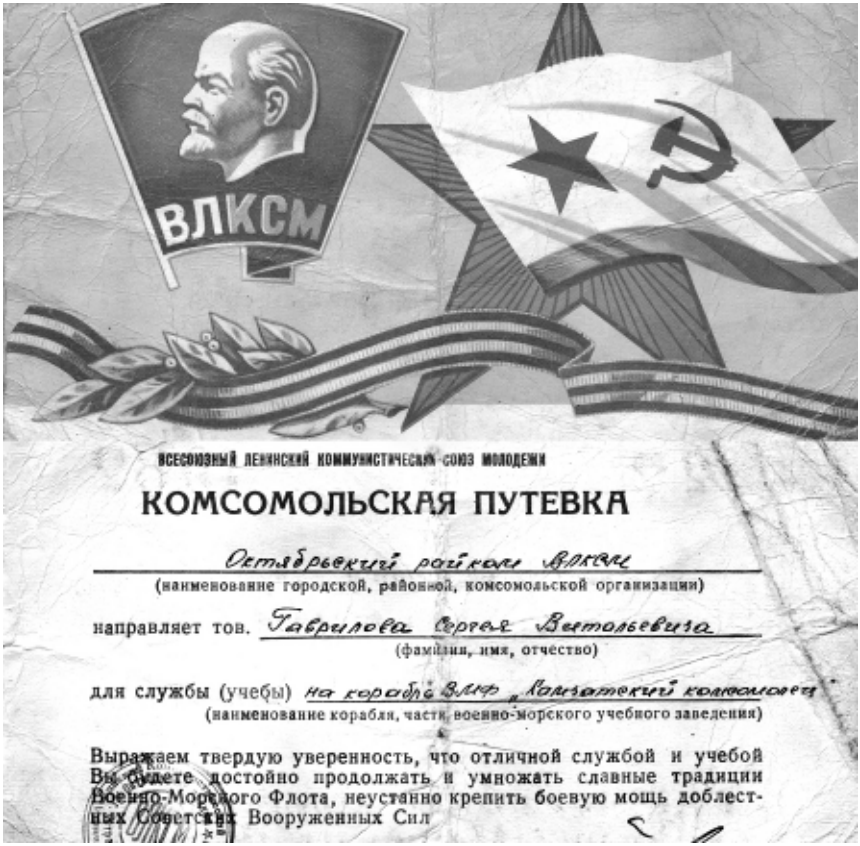
Увидели родные лица: двух механиков и одного судоводителя. Во время учёбы плотно мы не пересекались, но знакомы были. Забрали у них на сохранение деньги, ценные вещи, вроде часов,

личные фотографии, прочее. Через пару месяцев всё это было возвращено окрепшим к тому времени хозяевам. Теперь мы составляли им определённую протекцию, а меньше чем через год я сдал одному из них свой кабинет УНП. Спустя несколько лет с другим коллегой, между прочим, моим полным тёзкой, какое-то время вместе трудились в камчатской высшей «мореходке». Потом он занялся предпринимательством, а ныне живёт в столице одного из восточноевропейских государств. Изредка получаю от них приветы.

С офицерами нам в целом повезло. За время службы сменилось три командира роты, все пользовались нашим уважением. Первый, кап-три, вполне жизнерадостный и спокойный человек не без юмора, мог, конечно, при случае и «взорваться», переходя на фальцет, но это надо было суметь заслужить. Позже он был повышен, переведён в управление части. На смену ему пришёл весьма возрастной кап-два (такое высокое звание имел и командир части), сухощавый, неспешный, немногословный, выражавшийся кратко, точно и весьма саркастично. Мы, старшинки, его откровенно побаивались, но вот не помню, чтобы он когда-нибудь повышал на нас голос. Имел квартиру во Владивостоке и, по-моему, попадание на остров расценивал как последнюю служебную случайность. Третий командир в звании каплея-инженера тоже был далеко не самым юным. Этот грамотный, воспитанный и уравновешенный офицер вызывал у всех нас очень большую симпатию.

Командир части имел звание вначале кап-три, затем был произведён в кап-два. При невысоком росте обладал весьма массивной фигурой. Удивлял своей более чем полуметровой длиной его шинельный хлыстик. Рассказывали, что кто-то из мичманов в качестве мести за некую обиду как-то заменил его хлыстиком обычного размера. Шинель после этого долго не могла поглотить своего обладателя, безуспешно пытавшегося под плохо скрываемые усмешки присутствовавших внедриться в её лоно и не понимавшего, что, собственно, происходит.

Встреч с ним без необходимости старались избегать. Во время общих построений он возвышался над всеми со стоявшей у плаца трибуны. Но мог и сойти с неё, дабы, насвистывая, вразвалочку подойти, например, к провинившемуся старшинке и собственными короткими ручками при помощи перочинного ножика лишить его ранее заработанных «соплей»-нашивок. Было забавно наблюдать, как дылда-старшина был вынужден сгибаться чуть не в пояс, дабы малорослый начальник мог дотянуться до его погон.

Путёвка на корабль «Камчатский комсомолец», октябрь 1984 г.

ГРОХОЧУТ ВЫСТРЕЛЫ НА СТРЕЛЬБИЩЕ

«Посвящаешь — людей насмешишь», — подумалось матросу Сергею Ковалеву. Лишь тщательно проанализировав, он главную ошибку из своего крючка. Его выстрел словно послужил сигналом для других моряков. И вот уже лощина, в которой расположен стрелковый тир, потонула в грохоте автоматных выстрелов.

На одном дыхании преодолев 100 метров, Сергей с волнением вглядывался в мишень. Все три заветные пули легли точно в центр круга. По довольным лицам товарищей матрос понял, что и у них все в порядке.

Хорошие результаты показали матросы Сергей Гаврилов, Александр Жилавин, Леонид Журавлев, Азамат Мазмудов и другие. Всех их объединяет решимость досконально овладеть боевой техникой, в совершенстве освоить воинскую специальность. Меткая стрельба из автомата — одна из них на этом пути.

Капитан С. СИБИРЦЕВ.

НА СНИМКАХ: смена готовится открыть огонь; отличный результат показал матрос С. КОПАЧЕВ; уверенно действовал из огневом рубежа матрос Л. ЖУРАВЛЕВ. Рядом — дежурный по стрельбищу действует А. АНТОНОВ.

Фото автора.

Заметка из «Боевой вахты» за февраль 1985 г. о прошлогодних ноябрьских стрельбах (я — крайний справа)

Форма № 26

Гражданину Гаврилов Сергей Витальевич,

проживающему Ключевская 54-82

НАХОДИЛСЯ

ПОВЕСТКА

На основании закона СССР «О всеобщей воинской обязанности»

Вы подлежите призыву на действительную военную службу.

Предлагаю «...» октября 1984 г. к 8.30 час.

прибыть на призывной участок по адресу: Ключевская, 24

На обл. комиссию 15 октября 1984 г.

в 13.30

Райвоенком

Октябрьского райвоенкомата

Повестка о призыве на срочную службу, октябрь 1984 г.

Первые флотские фотки. Водолазный кабинет, декабрь 1984 г.

Дали стармоса (присвоили звание старшего матроса), февраль 1985 г.

С однокурсником, «бывшим инженером» А. Шиловым на фоне корабельного котла (его заведование), февраль 1985 г.

Управление (штаб) войсковой части 25108-Р (в центре). На переднем плане — нижний пруд с беседкой. Дорога к УК-2 и в гараж. В этой благодати мирно пасётся крупный рогатый скот

Развод суточного наряда. Марширует первый слева — начальник караула

Приходилось нам бывать свидетелями, конечно случайными, того, как он устраивал «разнос» молодым офицерам и мичманам, например, по поводу неуставной стрижки или каких-то отклонений от строго установленной формы одежды. Потом это давало нам повод позлословить над ними (пара мичманов была из нашего же призыва, только после прохождения соответствующих школ, а некоторые лейтенанты оказались по возрасту моложе своих старшин). Сейчас, встречая совершенно разномастно одетых современных военнослужащих, да ещё стоящих в одном строю, невольно думаю: интересно, а что бы сказал, увидев оных «партизан», наш командир середины 1980-х?

Среди офицеров встречались весьма колоритные личности. Так, один с гордостью заявлял, что он «самый старый старший лейтенант на флоте». Поговаривали, будто некоторые его былые однокашники уже дослужились до кап-разов. Несколько раз стоял с ним в нарядах. Стройный, сухощавый, обряженный в синий китель с пристёгивающимися погонами, перетянутый портупеей, он был по-своему красив и очень похож на дореволюционного офицера из какого-нибудь кинофильма. К матросам относился лояльно, был склонен к традиционному занятию отечественной интеллигенции, которое его, судя по всему, и погубило. Каплея ему таки присвоили, но однажды он исчез, даже посылали группу моряков для его розысков в город. Чем завершилось это дело, не помню, но пример этого офицера явно подтверждал слух о том, что, дескать, на остров ссылали служить «пролётчиков».

Присутствовали в части и другие лица, которых мы меж собой вполне уважительно именовали «старыми капитанами». Как правило, это были уже возрастные офицеры в звании каплеев или каптри, имевшие порядочное техническое образование, хорошие знания во многих областях и отличавшиеся человеческим отношением к нам конкретно и философским к жизни вообще, так как карьерные взлёты им уже не светили. Особенно их личности раскрывались во время совместного несения дежурств, да хотя бы по части. В неспешных ночных разговорах услышал и узнал много интересного и полезного для себя.

Некоторые из них на острове, что называется, «укоренились», обзавелись здесь не только жильём, но и добром, например в виде гаражей. Мы с удовольствием помогали им в разных хозяйственных надобностях, не считая это каким-то обременением и уж тем более «неуставнухой» (Сразу скажу, что генералам дач не строили. Через несколько лет эта тема в наступившие «перестроечные»

времена стала очень популярной. Из некоторых публикаций следовало, что все Вооружённые Силы СССР вроде бы только этим и занимались.)

Встречались и те, кого не любили ни подчинённые, ни коллеги. Эта нелюбовь могла вылиться, например, вот в таком виде. В управлении части обретался старший лейтенант с короткой фамилией из четырёх букв. Как известно, на клавиатуре пишущей машинки литеры «З» и «Х» находятся рядом, их несложно при быстром печатании и перепутать, хотя можно это сделать и намеренно. А тогда его фамилия на бумаге превращалась в определение, произошедшее от наименования выступающей вперёд части мужского тела. Слабо заретушированная, но хорошо заметная в документе начальная литера фамилии «Х» перекрывалась вторым ударом, теперь по «правильной» клавише «З»...

Иногда старшинский состав обращал внимание на тот факт, что молодые офицеры, те же командиры взводов, вдруг теряли обычное спокойствие и начинали нервно «служить», особенно когда неподалёку пребывало начальство. Что случилось? Да просто подходил срок подачи бумаг на присвоение очередного воинского звания, а ожидавшим его надо было показывать «служебное рвение». После обретения новой звёздочки наступало успокоение. Это несколько напоминало поведение некоторых цепных псов, обычно спокойно лежавших возле своих будок и никак не отзывавшихся на прохожих, если рядом не оказывалось хозяина. А если тот выходил на крыльцо, пёс рвался на привязи, хрипя и надрываясь, являя свою незаменимость...

5 декабря 1984 г. «Вчера, 4 декабря, получил первое письмо от вас. Шло десять дней. Возможно, так долго потому, что были неправильно написаны шестёрки в индексе. Ну, это ничего. Теперь двусторонняя связь налажена. 3 декабря послал ещё одно письмо с адресом. Наверное, придут вместе. Вообще-то, письма отсюда идут долго, дней десять, а то и больше. Видимо, их собирают не один день. Но теперь “есть контакт!”

Теперь обо мне. Нахожусь в учебном отряде, службу назначили здесь, об этом уже сообщал 3 декабря. Оставляют здесь инструктором кабинета. К лету, видимо, присвоят старшинское звание, окончательно вступлю во владение персональными апартаментами. Сейчас потихоньку пишу разные бумажки, начал давать занятия по турбинным и вспомогательным механизмам. Дальше будет нагрузка посерьёзнее. В какой-то степени это весьма неплохо:

состою при деле, хоть квалификацию не потеряю. Пока, правда, положение не очень прочное, так как мал срок службы. Но к новому набору (весна-лето) всё войдёт в колею.

Интересовался у начальства: говорят, что за это должен идти педагогический стаж. Что же, полтора-два года — это немало, тем более имеются условия для дальнейшего роста. Литература есть, установки тоже. Всё это пригодится. Это положительные стороны. А отрицательные — то, что не дома, потеряны четыре надбавки и т. д. Но, честно говоря, ожидал худшего. А так живу довольно спокойно (это при одном месяце службы). Вот такая у меня обстановка.

Теперь о том, кто со мной служит: 1) Ш. (из параллельной группы) — котельный машинист, 2) Д. (моя группа) — трюмный машинист, 3) С. (вместе учились в школе и в институте). В каждой роте по одному. Кроме этого ещё три земляка нашего призыва да один старшина в моей роте. Так что камчатского народу хватает. Весной подкинут ещё кого-нибудь.

О климате. Выпал снег, ветер и мороз пока несильные. Январь, говорят, здесь неплохой, но все ветры — в феврале. Посмотрим.

Здоровье нормальное, потихоньку отъедаемся. Харчи в порядке, правда, вода здесь какая-то странная, у нас лучше. Так что служба протекает нормально. Ученье идёт легко, отсюда истекают некоторые блага. Успел съездить в командировку в город (Владивосток. — *С. Г.*). 17—18-го числа посылают со всяким начальством на комсомольскую конференцию учебного отряда...»

Во время этой первой вылазки в город чуть было не угодил в его центре под трамвай. На попавшего вдруг в подзабытую гражданскую обстановку «воина-тихоокеанца» ступор напал прямо посреди рельсовых путей. Стою, словно заворожённый, погружённый в раздумья о превратностях судьбы, смотрю на приближающийся вагон (для родного Петропавловска — вещь неведомая). Слышу звонки, подаваемые явно нервничающим вожатым, и не соображаю, что надо бы сделать пару шагов в сторону. Из оцепенения вывел громкий окрик и толчок какого-то прохожего, невесть что подумавшего.

«Теперь, наверное, будете получать мои первые тревожные письма, то есть те, когда не имел с вами связи. Сейчас всё в порядке. Я даже на всякий случай послал одно в Петропавловск, вернее, не письмо, а записочку с адресом.

Ну вот, и все новости. Как будет что-либо известно новое, напишу подробнее. Сейчас много не расписываю из соображений “кромешной секретности”».

20 декабря 1984 г. «...Письмо от 30 ноября получил уже довольно давно, не было времени сразу на него ответить. Сейчас у нас напряжённая пора — подготовка к смотрам, поэтому много бестолковой суеты. Закончатся все эти мероприятия, будет спокойнее. Скоро ожидаем смотры командира части, командира отряда, помощника командующего флотом.

Служба течёт потихоньку. Я, кажется, привык к оной, особых неудобств не испытываю. Вчера ездил на комсомольскую конференцию отряда, немного отдохнул от казарменной жизни. Вспомнил "гражданку" — вволю покушал хороших пирожных и побаловался коктейлями, чайком с лимоном и вареньем (благо 18 декабря была получка, выдали пятнадцать рублей). Так что начал я тут пробиваться в общественники, следующий этап — участие в комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Но, несмотря на всё это, скажу прямо: на гражданке, мне кажется, от меня было бы больше пользы.

Недавно получил письмо от Б., он находится во Владивостоке, тоже в учебном отряде. Попутно разузнал о судьбе других наших "инженеров-механиков". Когда нас отправляли, то на сборном пункте в Кеткино разбили на две группы — нашу (бо́льшую) и ещё одну. Вот этой второй группе дали отбой до 2 ноября, а нас отправили. Оказывается, многие из них попали на ту сторону, в Приморский, на завод. Вот кому повезло-то! А ещё кое-кого, в основном из параллельной группы, закинуло аж в Севастополь с Новороссийском! С., говорят, отвертелся от "рядов", но это слухи не проверенные...

Насчёт перчаток. Пускай идут, какие есть. Перчатки я получил от казны, но ещё одни, конечно, не помешают. Две пары носков — это тоже хорошо: у нас началась зима. Морозы нормальные, но снег как выпал в начале месяца, так больше и не шёл. Ветров тоже, слава богу, нет. Так что пока терпимо.

Служба помаленьку тянется. Хожу в караул. Охраняем склады и гауптвахту. На посту имею весьма живописный вид — в тулупе до пят, с карабином, ножом и противогазом, увешанный боевыми припасами. Здоровье нормальное, самочувствие тоже...»

5 января 1985 г. «Вот и наступил Новый год! Долго вам не писал, всё времени не было. Сейчас много забот, идёт подготовка к очередным смотрам. Вчера закончился один из них. Заняли второе место, это хорошо...

Носков и перчаток теперь у меня достаточно, больше ничего не надо. Присылать тоже ничего не надо до "особого распоряжения".

Служба идёт помаленьку, вот уже третий месяц пошёл. Привык, тяготит не очень. Зима в разгаре. Морозы довольно сильные, до минус двадцати шести, бывает ветерок. Снега в городе нет вообще, у нас на острове — еле-еле, гололёд. Выяснилось, что холод переношу достаточно хорошо, в отличие от многих местных. Плюс теперь носки и перчатки — совсем жить можно. Осталось проскрипеть январь и февраль, а там весна да лето (которое всегда быстро проходит) — и год службы есть.

У меня сложилось впечатление, что получаю не все письма. Уже давно ничего не было. Поэтому для удобства предлагаю с этого момента их нумеровать. Итак, это письмо № 1. Посмотрим, что это даст.

Жизнь моя протекает размеренно, особых неожиданностей нет. Новый год встретили удачно. Говорят — Год быка. В одной из газет вычитал, что особая удача в этом году ждёт тех, кто родился в апреле и мае. Поглядим, насколько верна эта азиатская хиромантия.

Отпишите, каким образом вы встретили Новый год. Хорошо, конечно, когда все в сборе за одним столом. У нас тут всё попроще, но тоже терпимо. Как уже писал, жизнь размеренная, неожиданностей мало, так что расписывать особенно нечего. Изредка вырываюсь в город в командировки, сопровождающим и т. д. Это вносит некоторое разнообразие...»

Новый год, действительно, встретил удачно, но на посту. После принятия присяги был определён в «штыки», то есть часовым в составе караула. Караул включал восьмерых: начальника (старшину), разводящего (старшину или старшего матроса) и шестерых часовых (курсантов, то есть «слонов»). До сих пор помню заклинание, которое надо было произносить при возможных проверках часового: «Пост трёхсменный круглосуточный. Под охраной и обороной состоит...» Далее следовало перечисление охраняемых объектов и номеров мастичных печатей, на них навешенных.

Ночь с восемьдесят четвёртого на восемьдесят пятый, как уже говорил, встретил на посту. Было прекрасно, морозно, тихо, отвесно падал редкий пушистый снег. С пригорка, на котором происходила «охрана и оборона», хорошо просматривался пятиэтажный жилой дом, где обитали офицеры и их семьи. Сквозь светящиеся окна виднелись последние приготовления к предстоящим торжествам, это зрелище завораживало и ещё сильнее навевало и так почти непрерывно вращавшиеся в подкорке мысли о «граж-

данке». В полночь небо озарилось самодеятельным «салютом»: со двора и балконов стартовали сигнальные ракеты, загрохотали разнообразные хлопушки.

Вообще-то, караульная служба была у нас в цене, считаясь не только самой почётной (отбирали лучших), но и самой, как это ни странно, спокойной. Больше чем на сутки караульные выпадали из обычной ротной круговерти. Стоя на посту, можно было побыть самим собой. В такие минуты, может быть, впервые приходило понимание, какое это счастье — на время остаться в одиночестве, без проверок, построений, шагистики, «рожания» чего-либо и спокойно подумать о смысле жизни, её течении и перспективах.

Караульное помещение примыкало к рубке дежурного и располагалось возле ворот части. В нём имелось несколько комнат: начкара, где стоял сейф с боеприпасами, стол с аппаратом связи с дежурным по части и постами, стул, топчан для отдыха; сушилка с набором валенок и тулупов; гальюн; «камбуз», где пищу не готовили, а только принимали. В «комнате отдыха» тоже располагались несколько жёстких топчанов, в «центральной зале» — общий стол и лавки, а её стены украшали плакаты приличествующего содержания. Дверь в караулку закрывалась на засов и имела маленькое смотровое окошко. Окна были затянуты металлической сеткой, дабы потенциальный супостат не смог закинуть в них гранату. Стены помещений до половины высоты были обшиты деревянными фигурными лакированными планками. Во дворе стоял станок для заряжания и разряжения оружия. Им вначале были карабины СКС (самозарядные Симонова), затем заменённые автоматами-«калашами».

Часовые обычно стояли на посту по два часа, в сильный мороз менялись ежечасно. Летом, когда большинство повзрослевших «слонов» отбывало к новому месту службы, численность караула снижалась до пяти, а то и до четырёх человек. Тогда, по договоренности между собой и дежурным по части, стояли по четыре часа, и вот такой режим, на мой взгляд, был наиболее удобен. Дабы караульное воинство не заскучало совсем, периодически объявлялись разнообразные тревоги. Например, отработка команды «Нападение на караульное помещение», по поступлению коей следовало, расхватав оружие, мгновенно погасить свет и рассредоточиться вдоль стен, приготовившись к обороне. По команде «Нападение на пост!» туда отправлялась подмога в лице разводящего или начкара и караульного, иногда для ускорения собственной доставки до места им приходилось сигать через забор.

Изредка случались нештатные ситуации. Вот одна. Зимой, укутанный с ног до головы в безразмерный тулуп, одетый поверх штатной шинелки, неуклюжий часовой за что-то зацепился, у карабина СКС отстегнулся магазин, и десяток патронов высыпался в глубокий снег. Потеря боеприпасов в те времена являлась чрезвычайным происшествием, грозившим начальству большими осложнениями: на улицах наших городов тогда ещё никто друг в друга не стрелял и жилых домов не взрывал. Замучились искать эти патроны, один так и не нашли. На такой случай предусмотрительные командиры имели небольшой запас, естественно, незаконный, делавшийся во время учебных стрельб.

Летом 1985 г. торжественно отмечалось стодвадцатипятилетие со дня основания Владивостока. По такому случаю приезжал сам генеральный секретарь ЦК КПСС, то есть тогдашний «начальник страны», М. С. Горбачёв. Для обеспечения неприкосновенности столь важного лица были приняты особые меры предосторожности. В частности, изъяли боеприпасы, поэтому караул заступал на службу без патронов.

(Примерно в это же время город удостоился визита самой Аллы Борисовны Пугачёвой. По острову гулял слух, что в окружении флотского начальства она может побывать и у нас, благо мест, где можно отдохнуть, здесь было предостаточно. Но на деле знаменитая певица посетила другой остров — Попова. Позже народная молва совершенно безосновательно утверждала, что её знаменитая песня «Паромщик» была, дескать, навеяна плаванием на помянутое место. Но молва возникла всё же не случайно: уж что-что, а паромы и паромщики нашим и окрестным «островитянам» были близки и понятны, может быть, как никому другому. Напомню, что паромы и катера тогда были единственным средством связи славного острова Русский с Владивостоком. Никаких мостов тогда и в помине не имелось.)

Пищу для караула доставлял один из свободных воинов, отправлявшийся на камбуз с двумя кастрюлями, вставленными одна над другой в специальную подвеску с ручкой (гораздо позже узнал, что это сооружение называется «судок»). Чай или компот несли в обычном чайнике, хлеб, сахар, масло — в «сидоре» за плечами. Заполняли ёмкости доверху, поэтому на каждого бойца харчей приходилось больше, чем обычно. Да и на сон в общей сложности времени тоже выпадало больше, чем в роте. К тому же после смены, прибытия в расположение, сдачи оружия и ужина караулу разрешалось «отбиваться», не дожидаясь наступления законного

времени. Вот из всего этого и складывались преимущества такого вида службы перед прочими.

Но это относилось исключительно к внутреннему карауле. Иначе обстояло дело с гарнизонным, нёсшимся при островной гауптвахте. В нём побывал пару раз. Гауптвахта, или «кича», была весьма мрачным, доложу вам, местечком, да и слава за ним тянулась недобрая. Про это дореволюционное кирпичное сооружение, выкрашенное в серые тона, ходила, например, легенда, что здесь некогда пребывал пламенный революционер Сергей Лазо. Показывали даже «его» камеру, то есть помещение, в коем он якобы томился.

В этом карауле расслабляться не рекомендовалось. Был он гораздо бо́льшим по составу и возглавлялся офицером. Согласно ещё одной легенде, особенно деятельно распространявшейся перед нашим первым в него заступлением, на «киче» после смены караула обязательно оставался кто-то из его состава. Но наш пример этого почему-то не подтвердил. Рассказывали и страсти про особую суровость тутошнего начальника. Ни подтвердить, ни опровергнуть этого не могу, наверное, ничего не понял из-за испуга и собственной «мутности». Но помню, что служба там была какая-то нервная и сильно всем нам не понравилась.

За время несения караульной службы проделал «карьеру» от рядового «штыка» до начальника.

Да, вот ещё что. Во время развода караул стоял на правом фланге заступающего суточного наряда. При наличии на вооружении карабинов, во время встречи дежурного по части он выполнял весьма красочную команду «На кра-а-ул!», выбрасывая их перед собой и держа на весу, поблескивая примкнутыми штыками, а затем «К но-ге!», опуская и не менее эффектно бряцая прикладами о плац. На автоматы это не распространялось. Сейчас такую команду можно слышать только на воинских парадах, а отдаётся она специально вышколенным «линейным».

11 января 1985 г., письмо № 3. «Только что получил ваше письмо от 20 декабря. На конверте штамп от 23 декабря (астраханский). Кроме того, получил поздравление с Новым годом... Вчера отправил вам письмо с более-менее подробным описанием своего существования и дальнейших перспектив. Теперь пишу ещё одно, возможно, что получите их одновременно...

В понедельник — получка, семь рублей в месяц. Первая была в декабре. За всё предыдущее время получил пятнадцать рублей, вполне хватило. Магазин поблизости есть. Как только в части получка — он становится пуст. Часть учебная, основная масса —

молодые бойцы, которые растут и, естественно, постоянно хотят жрать. В основном деньги у них уходят на сладости. Поэтому нередко в магазине нет ни конфет, ни печенья, ни пряников. После получки вначале начинается всеобщее обжорство, а потом паломничество в санчасть с расстроенными желудками.

Лично мне флотских харчей вполне хватает. Время от времени беру в магазине консервы — наши рыбные или овощные. Больше ничего и не надо. Вес я не потерял...

Что касается фотографий, то скоро такая возможность представится, сделаю и пришлю, по просьбам трудящихся, "в морской форме". Правда, меня вся эта военно-морская экзотика особенно не увлекает...

Вчера выпал снег. Хоть слой лежит и небольшой, но зато стало похоже на зиму. Это второй снегопад. Местный пейзаж весьма напоминает камчатский: то же море, те же сопки. Летом здесь красиво, зимой скучно. На улице довольно прохладно, но в помещениях хорошо, тепло. Скоро, наверное, начнутся ветра и пурги. Вот тогда и посмотрим, как тут живётся зимой...

P. S. По последнему вашему письму вижу, что и правильное написание цифр индекса не помогло — всё равно шло восемнадцать дней».

7 февраля 1985 г., письмо № 4. «...Занимаюсь изготовлением руководств по тренировкам для наших воинов да принимаю кабинет. Там полно работы: разбираю документацию, литературу и прочее барахло. Поближе к весне вступлю в полное владение оным.

Пошёл четвёртый месяц службы. Постепенно привык ко всему. Надо сказать, что всё оказалось не так красиво и исправно, как нас в этом пытается уверить передача "Служу Советскому Союзу". Полно всяких мелких неувязок, нехваток и просто искусственно изобретённых трудностей. Всё организовывается таким образом, чтобы молоденькие матросики не скучали и не сидели без дела. Одном словом, "круглое таскаем, плоское катаем". Правда, говорят, что без этого никак нельзя: а то в голову полезут всякие вредные мысли — о доме, о пиве и т. д.

Помимо всего прочего, я заметил одну интересную штуку: прохожу службу в учебной части, главной задачей которой вроде бы является выпуск специалистов для флота. Казалось бы, что оценка части должна зависеть от того, насколько эти самые "специалисты" подготовлены. Ан нет! Всё зависит от того, насколько браво промаршируют и споёт часть на строевых смотрах (последний был 18 января, и на нём наша рота заняла последнее место, что,

впрочем, вполне закономерно). Вот такие размышления — это всё оттого, что сейчас появилось свободное время. Ранее на такую лирику не потянуло бы — было некогда.

Сейчас все молодые матросы, по местной терминологии "слоны" (старые, впрочем, тоже), ожидают так называемого "приказа", который будет 27 марта. По нему и исполнится полгода моей военно-морской службы. Нужно отметить, что зиму пережили благополучно — руки, ноги, уши, нос целы, не отвалились и в трубочку не свернулись. С конца января (числа с 28-го) стоит совершенно замечательная погода, морозов нет, ветра нет, светит солнце и начинает капать с крыш. Гадаем — то ли действительно зима закончилась, то ли просто затишье перед бурей? А то всё пугали: "Февраль, февраль — ветры, морозы!" Пока не ощущаем. Главное свершилось — в службу втянулись и зиму перезимовали. Лето тут пройдёт быстро, а там и год. Скоро, возможно, увижу коллег из КФ — призыв не за горами.

Насчёт наших развлечений: обычно смотрим фильмы в клубе, реже — телевизор. Программу "Время" наблюдаем регулярно, несколько раз видел родные края. Периодическую печать просматриваю часто. Да, чуть не забыл! Уже довольно давно, ещё до принятия присяги, по-моему числа 15—16 ноября, проводились учебные стрельбы из автомата и карабина. Я стрелял первым. Помню, вертелся рядом какой-то капитан с фотоаппаратом — корреспондент газеты "Боевая вахта". Потом клятвенно заверил, мол, скоро себя увидите. Скоро не скоро, а в феврале увидели.

Вот этот лысый, ближайший к зрителю, это и есть я, ваш покорный слуга. Вид, конечно, не очень: тогда ещё не успел пообтереться. Внешность весьма моложавая, сейчас вид, конечно, солиднее. Начал потихоньку набирать вес: семьдесят девять кило против семидесяти пяти во Владивостоке на комиссии перед отправкой в часть. Бородища и усы стали быстро расти — это большое неудобство по сравнению с нашими молоденькими мальчиками. Волосы растут медленнее, ещё ни разу не стригся, после того как оболванили «под ноль» в части. Свои собственные фотографии пришлю попозже. К сожалению, съёмку в организованном порядке пропустил, был в карауле. Но ничего, времени ещё достаточно, сфотографируемся.

Вестей от бывших коллег не получаю, за исключением Б. Служит он во Владивостоке, живётся ему, судя по всему, несладко. Тоже остаётся в учебке, посылают его учиться на старшину 2-й статьи.

О своей судьбе имею пока смутное представление (в том смысле, что не знаю, пошлют меня в школу младших командиров на этого

самого старшину или дадут по весне непосредственно в части). В части было бы, конечно, лучше.

Ещё одна новость. Тут в третьей роте тоже имеется некий Гаврилов, которого со мной часто путали и мне вручали его корреспонденцию. А я как раз долго ничего не получал, решил вскрыть. Посмотрел, а там какая-то чертовщина на непонятном языке. Потом устал всех уверять, что я "свой, советский". Вот так.

(Гораздо позже выяснил, что фамилия «Гаврилов» вполне себе международная, её носят многие татары и башкиры. Пример тому — легендарный командир — майор Пётр Михайлович Гаврилов, наш народный герой, руководитель обороны Брестской крепости во время Великой Отечественной войны, татарин по национальности.)

Вообще-то, стало порядком надоедать общение с местным народом. Эти дурацкие рассуждения о тяжёлой жизни, постоянные разговоры о жратве (не наедаются, что ли?). Народец попадается довольно дремучий, много так называемых "нацменов", ленивых и жадных. Уже некоторое время заметно расслоение моих сослуживцев: появились свои "умные" (хитрые), сильные, затурканные и прочие. А до этого была однородная масса — лысые и перепуганные. Интересно наблюдать за этой жизнью. С коллегами-инженерами живём дружно, видимся часто. Ш. сейчас принимает котельную, другие тоже при деле».

14 февраля 1985 г., письмо № 6. «...Пишу ответ на ваше письмо от 3 февраля. Дошло оно, против ожидания, довольно быстро — за восемь дней. Надо сказать, что оба последних письма оказались не совсем в "товарном виде": кто-то пытался их вскрыть. Наверное, оного субъекта смутила их толщина. Но ничего, главное — дошли. Было весьма интересно прочитать такие обстоятельные послания. Особенно интересно было узнать о друзьях детства. Да, с той поры много воды утекло.

Теперь могу удовлетворить вашу просьбу о фотографиях "в морской форме". Правда, получились они не очень качественно, но действительность передают достаточно точно. На первой я изображён на фоне баллонов со сжатым воздухом в водолазном кабинете. Форма одежды — так называемое "рабочее платье", попросту говоря, "роба". На груди — боевой номер (у каждого свой). Второе фото также сделано в водолазном кабинете на фоне разных железок. На третьем представлен в так называемой "форме номер пять", в той, которую носят зимой: шинель, шапка, галстук, по местному "сопливчик", внизу — рабочее платье. Ещё существует "форма

номер три" (парадная, та, в которой наши ПКМУшники ходят летом в городе, но с бескозыркой), "форма номер четыре" с бушлатом, "форма номер два" (с белой рубахой). В Петропавловске "форму номер два" не носят — не жарко. Думаю, что со временем сделаю ещё не одну карточку и, естественно, вышлю.

В прошлом письме отправил вырезку из газеты. Фото в ней неудачное, эти гораздо лучше. Мне самому внешний вид нравится, более-менее похож на человека. А то тут такие "матросики" иногда попадаются, не дай бог увидеть! Особенно в этом смысле выделяются "нацмены", многие из которых имеют неопрятную внешность и, прямо скажем, свинские привычки. Правда, родные русские тоже бывают всякие.

Служба потихоньку да помаленьку идёт. Это письмо пишу в спокойной рабочей обстановке в своём персональном служебном кабинете. Занимаюсь тем, чем и ранее — готовлю учебные пособия, составляю так называемые "тренировки". Весь день занят, поэтому время идёт быстро.

Насчёт наших занятий физкультурой. С утра физзарядка, сразу после подъёма. Если холодно, так называемая "утренняя прогулка" в шинелях. Топаем по плацу и горланим песни. (Между прочим, неплохо строевым шагом нам тогда ходилось под всем известную, хотя совсем не военную, песенку «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам». — *С. Г.*)

Вот и всё. Старослужащие от скуки занимаются сами — кто бегает, кто железки тягает. У "молодых матросов" на это времени нет. Позже, к осени, займусь сам для себя. Заметил, что насморк мучает меньше, чем на "гражданке", простуд, несмотря на холода, совсем не было. Дома при чистке зубов иногда бывало кровотечение, здесь же, несмотря на довольно однообразную пищу, совсем нет. Так что, может, на самом деле служба пойдёт на пользу?

Погода у нас пока ничего себе, были оттепели, сейчас — морозец, но приближение весны уже чувствуется. В Петропавловске, говорят, снега мало...»

23 марта 1985 г., письмо без номера. «...Получил с разницей в две недели оба твоих письма, ответы на мои послания с вырезкой и фотографиями. Умышленно не отвечал, чтобы писать на Петропавловск. Письма, как обычно, шли долго, за это время уже много утекло воды и в моей жизни наступил ряд перемен.

К празднику 23 Февраля присвоили звание старшего матроса, то есть "старшмоса", объявили благодарность. Дальнейшая судьба окончательно прояснилась: 20 марта состоялось представление

высокому начальству по случаю так называемого “замещения старшинских должностей”. Оное начальство полюбопытствовало, что да как, а затем возвестило: “Сему быть!”

Так что теперь я полноправный инструктор кабинета УНП. Теперь, очевидно, в начале апреля предстоит отправиться на сорок пять суток в соседнюю часть для обучения в старшинской школе. После этого присвоят следующее звание — старшина 2-й статьи.

К Новому году буду читать спецпредметы по своим железкам. Скоро знаменательная дата: 27 марта выйдет приказ министра обороны, который означает, что прошли первые полгода моей службы. Так что четвёртую часть осилил. Теперь можно подводить некоторые итоги: прослужили нормально, зиму пережили, освоились, период привыкания окончился. Очередная задача: как следует продержаться следующие полгода — до осени, а там пойдёт на убыль.

Здоровье нормальное, самочувствие и настроение бодрое. У нас уже совсем весна, тепло, снег почти растаял, кое-где растёт травка. Но пока ходим ещё в шинелях (форма номер пять), на камбуз и зарядку — в робах. Скоро станет совсем тепло, введут “форму номер четыре”, то есть бушлат с бескозыркой.

Рад, что удовлетворил ваши просьбы насчёт фото. Правда, замечания насчёт того, что я на них похож на татарина или на азербайджанца, несколько озадачили. Хотя, когда в самом начале появился в части, то “урюки” спрашивали: “Какой ты нации?”, чем немало меня позабавили. А один старшина, так тот аж спросил, хорошо ли я понимаю по-русски. Поэтому уже не удивляюсь. Но теперь большинство убедилось, что по-русски “врубаюсь”, как здесь изволят выражаться, хорошо. Так что с этим разобрались.

(Вопрос: «Какой ты нации?», честно говоря, тогда удивил. Часть детства прошла в Астрахани, старинном многонациональном городе, ещё много веков назад служившим оживлённым торговым перекрёстком на пути из Азии в Европу и наоборот. Здесь мирно соседствовали русские, татары, армяне, казахи и прочие народы. Среди моих приятелей по дому были двое русских, татарин, еврей и украинец. В этом «интернационале» никому и никогда не приходила в голову нужда выяснять озвученное.

На Камчатке, где подвижность населения всегда была высока, национальным вопросом тоже никто особо не заморочивался, тем более что и вообще в Стране Советов декларировалась полная в этом смысле, выражаясь по-современному, «толерантность», хотя графа «национальность» в паспортах тогда, в отличие от наших времён,

присутствовала. Насчёт же того, кто на кого похож, то, действительно, внешность имею вовсе не арийскую. Из истории же собственного семейства следует, что разные его части некогда обитали и на Северном Кавказе, и в астраханских степях. Так что можно смело утверждать, что к моей породе подмешались все, кому это было нужно.

А вообще-то, было занятно наблюдать картину, когда старшина-азербайджанец именовал подчинённых ему матросов — таджиков и узбеков — «чурками».)

Посылаю ещё четыре относительно недавних фото. На одном из них изображён в своём кабинете УНП. Будете иметь представление о том, где я пребываю. На другом — снялся вместе с Ш., с которым в КФ сидели за одной партой, на фоне корабельного котла. Правда, он в момент вспышки моргнул и поэтому вышел с полузакрытыми глазами, но это словно лишний раз подчёркивает безмятежность его существования...»

Далее часть писем отсутствует вплоть до середины ноября. А событий в моей жизни за это время случилось много, и весьма разнообразных. Попробую их описать.

В соседнюю часть (радиотехническую школу, где действовала школа младших командиров), не попал, зато угодил сначала в санчасть, а затем в гарнизонный госпиталь. Дело вот в чём. Из-за климатических особенностей острова многие на нём по молодости начинали «гнить». Этому способствовали и, прямо скажем, неважные гигиенические условия. Не избежал этой участи и я. Так получилось, что во время работы повредил голень правой ноги: зацепился за какую-то железку, сорвал кожу. Вроде бы ничего, на «гражданке» повреждался и сильнее, но попала грязь и спустя несколько дней началось нагноение: прыщи да фурункулы на острове были делом обычным. Вначале особого внимания этому не придал, но вскоре рана потекла, конечность стала припухать. Вечером, после очередного караула, что-то стало совсем плоховато, поднялась температура, нога совсем распухла и приобрела нехороший цвет. В сопровождении сотоварища добрёл до санчасти, располагавшейся за пределами части, напротив ворот. Там при виде предъявленной конечности присвистнули, и стал я больничным обитателем, сменив рабочее платье на линялый халат.

Рану почистили, перевязали и начали колоть в задницу пенициллин. Длилось это довольно долго. Многократно продырявленная филейная часть вначале вяло реагировала на очередное вливание,

затем начала менять цвет, превратившись в сплошной синяк, потом стала словно деревянная: игла входила в неё с самым настоящим хрустом.

Отмечу, что попадание в санчасть для многих воинов было крайне желанным, превращаясь в незапланированный курортный сезон. Никто тебя не строит, не равняет, не обижает ни морально, ни физически, спи вволю. Здесь имелась ванная комната, в которой стоял точно такой же дровяной титан, как дома. Вот тут-то и отмылся, как следует, и привёл повседневную форму (робу) в надлежащий порядок. Тем временем опухоль на ноге спала, температура тоже, цвет кожи наладился, но рана не зарастала, перейдя в трофическую. После выписки стал носить повязку, то смачиваемую фурацилином, то сухую, периодически ходил в санчасть на осмотр и перевязки. Дырка так и не заживала. Службу, тем не менее, нёс.

Не раз откомандировывался в город в качестве «сопровождающего» за деньгами в Госбанк. С карабином СКС следовал вместе с работниками гарнизонной финансовой части, вёзшими целый фанерный чемодан с деньгами. Как-то спросил одну бухгалтерскую даму, сколько в нём? Ответ более чем впечатлил: чуть не полмиллиона. Тогда это была заоблачная сумма.

Сопровождающего заказывали у нас, видимо, с учётом того соображения, что наша часть была ближайшей к остановке парома, на котором добирались до города. В условленное время его подбирала у ворот части машина. В «предбаннике» старинного банка, расположенного в центре города, обычно скапливалось несколько сопровождающих: кто в чёрном, кто в защитном, кто с пистолетом, кто с автоматом, кто с карабином. Помню, что на площадке лестницы с фигурными перилами, ведшей на второй этаж, стоял здоровенный старинный чёрный сейф, видимо, уже не использовавшийся по прямому назначению, с золотистым узором на дверце. До революции в этом здании размещался Русско-Азиатский банк.

За это время мои коллеги прошли старшинскую учебку и вернулись в часть, отощавшие и недовольные. Им, представьте себе, не понравилась царившая там «уставнуха»! Да ещё и малые выдаваемые порцайки. На своей шкуре бывшие «слоны» почувствовали разницу: при всех «тяготах и лишениях» у нас-то было лучше! Высказались они в духе, что, мол, пока мы там «летали», ты тут «шхерился», что в значительной мере было именно так.

В середине мая всем нам присвоили звание «старшина 2-й статьи». Теперь поперёк квадратного погончика тянулись по две

«сопли», а их обладатели обратились из «молодых матросов» в «молодых старшин», хотя это мало что меняло в смысле взаимоотношений с суровыми «годками».

Кстати, о погончиках. Рядовой матрос носил на них жёлтую резиновую букву «Ф». При присвоении звания, например, старшего матроса следовало пришивать одну жёлтую шёлковую лычку. Для этого надо было найти чистый, без буквы, погончик, специально для такого случая предназначенный. А они были в дефиците. Приходилось отдирать злополучную букву, но взамен неё оставался хорошо заметный след. Смотрелось как-то не очень. Хорошо же было при государе императоре всяким там генерал-адъютантам да прочим «превосходительствам» и ихним «высокоблагородиям»: цепляй себе вензеля поверх просветов, звёздочек да номеров частей! И ничего отрывать не надо.

Тут мне повезло: не помню как, но достал чистые погончики. Вот на них и надо было разместить две жёлтые полоски. Существовало несколько разновидностей этого действа. Самое правильное (уставное) — это пристроить «тряпочные» шёлковистые лычки стежками жёлтой или, на худой конец, белой нитки. Дело было не такое простое, как казалось: при неумелом шитье края полосок шли волной, погончики выглядели не очень здорово. Второй вариант — попытаться лычки приклеить или взамен тряпочных соорудить их из золотистого офицерского галуна. Но тот был шире, чем положено, и не приветствовался, особенно на плечах всяких там «карасей». Самый выдающийся вариант — использовать в качестве лычек давно отменённые «годички», то есть жёлтые резиновые полоски, некогда носившиеся на рукаве и обозначавшие годы службы. И цвет, и ширина у них были подходящими, но их использование тоже не рекомендовалось, а это значило, что в любой момент чем-то недовольный начальник — командир взвода (смены) или роты — мог запретить их ношение.

Теперь началась моя старшинская служба. Помимо выполнения обязанностей инструктора и начальника кабинета, по-прежнему — в карауле и при заступлении в наряд в новой должности — дежурного по роте. Продолжал периодически посещать санчасть. С ногой положение не менялось, и вот в один прекрасный летний день наш капитан-медик отправил меня в гарнизонный госпиталь. Он располагался довольно далеко от части, в центральной части острова, в посёлке Шигино, размещался в большом старом кирпичном трёх- (или четырёх? — точно не помню) этажном здании, вокруг был разбит парк.

Думал, что дело обойдётся консультацией, а меня совершенно неожиданно определили на постой в хирургическое отделение. Но тут ничего не резали, а мазали да перевязывали. Чувствовал себя как-то неуютно, не понимая необходимости своего здесь нахождения. Тем более что свои самые сложные «слоновьи» времена уже пережил, впереди ждало исключительно светлое будущее. От скуки вместе с ещё одним старшинкой, тоже маявшимся в палате от безделья, безо всякого предложения и нажима занялись общественно-полезным трудом: отремонтировали автоклав, ещё какое-то оборудование и выложили линолеумной плиткой «предбанник» операционной. Это дело понравилось заведующему отделением, он же главный хирург, солидному подполковнику медицинской службы, пользовавшемуся у персонала госпиталя и его клиентуры всеобщим уважением, я бы даже сказал, что любовью. Он решил оставить меня при госпитале, что в планы совсем не входило!

Кое-как отвертелся от такой доли, но, думаю, что нашлось бы много желающих ей подвергнуться. Да хотя бы солдатик из нашей палаты, попавший сюда по случаю проглоченных гвоздей и иголок, — жертва пресловутых «неуставных взаимоотношений». Маленького роста, с оттопыренными ушами, забитый и малограмотный, видимо, он был идеальной мишенью для самоутверждения в собственных глазах недалёких «стариков». По выработанной за время такой «службы» привычке, он поначалу пытался «угождать» и нам с помянутым старшинкой, чего совсем не требовалось.

Нога до конца так и не заросла, оставалась почти сухая рана в сантиметр. Дальше лечиться отказался, вернулся в часть. И, представьте себе, здесь исцелился сам! Причём вполне простым способом: регулярным «замачиванием» ноги в тёпленькой морской водичке, благо до неё было рукой подать. К концу лета заросло, как на собаке: рана покрылась тонкой кожицей, которая, впрочем, ещё не раз повреждалась и даже слегка кровоточила, но без последствий. Для страховки перевязывал её простым сухим бинтом. Про целебные свойства морской воды слышал и ранее, но теперь на собственной шкуре, в самом прямом смысле этих слов, убедился в великой силе природы.

Но вернёмся в госпиталь. Здесь пришлось стать свидетелем и в какой-то мере участником нескольких драматических событий. Одно из них — смерть от отравления молодого мичмана, решившего покончить с собой из-за несчастливой семейной жизни. Привезли его на «скорой», уложили на койку, давай делать какие-

то процедуры. Несчастного корёжило, а мы вдвоём с тем же старшиной еле-еле удерживали его за руки и ноги. Так бедняга и помер в наших «объятиях».

Ещё один печальный эпизод связан с матросом, попавшим под колёса камазовского прицепа. Во время перевозки какого-то оборудования, при страгивании с места он, стоявший у края кузова, потерял равновесие и упал под колёса между задним бортом машины и следовавшим за ней прицепом. Доставили его чуть живого, тут же направили в операционную, там несколько часов резали и штопали, поздним вечером выкатили в палату реанимации. Пациенты отделения толпились перед палатой и искренне переживали происходившее. Удалось даже повидать его, подвешенного и распяленного специальными железками. Был вроде в сознании, все думали, что обошлось. Но на наших глазах стало ему совсем худо, он чуть не вскочил с кровати. Прибежали врачи, в том числе и начальник отделения, нас тут же выгнали прочь, а через несколько минут всё завершилось, как говорят в таких случаях, «летальным исходом»...

Спустя короткое время вдвоём со старшиной вынесли тело на носилках из отделения. На ночь поместили его на улице в стоявшем перед входом в госпиталь сооружении, что-то вроде железного гаража. Пришлось своими руками выдернуть у покойника изо рта какую-то трубку. На следующее утро мы, обряженные в тельняшки и госпитальные пижамы с тапочками, отвезли его на уазовской «буханке» в город, в центральный госпиталь, в тамошний морг. Когда машина подпрыгивала на кочках, было слышно, как внутри тела, лежавшего на носилках и накрытого простынёй, булькала переливающаяся жидкость. На КПП «Подножье», пока ждали паром, повидался со своими ротными, нёсшими здесь службу. Морг тоже впечатлил и видом, и запахом, и своим специфическим инвентарём. Хорошо хоть, что там в это время не оказалось ни одного «пациента»...

Запомнилась и встреча с былинным «холулайцем», то есть моряком, служившим в знаменитом подразделении подводных пловцов-разведчиков, размещённом в островной бухте Холулай, иначе Холуай. Его поместили в нашу палату с пустяковой, по его мнению, болячкой. Накачанный и малословный, в наши беседы он особенно не вступал, мы так и не поняли, срочник он или сверхсрочник. А кто таков, выяснилось через пару дней, когда к нему пришли товарищи. Вот тут они и разговорились, а мы, открыв рты, давай слушать да мотать на ус, благо к тому времени он уже

отрос. Услышали, естественно, без ненужных непосвящённым подробностей, и про тамошние порядки, и про хитрые тренировки. Эти славные ребята с охотой ответили и на некоторые наши наивные вопросы.

Про сию таинственную часть ходило множество разговоров, и не только на острове, но по всему флоту, да, наверное, и далеко за его пределами. К нам в школу иногда поступали телефонограммы о начале у них учений. Это означало, что нужно усилить бдительность, особенно ночью, без нужды не болтаться и прочее. «Холулайцы» запросто могли «снять» и утащить дневального, дежурного или часового, вооружение, машину или что ещё. Говорили, что за обнаружение и задержание такого диверсанта полагался отпуск, только вот сильно сомневаюсь, что могли найтись умельцы, способные это осуществить. Но по нашей части ходила легенда, что как-то один из поваров ночью умудрился огреть внезапно возникшего перед ним «холулайца» веслом для размешивания каши. Какова в этом доля действительности, остаётся только гадать...

Ещё один эпизод, относящийся к лету-осени восемьдесят пятого. Его можно озаглавить «Как я был почтальоном». Этому имеется и документальное подтверждение: «Доверенность. Дана воинскому почтальону Гаврилову Сергею Витальевичу в том, что ему доверяется получать из 76-го отделения связи газеты, журналы, простые и заказные отправления, телеграммы и извещения на регистрируемые отправления, адресованные войсковой части 25108-Р и её личному составу. Собственноручная подпись удостоверяется. Доверенность действительна по 31 декабря 1985 г. Врио командира в/ч 25108-Р капитан 3-го ранга *Меловцов*».

Есть и приложение к этой бумаге: «Гарнизон острова Русский. Настоящей запиской разрешено ст. 2-й ст. Гаврилову Сергею Витальевичу, нештатному почтальону войсковой части 25108-Р, ежедневно с 11.00 до 15.00 передвигаться по маршруту: часть — почта 76 — часть для доставки корреспонденции и периодической печати. Записка действительна по 31 декабря 1985 г. при предъявлении военного билета. Врио командира в/ч 25108-Р капитан 3-го ранга *Меловцов*».

Что значит для матроса письмо или посылка, думаю, никому из служивых объяснять не надо. Их путь до адресата был таков. Почтальон в определённое время пешим порядком отправлялся на относительно недалеко расположенную почту, получал там положенное и нёс его в часть в заплечном «сидоре». Когда выяснялось, что накапливаются посылки, нередко достаточно объёмные,

то в подмогу выделялась пара бойцов с носилками. Ну, а если отправлений было совсем много, то посылали бортовую машину.

Почтовое отделение в части представляло собой небольшое помещение, в котором имелся стол, были оборудованы надписанные ячейки, куда вкладывалось предназначенное для конкретных получателей. Какое-то время уходило на разбор почты, после чего начиналось настоящее «паломничество». Прибывали офицеры и мичманы, забирая причитающееся, тянулись отдельные старослужащие. «Слонам» тут делать было нечего: адресованное им забирал дежурный по роте. Почётная, но довольно неожиданная почтальонская миссия продолжалась пару месяцев, после чего я вернулся к своим основным обязанностям старшины-инструктора.

В ноябре 1985-го дослужился до поощрения самой высокой пробы — десятисуточного отпуска (объявлен 14-го числа). «Десятисуточным» он только назывался, на самом же деле к десяти суткам прибавлялись ещё по пять в оба конца на дорогу из расчёта следования на поезде. Но поезда на Камчатку в то время ходили только в воображении некоторых материковских журналистов. Все остальные предпочитали пользоваться самолётами. Так что действительная продолжительность намечавшихся военно-морских каникул удваивалась.

Прошли они славно, но и тут мне напомнили, что уж совсем расслабляться не следует. В последний день на морском вокзале в Петропавловске, куда отправился для посадки в автобус-экспресс, следовавший до аэропорта, меня остановил патруль. Причина простая: в отпуск уехал по «форме номер четыре», а на Камчатке в это время уже была введена «номер пять». Это отличие и привлекло внимание начальника патруля — мичмана средних лет. Заглянув в отпускное свидетельство, он вроде бы удовлетворил свой интерес к моей персоне, но вдруг приказал расстегнуть бушлат: пожелал осмотреть «отличные значки, которые теснятся на груди», как пелось в одной песне. Тут его постигло разочарование — ничего, кроме комсомольского и академического, не обнаружилось. «Что это?» — ткнул пальцем в инженерский «поплавок» с молотком. Пришлось объяснять, и это удалось не вполне. «Ездил в отпуск, а значков нет. Странный какой-то», — недоумённо заключил мичман. На том и расстались.

13 декабря 1985 г. (после отпуска). «...Пишу тебе по случаю торжественного появления моей персоны в родной войсковой части. Добрался нормально, не только остался жив, но и против твоих опасений абсолютно здоров (если не считать отмороженного правого

уха. — *С. Г.*). События же разворачивались следующим образом. С морвокзала уехал в начале шестого, до аэропорта добрался нормально. Огляделся — кругом кучи военных матросов (и все в шапках и шинелях. — *С. Г.*). Потолкался полчаса, объявляют регистрацию. Быстренько пролез сквозь толпу, сбагрил свой чемодан, который весил ровно двадцать килограммов. На меня в очередной раз подозрительно покосились и спросили, мой ли? Потом пошёл "гулять" и неожиданно наткнулся ещё на двух матросиков, с коими имел честь в своё время учиться в родном КФ! Некто Г. и с ним один с промрыболовства, которого мы звали "Пушкиным", уж больно он был в той жизни кудряв. Г. из моей группы, а попал он в ту компанию, которую от нас отделили в Кеткино, и теперь пребывает в Приморском, а здесь был в командировке. Тоже какой-то маленький начальник. Очень мило пообщались, объявляют посадку. Поскакал в аэропорт, загрузился в самолёт, на своё место 7а, а на 7б залез некий "сапог" (то есть срочнослужащий Советской Армии. — *С. Г.*), тоже едущий из отпуска. Уж как он бедный всё время вздыхал да ворочался в кресле! Аж жалко стало и себя, и его. Неужели нам тут так плохо?

Самолёт был полупустой, отправились вовремя. Во Владивосток прилетел примерно в одиннадцать вечера, получил багаж, сдал его на хранение и пошёл устраиваться на ночлег. Сначала решил откушать: взял в буфете чаю, сметаны и два куска хлеба. Смотрю, народ с интересом взирает, мол, прожился матросик вконец — воду с хлебом потребляет. И неведомо им, что у матросика с собой цельный чемодан всяких вкусненьких харчей. Потом славно вздремнул в кресле, проснулся в восемь утра, вышел на остановку — стоит автобус, быстренько в него внедрился и через час уже был на железнодорожном вокзале в городе. Тут предстояла самая ответственная часть маршрута — дотащить чемодан до парома.

С утра было довольно прохладно (на самом деле стоял мороз за минус двадцать, с залива дул сильный ветер, сдувавший бескозырку. Пришлось воспользоваться старым морским способом: закусить во рту ленточку, ибо руки были заняты. Пока бежал и отморозил ухо. — *С. Г.*), но, пока тащил, аж спина взмокла. Паром задержался на часок. Короче, в часть попал к одиннадцати утра. Добрался до Ш., бросил чемодан, созвал всех своих земляков, посидели. Набросились на меня: чего, мол, да как? Всех утешил и возрадовал гостинцами, недовольных не было.

К вечеру, наконец, добрался до роты, осчастливив личный состав своим появлением. Пришил погоны на шинель, получил свою

гвардейскую военно-морскую орденоносную и краснознамённую зимнюю шапку, о которой ты так сильно мечтала (мама всё переживала, что в "беске" замёрзну и простужусь. Как в воду глядела. — *С. Г.*) и стал простым смертным, как и все. Первые три дня прошли в сплошных поздравлениях по случаю приезда да в расспросах, как, мол, оно, тово-этово? Потихоньку все страсти улеглись, началась нормальная размеренная жизнь. Навёл было нарушенный порядок в своих персональных апартаментах (обнаружил в кабинете УНП ротную койку, в которой во время моего отсутствия развлекался с подружкой сослуживец. — *С. Г.*).

В части жизнь бьёт ключом: народу стало поболее, служить теперь есть кому. Это очень хорошо, теперь будет больше времени, чтобы заняться и своим заведованием, и самообразованием. Полным ходом идёт подготовка к предстоящим смотринам: по утрам и после обеда всем стойбищем с автоматами шлёпаем по плацу.

На острове, конечно, попрохладнее, чем в Петропавловске. К тому же дуют противные ветры. Однако я давно уже с удовлетворением отметил тот факт, что довольно спокойно переношу холод в отличие от многих...»

Про отмороженное ухо домой, естественно, не писал. Оно проявило себя в первую же ночь: покраснело и превратилось в настоящий «пельмень». Командир роты наутро ехидно поинтересовался, кто это, мол, тебе заехал, раньше вроде бы обходилось без этого? Вскоре опухоль сошла, но ещё несколько лет ухо весьма заметно откликалось на холод.

12 января 1986 г. «...У нас до Нового года и до 10-го числа была горячая пора — сначала строевые смотры, три штуки, затем аж целых три проверки. Теперь наступила пора всеобщего расслабления, все начальники ходят довольные, ждут всяческих благ. Очевидно, скоро будут поощрять и наше воинство, может, что-нибудь и мне перепадёт. Правда, скоро намечается ещё одна проверка, на сей раз аж из ЦК. Ничего, переживём и её. Жизнь моя окончательно установилась. Нарядов стало мало, так как служить есть кому. Наше войско в полном составе, все приехали из отпусков и командировок, поэтому свободного времени стало достаточно. Спокойно занимаюсь своими апартаментами и теоретическими изысканиями. Взял себе помощника из числа "бывших инженеров", по выпуску из родного КФ, он моложе на год. Парень толковый, долго объяснять ничего не надо. Оказываю ему покровительство. Пропасть нашим бывшим собратьям по разуму не даём.

Плац войсковой части 25108-Р, 25 сентября 1986 г.

Строевыми занятиями командует старший лейтенант А. Н. Данилов (справа), слева — старшина 2-й статьи Ю. Н. Коломиец, 26 сентября 1986 г.
«Делай раз!»

Помощник дежурного по части, 1986 г.

Среди тех, кто ведет соревнование за собой, старшина 2 статьи С. Гаврилов. Всего полтора года составляет его воинский стаж. Но Сергей с первых дней службы зарекомендовал себя инициативным, старательным воином, пунктуально выполняющим требования присяги и уставов.

В канун XXVII съезда КПСС старшина 2 статьи С. Гаврилов за успехи в службе был поощрен краткосрочным отпуском.

Вернувшись в часть, младший командир усиленно взялся за подготовку к экзаменам на классность. Труд молодого воина не пропал даром. Экзаменационная комиссия ответ старшины оценила на отлично. Ему присвоена квалификация специалиста 1-го класса.

НА СНИМКЕ: старшина 2 статьи С. ГАВРИЛОВ готовится к экзаменам.

Старший матрос С. ВОЛОКИТИН.
Фото автора

Заметка из «Боевой вахты»

Родной УК-2. Окна второго этажа на торце здания — не менее родной кабинет учебно-наглядных пособий, 2 июня 1986 г.

В кабинете учебно-наглядных пособий, 1985 г.

В машинно-турбинном кабинете, 1986 г.

В ротной канцелярии. По ночам за этим столом время от времени сидел дежурный по роте — старшинка, реже стармос

В ротной ленинской комнате, 1986 г. Похоже, веду занятие.

Неуставные взаимоотношения в водолазном кабинете. Р. Нугаев, П. Михалевич, Ю. Коломиец, О. Ростовцев, А. Мукосеев

Они же в кабинете УНП: С Ю. Коломийцем, 24 сентября 1986 г. Сзади — банка с самопальным кипятильником. Самый мощный имелся у водолазов: при его включении в УК даже «просаживалось» освещение

В ротном расположении за двумя любимыми занятиями: лежанием и чтением. Судя по «парадке», жду парома в предвкушении предстоящего увольнения

Ещё одно такое же занятие, но в кабинете УНП: военно-морское «тело», теперь в робе, дремлет на подоконнике с дырочками

Наконец-то наступил 86-й! Теперь можно с уверенностью сказать, что в этом году будем дома, осталось девять месяцев. Так что надо готовиться к переходу к нормальному гражданскому состоянию. А то будешь по привычке “равнять и строить” — не поймут и дадут в глаз.

Зима не очень суровая, снег выпал только после Нового года. Мороз приличный, до минус двадцати, но уже привыкли, поэтому переносим спокойно. Через полтора месяца вся “тяготы и лишения”, в смысле климата, прекратятся и начнётся сплошная красота. За последнее время стали жить совсем хорошо и дружненько, как в роте, так и в среде нашей “интеллигенции”. Ш. собирается в отпуск к жене в Пензу. Ещё один земляк тоже собирается, но на сей раз в Петропавловск. Так что всё наше войско жизнью довольно. У меня, слава богу, всё в порядке. Не помню, писал или нет, но именуюсь теперь громко: “Старший инструктор, начальник кабинета”, стою на мичманской должности. В декабре прибавили жалование — теперь двадцать два рубля. К лету должны добавить ещё, так что на пряники хватает. Получил 2-й класс, может ещё что дадут. Но главное, что надо нормальному воину, это чтобы его никто не видел и не слышал, то есть покой и тишина. С этим тоже всё в порядке...

Да, забыл описать Новый год. Праздник встретил в наряде — стоял помощником дежурного по части. Раздобыл переносной телевизор, всю ночь хлебал чай и глазел в ящик, естественно, убедившись в отсутствии рядом высокого начальства. Программа, правда, не очень. “Огонёк” ничего, а импорт — совсем ерундовый. Кто только меня не поздравлял и какие только командиры со мной не христосовались! Наконец, замученный такой службой, пошёл в клуб на нашу “срочную” гулянку. А потом опять глядел в телевизор. Честно говоря, хорошо, что был в наряде, при деле, а то такая тоска на этих праздниках! Зато после Нового года всё будет последним: последнее 23 февраля, последнее 1 мая и т. д.».

Здесь в датах сохранившихся писем снова имеется большой разрыв, так что самое время заполнить его очередной порцией воспоминаний. За зимнее и осеннее время были освоены ещё три вполне почётные служебные обязанности: помощника дежурного по части, дежурного по материально-техническому обеспечению (МТО) и помощника дежурного по гарнизону. Последняя была неинтересной, а вот вторая худо-бедно соответствовала инженерской квалификации. Обычно такую службу несли мичманы, но по какой-то причине её доверили нам, нескольким старшинам-послеву-

зовцам. Предварительно мы прошли что-то вроде экзамена. В частности, у нас выясняли, что же надо будет делать, если придётся гасить котлы на центральной котельной в сильный мороз. Ответ, что сливать воду из магистралей во избежание их перемораживания и разрушения, экзаменовавших устроил. Дежурному по МТО старшине выдавалась повязка с соответствующей надписью и зачем-то или почему-то пустая пистолетная кобура (мичманы ходили с полной). Видимо, для солидности. Помню, что мотался на машине-водовозке, решал какие-то вопросы на котельной и водокачке, делал ещё что-то.

У кадрового старшинского состава существовала определённая «специализация» в смысле несения нарядов. Кто-то с удовольствием «тащил» службу по столовой, так называемый «камбузный наряд», кто-то «западал» на КПП «Подножье» (особенно классно там было летом), одни любили ходить в караул, другие предпочитали дежурить по роте. Мне больше по душе были служба в карауле или помощником дежурного по части. А вот «камбузных нарядов» не любил и по возможности избегал. Суеты там было много, а удовольствия, на мой взгляд, они никакого не приносили. А может быть, сказывались не самые приятные воспоминания времён «слоновьей молодости» о зуботычине, полученной сквозь узкую камбузную «амбразуру», предназначенную для раздачи пищи, от кого-то из старослужащих кадровой команды, от кого точно, не разглядел. Хотя она, если не изменяет память, была за время службы единственной.

В апреле удалось побывать в ответственной и интересной командировке на одном из арсеналов флота, куда был отправлен за новым стрелковым вооружением для части. Выехали группой на нескольких грузовиках, меня определили старшим из срочнослужащих. На месте, по-моему, где-то под Артёмом, впечатлила огромная территория, обнесённая колючей проволокой и контрольно-следовой полосой, обставленная вышками. Из земли торчали заросшие горбушки складов, уходивших под землю. Удивило, что охрану этого хозяйства несли вовсе не бравые моряки, как можно было бы ожидать, а женщины-вохровцы. Говорили, что если надо, то они попадут злоумышленнику в глаз, чтобы тому шкурку не попортить. Оказывается, что столь серьёзное дело, как охрана вооружения, военным-то доверять нельзя!

В одном из многочисленных складов извлекались ящики с новенькими автоматами АК-74 калибра 5,45 мм и причиндалами к ним, открывались, проверялась целостность содержимого, и ящики

перекочёвывали в кузов машины. Всего получили несколько сотен автоматов. При обратном возвращении не поспели на последний паром, заночевали в городе на достопамятном ПТК. До этого на вооружении нашей части имелись карабины СКС и старые автоматы АК-47 калибром 7,62 мм. Так, мой был выпущен ещё в начале 1950-х гг. и от долгой службы заработал на деревянном прикладе весьма заметную трещину. А теперь это старьё, в том числе и при моём прямом участии, сменили современные чёрные матовые красавцы с пластиковыми магазинами и прикладами.

8 мая, в преддверии Дня Победы, получил знак «Отличник Военно-Морского Флота».

13 мая 1986 г. «...Посылка дошла как раз ко дню рождения. По этому случаю устроил большой “приём”, все остались довольны. Поздравили меня мои собратья и на память подарили военно-морской флаг и кое-какие мелочи. В своей среде живём дружно и пытаемся делать друг другу приятное, тем более по дням рождения. На следующий день устроил себе увеселительную прогулку в славный град Владивосток (в смысле увольнение). Очень хорошо отдохнул, заснял целую плёнку. Теперь осталось собраться и сделать фотографии. Там же посмотрел боевик “В одиночном плавании”. Это страсти про то, как кто-то кое-где служит по-настоящему. Если к этому добавить ещё и телефильм про молодого и глупого лейтенанта (две серии), который недавно показывали по ТВ, то, пожалуй, простой рабоче-крестьянский народ, посмотрев всё это, подумает, что такие тяготы выпали на долю всех бедных матросиков. (Похоже, что тут вспомнил фильм «Правда лейтенанта Климова», где главного героя сыграл отличный, но, к сожалению, рано ушедший из жизни артист Андрей Ростоцкий. — *С. Г.*)

По случаю Дня Победы взялись наше воинство поощрять. Мне досталось одновременно следующее: 1) благодарность, 2) грамота, 3) знак “Отличник ВМФ”. Теперь я, усыпанный наградами так, что на солнце аж глаза режет, именуюсь: “Отличник Военно-Морского Флота, специалист 1-го класса, кавалер знака ЦК ВЛКСМ, старший инструктор, заместитель командира взвода, старшина...” Аж рука устала. Эдак недалеко и до мании величия. Не правда ли, смахивает на “и прочая, и прочая...” За службу получил пять штук различных железок. Теперь от скуки начал изготовление “дембельских” сувениров.

Писал тебе о здешних обычаях, несколько странных для гражданского человека. Одним из них и является это самое “изготовление”. Чего только тут не делают: и неуставную форму, и так

называемые “дембельские альбомы”, полные всякой ерунды. Этим заниматься не стал, но, подумав, решил, что два года из жизни никак не выкинешь, а посему — службу в доблестных рядах нужно увековечить. И с этой целью соорудил несколько памятных штуковин. Лет через тридцать буду на них глядеть и, смахивая слёзы умиления, вспоминать, какой был герой. Народу сии штуковины понравились, и он начал их дублировать. Пока никак не соберусь это добро отправить.

(Прошло уже больше чем тридцать лет, а все эти «штуковины» прекрасно сохранились и до сих пор висят на стене моего кабинета. Глядя на них, слёз умиления не смахиваю, но те славные мгновения молодости вспоминаю с удовольствием. Кроме этого, о службе частенько напоминает большая жёлтая латунная пряжка со звездой и якорем, дембельская “бляха” по-тамошнему, которую до сих пор с удовольствием ношу на поясном ремне при джинсах. — *С. Г.*).

Я тебе периодически рассказываю о некоторых “обычаях”, сопровождающих славный путь воина-тихоокеанца. Так вот, пришла пора поведать ещё об одном. До моего осеннего приказа осталось сто тридцать семь дней. Когда остаётся сто, некоторые воины приобретают обыкновенный портновский метр, который призван символизировать дни, оставшиеся до приказа. Ежедневно от него отхватывается один сантиметр, и, наконец, метр заканчивается, от него остаётся одна железка — служба закончилась. Эта процедура сопровождается соответствующим ритуалом. Вот такой дурдом.

“Хизмат” (так «по-восточному» мы называли службу. Почему, ниже станет понятно. — *С. Г.*) у меня идёт, слава богу. Наконец наступило лето. Ходим в белых шляпах без козырька. Нагнали кучу новых “слонов”, в основной массе, более девяноста процентов, азиаты, причём, судя по привычкам, прямиком века так из восемнадцатого...»

Летом 1986-го в качестве поощрения в составе большой группы старшин и матросов, собранных со всего гарнизона, побывал в однодневной поездке по окрестностям Владивостока. В частности, посетили станцию, где стоял мемориальный паровоз, в топке которого, по преданию, японцы сожгли Сергея Лазо. (Снова возникла легенда об этом персонаже. Из пионерского детства вспоминалась вот такая «хулиганская» песенная строчка: «Бьётся в тесной печурке Лазо...» На самом же деле история его трагической кончины довольно тёмная.) Также посетили жерло доисторического вулкана, затем купались и ловили в одной из речек раков, а потом варили

их и ели. Сопровождала нас женщина-экскурсовод, дававшая очень интересные пояснения.

15 августа 1986 г. «...Получил твоё письмо. Рад, что у тебя всё в порядке, что фотографии моего производства понравились. Спрашиваешь, что это за штурвал? Это рулевая машина с корабля, установленная в кабинете. Используем её для обучения "слонов". А в умывальнике тот воин держит не папиросу, а какую-то бумажку, вообще-то, он у нас некурящий. Высылаю тебе ещё относительно свежие карточки, сняты на флотский праздник. К сожалению, бумага попалась некачественная. Есть большие фото, те хорошие, но в конверт не входят. Пришлю в посылке.

В город на День ВМФ выбраться не удалось, к тому же погода с утра была плохая — шёл ливень. Торжество прошло в клубе, поэтому "царя морского" запечатлеть не удалось. Фотографией намереваюсь заниматься и далее, дело интересное. Главное — всё под руками.

На твоё письмо сразу не ответил, времени не хватило. Дошло оно как никогда быстро — за сутки. Сейчас у нас в роте одно общее увлечение: решили сделать себе "красиво". Все старшинки начали что-нибудь строить: кто умывальник, кто курилку. Я взялся оборудовать старшинский кубрик. Вышло что-то вроде погребка: стены разрисовал под камень и кирпич, обшил деревом, сделал полки из бочек.

Сидели-сидели мы и надумали, что надо оставить "след". Теперь, как одержимые, все носятся с цементом, досками, красками. Начальство в недоумении: то дембеля "балдели" и никто ничего не делал, то вдруг образовалась такая ненормальная суета. Так и ждёт от нас какого-нибудь подвоха. Никто не командует, а дело идёт. Это странно и для службы не типично. А я взял себе этот кубрик в качестве аккордной "дембельской" работы.

Кстати о ДМБ. Служить-то осталось сорок дней! Не знаю, как ещё долго будут держать после приказа, вроде на хорошем счету. Но могу сказать, что новые штаны, рубаха и башмаки готовы и ждут своего часа. А "дембельская шапка" висит на гвозде в кабинете. Так что по первой же команде — прощай, родимый остров Русский! Хорошо, что с дорогой никаких сложностей: ни пересадок, ни долгих ожиданий.

Ты всё спрашиваешь, какой у меня вес и рост. Недавно специально ходил в санчасть узнавать. Рост — сто восемьдесят семь, вес — семьдесят восемь килограммов. Так что худой я и бледный. Честно говоря, эти проблемы меня до этого нисколько не интересовали...

Уже устал отдыхать на нашем “курорте”. Люди платят большие деньги, чтобы полюбоваться красотами Дальнего Востока, а мы пребываем тут совершенно бесплатно. Свежий воздух, солнце, море — красота! Да ещё недавно накинули деньгу, теперь платят двадцать девять пятьдесят, а с сентября будет тридцать один рубль. Ну, и чем не курорт?

Временами уже появляется “чемоданное” настроение. Правда, сейчас разразилась небольшая суета: помимо затеянной стройки начинается очередная проверка, поэтому снова нужно готовить технику и бумажки. Оттого много беготни, но зато время летит. Уже середина августа, календарное лето заканчивается. Надо сказать, что прошло оно очень быстро. Говорят, что к приказу время тянется, но я бы этого не утверждал. И это очень хорошо.

Занялся ещё одним сувениром, по подобию того, что уже отправлен домой — с подсветкой. Только теперь в нём будет не то, что плавает и по дну ползает, а напротив, то, что летает, да и сделано будет похитрее (наловил и засушил различных, весьма красивых островных бабочек, сделал из них композицию под стеклом, с подсветкой. Сохранилась по сию пору. — *С. Г.*)...»

31 августа 1986 г. «...ДМБ не за горами. Прогнозы строить — дело ненадёжное, однако, помня, что я хороший, тихий и работящий, делаю выводы, что выгонят одним из первых, где-то в конце (а может быть, в середине?) октября... Хотя я и рисую тебе радужные картинки моего тутошнего бытия, но на гражданке тоже весьма и весьма недурственно. А?

Правда, три раза в день кормить задарма, одевать, укладывать спать и пересчитывать четыре-пять раз в день, не пропал ли куданибудь большой дядя, которому уже двадцать пять годов, никто не будет. И даже двадцать девять рублей и пятьдесят копеек ежемесячно просто так никто не даст.

Интересно устроена жизнь: после двух- или трёхлетнего безделья ещё положено два месяца бить баклуши на гражданке. Это оттого, наверное, что с задеревеневшими мозгами после этого самого “хизмата” в бурную жизнь сразу окунаться нельзя — снесёт: начнёшь по привычке всех равнять и строить, не поймут ведь и побьют. Поэтому живи два месяца, привыкай и набирайся ума-разума.

Правда, столько балдеть и помогать тем, кто ничего не делает, я не намерен. Недельку передохну — и пора снова идти компостировать мозги “курсаноидам”. Тем более что к зиме шибко-то и не разгуляешься. А ещё и полное отсутствие “купил”. А к лету уже

и отпуск наберётся, и “купил”, надеюсь, насобираем. Вот такие соображения по поводу дальнейшего бытия...

Всё, что положено, уже заслужил, получил, повесил и т. д. Военный билет стал насквозь синим от печатей. Осталась одна — о том, что меня наконец-то выгнали из войсковой части 25108-Р.

Кубрик построил, собратья говорят, что получилось весьма недурственно. Однако находят, что он больше похож на место отдыха, чем на официально называющуюся “комнату подготовки к занятиям”. Но я решил, что без комфорта, дивана и чайника служить будет совсем уж невыносимо тяжело, и поэтому несколько смягчил казённый интерьер...

В свободное время частенько болтаемся по острову. Здесь очень много интересного. Есть места, куда человеки забредают довольно редко. Полно укреплённых фортов, батарей ещё царской постройки. В наличии много тайн: есть катакомбы, подземные ходы и склады. Примерно где они расположены, знают, но мало кто там бывал (точнее, никто). Утверждают, что есть подземный ход, ведущий прямо в город! Увы, со временем многие секреты были утрачены. А так, много на что можно посмотреть: и природа, и сооружения. Говорят, что форты строил сам генерал (впрочем, тогда всего капитан) Карбышев...»

15 сентября 1986 г. «...Начинаем чувствовать осень. Стало хорошо, не душно. Потихоньку, пока ещё незаметно, начинается увядание природы. В лесу навалом всяких разностей: малина, лимонник, крыжовник, красная смородина, очень крупная. Я такой у нас не видел. Шиповник здесь тоже крупный, размером с орех, и не вытянутый, как у нас, а круглый. Природа весьма разнообразна. В лесу много косуль. Так как остров — заповедник (непонятно для кого: то ли для животины, то ли для матросиков), то косули не пуганы. Иногда набираются смелости и забегают в часть, на плац. Сегодня после обеда ходил в лес, набрал килограмма полтора смородины и лимонника. В роте три дембеля: я и ещё двое. Ну вот, мы и угостились этим урожаем.

Осень накладывает свой характерный отпечаток на наш “хизмат”: все трое ротных дембелей начали собираться домой. Хотя до приказа и осталось десять дней, срок отправки ещё далеко не ясен. Но зато выяснилось, что наше начальство приятного ничего сделать не хочет. Подслушал я тут один кулуарный разговор больших командиров. В нём мелькнуло соображение, что служить нам надо “до упора”, то есть до той даты, когда были призваны. А вот после этого начнут оформлять документы. Мотивируют это тем,

что, мол, два года — это мало, и их надо отслужить полностью и ещё с лишком. Косвенным подтверждением этого является тот факт, что Д. "зарубили" отпуск. Раньше разрешалось уходить с отпуском до приказа, и это даже поощрялось. А сейчас ему сказали: "Служи, паря, отпустим в конце октября". Это значит, с отпуском — в конце октября, а без — в начале ноября! Оригинально-с! Вот так нашего брата и забижают!

Первая отправка по плану должна быть 25 октября. Но если следовать вышеизложенным соображениям, то мы в неё не попадаем. (Все изложенные выше соображения и страхи оказались несостоятельными. Отправили нас именно в этот день. — *С. Г.*) А если так, то чемодан паковать придётся где-то в начале ноября. Хорошо, если управимся до ноябрьских праздников.

Вот такие соображения. Так что совет может быть только один: набраться терпения минимум на полтора месяца. Хорошо хоть скучать не дают. Вот недавно было такое развлечение: убежали (сейчас не помню, то ли с "кичи", то есть гауптвахты, то ли из дисциплинарной роты. — *С. Г.*) три бандита, предварительно пришибив конвоира, совсем мальчика, прослужившего три месяца, забрав автомат и патроны. Подняли на ноги весь гарнизон. Я как раз в этот день стоял помощником дежурного по части. Суеты было много: приехал помощник командующего флотом. Целый адмирал лично нас равнял и строил, инструктировал и запугивал. Трое суток по острову шарахались вооружённые патрули, прочёсывали лес, сидели в засадах. На подмогу прислали из города каких-то головорезов на бронетранспортёрах. Командующий флотом объявил, что даст двадцать (не десять, как обычно, а двадцать) суток отпуска герою, который оных злодеев изловит. Две ночи сидел и я с двумя матросиками в лесу в засаде, обвешанный патронами и гранатами (гранаты упомянуты ради красного словца, у нас их никогда не было. — *С. Г.*). На третьи сутки изловили негодяев на другой стороне острова. Они пытались захватить баржу, да не вышло. Оружие в ход пустить не успели.

Так что было очень интересно. Дембеля посовещались и пришли к выводу, что такие встряски весьма полезны. Забился себе в сопку и сиди, в ус не дуй. Никто хоть не пристаёт. Да и когда ещё представится случай пошарахаться по всему острову?

Недавно делали вылазку на четверо суток в деревню за урожаем, запасали харчишки для части. Вначале долго мотались из деревни в деревню, потом осели в славном местечке Многоудобное. Думал, что попал в нормальную деревню, ан нет — кругом бирки

“Министерство обороны СССР” — совхоз-то оказался военным! Поэтому и привычных матросов здесь — пруд пруди. Но, тем не менее, съездили нормально...»

Вот тут самое время и место порассуждать о пресловутой «дедовщине», в специфическом флотском изложении — «годовщине». Досконально изложить этимологию этого понятия не берусь, но рискну предположить, что происходит оно от слова «годок», коим в наших местах было принято обозначать одну из категорий срочнослужащих.

Во время пребывания в упомянутой выше командировке случились два эпизода, хорошо описывающих пресловутые «неуставные взаимоотношения». Первый — при встрече с парочкой матросиков, видимо, ещё недавно ощущавших их на собственной шкуре.

Поехали на бортовой машине впятером: мичман, я, тогда старшина 1-й статьи, старослужащий матрос (водитель), тоже собиравшийся осенью домой, и два «слона» нам в подмогу. Старшим назначили мичмана, его «замом» — меня. В Многоудобном расположились в одном из бараков и начали готовить его к прибытию основной массы наших людей, выделенных на сельхозработы. Между делом, основательно пропылившись по дороге, решили постираться. Выкручиваем вдвоём с водилой, уж не помню, чью рубаху. Вдруг слышим что-то вроде: «Эй ты, старшина, ты почто бойца напрягаешь?!» Эти слова произносит одна из двух возникших из соседнего барака фигур с недобрым взглядом и чистыми погонами. (Старинная воинская поговорка гласит: «Чистые погоны — чистая совесть».)

Судя по всему, это кто-то из относительно недавних питомцев одной из учебок, отслуживших года полтора, не больше. Наверное, до них дошёл слух, что в соседнем бараке расположился старшинка, хотя бы и из другой учебки. Может быть, теперь они в порядке восстановления справедливости решили ослобонить якобы притесняемого им молодого воина да попутно рассчитаться за былые обиды хоть и с чужим, но всё же с кровососом.

Но тут наш почтенный матрос-водитель посчитал себя кровно оскорблённым за обидное для его выслуги слово «боец» и доступно объяснил незваным гостям, кто он таков и скока отслужил. Это произвело на прибывших отрезвляющее действие, и они убрались восвояси.

Поскольку в принятой среди советских срочнослужащих системе взаимоотношений главной отправной точкой являлся отслу-

женный срок, мы, обременённые своим нестандартным, применяли такой хитрый приём. На вопрос незнакомых с нашей «спецификой»: «А скока ты отслужил?» — следовал ответ: «Осталось стока-то». А поскольку, действительно, оставалось совсем немного, то ставки носителя такового ответа в глазах неосведомлённого спрашивающего сразу же повышались. И, заметьте, безо всякого с нашей стороны обмана!

Сельскохозяйственные заботы в этом месте почему-то не состоялись, о чём известил возникший откуда-то мичман. Мы погрузили наш скарб обратно в машину, покинули не вполне гостеприимное местечко и покатили обратно. Ночевали в какой-то части морской авиации. Мичман не знаю где, а мы вчетвером — в расположении некоего подразделения. От нас здешние обитатели отличались голубыми погонами и стандартным двухгодичным, как писал ранее, сроком службы.

Отбились, успели заснуть. Вдруг, примерно через полчаса, загорается свет, раздаются задорные команды, местная молодёжь (а как раз недавно завершился очередной призыв) бодро выпрыгивает из коек, в одних труселях строится посреди казармы. Действом руководит некий персонаж с двумя «соплями» на погонах, то есть, по-местному, младший сержант. Начинается «проверка прочности фанеры». А нам спать охота, намаялись в переездах. Два наших «слона» испуганно смотрят из коек на происходящее и, видимо, понимают, что вот это и есть те самые «неуставные взаимоотношения», о коих они много слышали, но воочию столкнулись впервые.

Вдвоём с водилой пытаемся объяснить товарищу младшему сержанту, что неплохо было бы нам поспать, а шум мешает. Это вызывает большое неудовольствие с его стороны, а равно ещё нескольких местных гуру, помельче. В завязавшейся дискуссии выясняется, что самый «крутой» тут по пресловутому сроку службы — полтора года — и есть этот сержант. А нам, как вы знаете, до пресловутого «дембеля» осталось совсем ничего. Пояснили ему, что в свои полтора года он у нас «только бы с палубы поднялся», в смысле оторвался бы от половой тряпки, что было, конечно, преувеличением.

До боестолкновения на сей раз дело не дошло, обошлись словесным обменом. Но своим вмешательством предстоящее удовольствие местным «дедам» мы явно обломили, и вскоре все улеглись-таки спать. Утром наши «слоны», впечатлённые произошедшим, высказались в духе: «Во, тащ (то есть товарищ) старшина, как

бывает-то!» и дружно закивали на моё заключение: «Теперь поняли, бойцы, что у нас — как в детском саду?»

А в нашем «детском саду», действительно, жилось гораздо спокойнее. Но, конечно, со своими закидонами. Проиллюстрирую примером. В одной из партий новых «слонов», прибывших в роту летом восемьдесят шестого из благословенной, маленькой, но гордой южной республики, вдруг обнаружился «князь». Во всяком случае, именно так он отрекомендовался кадровому составу, весьма удивлённому тем фактом, что эта персона не желает «шарить» приборку наряду с прочими. В доверительной и душевной беседе выяснилось, что новоявленному «князю» по тамошним обычаям такой чёрной работой заниматься не положено.

Напрягши остатки интеллекта, старшинки вспомнили, что во времена присоединения нынешних южных окраин к Российской Империи встал вопрос: а что делать с местными «уважаемыми людьми»? Сильно-сильно упрощая, можно считать, что тогдашние имперские власти решили, что тех, у кого баранов много, типа тыща штук и больше, числить дворянами, в том числе и «князьями», ну а уж остальных — всего лишь рядовыми верноподданными. (Между прочим, к концу существования империи, приключившемуся к началу 1917 г., бурно расплодившиеся потомки этих «князей» составляли большую часть титулованного российского дворянства.)

Успокоив себя таким нехитрым умственным построением, ехидно поинтересовались, а можно ли «князю» нести службу с кинжалом на поясе? Получив утвердительный ответ, сообщили ему, что теперь он будет дневалить по роте, то есть стоять «на тумбочке» при входе в помещение с подвешенным на ремне автоматным штык-ножом.

Тут надо сделать очередное отступление. Обязанности дневального могли быть различными. Официальная — поддержание порядка в ротном помещении и охрана её имущества. Неофициальная — ублажение старослужащих, вроде заботы «рожать», то есть любой ценой под опасением заработать унижения или даже побои добывать для них курево или харчишки с камбуза, исполнять прочие прихоти (в описываемое мною время это у нас уже почти не практиковалось). Во всех случаях важнейшая: предупреждение о возможной опасности «внезапного прихвата», то есть появления в расположении, иначе в помещении роты, какого-либо начальства. Для этого следовало проявлять бдительность и вовремя громогласно извещать: «Дежурный по роте, на выход!» при появ-

лении «нежелательных лиц», могущих ненароком потревожить размеренную казарменную жизнь старослужащих.

Времени от подачи означенной команды до собственно появления начальника в расположении было очень мало, а это значит, что вероятность застать «годочков» за непредусмотренными уставом внутренней службы занятиями становилась весьма высокой. Следовательно, прибывавшее лицо должно быть замечено не на входе в роту, а гораздо раньше, например, сотни за две метров, пока оно, не спеша, спускалось по дорожке, ведшей к экипажу от офицерской кают-компании. Для этого в воротах выставлялся так называемый «вассер», в нашем тогдашнем произношении «фасор». В переводе с блатного оно означало стоящего на страже «вперёдсмотрящего». Наличие такого «тела», маячившего на «вассере-фасоре» при входе в экипаж, даже командирами считалось признаком хорошо отлаженной дневальной службы.

Но вернёмся к нашему «князю». Заступив в наряд по роте, он почти отстоял положенное время, а потом был «снят на вторые сутки». «Снятие» — это весьма широко применявшееся наказание за явные или надуманные провинности, заключавшееся в том, что дежурство прерывалось, а «снятый» после короткого отдыха заступал на повторную службу. Поводом для этого могло стать, например, вдруг внезапно обнаруженное отсутствие в помещении идеального порядка: какой-либо мусор, не так заправленные койки, не эдак лежащие тапки и прочее, было бы желание к чему-нибудь придраться.

На следующий день эта картина повторилась, потом ещё и ещё... Вскорости хронически не высыпавшийся «князь», проведший большую часть нескольких дежурных суток на ногах, драил палубу наряду с остальными «слонами». Вот и спрашивается, а как оценивать этот «педагогический приём»? Уставные ли это взаимоотношения или нет? Никто ведь на развенчанного «дворянина» руки не поднимал, пищи его не лишал, грубого слова не говорил. Спать, правда, ему пришлось маловато, а стоять «с книжалом» многовато, но ведь лёгкой службы никто и не обещал...

Между прочим, на этом примере показан универсальный способ воздействия на всякую выбивающуюся из общего стада «борзоту», практиковавшийся вместо примитивного применения грубой да к тому же и незаконной физической силы: загрузить какой-либо работой или службой по «самое не могу». Это позволяло достаточно быстро получить желаемый результат.

А вот ещё один пример особо изощрённого «издевательства над личным составом». Жил да был в нашей роте один вышеобразованный старшинка призыва осени восемьдесят пятого года, тоже, между прочим, инженер. И был он большим любителем вызнавать всякие технические подробности да хитрости, присущие тем или иным ремёслам. Происходило это весьма своеобразно, а именно во время его ночных дежурств.

По заведённому порядку дежурный по роте старшина, редко-редко кто-нибудь из старших матросов, ночью не спал, отдыхать ему полагалось несколько часов в дневное время. Как правило, он сидел в ротной канцелярии при открытой двери в коридор, ведший к выходу из экипажа, проявляя бдительность и попутно повышая уровень политической подготовки, то есть читая последний выпуск славной флотской газеты «Боевая вахта». Никто из входящих или выходящих из роты незамеченным миновать его не мог. Причина же ночного выхода была только одна: возникшая у организма «физиологическая потребность», проще говоря, нужда.

Как всем хорошо известно, означенная нужда бывает как маленькой, так и большой. Справить первую можно было не выходя за пределы экипажного здания, а именно в гальюне, расположенном в тамбуре за дверьми ротного помещения. Там к стенке примыкал кирпичный писсуар со встроенным жёлобом, облицованный плиткой. Попадавшее в него текло в расположенную под полом бетонированную яму, закрытую сверху деревянным настилом. Слива из неё не было, поэтому периодически яма переполнялась и требовала осушения. Эту процедуру наш военно-морской люд называл «черпаньем гальюна». К её осуществлению привлекался исключительно самый провинившийся молодняк. Правда, иногда возмущенные чем-то офицеры-командиры грозились отправить на сие дело расстроивших их старослужащих старшин, но это была так, фигура речи.

Технология черпанья была такова: содержимое ямы вёдрами с привязанными к ручкам верёвками переливалось в носилки, сделанные из разрезанной вдоль металлической бочки (то есть того самого правильного «обреза») с прикреплёнными к ней деревянными ручками. Носилки усилием двух «слонов» отправлялись на улицу, а вот куда они выливались, честно говоря, запамятовал, ибо к этой церемонии непосредственного отношения никогда не имел. О начавшейся процедуре черпанья ротному народонаселению становилось известно по постепенно заполнявшему все закоулки распо-

ложения густому аромату. Тут надо заметить, что в спокойном состоянии яма органам обоняния никаких забот не доставляла.

От большой нужды разрешались за пределами здания в отстоявшем метров на двести классическом дощатом гальюне на десяток «очков». Между прочим, молодому пополнению, одетому в новенькую форму, рекомендовалось при посадке на него снимать шапку и крепко держать её в руке, и вовсе не из почтения к сему достопамятному месту, а исключительно ради того, чтобы не лишиться казённого головного убора, хотя бы и подписанного хлоркой. Иногда эти шапки срывались с потерявших бдительность голов, и вовсе не порывами ветра, а руками несознательных личностей, хоть и обмундированных казной на время в матросскую робу, но склонных, как ныне говорят и пишут, к «противоправным действиям», то есть к банальному воровству. Впрочем, это своеобразная классика жанра, уже многократно описанная другими авторами.

Да, вот ещё одно замечание: ночные посещения обоих гальюнов разрешались только в полном обмундировании, чем полусонным воинам создавалась очередная «тягота и лишение». Исключение дежурный по роте делал, как вы уже догадались, лишь для почтенных старослужащих.

Так вот, означенный старшинка, скучая и через силу бодрствуя, нуждался в развлечении. Оно ждать себя долго не заставляло и появлялось в виде очередной фигуры, стремившейся к естественному удовлетворению. В дверном проёме начинался примерно такой диалог: «Кто идёт, ко мне!» — «Тащ старшина, курсант такой-то по вашему приказанию прибыл!» — «Где жил на гражданке, чем занимался?» Выяснялось, что трудился трактористом в Горно-Бадахшанской автономии Таджикистана. «Отлично. Расскажи-ка мне, как устроена ходовая часть гусеничного трактора?»

Обалдевший от такого приёма курсант, притаптывая на месте, иногда с трудом подбирая русские слова, начинал повествование, прерываемое наводящими и уточняющими вопросами. Через какое-то время, нередко вполне продолжительное, несчастный получал разрешение следовать по назначению и сломя голову исчезал в темноте коридора. Следующая жертва оказывалась, например, хлебопёком. Теперь начинался разбор особенностей приготовления лепёшек где-нибудь в узбекской Наманганской области. Скоротавши таким образом ночь, дежурный старшинка был готов объявить подъём: на дворе уже алела новая заря...

Между прочим, ещё одним ночным развлечением этого старшины, помимо названного выше, было составление прикладного русско-

узбекского военно-морского словаря. Респонденты для этого «филологического исследования» отбирались точно таким же способом.

Кто знает, может быть, именно этими ночными диалогами и подрывалось монолитное единство многонационального советского народа? А донесённое с таким трудом до писсуара и стало последней каплей, переполнившей сложную чашу межэтнических отношений в былой Стране Советов? Может, именно оно и поспособствовало росту национального самосознания окраин с последующим скверным отношением к русскому «старшему брату»? Хотя в последние годы становится всё заметнее, что бывшие матросы-тихоокеанцы или их потомки из теперь окрестных независимых южных государств вновь собрались в наших краях.

Вообще-то, к моменту нашего появления в части хребет «годовщины» в самых жёстких её проявлениях был уже сломан. Говорят, что этому немало поспособствовал секретный приказ министра обороны СССР под номером 0100, вышедший летом 1982 г. Ко времени начала моей службы на местах оставались лишь два самых старших призыва, возможно и заставшие былые «неуставные» страсти, так сказать, «носители традиций». Но и их скоро ждала гражданская жизнь. А на смену шли другие персонажи: вполне образованные и взрослые (среди нас было трое семейных), самодостаточные и вовсе не склонные, с одной стороны, к угнетению себе подобных, а с другой — безоговорочно воспринимать всякие, хоть и давно сложившиеся, но глупости.

Старшинский состав ко времени нашего появления весь был исключительно из «трёхгодичников». Мы, призванные осенью 1984-го, стали первыми «двухгодичниками», нарушив привычное мироустройство. Действительно, как теперь считать? В соответствии с давно сложившейся на флоте неформальной классификацией, различались следующие категории воинов: 1) «слон» («боец», «дух») — до полугода службы; 2) «карась» — от полугода до года; 3) «оборзелый карась» — от года по полутора; 4) «полторашник» — до двух лет; 5) «подгодок» — от двух до двух с половиной; 6) «годок» — после двух с половиной и, наконец, 7) настоящий небожитель — «дембель», он же «гражданский». А куда ж нам — двухгодичникам — деваться-то: после «слонов» сразу в «полторашники»? Или из «полторашников» прямо в «дембеля»?

Среди блюстителей привычного трёхгодичного порядка возникла целая дискуссия: а когда же нам можно отращивать усы? Но усы у взрослых дядек, никого не спрашивая, сами выросли через полгода.

Ещё через такой же срок мы вполне «вошли в силу», а через следующие полгода к нам прибавились очередные вышеобразованные коллеги, вполне готовые воспринять уже начинавшиеся складываться новые порядки. Уверен, что с этого момента некогда прочные, но порочные «обычаи» были существенно поколеблены. Думаю, что здоровая обстановка какое-то время сохранялась и после нашего ухода домой. (На строевых смотрах проверявшие офицеры из штаба флота или гарнизона удивлялись: «Что это у вас за часть такая: бо́льшая часть старшин с высшим образованием?» Тогда это было диковинкой.)

Одной из мер пресечения «неуставщины» был «примерный показ» того, что может случиться с возможным злодеем, вроде посещения дисциплинарной роты, располагавшейся здесь же, на острове. Над ней, между прочим, тогда начальствовал майор, один из наших недавних офицеров. Так что командованию части договориться с ним об организации туда профилактической «экскурсии» для кадрового состава было несложно.

Рота производила сильное впечатление, особенно её плац, не асфальтированный, как у нас и прочих, а выложенный неровным булыжником. Все перемещения здесь производились только строевым шагом или бегом. Ротное расположение от обычного отличалось, по-моему, лишь тем, что окна были зарешечены. Тюрьма ведь, хоть и военная! Туда определяли на срок не более трёх лет, за бо́льшие провинности отправляли уже в обычные зоны. При этом судимостью нахождение в роте не считалось, но нужно было дополнительно отслужить в частях проведённый здесь срок. Хотя говорили, что командиры предпочитали вернувшихся оттуда отправлять на дембель с ближайшей оказией.

Рассказывали, что день здесь строится так: восемь часов работы (в карьере на дроблении камня или прочих), восемь часов изучения уставов и строевые занятия, остальное сон и личные потребности. Подъём на час раньше, чем в обычных частях. На ночь жилое помещение закрывалось на замок.

Но это с чужих слов. А лично я с дээровцами впервые столкнулся во время «слоновьей» молодости. Как-то перекуривали после занятий, ожидая обед. Вдруг открываются ворота части, и в них заходит диковинное подразделение, раньше такого не видел: в одном строю идут люди, одетые и в чёрные, и в защитные солдатские шинели без ремней, но под ними у всех матросское рабочее платье. Да как идут! Задирая ноги чуть не по пояс, а центральная дорога, между прочим, тянется хоть и не на шибко крутой, но всё же на

подъём. Мы так и на смотрах не ходили! Спрашиваем старослужащих, кто такие, отвечают, что «воспитанники» дисциплинарной роты. Похоже, что их отправляли работать на склады морской инженерной службы, расположенные неподалёку от нашей части, а сейчас вели для кормёжки на наш камбуз.

Второй пример — посещение открытых военных судов. Присутствовал на таковом, проходившем в школе оружия, части учебного отряда, располагавшейся в другой стороне острова, довольно далеко от нас. Судили двух верзил, мордовавших «молодого». Дали им лет по пять, и вовсе не дисциплинарной роты, а самой настоящей «зоны». Это зрелище нас тогда сильно впечатлило, а запомнилось потому, что жертвой этих бандитов, пустивших при оглашении приговора слезу, оказался мой однокашник по «слоновьей» смене, покинувший нашу часть весной 1985-го.

Время от времени на общих построениях части на плацу в воспитательных целях зачитывали приказы по флоту о правонарушениях и последовавших за ними наказаниях.

На «гражданке» до и после срочной часто слышал от бывших служивых рассказы о плохом питании в смысле разнообразия, количества и качества харчей, о том, что толком не давали поесть, быстро поднимая из-за столов, и прочем. А вот у нас «приём пищи» был сродни священному обряду.

На «камбузе», как именовалась матросская столовая, за каждой ротой закреплялась группа покрытых светлым пластиком столов, рассчитанных на десять человек. С обеих сторон стояли массивные деревянные лавки. Отдельные столы занимала кадровая команда. В центре камбуза стоял столик с горкой дополнительного хлеба. Одно время там же имелся выделенный стол, за которым персонально обедал текущий именинник.

На приём пищи воинов вёл ротный старшина, в нашем случае срочнослужащий в звании главного. Почему-то все они были, как на подбор, невысокого роста, что придавало походу некоторую комичность: «коробкой», в первых рядах коей скапливалась достаточно высокорослая публика, руководил один из наиболее мелких, но шумных персонажей, зато украшенный погончиками с самой широкой «соплёй». Он занимал отдельный стандартный стол, рядом с ним садились два-три старослужащих. Остальная публика размещалась обычно из такого расчёта: восемь молодых, старшина и один опытный матрос.

Специально выделенный «слон» устанавливал на стол так называемые «лагуны» — что-то вроде толстостенной конической

алюминиевой кастрюли с двумя ручками, но без крышки. На завтрак выдавался один лагун, заполненный кашей, на обед два — с первым и вторым, на ужин — один с кашей, макаронами или картошкой с мясом. Чай или компот разливались в эмалированные кружки из одного большого чайника, объёмом литра три-четыре. Хлеба полагалось много.

В особо отведённом месте — «хлеборезке», окно которой как раз располагалось рядом с нашим старшинским столом, буханку «разделывали» следующим образом. Вручную длинным ножом её распологосовывали вдоль, а затем обе половины — поперёк на десять частей, причём так, что буханка сохраняла свою целостность: все куски были связаны между собой тонкими перемычками. Окончательно их разделяли вручную. Перед завтраком на каждый стол выкладывались по две буханки: белая и серая, и не нынешние шестисотграммовые, а большие, весом не меньше килограмма. На обед полагались две с половиной, и на ужин — ещё две буханки. Таким образом, на каждого сидящего за общим столом приходилось на раз четыре или пять кусков хлеба. Старослужащие употребляли один-два, остальные переходили к «слонам». Так что жаловаться на недостаток хлеба у них нужды не возникало, тем более что, напомню, ещё имелся и стол с дополнительным. Выносить же его за пределы камбуза не полагалось, хотя такое случалось.

Молодняк прятал хлеб в противогазных сумках или по карманам. Следствием этого было то, что их во время хранения в ротной баталерке прогрызали крысы. Этих тварей привлекал аромат оставшихся крошек. Поэтому отловленный с незаконно «зашхеренным» хлебом «слон» подвергался принародному наказанию, чаще всего в виде выполнения знаменитой команды «Делай — раз!»

Напомню её суть. Это — элемент строевой подготовки «шаг по разделению», заключавшийся в том, что боец должен был неподвижно держать на весу поднятую ногу с оттянутым носком и отведённые, как при ходьбе, руки, словно на стоп-кадре только-только появившихся тогда кассетных аналоговых видеомагнитофонов. Это, кстати сказать, тоже было одним из самых распространённых наказаний, которому в особо тяжких случаях могло подвергнуться всё отделение. Надо думать, что после применения такового группового насилия личный состав имел полное право доходчиво объяснить своему товарищу всю его неправоту. Но тут снова встаёт вопрос: а как его рассматривать в уставно-неуставном ключе?

Кормили, на мой взгляд, весьма неплохо. Особенно нашим поварам («кокам») из срочнослужащих удавалась гороховая каша

с мясом, разваренная до состояния пюре, а также картошка с мясом и соусом. Каши любил всегда, а после службы стал это делать ещё осознаннее. Питание помогало разнообразить имевшееся при части подобное хозяйство: свинарник и огород. Свинину местного производства употребляли все без разбора. Возникшими позже вопросами религиозных, так сказать, «межконфессиональных», предпочтений тогда в Стране Советов ещё никто не заморачивался.

Итак, старшина роты разместился за своим столом. Звучит команда: «Рота, сесть! Начать приём пищи!» Старшина, запустив в лагун черпак и вылив его содержимое обратно, мог отпустить незатейливую шутку вроде: «Щи — хоть (снова следовало наименование одной из частей тела) полощи», хотя, как правило, жаловаться на их качество не приходилось. Начиналось священнодействие. Спустя какое-то время старшина, не спеша, обходил столы, убеждаясь, что всеобщее жевание успешно завершено. После этого следовало: «Рота, встать! На выход шагом марш!»

Но так благостно стало не сразу. Во времена моей «слоновьей» молодости, когда в роте верховодили ещё что-то слышавшие или успевшие чуток застать пресловутое «годовство» старшинки призыва начала восьмидесятых, случалось и такое. Чем-то недовольный ротный старшина с утомлённым жизнью выражением юного лица многократно командовал «Сесть-встать!» Перепуганные «слоны», только что попрыгавшие вверх-вниз на общей деревянной лавке на пятерых, чуть не расплескав содержимое лагунов, понимавшие, что спокойно пожрать сейчас не дадут, лихорадочно работали ложками. Недоумок, волею случая получивший власть над сотней с лишком людских душ, посидев несколько минут, отправлял роту на выход. Сам-то он уже успел откушать в ротном помещении с приятелями-годками. Тут уж ничего другого, как рассовывать куски хлеба по карманам, некоторым «слонам» и не оставалось. У нас это безобразие завершилось к лету 1985-го.

В каждой роте имелся так называемый «ложкомой», задачей которого было принести, разложить, а затем собрать и вымыть ложки, вилки и ножи, а также следить за сохранностью поставленных на столы перед завтраком голубых пластмассовых тарелок с кусковым сахаром и бруском сливочного масла.

Продолжение письма от 15 сентября 1986 г. «...Архив мой постепенно расширяется, накапливаются уже две солидные стопки фотографий. К сожалению, из магазинов исчезла фотоплёнка.

По случаю неотвратимо надвигающегося, хотя и неблизкого ДМБ устроили небольшое “социалистическое соревнование” под

девизом: “27-му сентября — двадцать семь ударных дней” (27 сентября ожидался выход приказа министра обороны СССР об увольнении в запас. — *С. Г.*).

Это у нас, вообще-то, модно: выдвигать всякие красивые лозунги, призывы, объявлять вахты и смены и т. д. А мы что, хуже? Главной целью этого “соревнования” объявили выполнение “Поэтапного плана комплексной программы подготовки к убытию домой”. Вот так и развлекаемся.

Всё это немного приукрашивает существование. Как хочется снова стать человеком, хозяином жизни, так сказать, а не военным матросом — рабом желудка. Надоел этот скотский образ жизни порядком. Хорошо, хоть есть, куда спрятаться — в родной кабинет. А то вечно как на проходном дворе: топанье, буханье, синий свет под потолком по ночам, дурацкие проверки-“прихваты” с выворачиванием тумбочек и карманов. Вот поэтому разные встряски, вроде ловли дезертиров, и столь долгожданны.

Недавно поймал себя на странной ассоциации: лента “Тихоокеанский флот” на шляпе почему-то напомнила ту, которой обматывают кладбищенские венки...

Вот такие похоронно-чемоданные настроения. Всё остальное без особых происшествий, здоровье в норме, “геройских подвигов” никаких».

1 октября 1986 г. «...Ты любишь присылать мне разные газетные вырезки, которые я с интересом читаю. Последнюю, про эстонскую эстраду, тоже. Правда, от жизни маненько поотстал, так что разбираться в этом сложно. Теперь и я могу послать тебе вырезку — долгожданный приказ министра обороны № 206. Пробил час прощанья! Домой изготовился, все свои дела завершил, заведование сдал. Сегодня отправил посылку, в ней оставшийся фотоархив, тельняшка и майки, которые купил недавно в Военторге. Практичное и тёплое бельё, будет память о службе.

Два воскресенья подряд ездил в город, отдыхал и приглядывал себе кое-чего... Посмотрел несколько “вражеских” фильмов, в основном французских. Понравился “Седьмая мишень”. Несколько необычно. Умеют, значит, французы снимать не только детективы-боевики, но и нормальные фильмы. Смотрели ли вы его?

В городе, когда садился на паром, встретил П., нашего бывшего старосту группы. Он отслужил полтора года в морской авиации, демобилизовался. Сейчас трудится в Камчатском морском пароходстве, четвёртый механик на каком-то новом хитром пароходе. Рассказал, что многие наши уже дома, работают.

В отпуске, дома. Петропавловск, декабрь 1985 г.

Едем на отдых прямо в жерло древнего вулкана Барановский.
Приморье, 25 мая 1986 г.

Приехали. Сзади — здоровенная вулканическая бомба

А это отдых на одном из островных пляжей, лето 1986 г.

В увольнение во Владик. На пароме пригородных сообщений

В музее Тихоокеанского флота.
Владивосток, июль 1986 г.

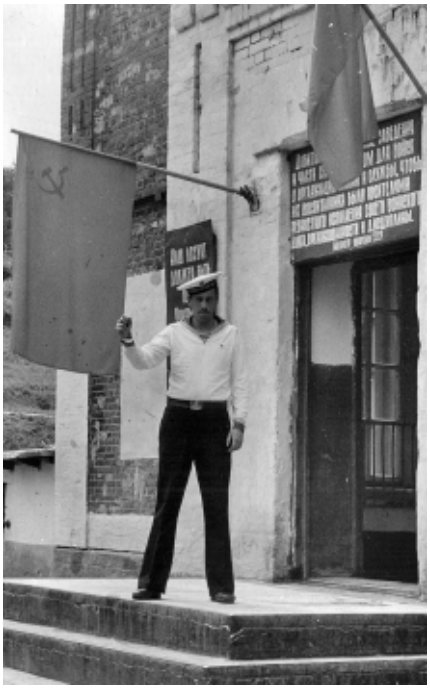
Гребём в бухту Труда на «раскулачивание» мёртвого каравана,
14 августа 1986 г.

С коллегами-инженерами: В. Сутырин (в центре), С. Дидух,
26 сентября 1986 г.

У экипажного здания, июль 1986 г. Слева — старшина 1-й статьи С. Чемезов, справа — старшина 2-й статьи Ю. Коломиец

Вход в экипаж. День ВМФ, июль 1986 г.

У ворот родной части

Парадные фотки: ноябрь 1985 г. (слева) и июль 1986 г.

ПРИКАЗ
МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР

27 сентября 1986 г. № 206 г. Москва

ОБ УВОЛЬНЕНИИ ИЗ РЯДОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В ЗАПАС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВЫСЛУЖИВШИХ УСТАНОВЛЕННЫЕ СРОКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПРИЗЫВЕ ГРАЖДАН НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ОКТЯБРЕ—ДЕКАБРЕ 1986 г.

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Уволить из рядов Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск в октябре—декабре 1986 г. военнослужащих срочной службы, выслуживших установленные сроки действительной военной службы.

2. В связи с увольнением в запас военнослужащих, указанных в пункте 1 настоящего приказа, призвать на действительную срочную военную службу в Советскую Армию, Военно-Морской Флот, пограничные и внутренние войска в октябре—декабре 1986 г. граждан мужского пола, которым по дню призыва исполняется 18 лет, не имеющих права на отсрочки от призыва на действительную военную службу, а также граждан старших призывных возрастов, потерявших право на отсрочки от призыва.

3. Приказ объявить во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях.

Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза С. СОКОЛОВ.

Приказ министра обороны СССР о долгожданной демобилизации, изданный 27 сентября 1986 г., и шарж мичмана Иванова, 26 июня 1986 г.

Форма ВБ-58

Воинский БИЛЕТ | БЕЗДЕНЕЖНО

Для проезда от Владивостока Петропавловск

на судне Ульяновск (наименование судна)

(грузопассажирское, сборное, экспрессное) линия 1

класс 4 каюта 308 №№ 2 (мест)

через промежуточные пункты

Количество едущих 1 (прописью) чел.

В том числе дети от 5 до 10 лет 0 (прописью) чел.

Страховой сбор руб. коп. получен.

Выдан по воинскому требованию

№ 383937

Отк 18а

Место для штампов комендатуры

А 875520

Дембельский билет четвёртого класса на теплоход «Мария Ульянова» до славного града Петра и Павла, октябрь 1986 г.

Домой! Посёлок Подножье, внизу — пирс пригородных морских сообщений. Следующая остановка — Владивосток, Корабельная набережная. Слева — «батька», старшина 1-й роты, главный старшина Р. Ш. Нугаев, 25 октября 1986 г.

Моя форма на разных выставках в Камчатском краевом объединённом музее, 2011, 2020 гг.

Погода у нас наладилась, солнечно. Однако наступила осень. Жары нет, а по ночам — просто холодно. Сопки жёлто-зелёные, полно ягод и грибов. Периодически ходим в лес, недавно лазили на сопку, там нашёл царскую солдатскую бляху. Чёрт её знает, сколько лет она провалялась. Почистил, посеребрил отработанным фиксажем, припаял к ней потерянную скобу. Скоро получишь её в посылке. Мест таких здесь много, давным-давно построенные укрепления до сих пор не изучены. В земле полно гротов, подземных ходов, складов. До сих пор никак не могут их обследовать. Честно говоря, непонятно, как могли их одними лопатами и кирками сделать, если при современной технике восстановить не могут. Часто находят царские пуговицы, а однажды — проржавевший заряженный револьвер. Так что этот остров — не просто заповедник для матросов, а и музей одновременно.

(На холмистом острове имелось, помимо прочих, две основных высоты — горы Русская и Главная. Первая была ближе к части, именно о ней и идёт речь. Отдалённо она напоминала нашу привычную сопку Мишенную. Наверху — заброшенный форт былой Владивостокской крепости, построенный перед русско-японской войной, а ещё выше, на самой макушке, размещалась какая-то армейская, то есть «зелёная», радиочасть. На сопку вела грунтовая дорога.)

Ты пишешь, что в Петропавловске сложности с транспортом, как обычно. Во Владике гораздо проще. Здесь много троллейбусов и трамваев, которые с рельсов не снимешь и в колхоз на работы не отправишь...

Пишешь, что молодёжная мода сейчас стала хитрая. Видел. И в городе, и на острове имеется ряд модников и модниц. Здесь от жизни мы не отстаём. Шмотки, действительно, стали интересные и причёски тоже. Вот как раз насчёт причёсок. Нас тут было взялись гонять за прямые проборы. Видите ли, замполиту не понравилось. Глупо, конечно, но вскоре это утихло. Надоело, наверное, ему народ смешить. Недавно убедился в том, что прошло очередное снижение цен — стали дешевле стоить фотоплёнка и фотобумага. Зато осведомлённые круги говорят, что опять подняли цену на водку. А ещё говорят, что в Петропавловске изобрели какое-то безалкогольное пиво. Правда ли это? За пьянку у нас уже двух мичманов попросили из Вооружённых Сил. А как с этим делом на гражданке? По рассказам очевидцев я понял, что резко взялись за пьяниц только на Дальнем Востоке. Ребята с матери-

ка говорят, что у них уж очень сильных перемен нет...» (В стране в это время шла «антиалкогольная кампания», инициатором которой считался генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв. В народе ему по этому поводу быстро придумали прозвище «минеральный секретарь». — *С. Г.*)

17 октября 1986 г. «...Директива о ДМБ пришла 15 октября. Сегодня закончил беготню с обходным листом, сдал его, строевая часть отпечатала приказ о моей демобилизации и так называемое "проходное свидетельство". Пока я сейчас перевожу эту бумагу, они лежат в красной папочке с буковками "К подписи", то есть адресованы отцу-командиру. Если он их подпишет, то в субботу получу проездные документы и в воскресенье поеду покупать билет. Вот уж на какое число я его приобрету, это вопрос...

В свете всего вышеизложенного делай вывод о том, что всяческие отправления в мой адрес совершенно нежелательны. Все свои дела я завершил, ремонт кабинета и его переоборудование тоже, дела сдал коллеге по родному КФ. Кубрик тоже готов. Так что след о себе оставил, это приятно.

В преддверии ДМБ пришёл приказ о присвоении мне очередного воинского звания "главный старшина". Но поскольку форму уже приготовил, а переделывать её было неохота, то решил остаться старшиной 1-статьи».

(Вот этот документ: «Приказ командира войсковой части 25108 № 324 от 16 октября 1986 г., город Владивосток. По строевой части. В соответствии с Положением о прохождении действительной срочной военной службы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте нижепоименованным военнослужащим присвоить очередные воинские звания "Главный старшина" — старшине 1-й статьи Гаврилову С. В. Приказ объявить всему личному составу. Врио командира в/ч 25108 капитан 2-го ранга *И. Тымченко*».

Форму подобрал абсолютно «уставную», просто выбрал её по размеру с учётом особенностей собственной фигуры. Ничего не ушивал, ничего не украшал, никаких «аксельбантов» не вешал. Правда, раздобыл ботинки-«хромачи» старого образца, не на обычной микропористой, а на кожаной подошве выпуска 1960-х гг. К осени 1986 г. они уже стали большой редкостью, а дождались меня по одной лишь причине: имели совсем неходовой сорок первый размер. Погоны на бушлате всё же пришлось перешить на главного старшину, чтобы, наученному горьким опытом, не вызывать лишних вопросов со стороны патрулей. А вот на парадной рубахе остались погончики старшины 1-й статьи. Сейчас эта форма, кстати,

даже вполне сознательно подписанная по уставу, хранится в фондах Камчатского краевого объединённого музея и иногда выставляется на всеобщее обозрение по приличествующим случаям. Сдал её туда в 2010 г., спустя десятилетия по завершении службы, с удивлением обнаружив, что в камчатских музеях нет настоящего полного советского матросского обмундирования. Дожили! И это в нашем военно-морском, да ещё и единственном в России приокеанском крае!)

Письмо далее: «Часть похожа на растревоженный улей: группами шарахаются дембеля, собирая подписи и канюча отправки, толпами "слоны", коих скоро списывают, то есть отправляют по другим частям. Одним словом, наступила у нашего воинства осень.

Только что звякнул в строевую часть: подписал командир мои бумажки, это значит, что развязка стала ещё ближе. Программа поэтапной подготовки к убытию домой, таким образом, вступила в заключительную фазу. Вчера, к примеру, залатал себе зуб. Пломба, которую ставил аж в девятом классе, месяц назад вывалилась. Видать, лошадь на обед попалась слишком старая, жилистая (шутка)...

Набитая сумка и чемодан с сувенирами лежат в баталерке, ждут своего, теперь уже недолгого часа. Завтра — последний воинский ритуал: прощание со знаменем части. А затем — гражданская жизнь, которая, говорят, сложная штука. Но к этим сложностям изготовился, было время подумать. Теперь начнём почти что заново. Основа для этого есть — работа и квартира. Живи — не хочу.

Вот, пожалуй, и всё. Приветов никому не передаю, скоро сделаю это сам. До свидания, *Сергей*».

Возможная неприятность со стороны патрулей, отмеченная выше, вовсе не фигура речи. В воскресенье, 19 октября, на пару со старшиной роты отправился в увольнение во Владик. Я — в последнее, мой товарищ и начальник — в очередное. Служить ему оставалось ещё полгода. В кассе морвокзала приобрёл, вернее, обменял на воинское требование долгожданную бумажку: «Форма ВБ-38. Воинский билет. Безденежно. Для проезда от до (синий штамп «Владивосток — Петропавловск») на судне (вписано шариковой ручкой: «Ульянова Мария») ...линии... класса IV, каюта 208, место № 2. Отход 18.00». В верхней части бланка прокомпостирована его дата: «25.X.86».

Казалось бы, всё! Но не тут-то было. На «хизмате» расслабляться и терять бдительность не следует, опасно. Приобретя билет, отправились на прогулку. И вроде бы всё у нас было в поряд-

ке: и вели себя правильно, и форму носили уставную, но не понравились встречному патрулю, вернее его начальнику, наши причёски. Попытались, было, объяснить, что вот, мол, тащ, домой через неделю. Предъявленный билет не убедил, отконвоировали нас в комендатуру. Может быть, начальник патруля выполнял спущенную ему «разнарядку» по ловле беззащитных матросиков, может быть, самоутверждался с их помощью, а может — настроение ему кто-то до нас испортил...

В комендатуре предстали перед тоже скучающим каплеем. Тот вначале пригрозил «оболванить под ноль», чего, прямо скажем, совсем не хотелось. Подумалось: это как же я предстану пред народом в своей мореходке с голой макушкой? Тогда ведь «бритоголовость» не была распространена, как сейчас. Но потом каплей «подобрел» и распорядился: отправляться нам на плац и заниматься шагистикой. «Да так, чтобы я слышал!», стало быть, шлепки мягких подошв хромовых башмаков по асфальту.

Делать нечего, пошли заниматься. Ходим по расчерченному белыми квадратиками плацу, а рядом вполне искренне за нас переживает один из местных служек — обряженный в потасканное рабочее платье матросик восточного происхождения, судя по всему, сроком службы не старше «оборзелого карася». Он с чувством произносит монолог вроде: «Во что деется! Во что деется! Главни сташина-дэмбэл, а заставляют по плац ходи!» И как знаток вопроса даёт совет: вот тут из окошка злобного каплея плац виден, а вот там — нет. Типа, можно расслабиться. Такая вот флотская солидарность.

Продолжалось это действо около часа, потом вызвали нас обратно к каплею. Тот по-отечески в последний раз пожурил и отпустил на волю. Тут уж, долго не раздумывая, ломанулись мы к своему парому, дабы больше судьбу не испытывать...

Хочу сказать несколько слов о попавшем со мной в описанный переплёт старшине роты. Он был призван на полгода раньше меня, но служил три полных и поэтому демобилизовался позже тоже на полгода. Невысокого роста, башкир по национальности, жил в замечательном южном городе Алма-Ате. Отличался здравым рассуждением, ровным характером и чувством юмора. «За глаза» и прямо в них звали мы его «батькой», естественно, в неофициальной обстановке, хотя был он моложе большинства из нас. Думаю, что такое прозвище дорогого стоит, его надо суметь заслужить. Спустя много лет узнал, что так камчатские моряки в 1950-х гг. именовали своего командующего — настоящего героя русского народа,

аса-подводника, вице-адмирала, Героя Советского Союза Григория Ивановича Щедрина. Правда, ещё более уважительно — «батя».

25 октября, после обеда, простившись со своими собратьями, погрузился с вещичками вначале на означенный выше паром, а потом с Владивостокского морского вокзала, отстоящего не так уж и далеко от вокзала пригородных сообщений, на теплоход и отбыл восвояси. В четырёхместной каюте, наглухо задраенный иллюминатор которой при качке время от времени погружался под воду, вместе со мной оказался только один попутчик.

Значительную часть пассажиров, населявших всё судно, составляли всё те же воины, кои окружали меня две последних зимы, весны, лета и осени. Детали почти четырёхсуточного пребывания на сем славном теплоходе в памяти особо не отложились, но почему-то запомнилось, что в судовом ресторане кормили великолепным борщом, таким, коего доселе никогда не пробовал. А может быть, это просто почудилось, так как вкусовые рецепторы уже были прочно притуплены длительным воздействием исключительно казённых да магазинных харчей.

Родной город Петропавловск-Камчатский возник на горизонте утром 29 октября 1986-го.

Всё! Моя воинская служба завершилась, и ушло на неё ровно два календарных года (началась 30 октября 1984-го), как и было некогда задумано вышестоящими товарищами. Впереди ждала и манила новая — теперь гражданская жизнь...

Спустя несколько лет в камчатской высшей «мореходке» встретился с двумя бывшими питомцами родной части разных поколений. Первый — художник нашего Дворца культуры, более чем почтенный человек, участник Отечественной войны, ветеран труда, ныне покойный. В разговоре с ним выяснилось, что он начал служить там аж в 1940 году! Второй — былой заместитель начальника по политической части судомеханического отделения Петропавловск-Камчатского мореходного училища, пребывавший на Русском в 1960-х, сейчас известный многим и весьма уважаемый житель нашего города.

Вот такие, более чем субъективные, получились заметки-воспоминания о моей, повторюсь, не совсем типичной, а точнее, совсем не типичной срочной воинской службе. Прошла она во вполне «курортных» условиях и была насыщена интересными событиями и встречами.

Вообще-то, вспоминая те времена, понимаю, что наша часть больше работала на самообеспечение и самоохрану и, говоря откровенно, никакой боевой ценности не представляла. Там, где гражданские вешали банальный замок, товарищи военные выставляли дежурного и трёх дневальных. Там, где гражданские применили бы элементарную картофелечистку, имевшуюся в любой столовке, славные моряки-тихоокеанцы задействовали на так называемую «разделку» чуть ли не целый взвод, сидевший на камбузе и до полуночи орудовавший кухонными ножами.

Сказать, что она готовила специалистов для флота, можно было лишь с большой натяжкой. Их доведение до минимально пригодного состояния к несению вахт при технических средствах происходило уже в частях или на кораблях, куда бывших «слонов» отправляли через полгода пребывания в нашей учебке. Но польза от неё всё-таки была. И в первую очередь, как подготовка (выражаясь научно, адаптация) молодых людей к предстоящим «тяготам и лишениям», которую проще проходить скопом, в среде себе подобных, состоящей из лиц одного срока призыва.

Кое-кто получал самую настоящую социализацию, то есть по мере возможности приучался жить в обществе, овладевая простейшими навыками, которые им почему-то не привили дома папы и мамы. Многих же призывников элементарно откармливали: как правило, за отпущенные полгода они набирали пяток, а то и больше килограммов веса. Личности, официально именовавшиеся имеющими «дефицит веса», а попросту «дефицитчиками», были и тогда не редкость, и приходили они на службу из самых разных мест. И из глубинной России, и с Кавказа, и из Средней Азии, попадались даже местные, с Дальнего Востока. Если ничего не путаю, то им полагался двойной паёк, а кормили их за отдельным столом. (Мы тогда, году в 1986-м, обыгрывая понятие «дефицитчик», именовали «дефицитом роста» одного невысокого старшинку, имевшего практически квадратное телосложение). Кстати сказать, двойной паёк полагался и воинам с ростом, если снова не ошибаюсь, выше ста девяноста пяти сантиметров.

Поэтому спустя примерно десятилетие, году в девяносто четвёртом, был потрясён, и не я один, трагедией, развернувшейся в соседней с моей бывшей частью — радиотехнической школе. Напомню, в годы нашей службы она считалась «уставной» и отличалась как раз высоким качеством кормёжки. В новые же времена там погибли от голода четыре молодых матроса, ещё несколько сотен

их сотоварищей были госпитализированы с вроде бы давно забытым диагнозом «дистрофия».

Да, за очень короткое время жизнь нашей страны, тогда вступившей в эпоху всеобщего капиталистического беспредела, преобразилась до неузнаваемости, а вместе с ней сменились и общественные нравы...

Под парусами «Седова»

В конце августа 2020 г. затеял долго откладывавшуюся разборку домашнего архива. Помимо прочего, 22-го числа на глаза попалась вырезка из газеты «Рыбак Камчатки» за 25 мая — 8 июня 2016 г. В ней содержалась статья о победителе конкурса профессионального мастерства в разделе «Лучший судомеханик», выпускнике средней «мореходки» Сергее Ивановиче Григорьеве. Здесь он, в частности, вспоминал о своём участии в учебном плавании на самом большом в мире и тогда, и сейчас четырёхмачтовом парусном барке «Седов». Случилось это в зиму с 1987 на 1988 г., и мне тоже посчастливилось принять участие в этом тогда редком и необычном рейсе в качестве руководителя практики курсантской группы.

На следующий день, то есть 23 августа, нашёл порядком подзабытое собственное письмо из Риги с описанием событий, предшествовавших этому плаванию, а числа 26-го наши средства общественного оповещения объявили о предстоящем прибытии «Седова» в Петропавловск. Этот парусник всегда ходил исключительно в западных и южных водах — в Атлантике, Северном и Средиземном морях, Индийском океане, но никогда не бывал на Дальнем Востоке и тем более на Камчатке. Вот такое произошло удивительное совпадение! Впрочем, подобные со мной случались уже не раз в ходе плотной работы над разными исследовательскими вопросами. Думаю, что это же могут сказать о себе и другие лица, занимавшиеся решением творческих задач. Наверное, в таких случаях не обходится без помощи «высшей силы», видящей искренние потуги и ведущей к их успешному разрешению.

Позже цепочка этих мистических событий продолжилась, что и подтолкнуло к написанию этого очерка.

Осенью 1987 г. стало известно, что камчатские курсанты в четвёртый раз примут участие в плавании на «Седове». Первые три состоялись в 1983, 1985 и 1986 гг. с заходами в иностранные пор-

ты. В ходе предстоявшего рейса из Риги в Севастополь вокруг Европы тоже намечалось посещение капиталистической страны, так сказать, «логова» потенциального противника. В те времена это случалось достаточно редко. В настоящей, не социалистической, «загранке» советские граждане бывали нечасто, это считалось большой удачей. В числе счастливчиков находились, как правило, различные руководители, работники внешнеторговых учреждений, дипломаты и, понятно, моряки и авиаторы, выполнявшие свои профессиональные задачи.

В ПКМУ были подготовлены четыре группы курсантов — три судоводителей и одна механиков, назначены четверо руководителей. В числе последних я оказался самым молодым, двадцатипятилетним. Стало быть, старшие товарищи оказали мне, как тогда говорили, «высокое доверие». Пресловутый «железный занавес», впервые вывешенный, кстати сказать, не нами, тогда только-только приподнимался.

18 ноября 1987 г. в Ригу через Москву на самолёте отправились сто двенадцать курсантов под руководством преподавателей В. В. Кускова, Т. А. Медведевой, С. В. Гаврилова. Общее руководство практикой возлагалось на Валерия Дмитриевича Горбикова, известного камчатского теле- и кинорежиссёра, одного из первых творческих сотрудников местного телевидения, а потом его руководителя. Его задача, среди прочих, — продолжение съёмок документального фильма о рейсах на паруснике по морям, окружавшим Европу. Это было его второе подобное плавание, первое прошло год назад, начавшись в Кронштадте. Такими рейсами совсем недавно была восстановлена прерванная много лет назад практика камчатских курсантов на парусных судах. Сейчас никого не удивляет ежегодное появление на рейде Петропавловска великолепной «Паллады», но описываемое ниже плавание тогда стало настоящим событием.

Вот моё письмо домой, в Петропавловск, от 25 ноября 1987 г.:

«Первые впечатления от пребывания в славном городе Риге. Добрались без происшествий. Была, правда, задержка в Москве из-за плохой погоды. Шёл мокрый снег и стоял туман. Пока сидели в Москве, отпустил своё “войско” в город — за многими курсантами приехали родственники. Никто не потерялся.

(В московском аэропорту приключилась первая неприятность, и весьма существенная. В автобусе забыли портфель с документами — всеми паспортами и билетами, выписанными на три группы судоводителей. Этот портфель таскал с собой курсант — сын одного

из руководителей практики. Можно представить себе то оцепенение, которое ощутил его отец, решивший, что все бумаги в одном месте хранить будет удобнее. Встал вопрос: что делать дальше? Три четверти курсантов «зависли» в промежуточном аэропорту без документов. Я же своей оставшейся четверти механиков паспорта и билеты раздал на руки ещё в Петропавловске, посчитав, что восемнадцатилетние юноши вполне смогут сберечь их сами. Но тут нам повезло. Водитель, честный советский человек, обнаруживший столь ценный портфель, сдал его куда надо. Довольно быстро тот вернулся в руки своих поначалу весьма расстроенных, а сейчас вполне счастливых хозяев. Так что вылетели без задержки.)

Сам в Москве купил страшный дефицит — зубную пасту. Как-то неудобно было ехать в Ригу с порошком. Пришлось давиться в очереди. Но, как выяснилось, в Риге её тоже толком нет.

Добрались до барка вечером, в кромешной темноте. Аэропорт расположен рядом с городом, ходит обычный рейсовый автобус за пятак. Барк красивый, белый. Помещения хорошие, кормёжка тоже. Народ доволен.

Каюта двухместная, живу вместе со стажёром-старпомом из Севастополя, он тоже "проходит практику" (в это время на верфи в польском порту Гданьске строились парусники "Мир", "Надежда" и "Паллада", та самая, сейчас хорошо известная нашим горожанам. Вот для них и готовились будущие командиры-штурмана. Позже эта усиленная подготовка стала причиной настоящего курсантского бунта. — *С. Г.*).

Обжились, и на следующий день начались парусные тренировки. Моих "орлов" тоже расписали, закрепили за четвёртой мачтой — бизанью, так как народу на судне мало. Сейчас учатся лазить по реям и мачтам. Лазят с удовольствием, что страшно, вида не подают.

Дальнейшие планы такие. Завтра (26-го) отходим от причала в Рижский залив для подготовки на ходу. Отход в рейс — 30-го или 1-го. Программа рейса несколько поменялась: в Египте побывать не придётся, теперь вместо палящего солнца пустыни Сахары и пирамиды Хеопса удовольствуемся славным городом Неаполем. По этой причине рейс намечается короче — два с половиной месяца, в начале февраля будем в Севастополе.

Сегодня обещают приезд Юрия Сенкевича для съёмок. Будут снимать, как наши парни лазят по мачтам...

(Юрий Александрович Сенкевич был очень известным в стране человеком, ведущим популярной передачи "Клуб путешественников",

старейшей на советском телевидении. Он оказался не один, а в компании польского исследователя Яцека Палкевича. Несколько лет назад тот побывал и в нашем Петропавловске. Один из выпусков "Клуба" было решено посвятить "Седову", поэтому съёмки передачи шли на его борту. В назначенное время часть курсантов в парадной форме и ваш покорный слуга разместились в гостевом салоне барка за солидными деревянными столами с латунными накладками, обитыми зелёным сукном. Всё готово к съёмке/записи. За отдельным, ярко освещённым столом — Сенкевич и его гость. Юрий Александрович начинает: "Дорогие телезрители! Мы находимся на борту барка «Седов»"... И в этот момент раздаётся нежданный звонок судового телефона, висящего рядом на переборке. Второй дубль. Снова звучат те же слова, но теперь в машинном отделении внезапно запускается довольно шумный насос. Опять остановка. Тут Сенкевич невозмутимо обращается к режиссёру: "А что это мы прерываемся? Мы ведь находимся на действующем судне". Третий дубль. Теперь ведущий, снова произнеся сказанное выше, поясняет телезрителям: "Вы можете слышать звуки механизмов и команд, отдаваемых по судну", и запись успешно продолжается. — *С. Г.*).

...В свободное время побродил по Риге. Ничего, приятный город. Побывал на органном концерте в Домском соборе. Три дня шёл мелкий противный дождик, вчера выпал снежок, стоит небольшой мороз... Что приятно удивляет, так это чистота на улицах, более-менее свободные автобусы (с этими двумя вещами в Петропавловске тогда был большой "дефицит". — *С. Г.*) и много товара в мелкой упаковке. Есть хорошие рыбные товары, попробовал экзотические консервы — съедобно...

Не обошлось без происшествий: двое моих курсантов застрадали приступами астмы. Повёз их в больницу, одному запретили выход в море. Стоило ли его тащить сюда через всю Россию? Вчера купил на 1-е число ему билет обратно...»

Так как нам пришла пора отправляться в море, возникла нужда этого курсанта где-нибудь пристроить. Отправился в близко расположенное от порта какое-то рыбацкое управление, там договорился, что его разместят на промысловом судне. Выдали соответствующую бумагу. Затем направились на борт. Судно оказалось здоровенным, так называемым «суператлантиком», гораздо больше наших привычных БАТМов. Попрощались, и я отбыл на «Седов». Многое в той жизни было проще, чем сейчас, да и выручала общая ведомственная принадлежность.

Барк «Седов» во всей красе. Шлюпочные учения, 1987 г.

Во время съёмок «Клуба путешественников». Слева направо: А. Языков, А. Кондратьев, В. Евлаш. Рига, ноябрь 1987 г.

На палубе барка во время шторма в Северном море, 24 декабря 1987 г.

Подъём на мачту во время учений в Рижском заливе,
12 декабря 1987 г.

Руководители практики на мостике «Седова» (слева направо): В. В. Кусков, В. Д. Горбиков, Т. А. Медведева, С. В. Гаврилов и член экипажа, 1988 г.

«Верным курсом идёте, товарищи!» Сзади справа — старший боцман

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ЗА ДЕКАБРЬ 1987 г.

ОЦЕНКА НЕСЕНИЯ ВАХТ

1. Белоногов	4	4	4	4
2 Горянов	5	4	4	4,33
3 Гридяев	4	4	4	4
4. Григорьев	4	4	4	4
5. Доничев	4	4	4	4
6. Евлаш	4	5	4	4,33
7. Кондратьев	4	4	4	4
8. Коновалов	5	4	4	4,33
9 Куркин	4	5	4	4,33
10 Лучко	4	5	4	4,33
11. Матвеенко	4	5	4	4,33
12 Нидчев	5	4	3	4
13 Нешатаев	5	4	3	4
14 Олейников	5	4	3	4
1 Пашин	4	4	3	3,66
2 Решетников	4	4	3	3,66
3. Рындин	4	4	3	3,66
4. Середкин	4	4	3	3,66
5 Ткаченко	4	4	4	4
6. Тупиченко	4	4	4	4
7. Туньков	4	4	4	4
8 Хачков В.	4	4	4	4
9. Хачков Д	4	4	4	4
10 Щербаков	5	4	4	4,33
11. Шилов	4	4	4	4
12 Шлычков	4	4	4	4
13 Шевченко	4	4	3	3,66
14 Языков	4	4	3	3,66
	2 чел	3 чел	4 чел	ср. оц.

ЗА ХОРОШЕЕ НЕСЕНИЕ ВАХТ ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ:

1. Горянову К.Б
2 Евлаш В.М
3. Коновалову С.В
4. Куркину Ю.В
5. Лучко Д.А.
6. Матвеенко Д.Н.
7 Щербакову Ю.Ю

ПООЩРЕНИЯ Л/С ЗА ДЕКАБРЬ 1987 г:

1. Языков 14.12.87 г хорошее состояние МОП.
2. Нидчев, Рындин - отличное состояние кафеду МОП
3. Хачков В. Хачков Д - за отличную работу в пекарне
4. Хачков Д - отличная работа в столовой
5. Горянов - отличная работа в столовой
6. Олейников - отличная работа в столовой
7. Тупиченко, Шевченко - отличная работа в посуде
8. Туньков, Лучко - отличная работа в столовой

ВЗЫСКАНИЯ Л/С ЗА ДЕКАБРЬ МЕСЯЦ:

1. Середкин - 3 наряда не сдачу от ст. помощника
2. Пашин - за плохую дисциплину и нарушение учебного процесса

ЗА ХОРОШУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СЛУЖБЫ СТАРШИНАМ ГРУПП КОНДРАТЬЕВУ А.Г, ШЛЫЧКОВУ В.А. ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

НАИЛУЧШЕЕ СОСТОЯНИЕ ОТЧЕТОВ:

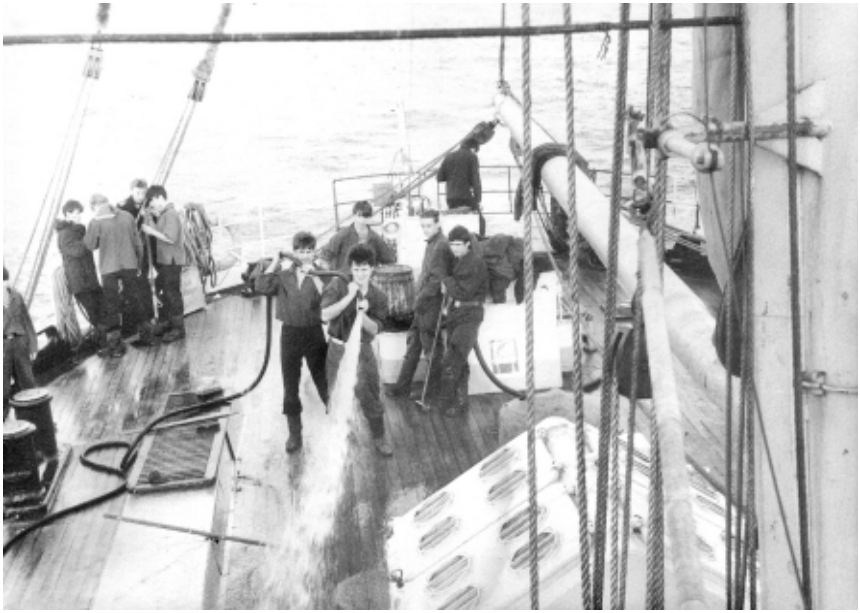
1. Григорьев
2. Коновалов
3. Куркин
4. Языков
5. Щербаков

HAPPY NEW YEAR!

- ТАК ДЕЖАТЬ!!

Доводимый приказ: Гаврилов С.В.

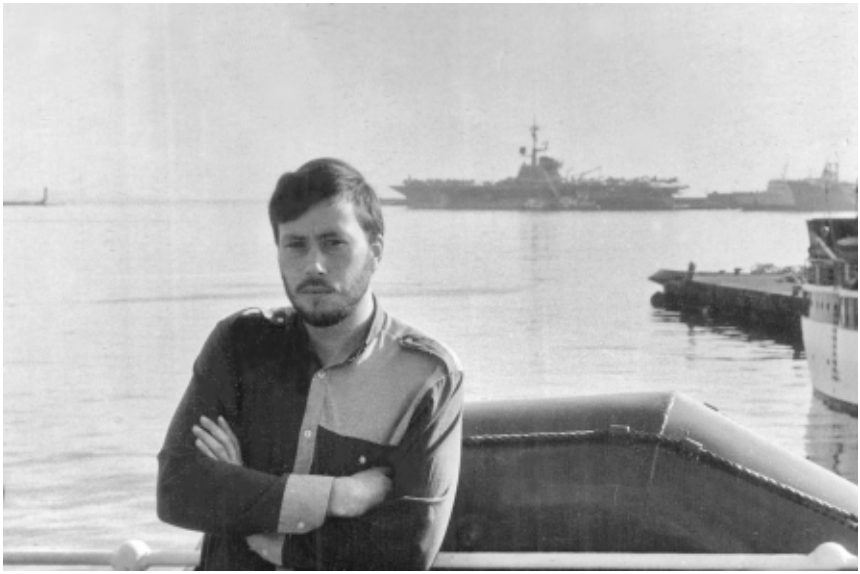
Моя «листовка»-отчёт со сведениями о несении вахт в машинном отделении и нарядов, выполнении судовых работ, декабрь 1987 г.

Идёт большая приборка

Ждём гостей. Стоянка в Неаполе, 4 января 1988 г.

На виду империалистического агрессора. Неаполь, январь 1988 г.

Наша последняя встреча. Петропавловск, 3 сентября 2020 г.
Фото Н. Н. Палубнева

Второй курсант вышел с нами в море, и вскоре возле скандинавских берегов, где штормило, было холодно и сыро, стало ему совсем плохо. Встал вопрос о непредусмотренном заходе в ближайший зарубежный порт, но до этого всё-таки дело не дошло. Вскоре сместились на юг, потеплело и его состояние наладилось...

Плавание оказалось насыщенно-разносторонним. Поскольку на судне находилось несколько экипажей-дублёров для будущих, пока только строившихся, парусников, то для их тренировки по управлению парусами часто устраивались авралы. Для этого по трансляции звучала команда: «Парусный аврал! Пошёл все наверх!», по которой население барка должно было выпрыгнуть из тёплых коек, внедриться в робы и занять расписанные места на палубе. Так случалось многократно, и днём, и ночью. И вот однажды три группы курсантов-судоводителей, которым было лет по шестнадцать-семнадцать, сделать положенное отказались — по ночной тревоге не вышли на палубу.

Вообще-то, это было нужно рассматривать как чрезвычайное происшествие, настоящий бунт на корабле! В старые времена за такие штуки зачинщиков, да и просто подвернувшихся под руку, запросто бы развешали на реях. Мои механики, закреплённые, напомню, за последней, четвёртой мачтой — бизанью, жившие в отдельном кубрике, команду выполнили. Топчемся в темноте вокруг мачты под дождичком, но более никаких приказаний не следует. Что такое? Вот тут-то мы и узнали о произошедшем.

Последовало расследование этого «судоводительского» бунта. По его итогам старшему руководителю практики был объявлен выговор, чуть ли не по партийной линии, сейчас точно не помню, досталось и другим. Сообщили ли об этом ЧП в Петропавловск, тоже не скажу. А мы — механики — вроде бы как даже оказались молодцами.

Приведу фрагмент статьи о С. И. Григорьеве, рассказывающей собственно о плавании: «...Именно тогда Сергей Иванович познакомился с морем. На паруснике находился двигатель, который запускали для прохода по узким проливам. Этот двигатель студенты-судомеханики и изучали. “Когда парусник долго шёл одним курсом, его клало на борт, было неудобно спать. Спали практически сидя.

В Северном море было холодно. Помню, пальцы замерзали до костей, когда по мачте забирались. Перчатки надевать нельзя, потому что можно было сорваться, когда лезешь без страховки. Только голыми руками, чтобы полностью чувствовать, что кисть держит.

Спускаешься и пуговицу в руки взять не можешь", — вспоминает Сергей Иванович.

Отогрелись курсанты только в Средиземном море. Потом парусник зашёл в Неаполь, и экипаж неделю провёл на итальянской земле. Когда "Седов" снова вышел в море, у Сергея Григорьева открылась сильная морская болезнь. "Только появлялась качка — мне плохо. Много было мыслей: ради чего так мучиться, зачем? Но когда болезнь отступила, эти мысли ушли", — вспоминает он».

Заход во время этого плавания, исключая конечную точку — Севастополь, был один — славный город Неаполь. Тот самый, под большой вулканической горой Везувий, в окрестностях коей расположены остатки знаменитых древних Помпеи и Геркуланума. По традиции судно в порту было открыто для посетителей, на нём побывало много доброжелательно настроенных к нашей стране итальянцев. Впрочем, когда мы их так называли, некоторые слегка обижались, с южным темпераментом заявляя: «Но, но, мы не итальянцы, мы — неаполитанцы!» В связи с этим вспомнились знаменитые неаполитанские песни и некогда бывшее отдельное Неаполитанское королевство.

Пришлось поучаствовать в этих визитах в качестве «гида». Одному «пришельцу» очень понравился мой синий академический «поплавок», и он сильно желал заполучить его в качестве сувенира. Как-то удалось объяснить, что сие невозможно, ибо знак — не украшение, а форменная принадлежность. Это его вполне устроило.

На улицах Неаполя уже тогда пребывало обилие чернокожих мелочных торговцев, хвативших прохожих буквально за рукава. У одного на его «развале» заметили несколько металлических советских юбилейных рублей. Удивились. В завязавшейся по этому поводу «беседе», не помню, с чьей помощью, выяснили, что перед нами — бывший торговый моряк, некогда посещавший СССР. «Руссия — во!» — заявил он напоследок и выставил вверх большой палец.

По городу ходили в составе ещё не изжитых «русских троек». То есть группками по несколько человек со старшим во главе, долженствующим удерживать порученных ему лиц от сомнительных поступков, могущих уронить «честь и достоинство советского моряка». Группы назначались заранее, с ними предварительно беседовал седовский помполит, то есть первый помощник капитана. По-моему, происходило это даже по специально составленному графику. Тем не менее, это не помешало нескольким курсантам, запасшимся в Петропавловске литографированными баночками с красной

икрой, попытаться обменять её в каком-то магазине. Насколько помню, этот опыт не удался — местные обитатели не могли понять, что же это такое им предлагают. Но ребята попались на глаза кому-то из командиров, состоялся неприятный разбор, впрочем, ничем страшным не окончившийся.

Прогуливаясь, нередко сталкивались с американскими военными моряками. Неаполь — база ихнего 6-го флота, неподалёку от места стоянки «Седова» даже возвышалась серая громада авианосца «Коралл Си» («Коралловое море»), заложенного, как потом выяснил, ещё во время Второй мировой войны. Относительно недавно самолёты с него варварски бомбили ливийские города Триполи и Бенгази, а теперь утомлённая такими тяжкими трудами команда отдыхала.

Рядовые американские матросы был обряжены в форму, очень похожую на нашу: чёрные брюки и ботинки, синяя рубаха и бело-синий воротник («гюйс») с тремя полосками по краям. Только в углах воротника присутствовали ещё и белые пятиконечные звёздочки, да он не пристёгивался к рубахе, а завязывался наподобие советского пионерского галстука. Правда, на головах — не бескозырки и не фуражки (итальянские военморы носили «бески», похожие на русские, с белым верхом и чёрным низом, украшенным лентой с золотистой надписью, но не имевшей свободных кончиков с якорями), а какие-то, на наш взгляд, нелепые белые панамки. Привычных полосатых тельняшек у них не имелось, взамен носились белые футболки.

Вступать во взаимоотношения с этими прислужниками мирового империализма, несмотря на уже начавшуюся «перестройку и гласность», правда только-только, не рекомендовалось, да они особо к этому и не стремились. При всей внешней форменной схожести, отличались мы габаритами: с нашей стороны — юные курсанты, многие ещё несовершеннолетние, с американской — здоровенные разноцветные мужики.

Прибытие «Седова» в Неаполь совпало с католическим Рождеством. По этому случаю через многие улицы были протянуты электрические провода с горевшими на них белыми/жёлтыми звёздами, видимо, символизировавшими легендарную вифлеемскую.

Стояла отличная погода, около плюс двадцати, а то и больше. Мы носили рубашки и лёгкие туфли, а многие неаполитанки — шубы, правда, короткие, выше колена, и сапоги. Спросили, в чём дело? Получили ответ: так зима же!

Удивило большое количество полицейских на улицах. Карабинеры были обряжены в чёрную форму, чем-то похожую на нашу морпеховскую. На беретах вместо кокарды — здоровенная горящая граната. Все имели небольшие автоматы, это тоже казалось странным, ибо пока в родном Петропавловске милиция обходилась без них. Начавшейся в нашей стране «перестройке» перерасти в перестрелку ещё только предстояло.

Неаполь — родимое гнездо каморры, то есть местной мафии. На узких улицах зевать не рекомендовалось, здешние умельцы могли запросто обокрасть среди бела дня. Это была ещё одна доселе неведомая нам «гримаса капитализма». Что и случилось с одним из наших расслабившимся руководителей, с плеча которого сдёрнули сумку с вложенным в неё чужим фотоаппаратом. Кража совершилась с «использованием технического средства», а проще — персонажем, обретавшимся на заднем сидении юркого мопеда, тут же исчезнувшего в переулке.

Во время первого выхода в город пригодился мой детский интерес к истории. Уже в сумерках во дворе одного из солидных зданий заметили две чем-то знакомые конные статуи. Вспомнив давным-давно прочитанную в замечательном сборнике-ежегоднике «Хочу всё знать» статью про скульптора Клодта, заявил, что это — варианты его знаменитых коней, что на Аничковом мосту в Ленинграде. Их в своё время император Николай I подарил неаполитанскому «коллеге». Народ не поверил, решили на следующий день посмотреть ещё раз. Так и оказалось: на постаменте одного памятника разобрали написанное то ли по-итальянски, то ли по-латыни слово «Nicolas».

Этот случай, а равно и ещё один, тоже связанный с Италией, поднял мой авторитет в глазах определённой части комсостава. Проходили Мессинский пролив, в районе одноимённого порта рассказал ещё одну вычитанную по случаю историю, как русские моряки знаменитого крейсера «Аврора» в декабре 1908 г. первыми пришли на помощь местному населению, сильно пострадавшему от катастрофического землетрясения.

Уточнившись в деталях, даже зачитали соответствующую справку по судовой трансляции.

Надо отметить, что плавание и сопутствующие ему перелёты оказались для меня довольно сложными и тревожными. При отсутствии достаточного педагогического и организационного опыта, но наличии юного задора, потратил много сил на поддержание порядка, организацию вахт, дежурств, наблюдение за их ходом, нужные

и совершенно излишние переживания. Одновременно проводил занятия, для которых на барке имелись специально оборудованные классы, в том числе механический, где были представлены образцы судовой техники. В результате в один из дней почувствовал себя как-то не так, как обычно. Обратился к судовому медику, тот уложил меня на койку в лазарете и подключил компактный кардиограф. Потом, изучив запись, заявил, что видит признаки аритмии, дал освобождение на сутки. После этого я бросил курить в очередной раз. Вроде бы обошлось, но аритмия о себе нет-нет, да иногда напоминает.

Теперь продолжу про цепь совпадений. Когда стало известно о предстоящем заходе «Седова» в Петропавловск, позвонил один из участников того плавания, мой бывший курсант, предложил встретиться по этому поводу, сказал, что свяжется со своими товарищами. По такому случаю я извлёк из домашнего архива особую папочку, в которую давным-давно сложил на память разные бумажки о жизни на «Седове».

Среди них — дневник практики, её программа, списки курсантов с их автографами по случаю денежных расчётов, графики их перемещения по вахтам, свои распоряжения, прочее, в числе коего даже обнаружился билет в Неаполитанский музей, куда нас в своё время совершенно задарма водили в знак укрепления советско-итальянской дружбы. Решил всё это показать при встрече.

«Седов» пришёл 1 сентября 2020 г. Отправившись пешочком по делам в центр города, совершенно случайно в районе реконструируемого «Спартака» столкнулся с Татьяной Александровной Медведевой, преподавателем математики, коллегой по руководству той памятной практикой. До этого мы не пересекались несколько лет. А ведь всего каких-нибудь десять-пятнадцать минут, и наши пути могли бы разойтись!

О приходе барка она не знала, поэтому тоже удивилась такому совпадению. Из разговора узнал, что скончался ещё один из наших коллег-руководителей практики — В. В. Кусков. В. Д. Горбиков умер уже много лет назад — в 2008 г.

2 сентября побывал у морвокзала, где поставили барк. У входа в здание встретил коллегу по университету, совсем недавно завершившего на нём свой рейс с группой наших «мореходов». Они участвовали в большой парусной регате по случаю двухсотлетия открытия русскими моряками Антарктиды и семидесятипятилетия Победы в Великой Отечественной войне. По более чем под-

ходящему случаю коллега был в синем форменном свитере с погонами и надписью «Sedov» на груди.

Пробрался через разнообразные «кордоны», был просвечен, правда, не сам, а только рюкзак, пропущен через рамку металлоискателя, но до судна таки добрался. На борт подниматься не стал, вместо этого пообщался с курсантами, несшими вахту у трапа, и членами экипажа. Нашлось, что обсудить даже по части преподавательской методики.

На следующий день, то есть 3 сентября, торжественно отмечалось семидесятипятилетие окончания Второй мировой войны. Так сейчас «толерантно» именуют великое событие, нашими дедами ясно и недвусмысленно названное «Победой над милитаристской Японией», к которой и Камчатка, и наш Петропавловск имеют самое прямое отношение. Отсюда уходил Курильский десант, поставивший точку в этой войне. Как раз в этот день открывали мраморные доски с именами павших десантников, расположенные в сквере Свободы, рядом с памятником курильчанам. Здесь была и группа курсантов с «Седова».

И последнее совпадение. Позже, отправившись на городской пляж, пересёкся здесь с ректором калининградской высшей «мореходки», которой ныне барк и принадлежит. Он сам побывал на нём курсантом-практикантом много-много лет назад. В разговоре прояснил у «первоисточника» отдельные детали недавней модернизации этого легендарного парусника, о которой услышал некоторое время тому назад. Напоследок запечатлелся на фоне расцвеченного флагами барка, стоявшего на рейде и готовившегося к переходу по великому Северному морскому пути. В этот же день он ушёл.

А встреча с моими былыми курсантами-механиками не состоялась: почему-то они не собрались. Возможно, их отпугнули невиданные меры предосторожности, предпринятые нашими властями по случаю пресловутой «пандемии коронавируса».

На память о том плавании остался у меня значок с профилем судна, идущего под всеми парусами, фотографии с судовыми штампами, стопка цветных фотослайдов. Есть ещё медная пластинка с отчеканенной надписью «Шкот КрБрСтС», что означает место крепления верёвочного конца, управляющего парусом под затейливым названием «Крюйс-брам-стеньга-стаксель».

Каюсь, незаметно отодрал её от деревянной палубы. Сейчас эти значок и пластинка, приклеенные к стеклу, прикрывающему фотографию барка, висят на стене домашнего кабинета.

Записки бюджетника, или Эпистолярная повесть о голоде и холоде, а также о первых творческих потугах

Изложенное ниже — подборка писем, отправленных из Петропавловска на астраханский адрес мамы. Здесь без ненужных непосвящённым личных подробностей рассказано об отдельных эпизодах жизни нашего семейства, и не только. Письма охватывают время от второй половины 1994 г. до завершения 2004 г., то есть более чем десятилетие. К сожалению, не сохранились более ранние, конца 1980-х и самого начала 1990-х гг. Тогда в нашей стране и на Камчатке происходили драматические события. Они были связаны со сломом привычной советской обстановки и погружением в неведомую «демократическую» да в придачу ещё и «рыночную стихию», долженствующую, по мнению наших тогдашних правителей, «всё отрегулировать». Отчасти это упущение мне удалось исправить в недавно вышедшей книге «Представительная власть Камчатки (1977—1993 гг.)», и на сей раз вовсе не по личным запискам, а по подлинным архивным документам.

Помимо семейных новостей, в письмах излагаются некоторые наиболее примечательные или просто ставшие мне известными события, происходившие в нашем городе и за его пределами. Кое-где имеются и толкования, сделанные, что называется, «по горячим следам», возможно, что не вполне объективные. При подготовке к печати исходный текст «причёсан» в самой малости для удобства чтения, местами в него включены необходимые, на взгляд автора, поздние пояснения. Вполне может быть, что тогда он что-то напутал или просто не понял смысла происходившего. Наверное, кое-где даже и приврал, но делал это исключительно ради «красного словца», то есть образности изложения. Что делать, молодой был, глупый... Сейчас, правда, тоже глупый, но уже немолодой.

Насколько мне известно, доселе такой «эпистолярный» опыт в наших краях ещё не предпринимался. Напомню, что тогда, впрочем, как и сейчас, я трудился, выражаясь высокопарно, «на ниве морского и рыбохозяйственного образования», то есть, попросту, в камчатской «высшей мореходке».

18 августа 1994 г. ...Отпуска летом не вышло — начальник попросил «немного порулить», а это «немного» уже скоро подойдёт к полугоду. Сейчас на кафедре остался один, доделываю всякие

бумаги и занимаюсь компьютером. Через две недели — новый учебный год, так что особенно расслабиться не пришлось.

Лето у нас получилось более-менее. Сегодня небольшой дождик. Народ даже вздохнул с облегчением, а то порядком надоели одновременные жарища и пылища. Картошки насадили три сотки, два раза обработали, через месяц надо будет убирать. Посмотрим, какой выйдет урожай. С виду кусты пожиже, чем в прошлом году. Грибов навалом, ведра четыре засушили и неплохо полакомились свеженькими. Ягоды запасли достаточно, пока только жимолость. Осталась и прошлогодняя, поэтому закончились все банки с завинчивающимися крышками.

Местные фирмы заключили договор с американскими и новозеландскими о поставке фруктов. Сейчас на всех углах продают красивые яблоки, как с картинки. Начался массовый помидорно-огурцовый сезон, цены на огурцы съехали с семи до двух с половиной тыщ рублей за кило (цены до деноминации 1998 г. — *С. Г.*). Мясо и мясопродукты в достатке, любого вида и качества. Излюбленное лакомство бывших советских граждан — куриные конечности — по две восемьсот — три двести, в зависимости от места и времени приобретения. А вот хлеб стал довольно паршивым. Говорят, в городе осталась только мука второго сорта. Булка чёрного стоит семьсот тридцать, белого — более восьмисот пятидесяти рублей.

Новая квартплата ожидается с 1 августа, пока никакого перерасчёта нет. Ориентировочно наше жилище будет обходиться в пятьдесят — шестьдесят тысяч рублей.

Киловатт электроэнергии стоит сейчас восемьдесят рублёв, наверное, к зиме дойдёт до двухсот. А главное — полной уверенности в том, что эти самые киловатты будут, пока нет, хотя завоз топлива вроде бы идёт. Похоже, что местные вожди решили снабжаться им из США, благо штат Аляска будет к нам поближе, чем Россия-матушка.

Произошли некоторые перемены в городском облике — появилось несколько шикарных контор. Правда, они перестроены из уже имевшихся зданий. Но вот недавно завершили новый высотный дом-монолитку в шестнадцать этажей на Ленинградской. Он построен по современным стандартам и производит впечатление. Говорят, что особо сейсмоустойчивый...

Дошли слухи, что в Дагестане началась эпидемия холеры. Какие меры принимают по этому поводу в Астрахани? Это же совсем рядом. В детстве, по-моему, в начале 1970-х, что-то подобное уже

случалось. Помнится, что даже в моей бывшей 15-й школе устраивали карантинный госпиталь.

С каждым летним месяцем в городе становится больше и больше интуристов, в основном японцев. Причём прибывают они на своих судах и самолётах. В аэропорту затеяли строительство международного терминала...

23 октября 1994 г. ...Осень в этом году выдалась хоть куда. В городе ещё ни разу не случилось заморозков, средняя температура держится ночью плюс пять-семь, днём — плюс десять-двенадцать, иногда доходит до шестнадцати. Такого давненько не случалось. Даже наши знаменитые дожди и то себя особенно не проявляют: стали, как на материке, идут коротко, обильно и быстро завершаются. На лужах стали появляться пузыри, чего раньше тоже не наблюдалось.

Трава уже пожухла, листья с деревьев осыпались, но грибы ещё попадаются. В этом году вышел хороший урожай копринусов (деликатесный гриб, который многие принимают за поганку. О его замечательных вкусовых свойства во время одного из отпусков мне поведала сестра Лариса, биолог по образованию. — *С. Г.*). Возле родника, который на Мишенке, недалеко от нас, есть целая «плантация». В этом месте их собираю уже лет пять.

Недавно ездил в совхоз «Корякский» — запасти капусту, морковь и свёклу. Училище предоставило ему шефскую помощь, а он нам уценил капусту до трёхсот, корнеплоды — до пятисот рублей. Это примерно вчетверо ниже, чем в магазинах. Между прочим, килограмм картошки сейчас стоит тысячу — тысячу сто рублей. Привозной ташкентский лук вообще идёт по сумасшедшей цене — по шесть тысяч и более. Цены заметно выросли в связи с теми чудесами, которые наблюдались две недели назад, я имею в виду скачок курса долл*а*ра. В местных фирменных магазинах ценники с рублями исчезли, их заменили валютными. Впрочем, цены в последнее время потихоньку начали снижаться.

В прошлую субботу был День города с соответствующими действами. В центре гуляли чуть не всю ночь, палили фейерверки. Правда, из «великих» артистов, по-моему, никто не приезжал.

Страсти о недавнем землетрясении на Курилах уже улеглись (оно произошло 4 октября, сопровождалось цунами и большими жертвами. — *С. Г.*). Многим всё равно, так как понимают — случись что-то подобное, никто не поможет. Кстати сказать, ожидаемая встряска, возможно, будет зимой. Уже давно определили связь между извержением местных вулканов и землетрясениями

в округе ста двадцати километров от Петропавловска — примерно в пять-шесть месяцев. Последним извергался Ключевской. Времени для проверки подобной статистики остаётся уже немного.

Отопление у нас в порядке. В детском саду тоже тепло, там сделали обещанный в прошлом году ремонт. Зима не за горами, посмотрим, как будут топить.

Ягоды в этом году накосили достаточно, грибов тоже, вот уже второй год их сушим, маринованием и солением не занимаемся. Капусту ещё не квасили, приступим после начала заморозков. Часть оставим свежей, её хватает примерно до апреля при хранении в погребе. Так что к зиме приготовились.

На работе сейчас начали переоборудование лабораторий. Приобрели для них новое оборудование, чтобы детей (так у нас «исторически сложилось» именовать всех учащихся, то есть курсантов-дневников и студентов-заочников, без разбора их возраста. Это название преподаватели-старожилы используют и поныне. — *С. Г.*). Дети резко упали в своём количестве, но, похоже, улучшились в качестве. В этом году к выпуску намечены тридцать восемь человек, на деле дойдёт до него, скорее всего, меньше. Заключили договор с акционерным обществом «УТРФ», оно нам слегка помогает с оборудованием...

12 декабря 1994 г. ...Вчера принесли твоё письмо. Дошло до Елизово за три дня, а оттуда до нас добиралось ещё неделю. На прошлой неделе выпал снег сантиметров в пятнадцать, таять не стал, значит, осень закончилась и наступила «макушка года» — зима. Температура ночью — до минус восьми, днём — ближе к нулю, то есть обстановка обычная. Пока ещё сильно не дуло, это характерно для второй половины зимы.

С отоплением дело обстоит не очень. Не то, чтобы уж совсем замерзаем, но хотелось бы лучшего. В среднем держится восемнадцать градусов. Дело в том, что постоянно возникают всякие повреждения на нашей местной теплотрассе, для устранения которых днём воду сливают, а то, что пытаются накочегарить ночью, уходит на подогрев окружающей среды. Не помню, писал или нет, года два назад передали нас из ведения управления жилкомхоза Камчатрыбпрома в РЭУ-5 (это в здании гастронома на КП, вход с заднего крыльца). Порядка стало больше — появился дворник. В прошлом году поставили дверь на подвал, там навели порядок, выгребли весь мусор. А в сентябре этого года случилось невероятное — сделали хорошую дверь в подъезд. Так что теперь в квартирную дверь не дует, а кисы и собачки с улицы гадить в подъезд

не заходят, хотя доселе это они делали свободно. Тут вспоминается старинная пословица-поговорка: «Хорошо быть кисою, хорошо — собакою: где хочу — пописаю, где хочу — покакаю». Если наладится дело с отоплением, то можно будет считать, что повышенная квартплата оправдывается.

В этом году, похоже, нехватка топлива нас обошла. Последние годы она была главной бытовой сложностью. А сейчас вроде ничего, по-моему, сообразили, что мазут с Аляски привезти несколько проще, чем с материка.

Цены продолжают расти. Масло растительное — от восьми с половиной до десяти тыщ, мясо в магазине — выше шести, варёная колбаса — от тринадцати, копчёная — от восемнадцати, хлеб — примерно два, лук — до шести, яблоки — пять с половиной — семь, груши — шесть шестьсот. Рыба: минтай, навага, камбала — тысячу двести, молоки лососёвые — тыща, красная мороженая — от двух с половиной, самые паршивые балыки — четыре — четыре с половины, приличные — до двенадцати. Вот такие пироги.

На работе порядок, сейчас тружусь на ставку с четвертью доцента и полставки инженера первой категории, забот хватает. Эти совмещения были разрешены с прошлого года, а то коллеги начали, было, активно покидать высшую школу ввиду мизерности зарплат. Сейчас оклад старшего преподавателя (тринадцатый разряд) — сто восемнадцать, доцента без степени (четырнадцатый разряд) — сто тридцати три с половиной тысячи рублей. К Новому году обещают прибавку.

В январе исполнится год избрания по конкурсу на должность доцента, теперь нужно представляться к оному же учёному званию. Начал готовиться к этому, за лето-осень составил два методических сборника, сейчас пишу учебное пособие и программы для компьютера по своей дисциплине. Это дело движется успешно, надеюсь в течение 1995 года учёное звание обрести...

28 января 1995 г. ...Прошла половина зимы. Сразу после Крещения морозы отпустили, сейчас хорошо, солнечно, примерно минус четыре. Несколько дней до этого хмурилось, потеплело до нуля. Думали, случится приличная пурга, но прошла мимо. Снегопадов пока было всего два, намело не очень много. Впрочем, впереди февраль и март.

Дома тепло, горячая вода идёт без перебоев уже довольно долго. Это крайне подозрительно...

На работе без потрясений. На прошлой неделе кафедра переехала в новое помещение, сейчас разворачиваем оргтехнику.

Ты удивляешься, как это училище «начало отсчёт с 1942 г.?» Дело в том, что ПКВМУ сложилось на основе ПКВИМУ и ПКМУ, то есть является правопреемником обоих. Поэтому считается, что училище основано в 1942 г., в год появления морского рыбопромышленного техникума ещё Наркомрыбпрома СССР, который потом был преобразован в ПКМУ. А современный политехникум, бывший рыбный, это другой, возникший лишь в 1959 г. В нашем училище в главном корпусе имеется хороший музей истории рыбной промышленности Камчатки. После развала Камчатрыбпрома, где был такой в Доме культуры рыбаков, часть его материалов перешла училищному...

Цены растут по-прежнему. Молоко вот уже с неделю три шестьсот, с 1 февраля, наверное, опять прибавится, потому как повышать цену именно 1-го числа каждого месяца — это теперь наша недобрая традиция.

Отзвуки японского землетрясения (случилось 17 января 1995 г., стало одним из самых разрушительных, унеся жизни почти шести с половиной тысяч человек. — *С. Г.*) особых страхов не вызвали: наши светила по этой части говорят, что в течение трёх месяцев ничего подобного у нас быть не должно. Больше народ волнуют чеченские события. В местных частях уже набирали бойцов на войну. Прошло несколько митингов. Да, ещё наш госдумовский депутат побывал в Чечне. Он несколько раз выступал по телевидению, рассказывая нечто совсем непохожее на то, что нам «втирают» во всех «средствах массовой информации». Говорят, что все местные чечены уехали восвояси и, наверное, вовсе не приветствовать освободителей...

Перерасчёт квартплаты пока не делали, но вскорости обещают её повышение. По слухам, к 1998 г. на плечи квартиросъёмщиков будут переложены все затраты по эксплуатации жилья. Наверное, это направление прослеживается и у вас тоже...

6 сентября 1995 г. ...Не знаю, что происходит с нашей почтовой связью. Сегодня принесли твою телеграмму, из неё поняли, что ни одного из трёх подряд посланных писем ты не получила... Обратил внимание, что ваши отправления идут с наклеенными марками. А мы последние письма отправляли в новых конвертах — с напечатанной маркой «А». Уж ни в этом ли дело? Но ведь на почте их берут и говорят, что всё в порядке. Теперь буду писать короткие сообщения в бланке переводов. Эти-то хоть доходят? Вот пошла житуха — мало того, что никак не выберешься, так ещё и писем-то не получишь...

Обстановка у нас такая. Лета в этом году, по сути, не случилось. В начале июня и в конце августа имелись два просвета: в июне температура поднималась аж до двадцати шести, но очень ненадолго. Остальное время — туман, дожди и не выше шестнадцати. Ждали июля и августа — но погоды так не было. За шесть прошедших дней сентября — четыре туманных и дождливых. Урожай ягод и грибов плохой, видимо, сказываются сырость и прохлада. Картошку в этом году сажать не стали, что-то лень замучила, как-нибудь переживём. А вот капустой надо будет запастись, в прошлом году заготовили примерно сотню кило.

Ребёнок растёт, в детский сад ходит исправно, там нравится. Поступили в музыкальную школу на подготовительное отделение. Школа расположена в центре, радом с Домом радио. С инструментом пока не определились. Я помню, как меня в своё время не приняли в астраханскую музыкальную школу. На прослушивании горланил «Песню про Щорса»: «Чьи, вы, хлопцы, будете? Кто вас в бой ведёт?/ Кто под красным знаменем раненый идёт?/ Мы сыны батрацкие, мы за новый мир/ Щорс под красным знаменем, красный командир...» Видать, «исполнение» не понравилось. Тогда ведь обучение в музыкалке было делом достаточно престижным, а сейчас предпочтения несколько сместились. С учётом же снижения детского народонаселения с поступлением особых сложностей нет.

В городе постепенно закрываются детские сады, в оставшихся группах — по десятку ребятишек. Правда, с одной стороны, это и хорошо, так как от воспитателей отдачи больше. Надо сказать, что в садиках трудятся большие энтузиасты. Мы в своей «высшей школе» — голь перекатная, а уж про них-то и говорить нечего.

На кафедре остались пятеро преподавателей вместо одиннадцати, поэтому забот хватает. Так по-дурацки выстроен учебный план, который к тому же всё время изменяется, что третий год не могу уйти в отпуск. В этом году защита дипломов прошла 12 августа, а с 1 сентября снова начались занятия на шестом курсе...

Иногда заглядывает М. (соседка. — *С. Г.*), сообщает о всяких хозяйственно-бытовых новостях: почему нет горячей воды да зачем отключили свет. Видно, что скучает по ласковому слову, один сын год как уехал в Москву, второй — всё время в делах. Да, вот по поводу быта. Внезапно в подъезде начался ремонт, побелили потолок, стенки зашпаклевали, но ещё не красили.

Горячей воды нет с начала лета (дом был оборудован так называемой «двухтрубкой», то есть разбором воды из отопительной

системы. — *С. Г.*), когда дадут — одному Ему и известно. А насчёт Него новость такая — бывший кинотеатр «Родина», что на подъёме на Четвёртый, передали епархии под собор. Там сейчас располагается епархиальное управление, его перестраивают в церковь. На крыше водрузили здоровенный крест, уже идут службы.

2 сентября торжествовали по случаю пятидесятилетия победы над Японией. По набережной Култучного озера проложили аллею, а на Дачной возвели мемориал. Напротив «Петропавловска», там, где стояли склады, ещё в 1990-м разбит фонтанный комплекс, а через дорогу — вот этот самый мемориал, памятник и доски с именами всех убиенных Камчатской области за 1941—1945 гг. Вечером был неплохой салют...

Ничего не вкладываю, ни рисунков, ни записок, а то кто-нибудь решит, что мы тут долл*а*ры друг другу пересылаем, и письмо точно не дойдёт...

28 сентября 1995 г. ...Надеемся, что двусторонняя связь наконец-то восстановилась. Я, по-моему, уже отмечал странную сезонность этого явления — ведь это происходит уже в третий раз. Наверное, летом почту к нам возят на собаках.

У нас жизнь так себе (в материально-хозяйственном плане). Снова начались задержки зарплаты. За последний год платили более-менее регулярно, даже давали авансы, чего раньше не было. Мы к этому делу попривыкли, расслабились — угробили все денежки на бытовые нужды, в том числе и небольшой ремонт, и в итоге попали в разряд неплатёжеспособных. Поэтому переводов не высылал. Сегодня начался третий месяц задержки, правда, обещали расплатиться в следующий понедельник.

Цены, тем не менее, благополучно продолжают расти, правда, скорость прироста несколько снизилась. С товарами и продуктами сложностей нет, кажется, что любого добра достаточно, однако это лишь на первый взгляд. Несмотря на кажущееся изобилие, выбор чего-то конкретного весьма осложнён. Есть всё, кроме того, что нужно. А то, что нужно, обычно стоит суммы, зачастую с нашими скромными доходами не сравнимыми.

На работе дела идут нормально. Вчера издали приказ о зачислении на полставки инженера на родную кафедру, это делается ежегодно, потом, в конце учебного года, увольняют, практикуется уже третий год. В позапрошлом году «построил» лабораторию технологии использования воды, топлива и смазки в корпусе бывшей средней мореходки, в том кабинете, которым заведовал ещё в ПКМУ (над сберкассой на КП); в прошлом — зал курсового

проектирования; в этом — снова любимую лабораторию воды, топлива и смазки, но на сей раз на другом месте — в нашем третьем корпусе. Из бывшего УК-1, что на КП, нас выселили, и хорошо. Честно говоря, там было достаточно неудобно.

Ты спрашиваешь про «судовые котлы, разве это сейчас актуально»? На любом транспортном, а тем более промысловом, и ещё тем более на обрабатывающем судне имеется вспомогательная котельная установка для обеспечения паром технологических, бытовых и энергетических потребителей. Наши детки по окончании училища приходят на флот в качестве третьего или четвёртого механика, в заведовании которого и находится котельная установка. Помимо традиционных лекций, лабораторных работ и практических занятий, ввёл курс тренажёрной подготовки в объёме двадцати четырёх часов. Занятия проводятся на норвежском тренажёре, имитирующем БАТМ. Для удобства все дети поделены на шесть подгрупп по пять-шесть человек. Всего на третьем курсе их тридцать четыре человека, вот и приходится каждое упражнение повторять по шесть раз. Поэтому сейчас занимаемся по три-четыре пары ежедневно. Это, конечно, тяжко, но зато результаты радуют.

Вообще-то, качество подготовки за последние два-три года поднялось. Детишки знают (если хотят, конечно) компьютер, начатки английского, всякие хитрые диагностические методики. Ежегодно по нашей специальности защищают дипломные проекты по три-четыре человека на английском. В этом году на шестом курсе так собираются защищаться аж шестеро. Народу стало учиться заметно меньше, чем раньше. Отсюда, наверное, и качество на выходе лучше. Кроме того, утрясся и преподавательский состав — совсем случайная публика ушла, остались лишь одни «патриоты», они же «дураки».

Да, вот какая новость. Твоя лаборатория (центральная химико-технологическая бывшего Камчатрыбпрома, некогда размещавшаяся в двухэтажном деревянном доме на улице Чукотской, 2. — *С. Г.*) «дошла» окончательно. В начале ноября состоится аукцион — распродажа её имущества. Всё хозяйство оценено в четыре с половиной миллиона рублей по ценам 1992 г. Училище, скорее всего, постарается это оборудование закупить, не думаю, что оно ещё кому-нибудь потребуется. Я ходил туда, подбирал кое-что для своей лаборатории — автоклав, дистиллятор, различные приборы и химикаты. Из твоих коллег, кроме И., никого не видел, все уже поувольнялись. Передаёт тебе привет. Она здесь в качестве начальника.

Всё развалилось, архивы ЦПКТБ, по-моему, училище тоже хочет забрать себе.

Иногда с грустью вспоминаем, что ещё относительно недавно в магазинах было много всяких рыбно-кулинарных штук. Теперь их не производят. Петропавловский РКЗ одно время совсем было загнулся, но сейчас говорят, что вроде бы ничего, ещё держится. Зато возникло много разных рыболовных «рогов и копыт» — ЧП, СП и т. д. и т. п. Камчатрыбпром разжился собственным флотом, остальные базы тоже пока живут. Хуже всех существует БРХФ, зато процветает АКРОС (бывшее КМПО).

Недавно по телевидению прошла передача, в которой выступал В. А. Бирюков. Обычно он два раза в месяц официально отчитывается пред народом в программе «Час администрации», а тут состоялся разговор частного характера — рассказывал о себе, про другие нейтральные темы. В том числе вспоминал об отце, прочих знакомых. Приятно было послушать.

На днях пришёл новый БАТМ под названием «Василий Калёнов», в честь бывшего начальника Камчатрыбпрома. На встрече присутствовали его дети, об этом тоже была передача. Новые суда (в смысле старые, но купленные в других местах) у нас сейчас принято называть по-новомодному: «Святой Николай», «Пётр и Павел» или в честь былых кадров местной закваски...

24 декабря 1995 г. ...Ответ пишу только сейчас. Было много забот по службе, просто не оставалось сил. А сейчас всё более-менее утряслось, появилось больше свободного времени. Началась подготовка к очередной аттестации училища, в связи с этим потребовалось сделать очень много бумажной работы — учебные программы, документацию кафедры, материальное обеспечение дисциплин и т. д. Это всё параллельно с учёбой — третий и шестой курсы, с довольно высокой интенсивностью. И наконец, наступило время сессии. Вот теперь хоть с частью курсантов простимся, так как третий курс уходит на семимесячную практику, а шестой — на дипломное проектирование. Второй семестр будет гораздо легче, нагрузка небольшая, в основном руководство дипломным проектированием и госэкзамены. Вот уже третий год заседаю в составе ГАК (Государственной аттестационной комиссии). Впрочем, ГАК она называется только с сентября 95-го, до этого была привычная ГЭК — Государственная экзаменационная.

Состояние училища в смысле материально-технического обеспечения за последние годы резко улучшилось. В этом заслуга ректора. Он баллотировался на выборах в ГосДуму и среди двенадцати

кандидатов занял второе место, уступив некоему М. М. Задорнову (не тому писателю, который вот уже несколько лет безуспешно ищет в телевизоре «закрома родины», а нынешнему председателю комитета Думы по финансам). Он родился в Петропавловске в 1963 г. и жил здесь сколько-то лет. Мужик, безусловно, умный, но лично я не определился с тем, а надо ли было, вообще-то, именно его выбирать от Камчатки. С одной стороны, он свободно проходит по партийным спискам «Яблока», с другой — вероятно, что станет «большой шкваркой» в будущей Думе, а то и в правительстве, а с третьей — вроде бы как и не совсем он нам товарищ. Посмотрим, как сложится дальше. Может, всё-таки следовало своего, местного, кадра двигать? Интересно, а как голосовали в Астрахани? У нас расклад вышел такой: первые — большевики (в смысле, компартия), затем «Яблоко», «Наш дом Россия», ЛДПР и потом прочие.

Зима приключилась совсем недавно, первые заморозки ударили только в начале декабря. До этого температура днём держалась плюс четыре-семь, ночью снижалась до нуля, а то и была до плюс двух. Сейчас мороза тоже нет. Первый снег выпал числа 10-го и растаял, второй — 21 декабря, затем 22-го, легло сантиметров восемь. Сейчас погода отличная, солнечная.

С теплом в этом году пока вроде бы ничего. Последний месяц греют без перерывов, и вода действительно горячая. В октябре и ноябре были перебои, но сильно мы не страдали. Вообще за весь год (исключая декабрь) ни разу не заплатил полную сумму квартплаты — сто двенадцать тысяч рублей. Каждый месяц делают перерасчёт за тепло, вернее, за его отсутствие, то на двадцать, то на тридцать процентов. Но сейчас порядок — дома температура доходит до двадцати и выше, что всё-таки редкость. В каждом углу держим по термометру, на кухне, во всех комнатах, так что можно предоставить по этому поводу целое научное исследование.

Правда, вот уже второй раз по телевизору выступал некий дяденька с такой же, как у нас, фамилией, он у нас тут в городской администрации заправляет коммунальными делами, так вот оный вещал, что топливо в очередной раз заканчивается. Но пока ограничений не вводили. Надеемся, что Новый год встретим в тепле и со светом.

Замечаю, что зимы стали теплее, чем раньше (если бы ещё и короче). В этом году приключился катаклизм, какого ещё не случалось. Во время осенних штормов на улице Рябиковской (район лесозавода) возникли оползни, в результате три дома — один старый мелкоблочный и две новенькие пятиэтажки были разруше-

ны. У мелкоблочного обвалилась фасадная стена, а пятиэтажки наклонились, но не рухнули. Дело было ночью, всё прошло тихо, говорят, что кое-кто даже не проснулся. Жертв не было. Хотя, думаю, что вы об этом уже слышали. Вот ведь как, готовились к землетрясению, а такого события никто не ожидал. (Эта беда пришлась на 10—11 ноября, один из её виновников — тайфун по имени «Анжела». — *С. Г.*)

Завершилось наружное оформление здания Океанрыбфлота, оно самое высокое в окрестностях — четырнадцать этажей, расположено возле ресторана «Вулкан». Это бывший недостроенный дом Гипрорыбпрома, тот, возле которого когда-то на остановку упал подъёмный кран и задавил пару граждан, ожидавших автобус. Достраивали и отделывали его китайцы. Собственно, достройка завершилась уже давно, а вот сейчас закончилось благоустройство. На дорогу — Ленинградскую — выходит шикарный ресторан, перед ним разбили небольшой скверик с камнями, ёлками и якорями. Со стороны Ключевской вниз на Ленинградскую спустили хорошую лестницу, напротив «Вулкана» возвели подпорную стенку, ниже — стоянку для автомашин. В довершение всего башня по ночам снизу подсвечивается зеленоватым светом прожекторов. Впечатляет, особенно на фоне общей нынешней разрухи.

Ты пишешь, что основную массу продуктов приобретаешь не в магазинах, а на рынках и с машин. А у нас более распространена другая форма: все наши предприятия развернули сеть киосков и магазинчиков в разных районах города: свежо, вкусно и наиболее дёшево. Как говорят, «по ценам производителей». Так, на КП рядом с хлебным стоит киоск мясокомбината, ежедневно с более чем двадцатью видами товара, цены ниже, чем на рынке. На нём, что на КП, — киоск пищекомбината, цены здесь на пятнадцать — двадцать процентов ниже, чем в магазинах. Четвёртый гастроном (на Ключевской) — фирменный магазин кондитерской фабрики. На рынке на КП есть угол, где торгуют рыбой, опять же дешевле, чем в магазинах.

Цены на продукты следующие: молоко — пять — шесть двести, мясо — двадцать две — двадцать четыре, куры, утки — от тринадцати с половиной до восемнадцати, куриные окорочка — восемнадцать — двадцать, минтай безголовый — четыре — пять, красная мороженая — от семи до четырнадцати, в зависимости от вида, камбала и навага — пять тысяч рублей. Масло сливочное — восемнадцать — двадцать четыре, разные варёные колбасы — до двадцати шести, копчёные — больше двадцати восьми. Картошка

стоит четыре, квашеная капуста — восемь, яблоки — от восьми до одиннадцати тысяч, груши — четырнадцать — шестнадцать, бананы — десять — четырнадцать и т. д. Про крупы и макароны, честно говоря, не помню, а вот хлеб — от трёх до четырёх с половиной рублёв.

В последнее время рост цен замедлился, а кое-что даже подешевело. Одежда и обувь дорогие. А вот цигарками уже лет пять как не интересуюсь.

На сладости цены такие: шоколадная стограммовая плитка — четыре — шесть, шоколадные конфеты — от двадцати восьми, сахар — семь за кг, сгущёнка — пять-шесть тыщ за банку. Я думаю, этого достаточно, чтобы ты составила себе представление.

Товара в достатке, а вот с зарплатой не совсем здорово, опять задержки. Обещанной прибавки наполовину так и не дождались. Народ шутит, что, мол, если перед этими выборами ничего не дали, то уж после и давать вроде бы не за что.

Скоро встанет вот такая забота: решать, в какую нам подаваться общеобразовательную школу? Ближайшая 14-я — на ремонте, которому не видно конца, 15-я довольно далеко и надо ходить через дорогу по Ленинградской. Надо сказать, что интенсивность движения сейчас у нас такая, что лет семь назад и в голову бы не пришло, что такое может быть...

14 января 1996 г. ...За время праздников посетили один утренник и оба театра — кукольный и драматический. Детёныш остался доволен, мне тоже понравилось. Питаю слабость к нашему театру кукол — это тот, что на Максутова, за старым рынком на КП. Несмотря на неказистую наружность, это очень сурьёзное место, часто обновляющее репертуар. Хорошо оформлено, есть живой уголок с попугаями, черепахами, куропатками, белками и прочими ежами-ужами. Можно позвонить по телефону сказочным персонажам. Артисты великолепные, особенно ребёнку нравится Олег Миронов, такой прикольный кругленький человечек. На мой взгляд, он в труппе тоже самый «крутой», как сейчас принято выражаться. В драматическом всё как-то помпезнее, но тоже хорошо.

В городе эпидемия гриппа, поэтому особенно не разгуляешься. Сейчас, например, объявлен карантин, каникулы школярам продлены на неделю.

Зима, как уже писал, выдалась очень тёплая, снег выпал под самый Новый год, да и то немного. Поэтому «снежный городок» с дворцами, фигурами, лабиринтами на «Спартаке» не строили, еле-еле наскребли снега на здоровенную горку. Да и той особенно

пользоваться не пришлось — на Рождество пришёл тайфун, температура поднялась до плюс пяти, стало сильно мокро. Положительная температура держится уже вторую неделю. Вот сегодня днём плюс три. Это вместо крещенских морозов. Правда, нам всё это оказалось на руку. Дело в том, что 9—11 января пережили очередной, на сей раз рукотворный катаклизм. «Внезапно» закончилось топливо. Почти двое суток сидели без света и тепла, местами не работало радио, шёл снег/дождь. Единственное, что радовало, это то, что нет холодов, иначе переморозили бы весь город. Наконец пришёл сначала один танкер, затем второй. Объясняют, что, мол, плохие корейцы слишком долго праздновали Рождество, да потом море качало и т. д. Кто бы мог подумать, что на Камчатке в январе бывает зима! Но ничего, сейчас наладилось, температура в хате стала нормальной.

А вот на работе прохладно, топят еле-еле и с большими перебоями. Училище в долгах как в шелках. На этот год, судя по слухам, срезали бюджетное финансирование на треть от прошлогоднего. Так что существование предстоит сложное.

Да, наверное, слышали — под Новый год взорвался вулкан Карымский. Три дня подряд (31, 1 и 2-го) трясло до четырёх баллов. Перед Новым годом, вечером 31-го, тряхнуло так, что посуда задребезжала. Сейчас извержение продолжается, но заметных толчков больше не было.

Из социальных завоеваний прошлого — в этом году проезд на автобусе, похоже, снова будет бесплатным. Это благо у нас длится с 1991 г. По-моему, мы в этом смысле единственное в России место. Зато сообщили о повышении тарифов на электроэнергию для населения со ста двацати до двухсот сорока рубликов за киловатт, то есть вдвое...

20 февраля 1996 г. ...Зима перевалила за середину, в целом вышла хорошая. Сильных морозов почти не было, снега выпало умеренно. Два дня назад легло сантиметров двадцать-тридцать. Сейчас всё чистенькое, беленькое.

Перебоев с теплом и светом больше не было, дома тепло, как давно уже не случалось. Но, вообще-то, в городе с отоплением есть сложности, те самые, которые в своё время были и у нас, до подключения к ТЭЦ-2. Особенно, уже несколько лет, страдает район улицы Дачной. Там живут несколько человек с кафедры, отапливает их котельная, на ней не действуют несколько котлов, которые не могут отремонтировать, нет денег. Говорят, что у них в квартирах

по двенадцать-тринадцать градусов. Я думаю, что ты помнишь, что это такое.

Стало заметно светлее по утрам. Обычно в восемь выходим в детский сад — уже светло, вечером, когда заканчиваются занятия в музыкальной школе, тоже светло. В саду прохладно, а в школе — жара страшная, их топит котельная облбольницы, её «выключать» не принято.

Три дня шли государственные экзамены, выпускали инженеров с шестилетним сроком обучения (это по западным меркам «магистры технических наук»). В качестве председателя ГАК пригласили профессора Санкт-Петербургской академии, корифея судомеханических дел И. В. Возницкого. Он был удивлён этой формой подготовки. Если не ошибаюсь, это чуть ли не первый выпуск «магистров» в нашей большой и многострадальной стране. Двое из них остаются в училище.

Скоро мы должны получить статус морской академии. Ещё бы к этому и зарплату давали вовремя, так вообще было бы здорово...

31 марта 1996 г. ...Как уже писал, инженерный центр, то есть бывшее ЦПКТБ, своё существование, по сути, прекратил. Там ещё осталось несколько старых кадров, но особой деятельности они не ведут. Основная часть здания (на улице Ключевской, 56. — *С. Г.*) сдаётся всяким конторкам — нотариусам, мелким фирмам. В помещении былого вычислительного центра открыт магазин «Прогресс». Собственно инженерный центр размещается в нескольких помещениях на третьем этаже: приёмная, кабинет начальника, отдел кадров и какая-то кандейка в коридоре...

Погода у нас сейчас так себе. Зима, как писал, была довольно мягкая, снега мало. Март тоже оказался тёплым, хорошая пурга случилась только единожды. В конце месяца погода слегка ухудшилась, ночью морозы доходили до минус девяти, днём дул противный холодный ветер. Снег частично сошёл, наступила грязища.

На работе дела идут нормально. Переименование нашего учреждения не за горами. Ничего оно не даёт, просто в 1995 г. вышел государственный стандарт о высшем профессиональном образовании. Среди прочего в нём предусмотрены такие виды высших учебных заведений, как университет, институт, академия, колледж. Понятия «училище» теперь нет. Тут уместно вспомнить Московское высшее техническое училище имени Баумана, которое всегда являлось самым лучшим отечественным техническим вузом. Ныне оно переименовано в безликий «технический университет», чем, думаю, потеряна некогда всемирно известная марка.

«Университет» — для нас название неподходящее, а «институт» мы уже пережили, вот и остаётся из предложенного набора только «академия». Так что переименование вызвано не повышением статуса или ещё чем-то, в том числе и амбициями руководителей, а прозаическими причинами.

Между прочим, наш ректор на парламентских выборах баллотировался в ГосДуму как независимый кандидат и занял второе место из десяти желающих. Кто-то прочит его в будущие губернаторы. На предстоящих губернаторских выборах серьёзными претендентами на место называют В. А. Бирюкова, его зама, ещё одного кадра и ректора.

Работа идёт своим чередом. В занятиях временное затишье, в этом семестре их почти нет, но много методической работы. Дело в том, что усиленно приспосабливаемся к требованиям того самого государственного стандарта. Новые учебные планы сильно отличаются от прежних множеством новых дисциплин, в том числе и по выбору курсантов. Сейчас пишу книжку в качестве учебного пособия для дисциплины по выбору «История развития судовых энергетических установок». Сначала хотел ограничиться небольшой методичкой, но по мере работы вошёл во вкус и соорудил большой гроссбух. Напечатаю его в нашем издательстве. Сейчас довожу «до кондиции», готовлю иллюстрации, схемы. Должен завершить в апреле...

30 сентября 1996 г. ...У нас большие перемены. Начались аж два учебных года. Общеобразовательная школа у нас 15-я, что за областной больницей, класс 1б. Всего там три первых класса, разного уровня подготовки; «б» и «в» — сильные, умеющие читать и писать, «а» — слабенькие, их пятнадцать человек. В «б» классе двадцать три школяра, из них всего пять пацанов.

Учительница молодая, но серьёзная, требует с детишек понастоящему. Дисциплины в школе весьма своеобразные: помимо привычных чтения, математики да письма с физкультурой ещё какая-то экономика (наверное, веяние «рыночного» времени), экология и т. д. С октября начнётся английский. Ещё два дня в неделю (во вторник и четверг) после уроков водят детишек в бывший Дворец пионеров, сейчас он называется «Детский эстетический центр». Там занимаются всякой всячиной: пляшут, поют, играют. Уроков каждый день от трёх до пяти, нагрузка довольно приличная. Писать, как в прописях, уже научились, получается неплохо...

Лето выдалось замечательное, такого уже давно не случалось. Да и сентябрь удался, только на последней неделе прошёл дождик. А сегодня природа снова наладилась, стало тепло.

В этом году были большие подходы горбуши, рыбой завалили всё. На рынке хвост стоит до двухсот рублей, а в городе её часто раздавали просто так — привозили и сваливали, кому надо — брали. Повезло бомжам, коих развелось страшное количество, и во многом похожим на них пенсионерам. Вызрел хороший урожай картошки, клубники и прочих ягод.

Вторая неделя, как дали горячую воду. Ожидается, что в этом году снова будут сложности с топливом, что, впрочем, особой новостью для нас давно уже не является. В течение лета пережили два энергетических кризиса, по нескольку суток не было света. Народ нашёл выход в использовании переносных газовых плиток, которых навезли из Кореи и Китая.

Вновь начались, впрочем, уже в который раз, сложности с зарплатой, вернее, её отсутствием. Снова задержка на два с половиной месяца...

22 октября 1996 г. Получили сегодня письмо от 14 октября. Подозревали, что письма до вас не доходят, а теперь убедились в этом окончательно... Что касается хождения почты, то такие задержки именно летом стали привычными, продолжаются уже третий год... А по поводу письменных сообщений в переводах, то они не вместо писем, а в качестве страховки вместе с ними и, как оказалось, не лишней. Наверное, снова перейдём на заказные послания, так оно будет надёжнее.

Да, не удивляйтесь тому, что письмо напечатано. Это теперь моё «профессиональное заболевание». Стал замечать, что разучился писать руками. Постоянная работа на компьютере привела к тому, что почерк стал похож непонятно на что. Поэтому решил печатать — вам же проще будет разбираться в этих записках...

(В начале июля получил разрешение ректора «в связи с большим объёмом выполняемой учебно-методической работы» забрать домой с кафедры компьютер типа IBM PC/AT 286, числившийся на подотчёте у моего коллеги С. Ю. Широносова. — *С. Г.*)

С возрастом стал понимать, что от всяческих болезней никуда не денешься. Разговоры о том, что спорт, мол, лучшее лекарство — не для меня, я человек не спортивный. Но некоторое радикальное средство поправки здоровья нашёл и благополучно использую его уже четвёртый год. Это — поливание холодной водой, только вовсе не по чьей-либо системе на снегу с босыми ногами и заклинания-

ми, а просто два раза в день, утром и вечером в душе. Первые три месяца было не очень комфортно, шкура краснела и зверски чесалась, но затем попривыкла. Теперь эти обливания стали чем-то вроде наркотика. Если с утра не полился, то целый день ощущаешь себя как-то не так. Начал это дело в июне 1993 г. Результат появился быстро — зиму 93/94 и две последующие провёл без шарфов, перчаток и подштанников, приспособился к прохладе.

Это оказалось весьма актуальным при нашей теперешней жизни с частым отсутствием горячей воды и тепла. За это время болел один раз — в этом январе, один день была температура и ещё два дня трещала голова, потом наладилось. Между прочим, поливание холодной водичкой — ещё и отличное средство борьбы со всякими стрессами. Попутно отказался от тяжёлой и тёплой одежды, таскаю лёгкие куртки и джинсовые костюмы...

Работа идёт своим чередом. Сейчас собираю материалы по относительно новой (на дневном отделении читается первый год) дисциплине «Технология использования воды, топлива, смазки». В начале октября завершил работу над полномасштабной книгой «История судовой энергетики», посвятил её трёхсотлетию родного флота. Сейчас макет находится на рецензировании. К зиме её небольшим тиражом напечатают в издательстве училища (теперь есть у нас и такое), а дальше — посмотрим. Это воплощение давнишней страсти к корабликам, вернее к их технической начинке, если помнишь. На основе этой книженции, надеюсь, будет читаться одноимённый спецкурс для курсантов-механиков...

В последнем письме сообщал, что задержки нашей грошовой зарплаты стали постоянными и весьма продолжительными. Два месяца — норма, три тоже никого не удивляют. Сегодня сообщили, что зарплату за август заморозили, рассчитываться будут только за сентябрь. Проезд не оплачивают, пособий не дают. Про ежемесячные деньги на «литературу» уже забыли, года два не платят. Я тут «дорос» аж до члена аттестационной комиссии плавсостава, раз в неделю проходит аттестация судомехаников, за которую ежемесячно и регулярно платят наличными. Это позволяет существовать, не более, в промежутках между зарплатой. Так что труд в высшей школе былую престижность потерял окончательно и, очевидно, надолго.

Наша губерния готовится к выборам главы администрации. Вне сомнений, победит В. А. Бирюков. Несмотря на наши трудности, он пользуется большой популярностью. Впрочем, всякое может быть, всё решит 17 ноября. Энергетические сложности немного

отступили, дали отопление и воду от ТЭЦ, другие сети пока холодные. Спасает тёплая погода. Сегодня ночью приключился сильный ливень, а с утра светило солнце, днём плюс четырнадцать. В городе заморозков ещё не было.

Лето и осень оказались урожайными, цены на сельхозпродукцию ниже, чем в прошлом году. Для справки: картошка три с половиной — четыре, морковь — пять-шесть, капуста — полторы — две с половиной, лук — пять — семь, огурцы и помидоры — от восьми и далее. Импортные яблоки — десять — двенадцать тысяч. Подорожало мясо. Что касается ярмарок и рынков, то с этим у нас порядок: открылся новый сельхозрынок «У фонтана», это напротив ЦУМ «Петропавловск». Там представлена продукция местных совхозов и фермеров. Цены вполне умеренные. Так, например, литр совхозного молока стоит пять, а такое же в магазине (если такое) — восемь тысяч и далее. Хлеб от хлебозавода три девятьсот — четыре сто, а в магазинах — выше четырёх с половиной. В общем, жизнь весьма дорогая. Уверенно держим второе-третье место по России по её стоимости...

Природных катаклизмов пока никаких нет, но в районе Усть-Камчатска в океане случился сурьёзный землетрус. В тех местах существует опасность сильной встряски, вплоть до катастрофы, но говорят, что Петропавловск при этом не пострадает. Прогноз о катастрофическом трясении не отметается, но считается, что в окружности сотни километров вокруг города его возможность мала. Наиболее вероятным рукотворным катаклизмом может стать отсутствие тепла зимой. В училище к этому готовятся ещё и по причине огромных долгов за коммунальные услуги, кои просто могут отключить за неуплату. Приобрели автономную электростанцию для питания столовой, которая возле нас, на всякий аварийный случай...

17 ноября 1996 г. ...Сегодня у нас выборы градоначальника, губернатора области и голосование о принятии одного из двух вариантов устава города. В градоначальники баллотируются три человека, победит, судя по всему, нынешний. На губернаторское кресло претендует аж восемь желающих, среди них и наш ректор. Здесь победителем будет Бирюков, у меня в этом сомнений нет. Впрочем, возможен второй тур голосования, так как народ шагает на участки не очень-то активно.

Наш участок обычно поочередно размещается либо в главном корпусе ПКВМУ, либо в политехникуме (бывшем рыбном). Сегодня он в техникуме. Сейчас пришёл оттуда. Выдавал бюллетени мне

твой бывший начальник. Народу было немного, поэтому немного удалось пообщатся. Передаёт тебе большой привет и наилучшие пожелания. Внешне изменился мало, такой же энергичный. Продолжает работать, говорит, что иначе их семейство не сводит концы с концами, помогает детям. У одной из дочерей малые ребятишки, она их воспитывает одна. Сейчас он работает на Паратунском рыборазводном заводе, если я правильно понял, начальником. Попутно является членом ГАК в этом самом техникуме. Уезжать никуда не собирается. На прошлых выборах тоже был в составе избирательной комиссии, но говорит, что эти — последние, хватит, мол...

Мореходка наша выживает. Казарменное положение и форма являются обязательными для курсантов первого и второго курсов. Старшие курсы живут по домам и форму носят по желанию. Дело в том, что её просто не хватает. Года два-три назад обещали всех обрядить в особую одёжу — и курсантов, и преподавателей. Даже образец показывали: китель или куртка и штаны. Но...

С набором у нас последние годы всё в порядке. В этом году конкурс на некоторые специальности достигал аж шести человек на место. Желавших на наш факультет было, в среднем, по три с половиной «гаврика» на место. Но качество набора в целом невысокое. За первые два-три года обучения отсев доходит до половины. Например, в 1994 г. набрали пятьдесят два, а сейчас из них на третьем курсе осталось только двадцать семь. После четвёртого курса из них с десяток уйдёт на стажировку и одновременно примерно столько же с неё вернётся. А это значит, что в 1999 г. выпуск составит около двадцати пяти инженеров. Правда, уровень подготовки их будет весьма высок. Нашим «детям» внушаем, что, помимо диплома, они должны приобрести познания в английском языке и компьютере.

Защита дипломов на английском вошла в традицию. В прошлом году из шестнадцати выпускников таковых было четверо. Скажу сразу, что последние кадры нашей закваски знают и умеют гораздо больше, чем в своё время мы. С заоблачных высот «обо всём понемногу» перешли на вполне, как мне кажется, конкретное обучение тому, что записано в дипломе, — «Эксплуатация судовых энергетических установок».

Коллектив на кафедре молодой и небольшой. Преподавателей семеро, из них заведующий кафедрой — шестьдесят два года, один — пятьдесят лет, остальные — от двадцати трёх до тридцати пяти лет. Сложностей с трудоустройством у наших выпускников нет. Старые рыболовецкие конторы — Океанрыбфлот, УТРФ и т. д.,

хотя и подсократились, но, тем не менее, являются основными производителями. Они наших выпускников берут с удовольствием.

Называемся мы, как и раньше, «Петропавловск-Камчатское высшее морское училище». Переименования никакого ещё не было, это, видимо, произойдёт в следующем году. Существуют планы перехода к техническому университету. А вообще в области витает вопрос о создании своего «классического» университета.

Наконец начали рассчитываться с долгами по зарплате. Сейчас должны за октябрь, хотя уже заканчивается ноябрь...

Первый снег в этом году выпал рано, где-то числа 9-го ноября и причём сразу довольно много, сантиметров до двадцати. Ночью небольшие морозы, около минус пяти, днём около нуля. Погода последние дни стоит хорошая, солнечная и безветренная. Дома тепло, температура держится плюс двадцать два — двадцать четыре, пока перебоев с горячей водой нет. Хотя непрерывно вещают про следующий надвигающийся энергетический кризис, его пока не чувствуем. Тёща с тестем (они живут в микрорайоне Горизонт) жалуются на прохладу. А та публика, которая питается не от ТЭЦ, а от всяких коммунальных котельных, сильно жалуется уже и не на прохладу, а на настоящий холод. Осложняет житьё и наша извечная проблема — гололёд.

Вечером вернулся с нового кладбища, хоронили одного нашего пенсионера, работал доцентом на кафедре, я в своё время у него учился. В 1993 г. вышел на пенсию и начал болеть. Помучился несколько лет — и вот финал.

Новое кладбище довольно далеко. Если до старого не особо сложно дойти пешком, то до этого можно добраться только на «колёсах». Кладбище благоустроенное, хорошо распланировано. Привычный по прошлым годам беспорядок и вечный мусор изжит. Имеются все службы. При въезде встречает распорядитель, не традиционный бич, а служитель в форме. Ворота на замке, есть служба безопасности. Оград, подобных нашей, здесь не ставят, их или вообще нет, или чисто символические — невысокие. Вообще с этой стороной жизни стало значительно проще: имеется много ритуальных агентств, как частных, так и муниципальных. Только в районе КП их два: одно сразу за гастрономом, второе за базаром. Те, кто прибегал к их услугам, отзываются хорошо. Впрочем, я и сам имею представление об этом в связи с описанными похоронами. Всё очень цивилизованно. В центре кладбища заканчивается строительство часовни, она по размерам больше городского храма Петра и Павла. Освящение будет ближе к Новому году...

Вот только что передали итоги выборов: как и предполагалось, будет второй тур. В него вышли Бирюков (сорок восемь процентов голосов) и Олейников (десять процентов). Повторное голосование пройдёт, видимо, через две недели. Его исход очевиден.

16 декабря 1996 г. ...Несколько дней поваляли дурака по случаю новообретённого Дня Конституции, а завтра пойдём в школу. Осталось ещё две недели до начала зимних каникул. Вот тут и отдохнём как следует. Среди прочего намечено посещение трёх ёлок. Думаю взять небольшой отпуск, на десять дней, на время каникул. Сейчас учебной работы нет, а во второй половине января начинается второй семестр, где, собственно, и будут проистекать основные события. Кстати, впервые за всё время трудовой деятельности беру отпуск в зимнее время.

Сегодня во второй половине дня испортилась погода: началось что-то вроде небольшой пурги с обильным снегом, но без особого ветра. До этого погода держалась хорошей. Хотя зима в этом году наступила значительно раньше, чем в прошлом (в том смысле, что выпал снег), никаких буйств стихии ещё не было. В прошлом году первый серьёзный снег шёл перед Новым годом, а в этом — во второй половине ноября. Морозов нет, ночью до минус пяти, днём возле нуля. Правда, с неделю помучились — держался очень сильный гололёд. На повторные губернаторские выборы пришёлся мокрый снег, а на следующий день ударил морозец. В результате всё покрылось ледяными колдобинами: ни пройти, ни проехать. По этому случаю с нетерпением ожидали свежего липкого снежка. И вот он случился, сейчас всё в порядке.

Недавно напомнили нам о возможной встряске. Теперь место предполагаемых событий переместилось в район Усть-Камчатска. Краткосрочный прогноз, говорят, в ближайшее время ничего страшного не предвещает. А вот, мол, среднесрочный... Главными распространителями всевозможных слухов являются наши героические военные. И почему-то все сплетни исходят из Москвы, им там, наверное, видно дальше всех.

В доме тепло, температура доходит до двадцати четырёх. После выборов тепло не исчезло, как этого многие ожидали. Правда, у тех, кто отапливаются котельными, периодически возникают сложности с водой и теплом. Отключений электроэнергии не было, говорят, что и не будет.

Одно время у нас очень популярными были японские и корейские керосиновые печки и портативные газовые плиты, а сейчас появились и газовые фонари. Все они работают от баллончиков.

Появились года два назад, и стоимость одного баллона достигала десять тысяч. Сейчас же этого добра навезли столько, что цены не превышают пяти тысяч. Не знаю, есть ли в ваших газовых краях подобные штуки. Летом на всякий пожарный случай купил портативную плитку, несколько раз пользовались ею по случаю отключения электроэнергии. Да, ты пишешь, что у вас тоже будут отключения. Это с какой же стати? Газ что ли подземный весь иссяк? У нас наоборот, решение энергетических сложностей связывают именно с газопроводом, который сейчас ведётся из Соболево. Проложено уже шестьдесят километров...

Насчёт переводов. «Много», как ты пишешь, это оттого, что зарплату выдают неравномерно. В начале этого года выплата шла месяц в месяц, поэтому переводы высылал регулярно. А ближе к лету начались задержки, два или более месяцев. На сегодняшний день рассчитались только за сентябрь. До Нового года может ничего и не быть. Однако это не означает, что никаких поступлений нет. Немного получаю за экспертизы, аттестации, почасовку — это на текущие расходы. Так что до голодовки по принуждению ещё не дожили. Переводы высылаю периодически после получения казённой зарплаты, и если их разложить равномерно, то и получается, как ты пишешь, «тысяч сто». Поэтому вопрос этот стоять не должен. Тем более что у вас, насколько я понял, начались задержки с пенсиями. У нас их пока дают исправно...

Стали бесплатно кормить в школьной столовой. Это такая льгота есть для родителей, кои оба состоят на казённо-бюджетном финансировании. У школьных учителей сложности примерно те же, что и у нас. Многие не получили зарплату ещё и за сентябрь. И ничего, в газетах да по телевизору передают о всяких смутах и забастовках в стране, а у нас всё тихо, социальных катаклизмов не наблюдается. Теплоэнергетики не получают зарплату аж целых девять месяцев. Впрочем, по слухам, в самостийной «Корякской республике» есть некоторые лица, кои не видят денег уже третий год...

15 января 1997 г. ...Завтра выхожу на работу. За время каникул посетили две ёлки и новогодний спектакль в кукольном театре, две выставки картин, наелись конфет, нагулялись и отоспались. И вот теперь страда продолжится.

Некоторое разнообразие внесла в нашу жизнь авария танкера «Находка», о который вы тоже хорошо наслышаны. (Судно переломилось 2 января 1997 г. во время шторма в восьмидесяти милях от берегов Японии, погиб капитан. Подозревали преступный характер кораблекрушения, говорили о взрыве, долженствующем

скрыть хищение нефтепродуктов. — *С. Г.*) Надо сказать сразу, что многое, передававшееся по Центральному телевидению, искажено. Показываемые картинки, конечно, впечатляющие, но никакого отношения к действительности не имеют. На фоне съёмок какой-то старинной пурги утробно-трагический голос вещает о всеобщем отключении, особом положении и прочем. Этот пример очень хорошо отражает работу наших средств массовой информации: побольше сенсаций и жути, а идущий материал весьма слабо показывает действительно происходящее событие. Ход расследования аварии по телевизору преподносится дилетантами, которые об этом чёткого понятия не имеют.

Подача электричества и тепла не прекращалась. Погода тоже благоприятствует нашему выживанию. Обычно на Новый год бывает морозно, но в этот раз — чуть ниже нуля. Последующие дни тоже были солнечными и тёплыми. Надо вспомнить, что год назад, когда приключилось действительное обесточивание (9—11 января), вместо обычных морозов тоже стояла оттепель, переходящая в плюс.

Зато вот сейчас, когда печатаю это письмо, на улице наблюдается настоящий рукотворный катаклизм: выше нашей хаты на улице Осипенко горит частный дом. Это уже второй пожар за зиму. Первым в ноябре сгорел дом, что стоял рядом с трансформаторной будкой, там, где раньше был теннисный стол. Вот, ребёнок докладывает, что огонь потушили. Оказывается, сгорело два дома, они стояли очень близко. Вообще-то, пожары у нас не редкость, особенно часто пылает «частный сектор». Многие тамошние обитатели приспособились воровать энергию и топиться не дровяными печками, а электроприборами. Если учесть, что весомую часть публики, живущей в этих домах, представляют так называемые «бичи», кои, как ведомо, не блещут порядком и организованностью, то результат налицо. Ежегодно в пожарах гибнет по пятьдесят и более человек.

Так вот, продолжим насчёт погоды. Вчера было некоторое подобие крещенских морозов — минус восемь, а сегодня опять потеплело и, похоже, что собирается пуржить, начал падать снежок и задувать ветер. Дома тепло, ниже плюс двадцати одного температура не опускается, обычно держится даже выше. Такого уже давно не было. Последняя пурга случилась чуть не месяц назад, но до сих пор не все ходы ещё полностью расчищены.

Рынки наши, как и у вас, благоустраиваются. Сегодня по пути из школы зашли на КПшный. Несколько дней там не были, и теперь наблюдаем очередные изменения: со стороны улицы Пограничной, напротив входа в областную больницу, поставили арку с завитушками,

на ней красивые бронзовые буквы, мол, «Центральный рынок». Сделали сварную лестницу и элегантный заборчик, на территории тоже произведена перепланировка. Идея использовать в качестве рынка стадион у нас тоже возникала. Конечно, не сам стадион, а площадку перед ним, там, где стоят мачты для флагов. Однако она не прижилась, так как рядом рынок на КП, да и к стадиону подъезжать неудобно. А вот сельскохозяйственные ярмарки на этой площадке периодически устраиваются осенью, к радости близ живущих обывателей, то есть к нашей...

...С зарплатой сложности такие же, как и во всей Российской державе. На сегодня должны за октябрь и далее, а также отпускные. Такой задержки пока ещё не случалось, «обычно» — два месяца, а тут почти четыре. Ставим местные рекорды, но до замечательно терпеливых шахтёров нам ещё далеко. Про забастовку всяких там педработников, которая вроде по России началась, ничего по причине отпуска не слыхал. У нас такого вроде бы не было. Духом не падаем, работаем, сочиняем очередную никому не нужную книжку и относимся ко всему по-философски. Последнее очень помогает, весьма рекомендую.

Насчёт перемены места жительства. Вопрос весьма сложный и, честно говоря, никогда всерьёз не ставившийся. Для этого нужно удачное сочетание множества всевозможных факторов, из которых немаловажный — финансовый. Переезд — дело дорогостоящее, в настоящее время для бедных родственников, коими мы сейчас являемся, совершенно неподъёмное. Какой тут переезд, если и в отпуск не уедешь? Кроме того, вопрос занятости. Маловероятна, например, моя работа в выбранном русле, так как в Астрахани всё уже давно поделено. А менять её сейчас, когда результат ещё не достигнут, не хотелось бы. Конечно, многое у вас проще, и возможностей там, наверное, больше. Зато в нашей «тундре» всё гораздо спокойней, размеренней и привычней. Одним словом, нужно сильно думать...

26 февраля 1997 г. Получили два дня назад твоё письмо от 7 февраля. На сей раз оно шло, как видишь, долго. Впрочем, это неудивительно — последнее время нас довольно основательно потревожило несколько весьма приличных циклонов. Не то чтобы сильно дуло, а просто валил плотный снег. Выпало его очень много, до сих пор разгребаемся. За прошедшее от последнего письма время у нас, как водится, произошло несколько очередных катаклизмов: три стихийных (смотри выше) и два рукотворных.

О последних немножко подробнее. В начале февраля нежданно-негаданно погас свет и не зажигался, по крайней мере в нашем

районе, почти трое суток. Оказалось, что опять закончилось топливо. Когда погиб танкер «Находка», то отключений не было, а тут — пароход стоит на рейде, а денег расплатиться за привезённое на нём топливо нет. Говорят, что задолжали южно-корейской фирме-поставщику два миллиона долл*а*ров. В итоге несколько кварталов в районе улицы Карбышева (название оказалось весьма символичным), это в районе Девятого, оказались переморожены. До сих пор там толком горячее водоснабжение не восстановлено. Мы не замёрзли, но температура понизилась до рекордной за эту зиму отметки — плюс пятнадцать с половиной.

Народ схватился за свои печки, плитки и газовые фонари. А вот с ними как раз связан второй рукотворный катаклизм. Оказалось, что спирали у этих фонарей выполнены в виде сетки из специального материала, пропитанного солями тория. Последние являются радиоактивными. И вот выяснилось, что радиация от пыли, которая образуется при разрушении этой спирали, во много раз превосходит допустимые нормы. Штаб местной гражданской обороны начал трубить тревогу — спецы выступали по телевидению и радио, разъясняли народу, понимашь, как жить дальше. Было организовано несколько пунктов приёма этих самых светильников. Один из них располагался на остановке на старом рынке (на КП). Там цельный подполковник стоял, лично организовывал борьбу с радиацией. Это добро собирали в машины, потом куда-то вывозили и уничтожали. Оказалось, что не только китайские светильники оказались с этим грехом (к знаменитому китайскому качеству народ уже попривык), но японские и корейские тоже. Интересно, что я тоже собирался такую штуку приобрести, да хвала родному правительству — вовремя перестало зарплату давать. Так что обошлось.

Февраль оказался не только снежным, но и морозным. Но вот уже три дня как стало довольно тепло, началось таяние снега. Его скопилось очень много, даже в центре города толком не убрали. Если раньше, при проклятом социализме, трудовую повинность по этой самой уборке несли все предприятия, то сейчас очисткой занимается только спецавтохозяйство. А там то керосина, в смысле бензина, нету, то ещё чего-нибудь, посему и очистка движется медленно. Ну, ничего, скоро придёт настоящая весна, само растает.

Недавно бабахнуло так, как доселе ещё не случалось: возле автопарка, видимо, раньше времени, взорвался некий персонаж, нёсший кому-то «в подарок» самопальную бомбу. Части его тела разнесло по окрестностям.

На прошлой неделе закончились каникулы. Первоклашкам давали неделю официально, остальные школяры балдели просто так, потому что шли учительские забастовки. Наверное, у вас происходило то же самое.

Из коммунальных новостей народ обсуждает следующие: 1) ожидаемое повышение квартплаты, 2) приближающийся конец «коммунизма» — похоже, что на автобусах собираются тоже вводить плату. А ведь продержались шесть лет с копейками! 3) установление платы за стационарное лечение. Про последнее подробностей толком не знаю, слава Ему, пока на больничной койке пребывать не приходилось, но чего-то такое, говорят, придумали. А с февраля ввели новые расценки на электроэнергию — сто киловатт-часов на человека по «льготной» цене по триста пятьдесят рубликов за киловатт, а свыше — по четыреста пятьдесят и выше. Это введено, естественно, с благой целью — чтобы переложить часть расходов на население и тем самым снизить стоимость местного производства продуктов. Но цены на последние продолжают успешно расти, как и прежде.

Эпидемия гриппа, о которой ты пишешь, массового характера у нас не приняла и почти закончилась, нас не зацепив. Мы пока живы и вроде здоровы, но тут обрушилась другая «эпидемия» — гололёда. История ежегодная, но в последнее время постоянно прогрессирующая. Дороги толком не чистятся, да и природа стала не такая благосклонная к своим неразумным детям, как раньше. Климат меняется весьма быстро. Даже я в состоянии заметить перемены, не говоря уже о древних старожилах. Вот в этом году против уже привычного за последние годы выпало много снега. Это вроде как в начале семидесятых, когда его наметало по второй этаж. Короче, скользко стало. На родной кафедре за зиму имеется две жертвы: вначале одна дама довольно сильно грохнулась, поскользнувшись, заработав сотрясение мозга, а затем другой коллега предпенсионного возраста даже сломал себе ногу.

Сейчас интенсивно тружусь за него, выбираю свои часы. В результате закончу семестр значительно раньше срока, значит, к лету будет немного свободнее. В этом году у меня десять дипломников. Время от времени приходят и пристают с вопросами, то есть мешают спокойно жить и плодотворно работать. Вообще, в результате долгих наблюдений мы пришли к выводу, что у нас в училище практически всё замечательно, за исключением одного — вот если бы ещё и курсантов не было, то стало бы совсем здорово! Это, конечно, шутка...

31 марта 1997 г. ...Весна в этом году началась круто — такого давно не было. Каждый день валит снег. Его толщина превзошла все ранее достигнутые пределы. Таких осадков не было несколько десятилетий. Вообще, судя по всему, в целом по России зима получилась необычная. Посмотришь программу «Время» — кругом морозы, снегопады и прочие природные осложнения.

Вчера погода стояла более-менее, началось сильное таяние, а сегодня с утра опять валит мокрый снег. Завтра будет грязищи по горло, а тут как раз в школу надо топать после каникул. Большое количество осадков в прошлом году (хотя заметно меньшее, чем в этом) привело к сильным разливам рек и значительным затоплениям в долине реки Камчатки в начале и середине лета. Сильно пострадали Мильковский и некоторые другие районы. Смыло несколько мостов, по-моему, даже были жертвы. Огородники остались без урожая и погребов. Есть серьёзные опасения на этот счёт и в этом году. Одним словом, природа начинает мстить за непочтительное к ней отношение.

Каникулы продолжались десять дней. Третья четверть закончилась благополучно. Впервые выставили детёнышу оценки — четвёрки и пятерки. С учёбой у нас всё в порядке. В музыкальной школе успехи следующие: по сольфеджио получили пять с минусом, по специальности тоже пять с минусом. Тут система оценок хитрая: пять с минусом — это больше, чем четыре с плюсом...

С музыкой, возможно, скоро начнутся сложности. Похоже, что решили школу упразднить, поговаривают о существенном повышении платы за обучение и переводе на хозрасчёт. Подавляющее число родителей школяров относятся к бюджетной сфере, что автоматически означает для них невозможность повышенной оплаты. Видимо, кому-то сильно понравилось здание, стоящее в центре города. Хотя, хочется верить, что разум у наших руководителей ещё немножко остался. Иначе придётся детишкам слоняться по помойкам и подвалам. Планомерное наступление на науку, культуру и образование успешно продолжается. Жаль, если придётся с этим делом (школой) покончить.

С наступлением апреля простой, бюджетный народ ждёт ухудшения условий существования. Первое обстоятельство — грядущее повышение квартплаты (правда, на днях стало ясно, что пока этого не случится). Второе — введение платного проезда на автобусах. Стоимость проезда — две тыщи рублей. Хотя говорят, что это тоже не решено окончательно, но ожидаемое явилось де-факто. Автобусники то бастуют (им восемь месяцев не платят), то нет

бензина, то ещё что-нибудь. Вот сегодня не вышли на линию: погода плохая и топлива нету. Одним словом, приучают народ к мысли, что бесплатный сыр остался только в мышеловках. Для нас ещё есть и третья новость — это уже известное тебе повышение оплаты за ДМШ. Всё это энтузиазма не прибавляет. Да, совсем забыл, — осталась у нас одна халява, похоже, что последняя! Бесплатная газета «Тройка», коммерческое издание, распространяемое раз в неделю и содержащее в себе массу рекламы и коммерческих сведений. Кроме этого, присутствует и программа телевидения, чего ради мы её, собственно, и берём. Кто и как её доставляет, непонятно, так как это происходит с утра в воскресенье, а мы любим в это время поспать.

Наконец удалось два дня понаблюдать комету. Пара ночей выдалась с просветами в облаках. Небесное тело как раз висит над верхушкой Мишенной сопки. Не знаю, видно ли её с территории Астраханской губернии? А вот приключившееся солнечное затмение посмотреть не удалось по причине того, что эта самая беспросветность (облачность) у нас длится уже почти целый месяц.

Рыба у вас что-то стала дорогая. Здесь на рынке и в фирменных киосках наших рыболовецких контор можно купить её (естественно, мороженую) за те же деньги, а то и дешевле. Магазин УТРФ открылся в помещении УКК, это как идёшь к нашему химическому корпусу по Ключевской. Магазин АКРОС (так называется бывшее КМПО) располагается на старом рынке в районе остановки автобусов. Филе и свежая рыба стоят, естественно, дороже — семь — двенадцать тыщ. Летом на рынке бывает и живая — сазаны, толстолобики, караси. Какое-то время назад её акклиматизировали, и выяснилось, что она прекрасно живёт и растёт в камчатских условиях...

14 мая 1997 г. ...После череды праздников пишем ответ. Наступила у нас, наконец, весна. Снег растаял примерно наполовину, в городе его уже почти нет, но на сопках и на природе ещё очень много. Весна в этом году запоздала, особого тепла нет ещё и сегодня. Дни вроде стоят солнечные, но дует довольно сильный ветер. Только 9 мая, как по заказу, погода была отменная. По этому случаю ходили на Театральную площадь, так сказать, «принимать парад войск Петропавловского гарнизона» и знакомиться с культурной программой. На площади дудел оркестр, плясали и пели всякие ансамбли и хоры.

На ребёнка на всех таких праздниках наибольшее впечатление производят два момента: во-первых, прохождение матросов и сол-

дат, во-вторых, игра духового оркестра, особенно большого барабана с литаврами. По этому поводу он как-то заметил, что надо было учиться играть на таком вот барабане, а не на скрипке...

6 мая, в родительский день, ездили на кладбище. Накануне вечером и ночью шёл снег с дождём, но 6-го было тихо и тепло, поэтому всё, что выпало, к обеду растаяло, было много воды. Против ожидания, на нашем участке почти весь снег растаял. А вот в других местах, особенно затенённых, снега лежит чуть ли ни метр.

Народу на кладбище в эти дни много, организуется насколько автобусных маршрутов. На новом кладбище, в весьма живописном месте — на холме над речушкой построили большую часовню, недавно было её освящение. Здание в старинном стиле, крыша зелёная. Часовня хорошо видна далеко из города.

Завершилась забастовка автобусников, теперь все автобусы ходят исправно, стоимость проезда — две тысячи рублей. Пенсионеров возят бесплатно, для студентов и школяров введены скидки. Стоимость обучения в музыкальной школе не изменилась, с января составляет шестьдесят восемь, до этого была пятьдесят шесть тысяч. Самое дорогое обучение на фортепьяно — сто шестьдесят восемь тыщ рублей в месяц. Квартплата пока осталась на прежнем уровне, наше жилище обходится в сто двадцать тыщ рубликов за месяц. Стоимость одного киловатт-часа для населения сейчас равна трёмстам пятидесяти рублям. Надо сказать, что с коммунальными услугами пока порядок. Даже местные катаклизмы сильно на обеспечении нашего жилища особенно не отражаются. Горячая вода и сейчас есть, отопление устойчивое. Но скоро отопительный сезон завершится, а с ним и содержимое «горячего» крана. Очевидно, что с 1 июня или около того привычка поливаться холодной водой очень даже пригодится.

С 1 апреля наше учреждение именуется «Камчатская государственная академия рыбопромыслового флота», сокращённо КГАРФ. С 1 сентября грядёт очередная реформа, а именно изменение устройства академии с целью уменьшения затрат и улучшения управляемости. Привычное деление на механический, технологический, промышленного рыболовства и судовождения и прочие факультеты упраздняется, появляются новые. Так, все морские специальности будут замыкаться на мореходный факультет, в состав которого войдут три выпускающие кафедры — судовождения, судовых энергетических установок и холодильных машин, а также физики. Кроме мореходного, создаются: 1) гуманитарный факультет (экономисты, японские филологи), 2) факультет экологии и рыбохозяйственной

деятельности, 3) факультет автоматизированных систем управления и 4) факультет, связанный с пищевыми производствами, в том числе и рыбные технологи. Есть также факультет военного обучения.

Родной мореходный факультет будет размещаться за забором на территории бывшей средней мореходки, все остальные — снаружи. Курсанты-мореходы обязаны ходить (впрочем, и сейчас ходят) в форме и нести вахты.

Идёт реорганизация кафедр. В частности, упраздняются кафедры судоремонта и инженерной графики, кои вливаются в уже существующие.

С 20 мая начинается горячая пора — подготовка к госэкзаменам и защитам. Народу в этом году будет много: и бакалавры, и магистры, и заочники, и техники. Так что скучать не придётся.

Долги по зарплате не исчезли, сейчас снова должны за два с половиной месяца, но это по нашим, камчатским, меркам по-божески. В школах и прочих бюджетных конторах местного подчинения просрочки достигают пяти месяцев.

Вчера передали новость — долбанул вулкан Безымянный, расположенный в районе Ключевской сопки. Высота столба пепла достигла четырнадцати километров. Встряски не было, так как вулкан располагается довольно далеко. А вообще-то, сейсмообстановка спокойная. В самом начале весны отметили несколько толчков, сила которых в городе не превышала двух-трёх баллов.

В нашем околотке произошли некоторые изменения: на Вилюйской вместо продовольственного магазина открылся мебельный, вместо привычной «Рыбы» возле облбольницы — шикарный магазин бытовых товаров, «Заря» ужалась до одного подъезда, остальное место занимает фирменный магазин Главкамчатскстроя, торгует строительным добром. На рынке КП вместо комендатуры и старенького детского садика ведётся какое-то строительство, видимо, торгового центра...

18 июня 1997 г. ...Завершилась горячая пора — госэкзамены, защиты дипломных работ и проектов. Три недели (вместе с подготовкой, то есть обзорными лекциями и консультациями), без выходных и праздников длился этот марафон. Результаты весьма неплохие...

Закончилась работа ГАК 16 июня, вчера подвели итоги. В качестве председателя второй год приглашается профессор Санкт-Петербургской морской академии И. В. Возницкий, весьма известная и уважаемая в отрасли персона, автор и соавтор многочисленных учебников и пособий. Профессор остался вполне доволен, отметил

существенные изменения за прошедший год. Говорит, что в нашей глухомани сложилась своя, довольно интересная школа. Действительно, последние несколько лет развитие родной кафедры идёт весьма бурно и своим собственным нехоженым путём. Коллектив достаточно молодой, в этом году в него вливаются в качестве ассистентов ещё двое наших выпускников...

Установились у нас тёплые, даже чересчур для июня, и солнечные дни. Погода больше похожа на августовскую. Обычных для июня дождей и туманов нет, сухо и пыльно. Днём от девятнадцати до двадцати двух градусов, это при нашей влажности весьма много. Спасает энергичный ветерок. Народ балдеет: облепил все сопки, крыши и пляж, загорает. Видимо, «сезон дождей» сместится на июль. Снова заработала лодочная станция на Култучном озере. Это удовольствие продолжается уже второй год. Озеро заметно очистилось, вечерами возле него гуляет множество людей. Также народ шествует по берегу бухты, особенно скапливаясь к вечеру. Но это, впрочем, традиционное занятие. А вот несколько лет назад появилось новое — выезжать на машинах к пляжу, а то и прямо на него, сидеть и созерцать море и закатное небо. Обычно этим занимаются владельцы очень крутых тачек, видимо, бандиты снимают стрессы от своих тяжких трудов.

12-го числа по случаю Дня независимости наступила очередная независимость — на сей раз от горячей воды. Хотя, впрочем, следует отметить, что отопительный сезон в этом году выдался весьма удачным. В предыдущем было заметно прохладнее, да и закончился он весьма рано, когда ещё совсем не жарко — 20 мая. Нашу ТЭЦ-2 со второй половины июня собираются ставить на серьёзный ремонт и поэтому случаю её полностью выводят из действия. А это значит, что горячей воды не будет вообще в двух третях города. Обещают, что электричество пойдёт без перебоев. Ремонт, видимо, затянется. Хотелось бы верить, что он закончится к октябрю.

По так называемой «коммунальной реформе» пока никаких конкретных действий нет, если не считать того, что в подъезде внезапно сменили почтовые ящики и почему-то забыли дать к ним ключи. Очевидно, «реформа» переместится на вторую половину лета. Сейчас, как писал в прежнем письме, квартплата сто двадцать тыщ. Это гораздо меньше, чем в подобных жилищах в других районах города, так как горячее водоснабжение идёт из системы отопления. Кроме этого, учтено отсутствие балкона. За электроэнергию платим отдельно. В месяц выгорает от ста до двухсот киловатт-часов, то есть дополнительно тридцать пять — семьдесят

тыщ. Да, ещё есть отдельная книжка за радио. За год за него заплатил сто восемь тыщ. Между прочим, многие от радио отказались, а мы к нему сильно привыкли, особенно удобно, когда сидишь на кухне. Сейчас у нас три точки: историческая на кухне, в зале и маленькой спальне. Обычно, когда сижу и работаю, то радио чего-то вещает. Находимся, таким образом, в гуще событий...

Началась лососёвая путина. На рынке резко увеличилось количество рыбы, цена на неё упала. Такого изобилия, как в прошлом году, не будет. Горбуши обещают всего четырнадцать тысяч тонн, что в десять раз ниже прошлогоднего. Будем надеяться, что вместо рыбы в этом году будет хороший урожай всего остального: грибов, ягод, картошки и прочего.

14 июля 1997 г. ...С 1 июля, впервые за четыре или пять лет, не помню, ушёл в нормальный отпуск — до 2 октября. До этого то отзывали по причине «производственной необходимости», то, как в прошлом году, компенсировали. Отпускные выдали без задержек, заплатили и долги за три месяца. Здесь грех жаловаться, остаётся только сокрушаться о размере этих выплат. Попросил оплату проезда, приказ издали с формулировкой «при поступлении средств из федерального бюджета». Эта фраза в настоящее время стала классической. Посмотрим, может, что и дадут...

Что касается разницы между бакалаврами и инженерами, то заключается она, вкратце, в следующем. Первому присваивается квалификация «бакалавр по эксплуатации транспортных средств», он имеет полный основной курс высшего технического образования (то есть все общеобразовательные и общеинженерные дисциплины и часть специальных), сдаёт госэкзамен и защищает дипломную работу. Второму присваивается квалификация «инженер-механик по эксплуатации судовых энергетических установок». Этот кадр дополнительно проходит специализацию по дисциплинам выбранного направления, коих сейчас на нашем факультете два: дизельный механик и механик-холодильщик, сдаёт ещё один госэкзамен и защищает уже большой дипломный проект. Вот этот самый инженер (в зарубежной практике это соответствует понятиям «квалифицированный специалист» или «магистр») и есть тот самый, которым, например, являюсь я сам.

Таким образом, всё высшее профессиональное образование по новому государственному стандарту разделено на три уровня: первый (первый и второй курсы) — базовое высшее и, при необходимости, например, перевода в другой вуз — диплом о неполном высшем и свидетельство о рабочей профессии (в нашем случае их две:

слесарь-судоремонтник и моторист первого или второго класса). Второй уровень (третий и четвёртый курсы) — квалификация «бакалавр по направлению». Третий (пятый и шестой курсы) — квалификация «инженер».

Вот это всё и называется трёхуровневой системой высшего профессионального образования. Она имеет преимущества перед традиционной пятилетней подготовкой, типа «приближается к международным стандартам». Как это ни покажется странным, но наша славная академия является пионером этой системы в России и уже имеет определённый опыт подготовки по ней. Первых бакалавров мы выпустили ещё в 1994 г. На основании этого опыта (в том числе и личного) берусь утверждать, что качество подготовки «трёхуровневых» инженеров гораздо выше, чем обычных пятилетних. Этому вижу три основные причины: 1) фактор возраста. Один дополнительный год обучения в столь нежном возрасте имеет очень большую роль; 2) двойная система контроля и отчётности: два госэкзамена и две квалификационные работы. Госэкзамены сдаются по специальности, а не по научному коммунизму, как было у нас, и, смею заверить, являются весьма крутым испытанием; 3) на третий образовательный уровень переводятся только курсанты, имеющие определённый «рейтинг», то есть вовсе не кто попало. Не прошедшие на этот уровень направляются на одно-двухгодичную (по желанию) стажировку на флот. Только после этого они могут учиться дальше. Если что-то не получается, то они ограничиваются дипломом бакалавра, который тоже является бумагой о высшем образовании.

Кстати, о дипломах. В этом году впервые выдавались нового образца размером с почётную грамоту. Такую книжку в карман уже не засунешь. А пединститут выдавал ещё старые советские «корочки».

С началом лета в городе произошли перемены в архитектурном смысле, в основном касающиеся объектов торговли. На КП вместо старого деревянного детского сада и комендатуры построили несколько шикарных павильонов для торговли промышленными товарами и продуктами. Они выполнены в нескольких уровнях, имеют зеркальные витрины, прозрачные потолки и прочие современные атрибуты. Похожие сооружения стоят теперь и вдоль дороги, обходящей старый рынок сверху. Воинская часть напротив здания пединститута расформирована, ужасные склады и забор упразднены, сейчас там готовится площадка. Что на ней будет, пока неведомо. В результате оказалось, что в районе КП полно

места, идёшь и ни во что не упираешься. Подобные же преобразования сейчас протекают в районе ЦУМ «Петропавловск». Старые склады, обнесённые забором, убраны, а на территории былой базы сейчас создаётся новый рынок. В принципе, он действует уже несколько лет, но сейчас за него взялись с размахом.

Между прочим, эти самые склады являлись в какой-то мере «историческим» объектом. Они строились для приёма ленд-лиза. Во время войны Петропавловский порт был перевалочной базой для грузов из США. Вот для них-то оные и возводились. Правда, теперь об этом мало кто знает. Кроме этого, на нашей судоверфи проводилось техническое обслуживание транспортных судов, перевозивших грузы, знаменитых пароходов типа «Либерти». Впрочем, это тоже одна из тёмных страниц истории. Часть вышеупомянутых складов была ликвидирована в конце 1980-х, когда на их месте построили несколько пятиэтажек и разбили площадь с фонтаном. И вот пришла очередь оставшихся. Это к лучшему, так как оные исторические сооружения, как ты помнишь, наш славный город вовсе не украшали.

4 августа 1997 г. Спасибо за новости и поздравления с праздником — Днём ВМФ. Как обычно, ходили на Театральную площадь, смотрели парад, концерт, прибытие Нептуна (или, как мы его про себя называем, «Мойдодыра»). По случаю его появления нас слегка побрызгали водой из пожарной машины. Потом ходили смотреть корабли. Всякую мелочь — сторожевики, тральщики и прочие уже видели и до этого, поэтому основное внимание было уделено здоровенному кораблю космической связи (это плавучий центр управления полётами). У нас, кроме него, имеются части военно-космических сил, запасной «космодром», вернее, аварийная посадочная полоса, полигон и прочие космические штучки. Как-то я тебе писал, что знаменитые луноходы, первый и второй, тоже испытывались здесь. Ребёнку очень понравился этот корабль, особенно кручение штурвала на мостике и смотрение в здоровенный многократный бинокль. Надо сказать, что командование весьма приветливо встречало посетителей, обеспечило доступ во все помещения и приставило к нам экскурсовода. Побывали даже в машине.

В этом году приключилось у нас диво дивное: две недели назад впервые за многие десятилетия в Авачинскую губу зашло огромное количество горбуши. Она плескалась прямо у берега и выпрыгивала из воды в течение четырёх дней. Потом её количество стало убывать, и прыгать она перестала, но ловится до сих пор. Местное начальство быстро распорядилось открыть лицензионный лов прямо

на городском пляже. Кроме этого, применили несколько неводов и начали заготовку рыбы для больниц, школ, детсадов. Бесплатно обеспечивают неработающих пенсионеров.

Прогноз относительно того, что рыбы будет мало, оправдался только для более ценных, чем горбуша, пород. Цена горбуши на рынке (без различия размеров) — тысяча, при желании можно найти и за пятьсот рубликов.

Кроме горбуши, этим летом выдался «урожай» и на комаров. Такого количества кровососов ранее не припомню. Численность этой нечисти ежегодно увеличивается в геометрической прогрессии. Попутно резко начало расти количество стрекоз. Если лет десять назад они попадались весьма редко и считались экзотическими насекомым, то сейчас их полно, особенно в районе Култучного озера. Причём в прошлом году стрекозы были красные и оранжевые, а в этом году исключительно синие и фиолетовые.

Кстати, об озере. Его самоочистка благополучно продолжается, оно уже не цветёт, несмотря на «жару», рядом открылся аквапарк с лодками, а пацаны освоили в нём купание. Может быть, догадаются запустить туда карасей или подобную рыбу. До астраханских лебедей мы ещё не дожили, а вот дикие утки и какие-то птицы, вроде бакланов, а также чайки в наличии. Получается, что озеро оживает. Тюленей и моржей пока нет, а вот морские львы имеются — на Моховой, на пирсах Петропавловского рыбозавода.

Похоже, что лето также вышло урожайное на грибы и ягоды. Ездили вчера с семейством Ю.К. за жимолостью в район посёлка Кеткино. Он в прошлом году приобрёл полноприводный японский микроавтобус, который оказался достаточно удобен для подобного рода поездок. Сегодня перерабатывали сбор. Одна из главных сложностей пребывания на природе — это уже упомянутые комары. Между прочим, выяснилось, что рекламируемые фирменные препараты против них не очень-то и помогают.

С конца июля установилась «переменная» облачность, причём временами даже чересчур. Погода ежедневно меняется по пять-шесть раз. Этим летом дожди приняли определённо материковский характер — тёплые мощные ливни, чередующиеся с солнцем, сопровождаются громом, молнией да ещё и радугой. Температура в тени в среднем восемнадцать — двадцать, на солнце до тридцати пяти. Это в городе. А за городом — примерно с пятнадцатого километра объездной дороги — погода резко меняется, становится значительно теплее. В долине реки Камчатки температура держится двадцать шесть — тридцать градусов. Если дело пойдёт

дальше такими же темпами, то лет через пятнадцать будет у нас как во Флориде. Хотелось бы, чтобы зима стала покороче.

Отпуск у меня такой же, как и у школьных учителей — с «северными» прибавками шестьдесят девять рабочих дней. До 1994 г. было шестьдесят, затем дали ещё девять. С учётом выходных и праздников получается за год три месяца. Довольно прилично, особенно с учётом мнения отдельных граждан, полагающих, что учителя и преподаватели — сплошь бездельники...

Елизовский зоопарк имеет официальный статус и считается самым северным в мире. Тамошняя городская администрация оказывает ему кое-какую помощь, помогают некоторые фирмы, а также сердобольные граждане. В зоопарке несколько помещений и вольеры на улице. Одних крокодилов насчитали восемь. Самый грандиозный — более двух метров длины. Есть анаконда метра в четыре. Обезьяны пяти видов, даже размножаются в неволе. Зоопарк обменивается с отечественными и зарубежными аналогичными учреждениями, особенно бойко идут, естественно, медведи.

24 июля приключился с нами юбилей — триста лет присоединения Камчатки к России, но празднование будет проходить 11 сентября в День города и примет всероссийский масштаб. Во стольном во граде, во Москве, создана комиссия по подготовке оного празднества во главе аж с каким-то первым вице-премьером. А из округа на днях пришла весть о том, что ансамбль «Мэнго» отказался принимать участие в местных торжествах, так как, по мнению его участников, «оккупация Камчатки Россией аборигенам ничего хорошего не принесла». Тем не менее, в Москву по этому же поводу они поедут. Вот и разбери их...

29 августа 1997 г. ...Потихоньку собираемся в школу, в которой не были три с половиной месяца (отпустили на каникулы 16 мая)... Скоро опять начнётся вставание ни свет ни заря — начало уроков в восемь пятнадцать. Я, например, человек ночной, люблю с утра поспать, а вот поздно могу посидеть и поработать. С конца июля понемногу вспоминали математику и письмо, решали примеры и задачи, которые сами и придумывали. Например, такую: папа, воспитывая сына-школьника, измочаливает в течение года два брючных ремня. Сколько ремней измочалит папа за десять лет обучения, если сын-балбес в седьмом классе остался на второй год?

...Погода у нас так себе. Против ожидания август выдался не жаркий, в основном переменная облачность, но осадков нет, поэтому пыльно. Температура от семнадцати до девятнадцати. По ночам уже прохладно, не за горами осень. Урожай в этом году вроде

неплохой, но цены на сельхозпродукцию значительно выше, чем в прошлом сезоне. Резко, почти вполовину, взлетели цены на сахар. Рыба тоже вздорожала, несмотря на то, что идут кижуч и кета.

Вчера по городу разнеслась благая весть — вроде бы заканчивается ремонт на ТЭЦ-2, но горячую воду, видимо, придётся подождать ещё некоторое время. В этом году как никогда было крутое отключение оной — почти два месяца нет, в том числе и в тех районах, где с ней обычно перебоев не было (Горизонт, Северо-Восток, четырёхтрубные). Не помню, писал или нет, подняли квартплату со ста двадцати до двухсот тыщ. Электроэнергия пока такая же, как и раньше.

С начала года таксофоны работают только по жетонам, один жетон — шестьсот рублей. До этого телефоны были вначале бесплатными, затем вместо жетонов использовались бывшие советские двухкопеечные медяшки, стоившие вроде рублей сто пятьдесят — двести. Этому народ радовался, так как запасы советских денег у него оказались неисчерпаемы и, кроме того, «двушки» были вполне совместимы с гривенниками. Теперь осталась бесплатной только газета, впрочем, с недавнего времени их уже две. Первая, «Тройка», выходит года два, вторая — «Лукоморье» — появилась в начале лета. Её издаёт одноименная телерадиокомпания, которая, между прочим, размещается на третьем этаже бывшего ЦПКТБ.

Я в отпуске, выходить через месяц. Учебный год в нашей славной академии начнётся 8 сентября. Сейчас использую свободное время для работы в областном архиве, собираю некоторые материалы по истории рыбопромыслового флота и Акционерного Камчатского общества (АКО). Сегодня попалась документация о начале Озерновского комбината (1928 г.). Очень интересно. До более поздних времён ещё не дошёл, если что попадётся — напишу. Это самое АКО, конечно, было грандиозным замыслом...

1 октября 1997 г. ...Спасибо за последние новости. Вот и прошёл первый осенний месяц. Сентябрь оказался ничего себе, довольно тёплым. 17-го числа случился праздник — наконец включили отопление и горячую воду. Но праздник сей носит локальный характер, повезло только тем, у кого питание от ТЭЦ-2. Кроме этого, отметили День города и попутно трёхсотлетие «воссоединения Камчатки с Россией». Эти, напротив, вышли на славу. Погода держалась отменная, народу было полно, дали хороший концерт, были гулянье, рыбацкая уха и солдатская каша, всякие возложения и возлияния, молебны и презентации, а также прочие, ныне особо модные штуки. Вечером хлопал весьма неплохой фейерверк

с понтонов, установленных на Култучном озере, из пушек с набережной и с кораблей на бухте.

К празднику город основательно почистили, привели в порядок «красную линию», но на остальное денег не хватило. Москва выделила некоторые суммы на реставрацию местных памятников, весьма неплохо поправили часовню, поменяли кресты на могилах христолюбивого российского воинства, не забыли и про франко-английских супостатов. Кроме этого, подлатали памятник Лаперузу и сделали несколько новых пешеходных дорожек в центре, отремонтировали лестницы с Ленинской на Советскую. Имелась и издательская программа: наш «Камчатский печатный двор» выпустил несколько книжек и буклетов по празднуемому поводу...

Погода стоит хорошая, спокойная и тихая, довольно тепло. По ночам, правда, температура падает до плюс двух, но днём добирается до четырнадцати. Листья пожелтели и покраснели, хотя активного листопада ещё нет. Если погода испортится (хотя на эту неделю прогноз хороший), то всё это быстро осыплется.

Урожай картошки в основном собрали. Он оказался несколько ниже ожидаемого. Многие участки в городской черте и Елизовском районе были заражены нематодой. Сейчас проводят какие-то мероприятия по этому поводу, но говорят, что на следующий год может быть ещё хуже.

Завтра заканчивается отпуск, пойдём на службу. Нагрузка в этом семестре не очень большая, значит, найдётся время для занятий «наукой». Летом, как писал, работал и сейчас работаю в областном архиве. Продолжаю собирать материалы по истории развития рыбопромыслового флота. Интересное оказалось дело. Сейчас разбираюсь с фондом АКО, добрался до предвоенных лет. Фонд состоит из более чем шести сотен дел объёмом от ста пятидесяти до четырёхсот листов каждое. Масса бумаг ранее толком не исследовалась, не систематизировалась и не публиковалась. Вот я и решил посмотреть на это дело в плане развития судовых энергетических установок, да и для общего знакомства не помешает. Сегодня, например, наткнулся на характерное для 1930-х гг. название одного из пароходов — «Наш ответ вредителям». Кроме этого, есть фонды ОКАРО (Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества), предшественника АКО (1924—1927 гг.), Камчатрыбпрома (с 1945 г.). Есть и архив нашего славного училища, историей которого серьёзно тоже никто не занимался.

Вообще, в последнее время интерес к родной истории, и Камчатки в частности, среди публики резко возрос. Но парадоксом является

то, что относительно недавняя история (1930—1950-е гг.) гораздо менее ведома, чем времена Беринга и Атласова. Вот и возникла у меня идея покопаться в этом направлении: и самому интересно, и, глядишь, людям полезно будет. Тем более что высасывать из пальца собственную «судомеханическую науку» в наших условиях весьма сложно — нет школы и соответствующих специалистов-руководителей.

Про Алаид ничего не слышал, да и вообще давно нас серьёзно не трясло. Сегодня передали, что некий «центр мониторинга» (любят же у нас заграничные слова совать куда ни попадя) как самостоятельная организация прекращает своё существование. Интересно, чего он, этот центр, намониторинговал за всё время своего бытия?

24 декабря 1997 г. ...На работе много забот, сейчас за начальника управляю родной кафедрой. Оно всё бы ничего, если бы не подготовка к назревающей весной аттестации нашей славной академии. Поэтому полно бумажной работы: методическое обеспечение, переработка планов, всякие отчёты и прочее. Кроме этого, идёт учебный процесс в его самой крутой стадии — ближе к сессии. Плюс по вечерам добавились заочники (группа техников, но за них хоть дополнительные деньги дают).

В ноябре поступил в заочную аспирантуру по основной специальности. Сдал три вступительных экзамена: философию, английский, специальность. Вместе со мной поступало ещё три человека с кафедры, мои прошлогодние выпускники, которые сейчас работают у нас ассистентами. Пришлось тряхнуть стариной, готовиться и сдать всё на пятёрки, а то вот была бы стыдоба! Ещё двое наших мужиков, но на сей раз моего возраста, 1962 и 1963 годов рождения, будут поступать весной. Таким образом, из восьми штатных преподов кафедры будет шесть аспирантов-заочников. Вот такой выходит у нас комсомольско-молодёжный коллектив!

В декабре началась учёба в аспирантуре. Сейчас нам читают курс современной философии, проводят семинары. Короче, снова стал студентом. Надо сказать, что весьма интересная штука эта современная философия. Жаль только, что понимание полезности всяких знаний приходит с возрастом, а на студенческой скамье всё это толком не воспринимается. В феврале намечаю сдать кандидатский экзамен — на него должен приехать какой-то крутой профессор. Весной займёмся английским, так как летом нужно будет сдавать экзамен и по нему. Вообще-то, заочное обучение — дело добровольное, рамок никто не ставит, но с общеобразовательными вещами следует разделаться пораньше, чтобы заняться

собственно «наукой». Вот это и случится, надеюсь, до лета. Срок обучения заочно — четыре года...

Недавно, наверное, вы слышали об этом, произошла у нас встряска. Полдвенадцатого ночи всё вдруг зазвенело, открылись двери, кое-что попадало. Но ребёнок спал, даже не проснулся. Бдительная соседка, которая обычно в таких случаях всегда открывает двери в подъезд, на этот раз тоже почему-то не проявила активности. После этого ночью и утром тряхнуло ещё несколько раз, но послабже.

В некоторых районах города эта встряска ощущалась весьма сильно. Кое-где в зданиях полопались стены. На службе местами потрескалась штукатурка, обозначились швы в стенах. Трясло в Кроноцком заливе в трёхстах километрах от города, с очень приличной магнитудой. В Тиличиках сила встряски достигала восьми баллов, в городе — до шести. Все живы и здоровы, но почему-то сразу вспомнили про Спитак, которому как раз в это время исполнилась очередная годовщина.

Два дня назад среди бела дня произошёл выброс пепловой тучи из «домашнего» Авачинского вулкана. Это в очередной раз переполошило публику, хотя никакого толчка не последовало. Наука говорит, что к землетрясению это отношения не имеет. Сейчас наблюдается спад сейсмической активности. Надеемся, что ничего существенного больше не приключится.

Нужно отметить, что на улицу народ сильно не ломился — зима в полном разгаре и довольно прохладная: ночью до минус пятнадцати, днём потеплее — до минус семи. По телевизору передают страсти, что в России сильно холодно. Это же можно сказать и про нас. Теплоснабжение пока в норме, дома тепло. Перебоев с электроэнергией нет, хотя сложности с топливом остаются. Похоже, что они уже перешли в разряд вечных. Хороших снегопадов было всего два, снега умеренно. Видимо, всё ещё впереди...

В центре города, на Театральной площади, проводится ранее в наших краях невиданная подготовка к празднованию Нового года. Строится большой снежный городок, какое-то действо затевается и на льду Култучного озера. Сегодня ставили здоровенную ёлку естественного происхождения высотой аж тридцать метров. Привезли её из Мильково вертолётом. Обещают в новогоднюю ночь устроить фейерверк...

2 февраля 1998 г. ...Очередная горячая пора — готовился к сдаче кандидатского экзамена по философии. Программа его весьма обширная и в основном основана на всяких современных философских школах и учениях. Пришлось изрядно попотеть.

Предварительно написал реферат. В качестве темы взял анализ философского учения Шопенгауэра. Весьма интересная личность, обитатель Германии середины прошлого века. Прочитал его основные труды, очень интересно. Был приятно удивлен схожестью «наших» взглядов на жизнь. В советские времена таковые особенно не приветствовались. «Идеалист» и «пессимист» — вот такой штемпель поставили на этого самого Шопенгауэра, естественно, никому ничего не дав толком прочитать. Его труды с дореволюционных времён не печатались, их переиздали только в 1990—1993 гг.

29 января сдал экзамен на отлично. В качестве председателя экзаменационной комиссии выступал крутой профессор, философское светило. Дело в том, что по положению в комиссии должен быть как минимум один доктор философских наук. Таковых у нас в нашей славной академии, а также в пединституте, пока нет. Этот экзамен войдёт в историю нашего вуза, да и всей Камчатки, как первый кандидатский в стенах новоиспечённой аспирантуры...

Погода стоит неплохая, довольно тепло. В январе морозы случились только в начале месяца, да и то не ниже минус двенадцати. Вместо крещенских холодов началась оттепель. Февраль, по прогнозам, обещает быть тёплым. Снега заметно меньше, чем в прошлом году, но всё равно довольно неудобно, скользко. Убирают его медленно, тротуары покрыты льдом. При нашем изобилии автомашин и безбашенности многих их хозяев хождение по улицам сопровождается постоянным риском для жизни.

Недавно произошло событие, которое сильно всех встревожило. Пожалуй, впервые раздалась стрельба на улице средь бела дня. Совершено покушение на председателя правления Камчатрыббанка. Этот самый банк размещается в здании бывшего Камчатрыбпрома. А вышеозначенный банкир проживает в доме на Ключевской над бывшим овощным магазином. Два раза в него выстрелили утром в районе политехникума, но повезло, остался жив. До этого случая жили относительно тихо и мирно, во всяком случае, стрельбы, как во многих материковских городах, не было. Плохой признак.

Продовольственный рынок, так же как и вещевой, насыщен всем, чем угодно. Открылось полно новых магазинов. Рыбные товары в достаточном ассортименте. Между прочим, много прибалтийских консервов, в основном шпроты в масле и паштеты. Кроме этого, навезли всякой экзотики — омаров, лангустов, креветок, осьминогов, всяких ракушек корейского, японского, австралийского и прочего заграничного происхождения. Даже осетрина на рынке есть, но откуда она, не знаю. Наше привычное добро тоже в достатке.

Цены следующие: филе минтая — до двенадцати; камбала мороженая — от пяти до шести; минтай и треска мороженые — от четырёх до шести; горбуша мороженая — до семи, кета и более благородная лососина — от десяти. Кальмар-филе — двенадцать, палтус — пятнадцать, корюшка — от восьми до десяти, карась — восемь рублей за кило. «Крабовые палочки» тоже есть, но насколько я понимаю, происходят оные вовсе не из крабов, их делают из минтая.

Овощи-фрукты весь год, в том числе и ананасы. Яблоки — от девяти до тринадцати, груши — между десятью и двенадцатью, апельсины — от восьми до десяти. Самыми дешёвыми оказались мандарины — от семи до девяти. Бананы цену имеют самую разную, но обычно десять — двенадцать. Открылось несколько фирменных кондитерских магазинов с московскими и хабаровскими конфетами. Естественно, полно всякого заграничного добра различного качества и цены. Особой популярностью у нашего народа пользуются оптовые магазины, коих открылось большое множество...

(С 1 января 1998 г. число цифр в ценниках уменьшилось. Ещё 4 августа 1997 г. был подписан президентский указ «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен», то есть о деноминации в тысячу раз. Теперь зарплатные миллионы, у кого они были, обратились в тысячи, а те в свою очередь — в рубли. Одновременно введены в оборот новые купюры и монеты. — *С. Г.*)

1 марта 1998 г. ...Из последних городских новостей самая заметная, пожалуй, — запуск «четвёртой кнопки» на телевизоре. Началась трансляция давно обещанного канала НТВ. Идёт он через спутник по московскому времени, то есть начинается часа в четыре вечера и заканчивается часов в десять утра следующего дня. Видимо, будет очень удобен для развлечения ночных сторожей...

На работе — суета, связанная с подготовкой к аттестации от Госкомвуза, сроки которой уже определены на конец мая — начало июня. По этому случаю много бумаготворчества. В аспирантуре дела идут потихоньку, сейчас изучаем английский. Кроме этого, со вторника 3 марта начинаются психология с педагогикой. Теперь станем «квалифицированными педагогами», а не как-нибудь...

30 марта 1998 г. ...Прошла очередная горячая пора — сдавал зачёты в аспирантуре. Приезжал к нам цельный академик, читал курс «Надёжность и диагностика технических систем». Кроме этого, изучали психологию высшей школы и оную же педагогику. Ещё провели научно-техническую конференцию, готовил доклады, изда-

вал тезисы, были и прочие организационные хлопоты... 14 апреля обещают кандидатский экзамен по английскому. Сижу, составляю словарь, делаю письменный перевод довольно скучного текста. На прошлой неделе написал реферат по прочитанной английской (вернее, датской) книжке о современных судовых двигателях...

На рынке на КП в районе автобусной остановки сломали последнюю достопримечательность времён диктатуры пролетариата — здание военной прокуратуры, зелёную одноэтажную избу. На её месте осталась довольно большая площадка, которую, наверное, используют под очередной магазин или павильон. Впрочем, строительство начнётся только летом. Самый распространённый вид новостроек в нашем славном граде Петра и Павла — это автостоянки.

Как ты помнишь, сей град никогда особой красотой и чистотой не славился. К его привычным особенностям за последние пять лет добавилась ещё одна, а именно — огромное количество импортных автомобилей. Улицы, дворы, газоны и тротуары забиты этим ржавым жестяным барахлом, изъятым к радости аборигенов Японских островов с лучших тамошних помоек; перепорчено и заезжено всё, что только можно. Особого рвения городских властей по поводу обуздания оной напасти почему-то не наблюдается, хотя, говорят, существует какая-то «экологическая милиция». Правда, в последнее время появились относительно новые и достаточно хорошие машины, но общую картину они не меняют.

По этой причине хождение по дорогам и тротуарам представляется занятием весьма опасным, так как наш народ ездит так, как ему захочется. Чуть не каждую неделю в городе наблюдается один-два покойника по причине ДТП. На прошлой неделе таких «заезженных» было аж трое, причём в один день. Они решили покататься в пьяном виде...

Дело с перестройкой кинотеатра «Родина» в собор не движется. При входе сделали звонницу, на крыше возвели сетчатый крест, внесли ещё какие-то изменения. Но на храм всё это похоже слабо. Более-менее солидный храм строится в Елизово, но и там не хватает денег. Недавно мусульманская община объявила, что заложит мечеть на пустыре в районе кинотеатра «Горизонт». Кстати, место там довольно приличное, с возвышенности хороший обзор, удобные подходы...

Насчёт стрельбы в мэра не менее славного града Елизово могу сообщить только то, что-то там такое было, но вроде бы все опять остались живы. Честно говоря, в это время сильно был занят, поэтому толком про эти события не знаю. Понял только одно — со

стрелками у нас плохо, видимо, собственных профессионалов ещё не вырастили. Работают очень скверно. Есть что исправлять. (Шутка, конечно, чернушная. Спустя два года, 27 марта 2000-го, тоже в Елизово, в подъезде собственного дома, был убит, точнее, смертельно ранен, вице-губернатор области, председатель комитета по управлению госимуществом. — *С. Г.*)

Да, вот ещё что. В соседнем с нами бывшем рыбном техникуме частенько объявляют поиски заложенных «бомб». Тамошние детки развлекаются подобным образом уже в третий или четвёртый раз. Последнюю «шутку» связывают с тем, что нескольких особо выдающихся учеников не допустили до госэкзаменов. В нашей славной академии подобного ещё не случалось, может, потому, что публика в ней состоит куда как более солидная...

22 апреля 1998 г. ...Относительно тепло, правда, сегодня пасмурно и довольно противно моросит. На Пасху погода была хоть куда — тепло, солнечно. В городе снег почти исчез, остался только на сопках и во всяких неудобьях, куда не заглядывает солнце. Грязища сошла ещё не совсем, но местами ей на смену уже пришла пылища. Хоть зима в этом году и не была уж очень снежной, тем не менее, нашего знаменитого чёрного халактырского песка насыпано по всем улицам — будь здоров! Скоро позовут общественность оный собирать — субботник, однако! Да, ведь сегодня как раз день рождения любителя нечеловеческой музыки, шалашей и езды на паровозах, значит, самый раз начинать грести мусор.

Между прочим, этот самый чёрный песок сильно удивляет приезжих. Видимо, они больше привыкли к белому и жёлтому.

Но особенно расслабляться по поводу наступившей было весны мне лично до вчерашнего дня не приходилось. А вот теперь, наконец, можно перевести дух. Нашей (моей) передовой российской наукой достигнута очередная эпохальная победа — сдан ранее обещанный кандидатский экзамен по английскому. Не то чтобы сам экзамен был уж сильно сложным, просто много времени и сил ушло на выполнение всяких формальностей: написание рефератов и получение отзывов на них, оформление письменного перевода, составление словаря технических терминов и постраничного словаря и т. д. На всё потрачено более двух месяцев. Попутно, в прошлую пятницу, сдал кандидатский зачёт по дисциплине «Психология высшей школы». Итого на сегодняшний день сдано пять предметов, сейчас идёт изучение шестого и вскоре будет ещё один, но это уже семечки. Кроме этого, наметил самостоятельно освоить несколько дисциплин исторического цикла — историографию и ис-

точниковедение, а если понравится, то ещё чего-нибудь из этой области. Это всё к тому, что решил всё-таки заняться историко-техническими изысканиями на основе нашего местного материала.

Славная морская академия идёт к аттестации. Так что дополнительно к учёбе прибавляются хлопоты, связанные с составлением и приведением в порядок всяческой документации...

В воскресенье прошли у нас выборы депутата в Государственную Думу. Вот суеты-то было! Один кандидат-депутат круче другого: то весь город завалят календариками с агитками (кстати, это единственное, что пока народу на пользу), то на торцах домов повесят (да ещё и с подсветкой!) собственные огромные портреты на фоне семьи и верных соратников. Вроде, по предварительным данным, выиграл некий ...Харлампиевич Зави(е)рюха. Он раньше был вице-премьером и, в частности, курировал рыбную отрасль. Надо сказать, что сильно любят у нас баллотироваться всякие столичные штучки. Предыдущим был некто Задорнов, но не тот, который по «ящику» любит рассказывать про «закрома родины», а совсем даже напротив — тот, который всё время говорит, что эти самые закрома пусты, — нынешний министр финансов. А в этом году главная борьба разгорелась среди уже упомянутого Заве(и)рюхи, Шведа из ЛДПР и ещё какого-то московского буржуа. Кроме них, было шесть местных кандидатов, из которых тебе известен, видимо, только один — чудаковатый диктор местного телевидения по фамилии Л. Эти шесть последних набрали совсем мало голосов.

(Выборы в Думу состоялись 19 апреля, в воскресенье. Они были дополнительными: кандидаты стремились занять место, освободившееся после перехода М. М. Задорнова на работу в правительство. Победил А. Х. Заверюха. — *С. Г.*)

Приезжал к нам поддерживать своего Шведа небезызвестный Владимир Вольфыч, произносил по сему случаю пламенные речи на Театральной площади. Народу туда сбежалось больше, чем у местных большевиков на ноябрьские торжества по поводу былой октябрьской оказии...

19 мая 1998 г. ...Наконец, вроде наступила весна. Снег растаял, средняя температура плюс десять и выше, пытается расти травка. Листьев на деревьях ещё нет.

На День Победы приключилась такая пурга, какая и не в каждый февраль бывает. Навалило полно снега, потом было много воды, но сейчас всё пришло в норму. Правда, в двадцатых числах мая обещают ещё один циклон, но народ всё-таки надеется, что его пронесёт мимо.

В дни, последовавшие за праздником, сложилась тяжёлая обстановка в окрестных морях, обернувшаяся трагедией — пропал малый рыболовный сейнер. Пять дней поиска привели к тому, что океанрыбфлотовцы заметили в двадцати милях от западного побережья два надувных спасательных плота. Один перевёрнутый и затопленный, второй — с тремя членами экипажа: старшим помощником, коком и матросом. Двое погибли от переохлаждения, один захлебнулся. Матрос — курсант-судоводитель нашего мореходного факультета, проходил практику. Остальные пять членов экипажа ещё не найдены. Судно, очевидно, погибло.

В прошлом году летом также утонул один МРС, но из-за перегруза при хорошей погоде. Экипаж уцелел, все спаслись, так как дело происходило возле берега. Жертв и всевозможных несчастных случаев, а также аварийности в последние годы в достатке. Это связано, в первую очередь, с тем, что некогда монолитная государственная собственность оказалась разделённой среди многочисленных судовладельцев. Основной интерес последних — добыча «бабок» любой ценой, а тут уж, понятное дело, не до обеспечения безопасности мореплавания. В прошлом году неоднократно присутствовал на аттестационной комиссии плавсостава (механиков), так что состояние дел в различных малых шарашках немного представляю...

На работе дела идут нормально. Уже несколько дней в очередной раз пребываю в роли начальника родной кафедры. Наш заведующий уехал на побывку на историческую родину — в славный град Мурманск, ему нужно делать операцию. Так что приходится ГАК проводить мне. В связи с этим снова полно забот — консультации, установочные занятия, предзащита, организационная суета. Помимо всего прочего, куча всякой отчётности по случаю завершения учебного года и планирования работы на следующий. А я думал ближе лету ещё немного поучиться. Дипломников у меня в этом году в общей сложности девять: шесть бакалавров и три инженера. Всего ожидаем выпуск двадцати четырёх бакалавров, шестнадцати инженеров дневного отделения и двух инженеров и девяти техников с заочки.

Аттестация, по последним слухам, переносится на сентябрь. Значит, нервозность будет только усиливаться. Начальники требуют всякие бумажки, многие из коих довольно бестолковые.

Отопление пока продолжается, тепло, электроэнергия подаются исправно. Однако сегодня передали, что запасы топлива снова подходят к концу. Принято к сведению, особенно с учётом того, что

оные запасы подходят к концу непрерывно последние лет семь-восемь, к этому все уже попривыкли. Тем более, зима закончилась, значит, можно смело гасить топки и сливать воду.

Насчёт нового порядка начисления пенсии — это, конечно, безобразие. Наши правители не знают, какой ещё способ экономии изобрести. В последние дни постоянно передают по ящику о грядущем на материке шахтёрском бунте. А завтра наши местные учителя собираются пикетировать городскую администрацию, у них опять начались невыплаты. Гуляют слухи о расформировании части школ, наш бывший детский сад № 27 закрывают (ныне в его здании расположен «Вулканариум». — *С. Г.*).

В нашей конторе ожидали уменьшения набора на госбюджетной основе, но пока он остаётся на уровне прошлого года. Есть некоторое новшество: сейчас принимают в две группы по двадцать пять человек. Одна группа условно называется «механики», вторая — «рефмеханики». Первые четыре курса они занимаются по единой программе и выпускаются в качестве бакалавров-механиков на нашей кафедре. Затем у них начинается специализация: часть идёт на «Эксплуатацию СЭУ», часть — на «Физику и технику низких температур». На пятом и шестом курсах они замыкаются, таким образом, на две выпускающие кафедры. Вот это есть последнее наше новшество. В этом году впервые прошёл через меня третий курс из таких двух групп...

16 июня 1998 г. ...Мы, несмотря ни на что, ещё живы всем врагам назло. Энергетический кризис начался 27 мая и продолжается до сих пор, конца его пока не видать.

Неделю назад открылось лето (весьма рано), да ещё какое — температура днём до плюс двадцати четырёх. Дождей давно не было, поэтому душно и пыльно. Погода стоит такая, какая обычно бывает в августе. Как-то рановато начали летать злющие комарики, а вот мух пока мало.

Тёплая погода скрашивает отсутствие электроэнергии. Харчи при её полном отсутствии готовим на газе. Оный закачан в баллончики ёмкостью по пятьсот граммов, стандартные, корейского или китайского производства, стоимостью по пять рублей. Они вставляются в портативные газовые плитки. Одного баллончика хватает часа на четыре непрерывной работы на «полную катушку». Но так как на эту самую «катушку» работать обычно не приходится, то растягивается на значительно больший срок (до недели). Плитка имеет пьезокристаллическое зажигание и регулятор подачи газа. Появились они года три-четыре назад. Довольно удобная штука,

поэтому их берут на дачи, на природу. Но главное назначение — использование по такому случаю, который у нас и приключился.

Я тебе писал в прошлом году про эти дела и про историю с радиоактивными китайскими светильниками, которые тоже работают от этих же баллонов. По поводу использования газовых плит детёныш заметил, что неплохо было бы придумать и газовые телевизоры. И чтобы, как на видеокассетах, было написано, какое там кино. Сунул баллончик — и смотри себе то, что названо...

У меня по-прежнему горячая пора. Хлопотное оказалось это дело — заведование родной кафедрой в период проведения госов и защит. Канители много, а вот доходов...

В качестве председателя ГАК в этом году у нас аж цельный академик из Санкт-Петербурга. Такой живой классик судомеханической науки. Неплохой дядька из вымирающей плеяды настоящей российской интеллигенции. Снова подтвердилось, что мы тут тоже не лыком шиты. Кое-чему академик даже удивился, в частности, хитрой системе нашей подготовки, количеству современной вычислительной и тренажёрной техники. Кроме этого, наши детки выказывают неплохие познания. Между прочим, госэкзамены у нас проводятся уже десять лет, а в Макаровке (это ведущий вуз России в системе морского транспорта) — всего третий год. Правда, у нас разное ведомственное подчинение, большинство крутых «классиков» трудится именно в системе бывшего Минморфлота.

Набор на судомеханическое отделение мореходного факультета в этом году, как и раньше, составляет пятьдесят человек (две группы). Все места госбюджетные, то есть бесплатные. Все на гособеспечении, при кормёжке, форме и военно-морской кафедре. Получают небольшую стипендию. Распределение сохранилось по сию пору.

Технологи в академии как существовали, так и сейчас существуют. Их былая кафедра сейчас включает в себя и промрыбаков, поэтому называется «Кафедра добычи и обработки морепродуктов». Промышленное рыболовство как отдельная специальность сошло на нет. Зато появились ихтиологи и экологи. Набор на эти специальности также госбюджетный и примерно в таком же количестве, как и у нас.

Платными являются всякие экономические, филологические, связанные с информатикой и вычислительной техникой специальности. К ним мы отношения не имеем.

Из последних местных экономических новостей — банкротство крупнейшей рыболовецкой конторы — УТРФ. Несколько лет

назад было уничтожено подобное же предприятие БРХФ. БОР (ныне он называется АО «Океанрыбфлот») вместе с АО «АКРОС» (бывшее КМПО) тянутся, как могут...

6 июля 1998 г. ...Лето в полном разгаре — месяц непрерывно стояла подозрительно хорошая погода, было жарко и пыльно, это даже порядком надоело. И вот в субботу, 4-го числа, пошёл долгожданный дождь. В воскресенье установилась чудная тёплая, хотя и пасмурная погода, а с понедельника, то есть с сегодняшнего дня, опять началась жара. Когда сидишь в учебном корпусе, то вроде ничего, только высунешь нос на улицу — духотища, да ещё усиленная интенсивным испарением накопленной в дождливое время влаги...

Лосося в этом году ожидают много. Особенно урожайной обещает быть горбуша. Ждут подходы на уровне позапрошлого года, когда не знали, куда её девать — пришло сто пятьдесят тысяч тонн. Видимо, цены будут в районе рубля или даже полтинника за штуку. Впрочем, скоро увидим.

Надо сказать, что цены на основные продукты у нас устоялись и не меняются (конечно, немного колеблются в обе стороны) в течение последних полутора лет. Наблюдаются сезонные колебания на фрукты-овощи.

Сейчас народ опасается обещанного повышения стоимости квартплаты и коммунальных услуг. На фоне неприбавки в течение более чем трёх лет заработной платы бюджетникам и заметно выросшей за это время стоимости жизни это станет сурьёзным испытанием. Тем более что повышают-то коммуналку обычно сразу наполовину.

Ещё одна весьма опасная и глобальная неприятность заключается в том, что активно раздувается слух о введении в ближайшее время платы за рыбные ресурсы. Если до этого по-настоящему дойдёт дело, то будет нашей рыбной индустрии не до смеха. Велика вероятность перекупки их другими фирмами, и на этом фоне — труба всей Камчатке. Сейчас большие сложности (а конкретно — банкротство) у крупнейшего нашего производителя — УТРФ. Хотя некоторые конторы умудряются развиваться. Например, АКРОС — новейший флот, сейчас расширяют береговое хозяйство: построили в Сероглазке мощнейший современный холодильник, причальное хозяйство, склады.

Энергетический кризис вроде преодолён, потихоньку завозится топливо. Говорят, что очередных потрясений пока не ожидается.

Экология в порядке, вода чистая, воздух тоже в норме. Недавно в Петропавловске открылось представительство ЮНЕСКО (второе в России) — как раз что-то по экологии...

6 августа 1998 г. ...С этого вторника, то есть с 3 августа, жара отступила, начался «сезон дождей», стало довольно прохладно. Вот, по радио завтра опять обещали с неба водичку. По прогнозам, август должен быть достаточно влажным.

Горбуша прёт. По поводу её хода возникали было опасения — он начался заметно позже, чем обычно. Оказывается, из-за тёплого лета вода в нерестовых речках слишком нагрелась, поэтому рыба заходить в них не спешит. В реке Камчатке температура доходит до двадцати градусов. Даже возникали опасения, что рыба постоит-постоит да и уйдёт на Аляску. Тем не менее, в рыбных рядах рынка на КП (а всего их два, второй на площади у «Силуэта») горбуша есть от полтинника до двух рублей, кета — от трёх до шести рублей за хвост (по четыре-пять кило весом).

На трассе Усть-Большерецк — Петропавловск по примеру сибирских «сидельцев» на железных дорогах группа жителей Большерецка установила пикет, требуя зарплату и возвращения прочих долгов. Сегодня об этом даже рассказывало Центральное телевидение...

В исторической части славного града Петра и Павла мало что изменилось. Култучное озеро вполне очистилось, на нём, как писал, развёрнут аквапарк. «Вторая серия» этого аквапарка расположена через косу на пляже. Там оборудован причал (это ближе к мехзаводу). Народ катается по озеру на лодках, яхточках и даже виндсёрфингах. По всему периметру проложены дорожки, одна насыпная трасса проходит по краю озера со стороны мехзавода, отделяя часть озера в отдельный пруд. Вода относительно прозрачная, местами видно дно. По бухте ходят прогулочные катера, большие морские яхты, есть и водные мотоциклы.

В этом году температура воды в бухте доходит до восемнадцати градусов, что весьма способствует отдыху у воды. Бухта за последние пять лет тоже стала заметно чище. Сказывается сокращение флота и свёрнутая производственная деятельность. Правда, иногда случаются сбросы нефти с судов и всякие протечки у военных. Но сейчас за это дело сильно «дерут», экологическая служба не дремлет.

У часовни на братской могиле защитников города смастерили по случаю трёхсотлетия флота новодельные пушки на деревянных лафетах. В кинотеатре «Камчатка» вместо трёх залов работает только один. В бывшем зале хроники расположен довольно неплохой оптовый магазин «Партнёр». Им владеет бывший курсант

нашей мореходки, учился, в том числе и у меня, в конце восьмидесятых. Между прочим, гастрономом на КП командует мой прошлогодний дипломник. Оба меня пока ещё признают и здороваются. Вот каких людей пестует наша славная академия! Кроме этого, в кинотеатре размещены представительства авиакомпаний и ещё всякие конторы. Всего в городе осталось три кинотеатра. Туда ходит народ, которому надоело дома таращиться в «ящик», когда он, естественно, работает.

В бывшей «Родине» ныне размещается епархиальное управление и храм святителя Николая. С начала лета у нас новый епископ. Сейчас собирается «впервые в истории Российского флота в дальний поход на подводной лодке», как сообщают местные газеты.

В Халактырском озере заквакали лягушки. Этого добра, как ты помнишь, на Камчатке никогда не было. Так что видовой состав нашей фауны, как, впрочем, и флоры, постепенно меняется. В этом году в городе видели серую ворону, чего также отродясь не случалось. Наверное, завезли с каким-нибудь пароходом, а то и самолётом. В последние годы снабжение Камчатки осуществляется преимущественно этим видом транспорта. Камчатское морское пароходство у нас почти не работает, все его суда зафрахтованы и действуют на международных линиях, да и осталось их из былых пятидесяти только около двух десятков.

В городе понемногу латают дороги, обустраивают торговые площади и рынки. С транспортом порядка стало больше, чем было лет десять лет назад. Активно ремонтируют теплотрассы, но подготовка к зиме затруднена малым количеством запасённого топлива — нет денег.

24 августа 1998 г. ...Две недели назад начался «полевой сезон». У кого-то он заключается в ловле букашек, у других — в лазании по горам или копке земли. У меня же — в розыске древних бумаг. Сейчас работаю в фондах нашего краеведческого музея. Там шикарная библиотека с собранием книг конца XIX — начала XX в. Оригинальных документов в музее мало, в основном они сосредоточены в архивах — областном (за зданием областной библиотеки) и бывшем партийном, расположенном на Ленинской, в доме с колоннами, былом обкоме партии.

Вот тебе выписка из книжки П. Ф. Унтербергера «Приамурский край. 1905—1910 гг.», изданной в 1912 г. В ней излагаются обстоятельства возникновения моей исторической родины — села Озерная: «На устье реки Озерной несколько лет тому назад образовалась небольшая компания, инициатором которой явился некий

Потужный. Образовалась она в разгар рыболовных предприятий на Камчатке, в расчёте на большие заработки. Когда на деле это не оправдалось, произошли недоразумения между колонистами и инициатором дела, часть первых уехала, но из них некоторые возвратились обратно.

В данное время колония насчитывает двадцать четыре человека и к ним прибывают всё новые засольщики. От компании ("Товарищество тихоокеанских морских промыслов Грушецкий и Ко") они имели хороший заработок, продавши ей в этом году сто двадцать тысяч рыб в свежем виде и, кроме того, часть в засоленном.

Колонисты разделали у себя огороды и намерены окончательно тут поселиться. Зимой у них была хорошая охота на белых куропаток, которых встречаются целые стаи, затем на горных баранов и диких оленей.

Плата рабочих на промысле Грушецкого двадцать пять рублей в месяц, известные премии и хозяйское продовольствие. Всего рабочих сто шестьдесят два человека, все русские».

Помянутый Унтер был не просто сам по себе Бергером, а в указанные годы являлся генерал-губернатором Приамурского края, в который до 1909 г. входила и Камчатка.

Как известно, в советское время строительство консервных заводов на Камчатке началось в 1927 г. На следующий год большевики добрались до Озерной. Однако рыбный промысел и засольный участок здесь были уже за двадцать лет до этого. Консервные заводы на Западной Камчатке в это время тоже имелись и, судя по тем документам, которые я чёл, оборудованы они были весьма сурьёзно. Лососёвые и крабовые консервы шли на лондонский рынок.

Вообще, после знакомства с подлинными бумагами некоторые представления советских времён об обстановке на Камчатке видоизменяются, многие мифы не подтверждаются. К началу Первой мировой войны жизнь здесь налаживалась невиданными темпами и, между прочим, без особых лишений, не говоря уже о жертвах. Но в этом предстоит ещё долго разбираться...

12 сентября 1998 г. ...Встряска, полученная народонаселением в последние недели, потихоньку рассасывается (речь идёт о так называемом «дефолте» 17 августа 1998 г., когда курс столь обожаемого уже тогда долл*а*ра по отношению к «деревянному» рублю в одночасье взлетел более чем втрое. — *С. Г.*). Многие магазины и оптовые базы закрылись под разными благовидными предлогами, цены в оставшихся резко взлетели. Ажиотаж по образцу 1990/91 гг. наблюдался, но, конечно, не в такой степени, как раньше.

Впрочем, прилавки в магазинах всё равно порядком опустели. На местную продукцию — рыбу, хлебобулочную, молочную цены сильно не изменились, местами остались теми же. Проезд на автобусах также стоит два рубля. Но, если учесть рост стоимости топлива (почти вдвое), то надо думать, что эта устойчивость ненадолго.

Поднялась также и квартплата, но это не в связи с кризисом, а было заранее обещано. Сейчас наша хата стоит двести шестьдесят четыре рубля с копейками. Честно говоря, ожидал более сильного роста. Сейчас (с 1 июля сего года) при расчёте квартплаты учитывают: а) этажность (за цокольный — скидка в пятьдесят, за первый и последний — двадцать процентов); б) тип дома (мелкоблочный, крупноблочный и панельный); в) район (близость коммуникаций и прочее; г) постоянное наличие горячей воды или её сезонную подачу.

Новшествами в определении размеров квартплаты стало отчисление некоей суммы на ремонт конкретного дома (типа на каждый дом заведён отдельный счёт) и плата за наём жилья (для неприватизированных квартир). С хозяев квартир вместо этого берут налог за имущество. Вот такие новости в нашем коммунальном хозяйстве.

Но главное, чего опасается народонаселение, это не рост цен, а положение с завозом топлива. Как бы ни пришлось снова куковать зимой без тепла: запасы пока что только по ноябрь. Наши «альтернативные источники» энергии пока находятся в зачаточном состоянии, и рассчитывать на них можно будет в лучшем случае года через три. Отопительный сезон ещё не начался. Последние годы топили с 15 сентября. В этом году сентябрь тёплый, по ночам не ниже плюс десяти, днём до восемнадцати. Сегодня, например, даже двадцать и очень тихо. Признаков наступившей осени ещё нет. Но через неделю всё начнёт желтеть, а там недалеко и до заморозков.

Насчёт истории рыбной промышленности. Кстати, этот термин вместе с его вариантом «рыбопромышленность» начали использовать с конца прошлого века, то есть задолго до «социалистической индустриализации». Первый камчатский рыбоконсервный завод был построен в 1900—1901 гг. на берегу Тарьинской бухты (это напротив Петропавловска, там, где сейчас город Вилючинск).

Строили его при помощи американских и норвежских инженеров. Он был оборудован современными машинами и существенно снижал ручной труд, за исключением нескольких операций. При заводе имелась собственная баночная мастерская. Завод выпускал консервы из лосося в фунтовых банках, по сорок восемь штук в ящике. Примерно в это же время была введена единица измерения

производительности консервных заводов — «условный ящик» (как раз тот, про который уже сказано).

Производство консервов было традиционным, мало отличалось от современного, за исключением одной хитрой операции. Вот её описание из 1901 г.: «Удаляют воздух, попавший вместе с рыбой в коробки; только что рыба вынута, только поставлена на столы, как мастера, только и знающие это дело, маленькими острыми коническими молоточками начинают пробивать дырочки в каждой крышке коробки. С шумом и свистом выбрасывается из каждой коробки струя пара, а с нею и воздух, а в это время другой рабочий, держа в одной руке кусок свинца, а в другой раскалённый паяльник, капает свинцом на отверстие, и как раз в тот момент, когда пар уже вышел. Эта работа очень интересная и исполняется она с замечательной ловкостью и быстротой. Глазом не моргнёшь, как в коробочке пробита дырка и запаяна. Эту работу исполняют мастера, выписанные с рыбоконсервных заводов на Аляске».

Насколько я понимаю, сейчас никто банки не дырявит и не запаивает.

Самые приличные консервы делали из нерки и кеты, заметно позже (после 1913 г.) стали использовать горбушу. Про кижуч данных не нашёл, по-моему, его просто солили. Консервы отправляли в Австралию, Америку, но в основном — на лондонский рынок. Работа была сезонной и только на лососях. Впрочем, примерно с 1910 г. началось производство и крабовых консервов на береговых заводах, как русских, так и японских.

Впоследствии завод в Тарье захирел из-за неумной налоговой политики (времена повторяются?) и, главным образом, из-за гибели его инициатора, большого энтузиаста в освоении Камчатки некоего А. А. Прозорова.

Что касается Озерной, то в 1913 г. на морских участках № 230 и 232 (назывались они Озерная-4 и Озерная-6) работали два завода с названием «Day Break Brand», также построенные американцами и англичанами...

3 ноября 1998 г. ...С 14 октября начался очередной энергокризис. За последние годы пережили мы много всяких чудес, но такого ещё не случалось. Писал, что летом были «глубокие отключения» (то есть на десять — пятнадцать часов в сутки), но то стояло лето, и довольно тёплое, да к тому же светло целый день. Сейчас обстановка более суровая: как известно, возможно, что не всем, в ноябре у нас начинается зима, почему становится холодно и темно. Отключения света длятся по семь часов через каждые три часа

(то есть по шестнадцать часов в сутки). С учётом того, что отопление не работает (напряжение в сети пониженное, сегодня ради интереса померил — всего сто семьдесят пять вольт), давление в отопительной системе слабое и вода в батареях стоит, а значит, проку от них никакого. Народ пытается отапливаться при помощи всяческих электрических грелок. Это приводит к перегрузкам электросетей и отключению уже запитанных районов. Так что фактическое время подачи энергии ещё меньше.

В субботу и воскресенье (то есть 31 октября и 1 ноября) стояла замечательная погода, солнышко хорошо нас нагревало в длинной спальне. Вчера шёл первый и довольно обильный снег, в общей сложности выпало сантиметров десять. Стало сыро. Бурного таяния этого снега не наблюдается, возможно, что он уже «настоящий», что довольно рано. Если помнишь, то обычно первый снег, быстро сходивший, выпадал после ноябрьских праздников. Култучное озеро замёрзло.

Обстановка у нас такая: температура в квартире поддерживается на уровне от двенадцати до четырнадцати градусов (пока с плюсом), в зависимости от количества пребывающего в конкретный момент населения и числа работающих грелок. «Горячая» вода с температурой плюс тридцать пять поступает тоненькой струйкой, которой хватает для основных бытовых потребностей. Буржуйку из железной бочки пока не ставили (некоторые граждане уже дожили и до этого), но о некогда выброшенном за казавшейся ненадобностью дровяном титане пожалели уже не раз.

Я как-то писал, что наш дом, построенный из мелких блоков, тепло держит более-менее. А вот панельные коробки остывают быстро, поэтому в некоторых из них не редкость и температура шесть-восемь градусов. Как существуют их обитатели — это даже для нас загадка!

На работе примерно то же. Раньше наш третий корпус отключался очень редко (он сидит на линии, идущей к бывшему качинскому дому). Но сейчас нашли и для нас «кнопку» и стало «как у всех». Но мы всем врагам назло ещё живы!!! И даже здоровы.

В школе всё устойчиво, четверть окончена с тремя пятёрками. Школа твёрдо снабжается теплом от котельной областной больницы. Недавно девушка задала такой вопрос (в ответ на указание проверить, выдернута ли вилка телевизора из сети): «А почему заграничные телевизоры не имеют кнопки для выключения? У них что, свет не выключают? А если не выключают, то почему?» Вот попробуй объяснить, почему в конце двадцатого века в некоторых

заграничных местах свет не выключают. Впрочем, и не в заграничных тоже.

Приехал тут к нам один профессор из Саратова в командировку, так он тоже, словно девятилетний ребёнок, никак не может понять, как же это так бывает? Ну, так для него это экзотика — посидит в гостинице под одеялом со свечкой, так потом хоть будет ему что вспоминать.

В довершение всей этой экзотики пришло сообщение, что теперь ждут взрыва Авачинского вулкана. Может, после этого теплее станет...

Сегодня передали некоторые утешительные новости. Вроде в Москве губернатор пробил график поставок нефтепродуктов на декабрь и далее — по сорок — пятьдесят тысяч тонн ежемесячно. Пятого числа выходит из Владивостока танкер с десятью, затем ещё один — с пятью тыщами тонн. Кроме этого, обратились к военным за десятью тыщами тонн мазута и пообещали, что если не дадут, то через трое суток будут отключать их самих (говорят, что военные являются самыми яростными неплательщиками, но по нашим законам их трогать нельзя). С учётом имеющегося в городе топлива обещают разрядить обстановку к 12 ноября. При возможном буйстве стихии это дело может и затянуться. Вот тогда и будет достигнут «рекорд» продолжительности, достойный внесения в Книгу Гиннесса.

Кризис привёл к нескольким жертвам. К уже привычным от пожаров добавился вот такой трагический случай: четырнадцатилетняя барышня решила готовить уроки при фонарике. Зачем-то взяла его в рот (наверное, как ручку), от соприкосновения со слюной взорвались аккумуляторы. Девочка погибла. Сегодня передали (слухи пока не проверены), что нашли старика, погибшего от переохлаждения в собственной квартире.

Вот такие у нас дела. Наука тоже остановилась. Это письмо печатаю при свечке на портативном компьютере, который работает от аккумуляторов. Достался на службе при делёжке оргтехники. Завтра на работе распечатаю и отправлю вам наши новости. Но есть у кризиса одна положительная сторона — хоть выспались вволю. Кроме этого, пока сидишь в потёмках без дела, иногда в голову приходят всякие полезные мысли. Радио слушаем, благо работает, просвещаемся. Вот, на днях узнали, что наши, камчатские, депутаты обратились в ООН по поводу катастрофической ситуации — хочут гуманитарной помощи в виде мазута. Наверное, такого ещё в мировой практике не было. Опять можно к Гиннессу...

26 ноября 1998 г. ...Жизнь более-менее наладилась. Затопили, свет не гаснет, говорят, что топливо на ближайшее время есть. Видимо, до Нового года потрясений больше не будет. Погода стоит нормальная. Снег с начала ноября выпадал всего дважды, его немного, поэтому быстро укатался и сменился гололёдом. Сегодня чего-то хмурилось с утра, но к обеду опять пробилось солнышко. Дома относительно тепло, горячая вода подается исправно. На работе тоже тепло, даже отвыкли от такой благодати, поэтому в сон клонит.

Суеты в городе и области по поводу минувшего энергетического кризиса было много. Погорели надежды многих местных руководителей на повторные переизбрания на всякие посты. Похоже, что подобных провалов им не простят. Не за горами выборы в думу, градоначальника и губернатора. Суета по этому поводу уже началась, и тут последние события многим перебежали дорогу...

Обстановка бытовая не очень радостная: цены потихоньку растут, в том числе и на местные продукты. Так, литр молока в конце сентября стоил пять пятьдесят, сейчас — восемь рублей. Подорожали хлеб, рыба (в особенности филе). Прежние цены держатся только на местные овощи — капусту, картошку и прочее. Стали задерживать пенсии, снова начались просрочки зарплаты. Последняя по сравнению с прошлым учебным годом понизилась, так как перестали выплачивать некоторые надбавки, в частности «на литературу». Надеюсь, что позже вернут это всё скопом...

Несмотря на прошедшие холода, аквариумные рыбы не передохли, наоборот, на прошлой неделе отловили в отдельную посудину несколько мальков. Теперь ребёнок занимается их «воспитанием».

На днях произошло ЧП, каковых у нас ещё не было (всё-таки жизнь у нас более спокойная, чем в других местах), — на трассе у посёлка Термальный застрелили двух гаишников. На вторые сутки двух злодеев разыскали, а ещё двоих взяли в лесу в землянке и при задержании прикончили...

Сегодня по местным новостям доложили, что после Нового года наши энергетики собираются запускать первую очередь Мутновской ГеоЭС.

21 декабря 1998 г. ...За истекший месяц пережили мы много неприятных моментов, и конца им пока не видать. Но, тем не менее, снова живы и опять здоровы. Ну, а теперь по порядку. Первый трёхнедельный кризис в ноябре пережили, как докладывал, вполне сносно. Второй разразился почему-то внезапно. После обеда 30 ноября на работе поползли всякие слухи по поводу новых отключений,

но их большинство народа не восприняло, решив, что это шутка такая. Уж больно неожиданно, никаких тебе предисловий, никаких мер по экономии, два дня назад доложили, что топлива на восемнадцать суток. Но в пятом часу вечера свет начал гаснуть в разных местах.

Позже передали, что во втором энергорайоне (это у нас) включат его через двое суток. Это заставило народ призадуматься, так как такой суровой продолжительности ещё не бывало. На следующий день передали, что «включение через двое суток» откладывается на неопределённое время, эдак числа до восьмого. Первые три дня тепло более-менее сохранялось, так как решили котельные и бойлерные не отключать. (Кстати, на начало декабря пришлись приличные морозы в городе: до минус пятнадцати по ночам и до минус десяти днём, а в районах — до минус тридцати).

К снижению параметров воды в отопительной системе добавилась местная особенность нашего жилища, а именно — обнаружились утечки в подвале и неисправности арматуры на трубопроводах. В результате остались почти без отопления, несмотря на то, что «горячая» вода из крана чуть-чуть да текла. К концу второй недели такой «осады» температура дошла до плюс девяти, а по другой стороне дома, в которую отопление совсем не подавалось, до плюс всего-то пяти.

Харч готовили на газовой плитке, это неудобно и дорого, но деваться некуда. Некоторые граждане палили костры на улице и взрывались на всяких керогазах и «шмелях» в помещениях. Но мы до такой экзотики не дошли. Свет включили не восьмого, а только одиннадцатого, для того, чтобы ночью тринадцатого погасить его ещё на двое суток. В среду девятого разразилась приличная пурга, и в довершение всех бед сдуло у нас радио (порвало проводку), единственный источник весьма противоречивых сведений об окружающем мире.

Таким образом, в преддверии наступления двадцать первого столетия сложилась апокалипсическая картина: темно, холодно, хочется жрать, окна на улицу заморожены до самого верха и ничего через них не видно. На улице тоскливо воют ветер и собаки, а по комнатам при тусклом свете свечей бродят напялившие на себя по десять одёжек скрюченные «дорогие россияне».

Главной и основной темой всех разговоров стало время прибытия танкера и количество топлива, на нём находящегося. Наконец к вечеру 16 декабря начали «давать свет». Тепло к нам пришло ещё через два дня, и то весьма относительное. Теперь приключилась

авария на нашей теплотрассе, на устранение которой ушли ещё два дня. Наконец, в воскресенье 20 декабря наладили и воду, и отопление, начала расти температура. Сегодня к вечеру она дошла до плюс пятнадцати. Это, по последним меркам, конечно же, «жара».

Главная особенность наших последних приключений заключалась даже не в отсутствии тепла и света, а в том, что все кругом врут и народ ни в грош не ставят. Публика у нас закалённая, может пережить всё, что угодно. Но обидно, что никто толком с нами и разговаривать-то не хочет, не объясняет обстановку. Вот, последние дни взахлёб рассказывали о том, как много танкеров к нам пришло. А сегодня вдруг выясняется, что топлива может не хватить до Нового года и что завтра будет заседать очередная комиссия и думать, как нам жить дальше.

Бытовая обстановка так себе: цены по-прежнему растут, зарплату задерживают. После выхода из отпуска в начале октября толком ничего не получил, дают отдельные куски и непонятно за какое время. Обещали к Новому году расплатиться, но на это что-то не похоже.

На Пятом, в районе былого ДК рыбаков, сейчас это ДК нашей славной академии, открылся специализированный рыбный рынок. Рыба, кстати, тоже заметно подорожала, в среднем вдвое.

Погода улучшилась, потеплело до минус трёх, идёт небольшой снежок, тихо. Сейсмообстановка в норме. Авачинский вулкан понемногу пыхтит, но без встрясок.

Встретил на днях бывшего ЦПКТБшного Л., передаёт тебе привет. Говорит, что кризис пересидел в темноте на даче.

22 января 1999 г. ...С намеченной было на Новый год «культурной программой» ничего не вышло, год начался несколько неудачно — с болезней. Ходит довольно сильный грипп. Много народу, например у меня на службе, захворало. Высокая температура, слабость. Говорят, даже наблюдались летальные исходы. Я в данной эпидемии участия не принимал, возможно, сказалась приобретённая посредством холодной воды закалка.

Погода в конце декабря — первой половине января стояла хорошая: тепло, солнечно, морозов почти не было. Правда, случилась в районе Рождества одна довольно приличная пурга, но так вышло, что снег выпал плотный, липкий и таять не стал. Поэтому с последствиями заносов справились дня через три. С 20 января с небольшим запозданием начались морозы, ночью до минус пятнадцати, днём — ниже десяти. Ветра нет.

Снабжение топливом, похоже, наладилось, последние две недели отключений не было. Танкеры подходят регулярно. Правда, случилась какая-то заваруха во Владивостоке, когда тамошние власти пытались конфисковать одно из наших судов для собственных потребностей. Но всё разрешилось наилучшим образом. Очередная новость, причём не из приятных, это то, что с 1 января повышена стоимость электроэнергии. Сейчас киловатт-час будет стоить пятьдесят вместо сорока копеек, и это только начало. К весне, видимо, поднимут квартплату.

Зарплату местным бюджетникам задерживают на четыре, пять и более месяцев, про пособия на детей народ начинает забывать. Правда, решили, что можно за их счёт делать взаимозачёт по квартплате. Я получаю от московского куска, поэтому у нас выплаты идут более-менее регулярно, но почти год не платят пособие на методическую литературу.

Стоимость жизни растёт быстро. За последние месяц-полтора сильно скакнули цены на рыбу: минтай-колодка чуть не двадцать рублей, камбала — десять — двенадцать, горбуша — от двадцати, другая красная, поприличнее, — от двадцати пяти, филе минтая — от тридцати, фарши рыбные — от двадцати, кальмар — двадцать — двадцать пять. Картошка — три-четыре, капуста так же, хлеб устойчиво держится от четырёх с половиной до пяти с половиной, в зависимости от вида и производителя, молоко дошло до десяти рублей за литр (местное). А в коробках молока нет месяца полтора, говорят, что возить его невыгодно. Яблоки самые дешёвые — двадцать два — двадцать четыре, американские и новозеландские (самые приличные на вид) — от тридцати двух и далее, китайские мандарины — двадцать два рубля. Вот такая обстановка. Радости, конечно, всё это не прибавляет. По-моему, самые трудные времена для нас как раз сейчас и начались. Ждём обещанной прибавки к зарплате.

Но, тем не менее, жизнь продолжается, продолжаются и исторические изыскания. Вот об этом хотелось бы поговорить подробнее. Пришла пора писать тебе «мемуары». Это я о том, что на досуге нужно потихонечку начать описывать наше житьё-бытьё на камчатском побережье, начиная с твоего на нём появления. Цели у этого писания две: во-первых, создание летописи нашего семейства, а во-вторых — подготовка свидетельств непосредственного очевидца и участника славных событий становления и развития нашей общей рыбной промышленности в достаточно «тёмном» для меня разрезе — береговых предприятий.

Как я тебе писал, с чувством некоторого недоумения обнаружил, что толком этими вопросами на полуострове и не занимались. По верхушкам, конечно, попрыгали и про «роль родной коммунистической партии в развитии и освоении...», понятное дело, написали. А вот техническую, социальную и экономическую стороны сильно не затрагивали. На многое не претендую, но попробовать нужно.

Поэтому давай-ка займёмся этим делом. Может, стоит посмотреть на события тако: как изменялись сырьевая база и виды продукции (почему), технологические процессы, аппараты и техника. Естественно, не забыть каких-то примечательных людей, их роль в этом деле. Попробуй начать с самых первых впечатлений после прибытия на Камчатку. Как тебе такая идея? Может, стоит попробовать? Доступ к документации у меня есть (её разбором пока не занимался, это очень серьёзная и объёмная работа), но свидетельства очевидцев — это совсем другое дело. Думаю, что спешить с этим делом не надо, спокойненько сядешь на досуге, вспомнишь, запишешь. Помню, что в «длинной» спальне на антресолях было полно фотографий, это тоже должно помочь. И особенно интересно узнать про «миграцию» нашего семейства по побережью. Честно говоря, представления у меня об этом весьма смутные.

Попали ко мне записи неведомого человека (похоже, кого-то из старого Камчатрыбпрома, ещё пятидесятых): очень интересная статистика, собранная в общей тетрадке с клеёнчатой обложкой. Там приведены многие аспекты деятельности АКО по 1945 г. и Камчатрыбпрома с 1945 по 1963 г. Сведения совершенно уникальные (составитель пока неизвестен, но, видимо, это кто-то из аппарата управы) и, похоже, не использовавшиеся...

(Эту тетрадку мне передал В. А. Бирюков. Я снял с неё почти полную ксерокопию и вернул владельцу. Спустя несколько лет попросил Владимира Афанасьевича дать заглянуть в неё ещё раз с целью уточнения: мне показалось, что часть материалов оборвана. К сожалению, этот ценнейший документ найти он не смог... Статистика развития рыбной промышленности, приведённая в тетрадке, использована мною в монографии «Государственная рыбная промышленность Камчатки (1924—1959)», вышедшей в 2021 г. Составителем редкого свода данных является, судя по всему, экономист, сотрудник аппарата АКО, Главкамчатрыбпрома и Камчатрыбпрома А. В. Иванис. — *С. Г.*)

3 марта 1999 г. ...Погода стала совсем паршивая. До конца февраля держались довольно приличные морозы, по ночам чуть не до двадцати. Затем ослабли, и вдруг в один день температура поднялась

до плюс пяти. Народ понял, что это неспроста. Точно, итог оказался несколько «круче», как сейчас выражаются, чем ожидалось — четыре дня непрерывно валит снег, выпало метра полтора, больше, чем за всю предыдущую зиму. Сегодня отменили занятия в школах, так как не успевают расчищать дороги и подъездные пути. Безветренно, тихо и тепло, перебоев со снабжением электроэнергией нет. Ожидается, что снегопад продлится ещё дня два. Видимо, в этом году в центральной части Камчатки снова будет сильное наводнение. Городу это не угрожает, но грязища будет, похоже, приличная. Надеемся, что сей снегопад последний. Старики по им одним ведомым признакам говорят, что лето должно быть хорошим. Вот и проверим.

Столь сильный снегопад снова принёс жертвы — несколько крупных аварий на дорогах. Одного нашего сотрудника сбили прямо на автобусной остановке (занесло легковушку), сейчас лежит в больнице с тяжёлыми травмами.

Разгулявшаяся было эпидемия гриппа пошла на убыль. Народу переболело много. Ты пишешь, что небольшие землетрясения докатились до Астрахани. Это, видимо, для вас экзотика. А у нас несколько встрясок было в течение второй половины февраля плюс к этому слегка дымит Авачинский вулкан. Но прогноз на ближайшее время ничего серьёзного не предвещает.

Тепло- и электроснабжение наладилось, перебоев нет. Похоже, что март переживём без особых в этом смысле осложнений. В селе Соболево запустили местную дизельную электростанцию на газе, работает уже второй месяц. Сейчас в Петропавловске организовалась контора под названием «Камчатгазпром», которая грозится провести газ на наши ТЭЦ и котельные к 2000 г. Правда, скептики утверждают, что защищённых запасов газа всего на шестнадцать лет. Оптимисты же, или заинтересованные лица, вещают, что имеются сведения о том, что вскоре будут защищены запасы аж на пятьдесят. (Как показало время, правы были первые. Интересно, а кто-нибудь хоть как ответил за неправильную оценку, следствием которой станут очередные громадные суммы, затраченные для обеспечения работы энергетических мощностей? Ведь уже вовсю поговаривают о переходе на привозной сжиженный газ. — *С. Г.*)

Городские депутаты отсудили у городского же начальства летнюю прибавку (с 1 июля 1998 г.) квартплаты как незаконную. Сейчас идёт суета, так как градоначальник не хочет производить перерасчёт. Эта сумма, исходя из наших условий, составляет при-

мерно шестьдесят рублей в месяц, то есть два полных месяца за полгода, что совсем не лишнее.

Цены стали расти весьма быстро. Недавно, и совершенно непонятно почему, наш завод задрал цену на молоко аж до четырнадцати рублей за литр. Рыба подорожала в среднем в три с половиной — четыре раза. Американские окорочка индейки и курятина стоят дешевле, чем филе минтая и трески местного розлива.

Свежая и квашеная капуста идут по десять — двенадцать, картошка — четыре, морковь — около одиннадцати рублей. Цены на хлеб не изменились, а сахар дошёл до семнадцати рубликов за килограмм. Китайские яблоки — двадцать четыре, прочие — за тридцать рублей. Последние полгода имеется задержка по пенсиям, но не такая, как у вас, обычно не более одного месяца...

Учёба в аспирантуре продолжается. Позавчера сдал экономику, а сегодня началась «Управленческая деятельность». На нас, первых аспирантах, отрабатывают методику подготовки так называемых «квалифицированных преподавателей высшей школы». Хотя смею полагать, что за почти пятнадцать лет работы уже приобрёл в этом деле необходимые навыки. (Тогда пообещали после защиты квалификационной работы выдать соответствующий диплом. Защита прошла, прошли и два с лишком десятилетия после неё, а обещанная «корочка» так и не случилась. — *С. Г.*)

Недавно у начальства возникла очередная идея — присваивать степень магистра после защиты магистерской диссертации в местном учёном совете. Доселе полагал, что магистры бывают только чёрной и белой магии, оказывается, заблуждался.

Что касается твоих «мемуаров», то ты, видимо, не совсем поняла затею. Я ведь не про написание книги «Моя (твоя) жизнь в рыбной промышленности...», а про вполне конкретные моменты, связанные с совершенствованием различных технологических процессов, аппаратов и прочего. Например, писал тебе про то, как в старину удаляли воздух из банок, а ты ответила, что в 1950-х гг. уже использовались вакуумные закатки. А когда же произошёл такой переход?

Или, например, в документах частенько упоминается машина под названием «железный китаец». Как я понял, этот разделочный агрегат появился на наших заводах в конце 1920-х гг. Застала ты его или нет? Чем он был заменён? Интересно было бы узнать про освоение производства консервов в масле: по данным Главкамчатрыбпрома, их массовое производство началось как раз в конце 1940-х гг. Вот в таком духе.

Дело в том, что те «мемуары», которые иногда появляются в печати, хотя бы в газете «Рыбак Камчатки», страдают наличием множества эмоций и переживаний о том, как всё было здорово давно и как стало всё плохо сейчас. А это только затуманивает суть происходившего, хотя и известно, что раньше небо было голубее, а вода — мокрее.

Что касается цифр и фактов, то кое-что можно найти в областном архиве. Но архивные материалы страдают однобокостью, пояснить те или иные моменты могут только люди, принимавшие участие в определённых событиях. Так, интересно было бы узнать про обстоятельства укрупнения комбинатов побережья конца 1950-х — начала 1960-х гг.

Особенностью камчатского бытия является то, что у нас слабо занимаются обобщением уже накопленного опыта. В связи с нашими «экономическими реформами» разбазарен огромный материал, собранный в своё время в проектных конторах, в том числе и в ЦПКТБ. Результатом этого может стать только очередное наступление на грабли.

Да вот, насчёт старых кадров из ЦПКТБ. У нас теперь работает У. До последнего времени он трудился в «Камчатрыбпроме» (это так сейчас называется одна из частных рыболовецких контор) и попутно сотрудничал с нашей славной академией. И вот недавно назначили его заведовать кафедрой электрооборудования судов...

7 апреля 1999 г. Мы живы-здоровы, всё пока идёт более-менее. Только вот весна никак не начинается, снега полно и тает он очень медленно, так как стоят морозы, дует довольно противный ветер. Так что весна в этом году вышла поздняя. Вчера обещали даже пургу, но вроде пронесло. А сегодня, хотя впервые за много дней и выглянуло солнце, но тепла всё равно нет.

Обстановка по части отопления, воды и света нормальная, в ближайшее время катаклизмов не обещают...

Цены на товары продолжают расти. Причины две: первая связана с общей экономической обстановкой; вторая — с введением, как объясняют, некоего «налога с продаж» в размере пяти процентов. Но стоимость хлеба повысилась почему-то сразу на двенадцать. Всё остальное тоже плавненько ползёт вверх. Копчёной скумбрии у нас нет, а вот копчёная же селёдка стоит двадцать восемь — тридцать рублей за кило, в то время как малосольная бочечного посола — двадцать — двадцать два. За последние четыре месяца цена рыбы снова выросла: филе минтая и трески вздорожало до сорока рубчиков за кило. Парная камбала стала дороже раза в полтора.

Я вроде писал, что на Пятом, за домом быта открылся рыбный рынок. А теперь есть планы создания на Озерновской косе оптового. Ходят слухи, что он может появиться уже в следующем или даже в этом году. (Этого не случилось ни тогда, ни много лет спустя. Странно, но наладить широкую торговлю доступной населению рыбой на Камчатке не удавалось долгие годы. Только в последнее время стало похоже, что этот вопрос, наконец, разрешился. — *С. Г.*)

В аспирантуре всё нормально, получил очередную пятёрку по этой самой «Управленческой деятельности». Теперь на повестке дня сдача очередной науки под названием «Математическое моделирование». Да вот, ещё новшество. Со следующей недели начинаются занятия по работе в мало кому ведомом Интернете. Как говорят наши господа курсанты, «на шару», то есть бесплатно. Этим нам удружило заведение под названием «Институт вулканологии», тот самый, «единственный в мире». Так что придётся поездить немного на Девятый, поучиться. Это очень хорошо, а то у нас в славной академии выход в оный Интернет хотя и есть, но уж больно много на него желающих...

Недавно в районе села Соболево разбился вертолёт с двадцатью пятью пассажирами и членами экипажа. Выжили семеро, из них четверо сильно травмированы. Основная часть — строители долгожданного газопровода. Объявляли траур по области. За последние годы это наиболее крупная наша авиакатастрофа (вертолёт разбился 16 марта 1999 г. — *С. Г.*).

Что касается стрельбы и шумных криминальных разборок, то в последнее время вроде бы относительно тихо, всё больше режут друг друга в квартирах по пьянке. У нас на площадке слегка обворовали квартиру, что напротив. Сейчас там проживает молодое семейство из трёх человек. Выбили дверь и забрали какие-то вещи. По иронии судьбы, пострадавший глава семейства трудится в наших славных «органах».

27 июня 1999 г. ...Вы, видимо, уже наслышаны о нашем очередном энергокризисе. Во второй половине мая начались первые отключения, тянувшиеся дней десять. Потом на неделю дело наладилось. А с начала июня — снова повальные отключения, длящиеся и по сей день. Довольно грустная картина, так долго ещё не вырубали ни разу. Дело усугубляется тем, что лето-то ещё не наступило. Судя по отрывочным данным, которые наши средства связи пытаются до нас донести, на материке стоит жара и где-то даже засуха. А наша зима в этом году затянулась, в мае было довольно холодно, сейчас тоже погода неважная. Днём температура

не выше плюс четырнадцати, ночью опускается до четырёх. Дождей нет, но пасмурно и ветрено. Хорошо, что темнеет поздно — в двадцать три часа ещё относительно светло. Вот народ и читает книжки или слоняется по улицам. Свет включают на два-три часа через двое суток на третьи. Говорят, что на следующей неделе что-то приплывёт. Несколько дней назад включение пришлось на вечер, послушали новости по России. Теперь узнали, что про нас ведают аж в самом стольном граде, в котором по этому случаю даже организовали соответствующую правительственную тусовку...

В городе собирают подписи во всякие инстанции — кто в ООН, кто в Международный суд в Гааге (!). Но вот не слышал, чтобы кто-нибудь пытался обратиться в родное правительство. На Театральной площади вторую неделю стоит пикет, тоже собирают куда-то подписи. У местных депутатов возникла идея отмены выборов в Государственную Думу, этим они хотят привлечь внимание к нашим сложностям. На газоне у областной администрации выстроили здоровенную пирамиду из пустых газовых баллончиков, благо они валяются повсюду. А чтобы не развалилась — скрепили её монтажной пеной.

На работе сейчас самый сенокос — идут госэкзамены и защита дипломных проектов и работ. В общей сложности у нас в этом году намечен выпуск более шестидесяти человек. Он осложняется отсутствием света, очень неудобно готовить всяческую документацию. Кроме того, пояснительные записки дипломных работ и проектов несколько последних лет печатаются на компьютерах, а они, как сами понимаете, без света тоже работать не хочут. Этим дипломникам создаются дополнительные отягощения. Впрочем, без сложностей настоящий российский человек существовать как бы и не может.

Случилась заминка и с написанием этого письма. Вчера, наконец, включили свет. Говорят, что он будет по середину июля, далее опять неясно. Разговор о создании государственного резерва (был такой в советские времена) объёмом сто тыщ тонн возобновляется с завидным постоянством после каждого кризиса, но также благополучно всё спускается на тормозах. Видимо, зима снова будет сурьёзная. Обнаружилось и ещё одно обстоятельство — оказывается, даже если к зиме топлива запасут вдоволь, гарантировать энергоснабжение никто не берётся. Причина — во время отключений некоторые несознательные граждане воровали электроарматуру, содержащую цветные металлы. Вырублено много кабеля и выведено из строя несколько подстанций. Сегодня местное ТВ устроило

пресс-конференцию Камчатскэнерго. Показывали расплавленные топоры и ломы. В прошлом году убило одного такого следопыта, в этом — ещё одного и троих обожгло. Кроме этого, разворовывают теплоизоляцию с трубопроводов и тащат водопроводную арматуру. Прямо, «пятая колонна» какая-то орудует, словно в тылу врага. Небось, как холодно станет, первыми об этом начнут кричать. По местной статистике, этот кризис у нас уже шестой за последние два года.

Два дня, как наступило тепло — до плюс восемнадцати, а это по тутошним меркам «жара». Начался ход рыбы, но цены на неё высокие. Чавыча на рынке не ниже пятидесяти рублей. Так что ещё одно из наших удовольствий потихоньку пошло на спад, так как с такими ценами сильно-то не разгуляешься...

28 июля 1999 г. ...Ждём наступления обещанного самим Нострадамусом конца света. Впрочем, в славном граде Петра и Павла с некоторого времени сочетание слов «конец света» у большинства народонаселения сопряжёно не с некоей абстрактной расплатой «за грехи наши», а с вполне конкретными рукотворными деяниями. Правда, в последнее время отключений нет, но полной уверенности в том, что их не будет и в дальнейшем, тоже ни у кого нет. Руководство говорит о плановом накоплении топлива. Вчера передали, что в субботу должен приехать очередной министр топлива и энергетики.

В конце прошлой недели распалили котлы и ввели в работу ТЭЦ-2, до этого она находилась на ремонте, воспользовавшись приключившимся кризисом. На этой неделе обещали дать горячую воду, которой централизованно нет с начала июня. Мы-то к этому делу люди привычные, так как у нас её летом никогда и не было, но воды нет вообще во всём городе, в том числе и в районах с так называемым «четырёхтрубным снабжением», то есть с отдельным отоплением и ГВС.

Впрочем, уже писал, есть и ещё одна беда — кромешное воровство цветных металлов в виде арматуры отопительных и водопроводных сетей, кожухов теплоизоляции, электроарматуры, проводки и прочего энергетического добра. Дело дошло до того, что даже (как пишет местная пресса) тащат его со стратегических военных объектов и чуть ли не с базы атомных подводных лодок! В результате выведены из строя несколько подстанций, и энергетики не гарантируют устойчивого энергоснабжения даже при наличии драгоценного топлива.

Местные власти и законодатели наконец озаботились и этим воровством. Сейчас начали закрывать пункты приёма металлолома, отобрали несколько лицензий и приняли какой-то по этому поводу закон.

Из местных новостей религиозной жизни довольно бурно обсуждался вопрос о закладке на пустыре на Горизонте рядом с бывшим одноименным кинотеатром, если помнишь таковой (сейчас там ночной клуб), соборной мечети. Приезжали по этому поводу многочисленные гости, даже пара шейхов из арабских стран. Планы величественные — создание огромного комплекса из мечети, медресе, гостиницы для паломников и прочего. Одним словом, будет теперь славный град Петра и Павла оплотом истинной веры на Дальнем Востоке и главным центром мусульманства во всём этом регионе. Надо сказать, что строительство идёт вполне быстро — уже закладывают фундамент. Интересный факт: местному градоначальнику во время закладки мечети присвоено наименование «почётный мусульманин». Это обстоятельство стало поводом для многочисленных шуток. Вспомнились выражения типа «Дважды еврей Советского Союза».

Надо сказать, что это случилось довольно неожиданно для местного населения. Недавно собралось «Православное просветительское общество». Но они — «бедные родственники», у них никогда ничего нет: разговоры о постройке настоящего собора в центре, где для этого имеется хорошая площадка, безрезультатно ведутся уже лет десять.

Путина в этом году так себе. Цена на рыбу понизилась, но дешёвой её не назовёшь. Самая массовая (горбуша) стоит сейчас семь-восемь рублей за кило или пять-шесть за хвост. Более благородная — соответственно дороже.

Погода у нас не очень. Во второй половине июля вроде наладилась, несколько дней было даже за двадцать, но на этой неделе тепло закончилось. Сейчас переменная облачность, не выше восемнадцати, а ночью — до восьми. Так что диковинной материковской жары нам в этом году не досталось. Впрочем, впереди август, может что-нибудь изменится...

Я сейчас вроде как в отпуске. Но попросили почитать на «почасовке» у техников, которых некуда деть по причине их малолетства: так как им нет восемнадцати, то на практику в море их не берут. И вот, чтобы время не пропадало, решили их занять, а осенью, когда подрастут, отправить в плавание. Попутно занимаюсь своими историческими изысканиями. В июне добрался до Центра документации новейшей истории, бывшего партийного архива.

Нашёл уникальные материалы, которые ранее не публиковались. Очень интересно. Сейчас готовлю ряд статей по ним, дам их в местные газеты.

День рыбака прошёл, по-моему, неудачно, в прошлом году было гораздо лучше. А вот День ВМФ, наоборот, впервые праздновали два дня. Первый в субботу: парад, оркестр, концерт. В воскресенье на площади устроили показ военной техники, соревнования, концерт и прочее. Было хорошо. Но салютов или фейерверков по причине бедности ни там, ни сям не случилось.

20 сентября 1999 г. ...Пользуясь пребыванием в отпуске, наконец-то занялся своими историческими изысканиями. Сейчас работаю в бывшем партархиве. Снова удалось найти весьма интересные, ранее нашему народонаселению неведомые материалы. Правда, приходится постоянно отвлекаться на всякую суету — почасовку, так как преподов у нас не хватает. Это, с одной стороны, даёт дополнительный заработок и несколько разгружает основной учебный год, но с другой — выбивает из колеи и заставляет тратить драгоценное время...

Пережили несколько праздников местного масштаба. В конце августа отмечали сто сорок пять лет нашей победы над супостатом в Крымской войне. Впервые за последние восемьдесят лет состоялся крестный ход (эта традиция установилась в 1858 г. и продолжалась до 1922-го). Начался он на батарее Максутова, затем прошёл к часовне, был отслужен молебен. Это старинное дело ныне крепко смешано с советскими порядками. Одновременно устроили митинг с героическими речами, особого отношения к событию как бы и не имеющими, а также небольшой военный парад. Но всё вместе взятое вышло весьма неплохо. Народу было довольно мало, поэтому всё хорошо видно и слышно. Похоже, что сие действо приживётся.

В середине сентября отметили День города. Состоялось соответствующее гуляние, открыли Аллею рыбацкой славы, это напротив здания УТРФ и бывшей гостиницы «Восток». Там установлены закладной камень в честь трёхсотлетия Российского флота (заложили эту самую аллею ещё в 1996 г.), памятные доски погибшим рыбакам, всего четыре судна с экипажами, затонувшие в 1938, 1952, 1963 и 1998 гг. Последним был МРС, на нём погиб наш курсант, находившийся на практике, я об этом тебе писал. Посреди аллеи работает небольшой фонтан, выполненный в виде полуоткрытой ракушки, внутри которой находится жемчужина, из коей веером вытекают струи воды.

Этот фонтан расположен напротив (через дорогу) лестницы с улицы Советской, под которой течёт ручей. Он второй в городе, первый запущен в конце 1980-х на Шестом напротив универмага «Петропавловск». Кроме этого, сделано много различных лавочек (в смысле скамеек), клумб, всяких камней и коряг, а также — три смотровые площадки с видом на ковш и рыбный порт.

Во время праздника по традиции состоялось «величание» новоиспечённых почётных горожан. На сей раз ими оказались небезызвестные Д. И. Качин и В. П. Потапенко...

Вообще, получилось неплохо. Правда, за эти годы город весьма обветшал, особенно жильё, даже так называемая «красная линия», то есть центральная дорога, не везде привлекательна.

В нашем районе тоже перемены — наполовину разобрали здание старого пивзавода, сняли страшный забор, сделали пеший проход. Освободилась большая площадка, видимо, что-то будут строить. Вообще в районе КП за последнее время убраны почти все «украшения» в виде заборов, складов, казарм и прочего. Оказалось, что здесь достаточно места, которое сейчас используется в качестве торговых площадей. На старом рынке строят закрытые рыбные ряды.

У мехзавода заканчивается сооружение оптового рыбного рынка, как говорят. Что это такое, никто толком объяснить не может, но утверждают, что это здорово. Почему-то там закрыт проезд и написано, что это таможенная зона...

19 октября 1999 г. ...Погода хорошая, ещё можно ходить в пиджаке. Отопление началось, в квартире тепло и даже очень. Топливо, говорят, есть. Однако наученные горьким опытом активисты несколько дней назад опять выставили палатку с разными приличествующими случаю лозунгами на газоне возле областной администрации. Говорят, что как только выберем, так сразу всё и отключат. Кстати, местные энергетики опять в предзабастовочном состоянии. Им задолжали за семь месяцев...

Насчёт аспирантуры. Оная практически закончилась, так как ещё в мае сдал все установленные зачёты и кандидатские экзамены за исключением последнего — по специальности. Этот сдают обычно в диссертационном совете, коего у нас пока нет. Кроме того, экзамен проводится по специальности, с которой я ещё сам не определился: то ли по судовым энергетическим установкам, то ли по истории науки и техники.

Вот здесь и выступает на сцену понятие «исторических изысканий». Дело в том, что я — большой любитель истории судовых энергетических установок и флота, в частности рыбопромыслово-

го. Так что ничего случайного в моих изысканиях нет, так как они являются, во-первых, вещью, которая мне интересна, а во-вторых — темой диссертационной работы, которая ныне звучит как «Историко-технический анализ развития судовых энергетических установок судов флота рыбной промышленности Камчатского региона». Правда, в ходе раскрытия темы выяснилось, что анализ в чистом виде может и не получиться, поэтому возможно перенацеливание на что-то вроде «Истории рыбопромыслового флота...» Вот поэтому и приходится свободное время пребывать в архивах с целью определения, каких же материалов больше. И та, и другая темы не паханы. Иду по целине, поэтому много сомнений. С учётом того, что в нашей губернии отсутствуют специалисты и по тому, и по другому направлению, то возникает ряд сложностей, основной из которых является то, что не с кем толком посоветоваться. Ближайшие же диссоветы по обеим специальностям находятся во Владивостоке.

Высылаю тебе часть своих новых изысканий. Первый — сборник трудов нашей славной академии. Его идея родилась у меня где-то под новый 1999 г. Вскоре удалось собрать стихийную группу любителей истории рыбной промышленности Камчатки, и дело пошло. Вот наш первый опыт и отлился в такую работу. Это своеобразная «библиографическая редкость», вышедшая тиражом всего в сорок семь экземпляров, так сказать «опытная партия». Работа оная вызвала определённый интерес, думаю, что это позволит расширить круг участников и тираж. Как ты видишь, один из них уже ушёл в мир иной (вроде я тебе писал, что летом на одного нашего сотрудника во время отдыха в лесу упало дерево).

Сейчас засел за вёрстку следующего выпуска под двойным номером 8(2). Первый — это порядковый сборников академии со дня начала их выпуска, второй — очередной тематический. Есть мысль сделать это дело достаточно регулярным (по мере накопления материала), может быть, раз в год.

Кроме этого, посылаю несколько вырезок из газет «Новая камчатская правда» и «Вести». Это адаптированные для широкого круга версии моих околонаучных изысканий. Можешь сопоставить жизнерадостный «Ледовый поход парохода “Совет”» с тоскливым повествованием «Поход парохода “Совет” к острову Врангеля в навигацию 1932 г.». Кстати, эти вещи ранее не публиковались, и, как говорится на принятом в определённых кругах языке, «впервые вводятся в научный оборот». Статья «Как японцы и американцы строили завод» представляет собой маленькую и сильно искажённую

часть работы «Усть-Камчатский рыбопромысловый район и начало работы советских рыбоконсервных заводов». Заголовок статьи и подзаголовки дали редакторы, купюры и заголовки искажают первоначальный смысл. Всего на тему усть-камчатских заводов вышло четыре статьи. Последняя посвящена построенному в 1929 г. частной фирмой «Торговый дом Бр. Люри». Это тоже малоизвестная страница, материалы об этом ранее не публиковались. Полная версия должна выйти в солидном журнале, вышлю.

Третья статья — про Петропавловск — напечатана 13 октября, её приготовил специально ко дню рождения города (17 октября). История города целью моих «изысканий» не является, но в ходе работы над основной темой — рыбной промышленностью и флотом — попадаются материалы, которые грех не использовать, тем более по какому-либо торжественному поводу (и для собственного развития).

Я тебе уже сообщал, что написал настоящую книгу под названием «Судовые энергетические установки. История развития». Она предназначается для любителей истории техники вообще и курсантов морских учебных заведений в частности. Рассчитана на подготовленного читателя, то есть владеющего основными понятиями из области судовой механики. Макет полностью готов, всего две части, четыреста двадцать страниц и сто девяносто пять чертежей и схем, а также пять приложений. Её замысел возник в 1996 г., под приближающееся трёхсотлетие флота. Первый вариант под названием «Страницы истории судовой энергетики» вышел в нашем издательстве в прошлом году. Честно говоря, она мне уже не нравится, но ценна как опыт. Когда затевал, не представлял себе, что это такое и как оно делается. Но для того, чтобы чему-нибудь научиться, как я понял, надо ставить перед собой сурьёзные задачи. Вот в ходе писания многому и научился, но макет всё-таки оказался неудачным и показывает, как подобные вещи делать не надо. В конце прошлого и начале этого года я её существенно переработал, как с точки зрения языка, так композиционно и технически. Надеюсь, что синклит петербургских академиков отнесётся благосклонно, буду засылать её туда в ноябре-декабре.

Одним словом, скоро стану «писателем». Как в том анекдоте: «Чукча, однако, не читатель, чукча, однако, писатель». Это у меня такое хобби, которому приносится в жертву всё свободное от «академической» деятельности время.

Сейчас изучаю уникальную документацию политсектора АКО за 1934—1945 гг. Главная идея — написание истории транспортно-

го и промыслового флота АКО (АКОфлот и Морлов) примерно за 1928—1950 гг. Впрочем, здесь возможны изменения. Некоторые намёточки этой будущей истории изложены в сборнике, этим делом в наших краях тоже никто особенно не занимался.

Вот такие дела. Скучать некогда, времени катастрофически не хватает. Сейчас ушёл в очередной отпуск, не выходя из предыдущего. Попутно продолжаю читать свою нагрузку за почасовую оплату. Остальное время тратится на изыскания.

6 декабря 1999 г. ...Осень оказалась неплохой, довольно тёплой. Дождей почти не было. 19 ноября выпал первый более-менее серьёзный осадок, покрывший окрестности слоем сантиметров в десять и не таявший. В начале декабря погода испортилась, пришёл ураган, бушевал вечером и ночью 2 и 3 декабря, но при этом снега с собой не принёс, а наоборот — посдувал тот, который выпал ранее. Попутно переломал кучу заборов, рекламных плакатов и деревьев. Но вроде обошлось без жертв. Получилась занятная картина: на всех плоских местах на земле остались белые отпечатки — следы шин, людей и даже собак (так как снег в этих местах прилип к земле), а вокруг — серая замёрзшая земля, словно на негативе. Впрочем, длилось это совсем недолго. 5-го, то есть вчера, пошёл липкий влажный снежок, и вот сегодня с утра вся округа покрыта пухом. Теперь похоже на настоящую зиму. На улице довольно тепло — около нуля.

Коммунальная обстановка такая. Отопительный сезон в этом году начался поздно как никогда — на первой декаде октября. Но поскольку было довольно тепло, особого холода не ощущалось. После подачи отопления в хате настоящая жара, до плюс двадцати пяти и выше. Народ было решил, что так и будет впредь, но рано он, наивный, радовался! По мере подмораживания на улице стало заметно холодать и в системе ГВС. Оказалось, что наши славные энергетики вступили в очередную фазу своего забастовочного движения. В соответствии с какими-то законами, им запрещается выключать энергетическое оборудование. Вот они и не выключали, но и не включали — на ТЭЦ-2 работали только один котёл и одна турбина. Так как народу стало холодно, то он врубил всевозможные «козлы», в результате чего на всех света перестало хватать, начались «веерные отключения». Если в прошлом году не было топлива и его всячески экономили, то в этом году его вроде бы достаточно, но тепла нет. Люди крайне возмущены, хотя вроде бы и понимают, что энергетики тоже хотят кушать. Особенно публику разозлил тот факт, что директор этой самой ТЭЦ-2 вдруг захотел

стать депутатом нашей славной ГосДумы. Надо думать, результат голосования предсказать будет нетрудно.

Кроме этого, по славному граду Петра и Павла гуляют слухи о непомерных зарплатах начальников этих самых энергетиков. Глядеть в чужой карман, дело, конечно, не самое хорошее. Но называемые суммы, по мнению многих, вполне позволяют им не получать такую зарплату (по сравнению с доходами бюджетников и прочей голытьбы) по полгода и более.

К началу декабря конфликт вроде бы разрешился. Что-то заплатили, и пошло долгожданное тепло. Сейчас обстановка нормальная, но будущее тревожит. Говорят, что запасов топлива хватит до середины января, а далее перспектив не просматривается. В связи с чем народ поговаривает, что поскольку топливо под выборы 19 декабря уже привезено и скоро закончится, то надо голосование успешно провалить. Тогда к повторному весной, хочешь не хочешь, опять придётся везти мазут, которого хватит до апреля-мая, а там лето, уж как-нибудь перебьёмся. А если сразу с первого захода всех выберем, то зачем мы им после этого нужны?

Это, конечно, шутка, но шутка, порождённая действительными опасениями. Вообще, подобное придётся переживать ещё года два, как минимум. Только после 2002 г., скорее всего в 2003-м, энергетические сложности будут разрешены за счёт местных возможностей, то есть газа.

Скоро заканчивается отпуск. Вполне получился творческий, много чего успел понаделать. 23-го числа — на работу. Завершил составление второго сборника из серии «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Это труд, на мой взгляд, будет посолиднее и по объёму, и по количеству авторов. Теперь, помимо оригинальных статей, буду включать в него наиболее любопытные документы, к делу относящиеся. Правда, в нашей училищной типографии сломалась машина, так что с выпуском, видимо, будет задержка.

Да, насчёт училища-академии. Скоро должен выйти приказ о присвоении нам очередного статуса — теперь технического университета. Принципиальное решение уже есть, задержка в том, что думают, как же оный назвать — то ли «Камчатский», то ли «Тихоокеанский». Кроме этого, назвать нужно так хитро, чтобы остаться в рыбной системе, а не перейти в Минобраз. По-видимому, название будет наподобие «Тихоокеанского государственного рыбопромышленного технического университета». Впрочем, скоро узнаем...

Насчёт издания книжки. Это пока делёжка шкуры неубитого медведя. Из Ленинграда (он же Петроград, он же Петербург, он же

Санкт-Петербург, но в Ленинградской области) получены нерадостные вести: учебно-методическое объединение там сейчас не действует. В академию недавно пришла бумага с новым порядком прохождения таких рукописей — теперь это дело будет идти через Владивосток. Требуется масса новых бумажек, которые, как мне казалось, я все собрал для помянутого Ленинграда...

20 января 2000 г. ...С круглой датой обычно принято связывать надежды на изменение жизни к лучшему. Что ж, будем надеяться, что так оно и выйдет.

Новогодние праздники закончились, начались трудовые будни. Зима в этом году довольно тёплая, настоящих морозов ещё не было. Погода переменчива, днём до минус пяти. Под самый Новый год вообще была оттепель по всей южной части полуострова. В городе температура поднялась до плюс четырёх, всё, естественно, начало таять, а перед этим шёл снег с дождём и выпало в общей сложности довольно много осадков.

По случаю подготовки к празднованию круглой даты на Театральной площади был возведён большой и особо торжественный снежный городок с горкой, начинавшейся прямо с Никольской сопки, всякие фигуры. Незадачи начались с горки — она никак не хотела замерзать. Затем бодро растаял весь снег, в результате из берегов вышло Култучное озеро и затопило площадь слоем воды сантиметров в тридцать. В течение суток её сгоняли в бухту. Естественно, что после такого приключения снежный городок перестал существовать.

А на моей исторической родине — славном населённом пункте Озерная — вообще температура стояла на отметке плюс восемь. Подобная картина, по данным местных метеорологов, имелась в 1980 г. Если помнишь, тоже под Новый год всё растаяло, стало тепло, больше недели держалась положительная температура, даже ночью...

Но вот после двух снегопадов всё наладилось, снега лежит умеренно, правда, замучил гололёд. Городские службы с обстановкой справляются: мы всё-таки не в Западной Европе, привыкли...

С энергетикой вроде порядок: топят исправно, свет горит, энергетики свою зарплату получили, топливо возят регулярно. К тому же, с учётом достаточно тёплой зимы, в отдельных местах бывает даже жарко. Видимо, больших затруднений по этой части пока не будет: кому же захочется экспериментировать при так и не законченных парламентских да ещё и президентских выборах? Вот уж выберут, тогда и можно будет кран перекрыть. Но там снова лето не за горами.

Сейчас в городе идёт конкурс на проект создания храма Всех Святых. Вначале предполагали поставить его в центре, напротив бывшего старого обкома КПСС (ближе к проходной рыбпорта). Потом случилось событие, о котором я писал: на Горизонте началось строительство мечети. Ревнители истинной веры сразу сообразили, что минарет мечети из-за того, что Горизонт холмистый, будет выше этого храма. В результате решено, что храм начнут возводить на площадке Четвёртого (за бывшим кинотеатром «Родина»). Вот тут уж никакие иноверцы никого не заслонят... Сейчас представлено шесть проектов, их отправили патриарху, который стал к тому же почётным председателем попечительского совета по части постройки.

Да, чуть не забыл! Теперь наше учреждение называется «Камчатский государственный технический университет», сокращённо КамчатГТУ... На зарплате это знаменательное событие никак не отозвалось...

«Творческий отпуск» благополучно закончился, сейчас вновь работаю. На второй семестр падает довольно приличная нагрузка, боюсь, что время на изыскания резко сократится. Это не радует, так как сейчас снова начал работу в областном госархиве. Подготовил второй сборник «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», получился посолиднее...

7 мая 2000 г. ...С 1 марта текущего года городское начальство решило увеличить стоимость коммунальных услуг и квартплаты, причём не как-нибудь, а сразу вдвое (почему-то не дождавшись обещанного на двадцать процентов увеличения зарплаты). Вместо наших привычных двухсот шестидесяти двух рублей насчитали пятьсот двадцать два. Я сгоряча заплатил, а потом решил, что это будет многовато. У нас существует система так называемых «субсидий». Считают их примерно таким образом: если на каждого члена семьи доход ниже тыщи семисот рублей, то полагается скидка, размер которой обратно пропорционален величине душевого дохода. Ну, прикинули мы это дело и решили официально записаться в «бедные родственники».

Отродясь никакими льготами и пособиями не пользовались. Честно говоря, полагал, что вполне бы справились с квартплатой в триста — триста пятьдесят рублей. В результате же оформления этой самой субсидии величина оной составила сто сорок семь рублей. Спрашивается, зачем же было её повышать вдвое? (Один из ответов: «Мы стремимся приблизиться к общегосударственному стандарту. Пусть, мол, богатые платят полностью по себестоимос-

ти»). Но ведь основная масса окружающей нас публики таковыми не является. В результате, например, у нас вся кафедра получила эти субсидии. А богатые — они ведь хитрые, потому уже давно запасли справки о зарплате в пятьсот рублей. Думаю, что через пару месяцев сборы в городской бюджет упадут. Интересно, что же местные чиновники ещё придумают в таком случае? Впрочем, ждать долго не пришлось: на четверть поднялась стоимость проезда в транспорте, ожидается значительное увеличение цены электроэнергии: вначале до рубля, затем ещё больше. Так что все эти «прибавки» зарплаты, о которых трещат по телевидению и радио, в относительном исчислении сплошная фикция.

Говорят, что заготовили нам ещё одну неприятность: ГосДума в первом чтении приняла закон об экономии средств. Там двадцать девять пунктов, часть из них связана с урезанием «льгот» северянам и приравненным к ним. Слово «льготы» в кавычках не случайно: жизнь показывает, что наша зарплата с надбавками и коэффициентами зачастую меньше материковской при диких ценах, а такая штука, как оплата проезда, уже давно отменена по факту. «При поступлении средств из госбюджета» — вот такие резолюции начальство накладывает на заявления об оплате дороги. Её оплачивают, но уже опосля, примерно в течение последующего года. При стоимости билета до стольного града Москвы от семи с половиной до десяти тысяч рублёв и существующих доходах сбор подобных сумм представляется задачей не из лёгких.

Очередной энергетический кризис, обещанный на конец апреля, отложен на будущее. Летом он нам не страшен, потому как тепло и светло, а щи из черемши, коры и лебеды начнём варить на кострах (это шутка). Впрочем, начальство говорит, что запасы топлива будут пополнены, и пока вроде бы всё нормально.

Поздравляем всех вас с юбилеем Победы. 9 мая пойдём на площадь, там готовится необычайно обширная программа. Надеемся, что с погодой повезёт. Решил тоже внести свой «вклад» в празднование этого юбилея. Посылаю статью с некоторыми малоизвестными фактами, касающимися работы флота в 1941—1944 гг. И ещё одна — про условия перевозки людей на Камчатку в 1930-х гг. Эту статью прочитал твой бывший начальник, слегка расчувствовался. Он сам подобным образом прибыл сюда спустя десятилетие после описываемых событий. Поведал некоторые подробности, в документах не значащиеся...

С 13 мая начинается «презентация» нашего новоиспечённого университета, будет проводиться выездная сессия совета ректоров.

Ожидают прибытия многочисленных гостей и усиленно готовятся к этому делу: красят, мажут и прочее, что несколько напомнило мне славные годы службы на острове Русском. Там тоже суетились перед прибытием начальства, заканчивая почти перед самым заездом оного в ворота части.

1 июня 2000 г. ...За прошедшее время приключился у нас очередной энергокризис. Начался как раз на следующий день после того, как я сходил на почту, отправил тебе предыдущее послание и попутно заплатил за электричество. Надо сказать, что особенно ничего страшного не происходило: во-первых, народ попривык к подобному скотскому образу жизни, во-вторых, всё-таки весна наступила, световой день длинный и морозов вроде нет. Правда, погода стояла так себе, было довольно прохладно...

Те страсти, которые вы могли видеть по ТВ, по-моему, слегка преувеличены, хотя, с одной стороны, это даже хорошо — скорее «в центре» обратят внимание на местные безобразия. Не наблюдал ни костров, ни буржуек. Сильно смахивают эти съёмки на прошлогодние.

В самом конце мая стало совсем паршиво, хотя свет включили: погода испортилась, температура на улице доходила до плюс четырёх, вот тут народ взвыл. Местные начальники подумали-подумали и вновь запустили отопление...

В этом году 17 октября грядёт двухсотшестидесятилетний юбилей славного града Петра и Павла. Так как в октябре может быть довольно холодно и дождливо, то празднование у нас происходит в начале сентября. Особой суеты по подготовке пока не видно, по крайней мере, какие тротуары паршивые были, такие и остались, но некоторые действа происходят. Первое из них: в центре города (который, кстати говоря, давно утратил свой «деловой» статус, так как все основные фирмы, магазины и прочее сейчас располагаются от Шестого до Восьмого, особенно в районе «Силуэта». В бывшем магазине, что рядом с кинотеатром «Камчатка», открылся культурный центр с выставочным залом. Второе — доделали Аллею флота, что напротив УТРФ. Третье — на Четвёртом заложили православный комплекс.

Общественность принимает участие в подготовке юбилея: собрана книга, фотоальбом, по ТВ проходят всякие викторины и прочее. Посылаю свеженькую статью по этому поводу, где, как мне кажется, есть некоторые интересные моменты. Да, в этом году, как раз сейчас, исполняется девяносто лет с начала массового производства на Камчатке рыбных консервов, естественно, лососёвых.

Думаю, тебе будет небезынтересно об этом узнать. Скоро в «Рыбаке Камчатки» пойдёт цельный мой сериал на эту тему.

Накопился довольно приличный материал про старые пароходы, работавшие у нас чуть не полвека, без которых было немыслимо всё тогдашнее производство. Со временем напишу про это дело книжку. Сейчас занимаюсь своими «изысканиями», времени толком не хватает, так как это довольно кропотливая работа, да ещё дети (в смысле студенты) ходят и пристают: не за горами сессия и ГАК. Так что и кризис-то я особо не заметил. Хорошо, когда есть занятие — всякие тоскливые мысли в голову не лезут. А вообще-то работа преподавателя в высшей школе очень хороша. Есть только три минуса: маленькая зарплата, студенты и начальники. Вот если бы не они, было бы совсем здорово...

23 июня 2000 г. ...Наш перманентный кризис на время прервался, но что ожидает публику дальше, никто не ведает. Обидно ещё и то обстоятельство, что лето никак не хочет начинаться. Весна пришла раньше обычного, но оказалась холодной. А сейчас прохлада даже усилилась. Если в мае температура днём держалась до шестнадцати, то в июне не поднималась выше двенадцати. Обычно этот месяц у нас всегда прохладный и довольно дождливый. Но в этом году дождей нет, просто висит туман и дует ветер, что весьма неприятно.

С наступлением этих холодов нам вернули горячую воду и отопление, и сие удовольствие продолжалось до 20 июня, что само по себе является делом вполне удивительным! В последние годы тепло «вырубали» не позже 25 мая — 1 июня. Так что попользовались. Народ, правда, шутит, что теперь, наверное, в следующий раз затопят не раньше Нового года. Но скептики забыли, что в этом году 3 декабря состоятся губернаторские выборы, так что затопить придётся всё-таки пораньше, а то «электорат» совсем обидится.

Наше замечательное Центральное телевидение и такое же выдающееся Всероссийское радио второй год вещают про невероятную жару в Западной Европе, показывают несчастных жителей Германии, обливающихся потом. Мы не против того, чтобы часть этой самой жары досталась и нам. Ходят слухи, что, мол, вот в июле да в августе... Впрочем, скоро проверим.

Насчёт Шивелуча и паники. Шивелуч — это вулкан из Ключевской группы впечатляющей высоты — за три тыщи двести метров, славится своей активностью. Располагается оный к северо-западу от Усть-Камчатска километрах в девяноста. Никакого жилья там нет, от города-героя Петропавловска-Камчатского (это

наименование, как вы догадались, шутка. Но, как известно, в каждой шутке есть доля правды, особенно в свете событий последних лет. Давно заслужил) очень далеко. Поэтому даже самое сильное его извержение вряд ли для нас может иметь какие-нибудь последствия. Гораздо сильнее следует опасаться «домашних» вулканов — Авачинского, Корякского и Вилючинского. Кстати, активность Авачинского в последние годы повысилась, извержение его вполне возможно. В начале 1990-х гг. такое случилось, причём из города в тёмное время виднелись взрывы и потоки лавы из жерла. Что касается паники, не заметил, да и публика наша настолько закалённая, что пока её по-настоящему не затрясёт, она и не почешется...

Посылаю очередной сборник по истории родной рыбной промышленности. Первый, говоря словами Петра Великого, «был яко младенческое играние». А за этот уже вроде и не стыдно. Придумал новую рубрику — «Рыбная промышленность в лицах и документах». Есть идея придать этому делу периодичность: сейчас собираю третий, думаю, что он будет ещё интереснее. Выйдет в конце года. Кстати, обрати внимание на последнюю страницу: там пропечатано предложение ветеранам, думаю в следующий сборник включить небольшую рубрику с их воспоминаниями.

Если помнишь, призывал тебя писать «мемуары». Посему можешь поделиться с земляками какими-нибудь рыбно-технологическими эпизодами (например, об условиях жизни на комбинатах в 1940—1950-х гг., о разработке новых видов продукции и другом). Я думаю, что за сорок трудовых лет можешь вспомнить много интересного и поучительного. В следующем сборнике, наверно, попадутся тебе знакомые «писатели», во всяком случае, мне хотелось бы в это верить...

4 августа 2000 г. ...Ничего особого вроде не случилось, кроме, может быть, того, что приезжал к нам новообретённый президент, говорил слова о том, что заживём «красиво» не скоро, но катаклизма на полуострове Камчатка не будет. Впрочем, наверное, это всё вы видели в телевизоре.

В этом году обещают большую путину на западном побережье, причём говорят об этом уже с месяц, а рыбы (горбуши) чего-то в городе пока не видать, а та, что поступает, довольно дорогая. Так что сложности с рыбой есть не только в Астрахани. Кстати, на это обращал внимание и президент. К началу сезона местная «царь-рыба» — чавыча стоила аж по сто пятьдесят рублей за кило! Правда, потом цена съехала до пятидесяти. Такой дикости ещё отродясь не было.

Так что былая слава астраханских «всесоюзных огородов» и камчатских «рыбных цехов», похоже, отошла в предание, хочется верить, что только на время.

Сейчас подготовил работу по береговым предприятиям начала 1930-х гг., показываю там «кухню»: как принимались те или иные решения, всякие политические и технические аспекты. Бог даст, это дело увидит свет. В процессе знакомства с рыбоконсервным производством прочитал несколько технологических книжек 1930—1940-х гг., наверное, тех, по которым ты в своё время училась в Астрыбвтузе...

Что касается истории с барком «Седов» (в это время он был арестован в одном из заграничных портов. — *С. Г.*), то это, конечно, безобразие. Воспринимать это происшествие следует как мелкую пакость на государственном уровне: этим демонстрируется неуважение к нашей державе. Дело в том, что «Седов» — это не просто судно, каких тысячи, это — символ государства, и отношение к нему есть отношение к государству в целом. Во всём мире подобные уникальные сооружения, да ещё находящиеся в столь почтенном возрасте (барк 1921 г. постройки, что для судна более чем много), которых, кстати, насчитываются единицы, пользуются огромным уважением. Мои бывшие курсанты, с которыми в своё время посчастливилось сходить на «Седове», вспоминают впечатления этого времени как одни из наиболее ярких.

У нас на Камчатке с парусным судном тоже хорошее взаимодействие. В своё время (именно когда я был на «Седове», то есть в 1987—1988 гг.), на польских верфях для Союза строились три однотипных парусника. Их команды стажировались на барке вместе с нашими курсантами. И вот с 1989 г. к Владивостоку приписан трёхмачтовый, как его называют, фрегат «Паллада» (назван в честь гончаровской «Паллады»). На нём проходят практику курсанты-дальневосточники, в том числе и наши. Ежегодно судно посещает град П&П. Но в этом году руководство оного славного града и не менее славного нашего КамчатГТУ решили устроить из обычного, хотя и всегда вызывающего интерес захода парусника настоящий праздник. Встречали судно в бухте катера, в течение часа оно маневрировало под всеми парусами, показываясь публике с разных сторон. Затем состоялась торжественная встреча с оркестром, градоначальником, хлебом-солью, жареным поросёнком, русскими и северными танцами. Сняли фильм, посетители три дня топтались по судну, начальство устраивало избранным банкеты. Такого душевного приёма, по словам командования судна, они ещё не видели

(это откровенно) ни в одном порту захода. Поговаривают, что сие действо отныне станет традиционным. Всё это происходило как раз во время истории с «Седовым».

Вот сижу, печатаю, работает радио: сообщает, что родной брат «Седова» — барк «Крузенштерн» отказывается заходить в Амстердам без гарантии тамошнего правительства. Дожили!

Славный град П&П готовится к юбилею. Латают крайне запущенное городское хозяйство, ремонтируют некоторые фасады, на площади Ленина, она же Театральная, разбивают какие-то непонятные клумбы, суета идёт на набережной и городском пляже. Это не только радует публику, но и раздражает её, так как в городе очень много нерешённых сложностей, ни на что нет денег. По случаю грядущего юбилея посылаю тебе ещё один свежий опус о житье-бытье города П&П в начале нонешнего, уже завершающегося века.

Суета начинается ещё по другому поводу: в декабре грядут губернаторские выборы и градоначальника. Формально старт этой гонке в сентябре, но возня уже началась. А тут ещё возможным кандидатам и повод покрасоваться — городской юбилей!

3 сентября 2000 г. ...Лето закончилось, теперь уже можно сказать вполне определённо, так и не начавшись. Несколько хороших дней в конце августа, и вот — сентябрь. «Жары» нет, днём до шестнадцати, ночью иногда уже только до шести. Дождей сильных не было, штормов и ураганов тоже. А вот нашим соседям из Приморья в этом плане не везёт — за месяц три тайфуна с разрушениями и даже жертвами. Как помнишь, сентябрь и октябрь у нас обычно самые хорошие месяцы.

Надежда на путину оправдалась частично. Ждали большую горбушу на западе, подошло более ста тысяч тонн, но всю её взяли в море, в реки, особенно в Большую, рыба почти не прошла. Говорят, что нерестилища остались пустыми, так что в 2002 г. повторения большой путины не будет. Надо сказать, что готовились к этой самой путине основательно, пожалуй, никогда такого не было, в том числе и в советские времена. Много частных предпринимателей вложили большие деньги, понастроили модульных цехов, холодильников, набрали кредитов... и остались с носом. Говорят, что несколько человек в итоге свели счёты с жизнью. Вот так-то живётся при диком капитализме.

В 1998 г. тоже была большая рыба на западе. Поскольку обрабатывающих мощностей тогда не хватило, чтобы рыба не переполнила нерестилища, её разрешили ловить кому не попадя, в любых количествах. В результате выбирали из неё только икру, а тушки

сваливали огромными кучами вдоль дорог и в лесах. Эту картину периодически показывают по телевизору. А вот в этом году решили встретить рыбу во всеоружии. Но, как уже говорил, получилось не у всех. Рыбы на рынках (в смысле горбуши) было мало, по цене семь-восемь рублей за хвост.

Урожай картофеля и капусты в этом году неплохой, особенно много грибов, с ягодой тоже всё в порядке.

В городе череда всяких празднований. Про торжественную встречу «Паллады», обещающую стать традицией, уже писал. Теперь возрождается, вернее в прошлом году возродилась, ещё одна — проведение крестного хода по случаю победы над франко-английским супостатом в 1854 г. (Это я тебе тоже писал в прошлом году. Мы тогда попали прямо под самый парад. Народу было немного. Пока чернецы довольно утомительно кадилили, мы было собрались идти домой, спустились от могил на Ленинскую, и тут мимо начали проходить несколько воинских «коробок» и за ними оркестр. Пристроились за музыкантами и прошлись исключительно вдвоём под трубы и барабаны по самому центру спуска с Ленинской аж до озера. Ребёнок был очень доволен.)

Ещё одно начинание, говорят, что оно тоже станет традицией, случилось вчера. Имя ему — «Торжественное начало учебного года». В этом году оно совпало с годовщиной окончания Второй мировой войны, а славный град П&П к этому делу имеет самое непосредственное отношение. На площади было большое гуляние для детей, выступали артисты, танцевальные ансамбли. Ребёнок участвовал во всяких викторинах, плясал с Буратином и Мальвином...

И наконец, в ближайшие пятницу — воскресенье нам предстоит пережить апофеоз всех торжеств, а именно юбилей города-героя, то есть его двухсотшестидесятилетие. Формально эта дата приходится на 17 октября, но её уже десять лет празднуют в первое воскресенье сентября, так удобнее, в первую очередь по погодным соображениям. Готовятся основательно. Центр города весьма сильно преобразился. Перестроили и стадион «Спартак», вокруг него даже заменили забор, стал он более ажурным и красивым. На стадионе произойдут основные события трёхдневных празднеств.

Народ наш на мякине не проведёшь, поэтому он довольно быстро скумекал, что здесь не всё просто. Дело в том, что в декабре губернаторские выборы, а нынешний градоначальник желает принимать в них участие. В результате этот юбилей пришёлся ему очень даже к месту. Последние трагические события с «Курском» (погибшей подводной лодкой. — *С. Г.*) тоже выявили местных

«героев» в этом плане. Некоторые из лиц, желающих присесть на этот высокий стул, усиленно рассказывали нам с телеэкранов о том, как они благородно поступили, перечислив деньги, поддержав наших местных подводников (а таких лодок, как «Курск», у нас тут поболе будет, чем на Северном флоте). Одним словом — кому война, а кому и мать родна...

17 октября 2000 г. Сегодня праздник — юбилей основания славного града П&П. В областной библиотеке по этому поводу должны состояться так называемые «Крашенинниковские чтения» — это традиционная научная конференция, проводимая в годовщину города. Ещё у нас есть «Свято-Иннокентьевские чтения», приуроченные ко дню рождению небезызвестного святителя Иннокентия Вениаминова, бывшего в 1840-х гг. вначале камчатским священником, затем доросшего до архиепископа Аляскинского, а потом вообще аж до самого до митрополита Московского, то есть патриаршего местоблюстителя. В качестве его главной заслуги считают крещение Аляски, где, кстати, многие местные обитатели до сих пор православные и весьма сильно его за эти деяние почитает. Довольно давно его даже канонизировали. А летом на церковном соборе в Москве был куда-то причислен ещё один местный епископ Нестор I, действовавший в начале века и в 1920-х гг.

Да, раз уж начал про церковную тематику. Собираются открывать музей истории православия (имеется в виду Северо-Востока России и Русской Америки). Здание ему выделили в бывшем кафе «У командора». Помнишь, такое посещаемое место в 1980-х гг. было на Четвёртом, недалеко от кинотеатра «Родина»? Весь этот район теперь будет территорией местной епархии. Бывшая «Родина» сейчас перестраивается, пустырь за ней, где сейчас небольшая детская площадка, выделен под строительство большого храмового комплекса, его уже заложили.

Теперь перейдём к делам мирским. Главные из них — это свет и тепло. Если с последним более-менее, исключая его стоимость, то с первым — несколько сложнее. Недавно (14 октября) включили нам, наконец, горячую воду. Обещали вначале к 15 сентября, потом к 25-му, затем говорят, что господин Чубайс отдал очередной приказ — не включать отопление до тех пор, пока не расплатятся с долгами. А долгов этих у города аж семьсот миллионов! Долго чего-то решали, заседали, ездили в Москву на переговоры и, наконец, случилось чудо. А то мы тут уже почти замёрзли. Шутка сказать — середина октября. Ночью три-пять градусов, днём по-

выше, до десяти. Прошло несколько дождей, но небольших, сильных ливней пока не было...

Мы с ребёнком уже подумали, что пора наших карасей (золотых рыбок. — *С. Г.*) тащить ко мне на работу, спасать от замерзания. Насчёт карасиной/карасёвой/карасячей зимовки есть некоторый опыт: один предыдущий карасик дважды «охлаждался» куда как ниже десяти градусов, и ничего, выжил! Этим летом, правда, он нас покинул по старости, но мы взамен павшего героя купили новую партию из четырёх штук: два красных и два золотых. Ребёнок присвоил им имена, позаимствовав оные из своих любимых латиноамериканских сериалов. Терять их совсем не хотелось, и тут вдруг домашняя температура наладилась. Надеемся, что хоть этой зимой мёрзнуть ни нам, ни карасям не придётся...

Насчёт «градоначальника»: это официальное наименование нашего, выражаясь казённым языком, «высшего должностного лица исполнительной власти на уровне муниципального образования — города Петропавловска-Камчатского». По-моему, единственный в России случай. Название отсылает ко временам Гоголя и Салтыкова-Щедрина да к советской школьной программе по литературе.

Так вот, этот самый градоначальник пожелал 3 декабря избираться в губернаторы. В. А. Бирюков объявил, что делать этого больше не будет. Возня вокруг выборов уже в разгаре. Осталось полтора месяца, видимо, всё самое интересное ещё впереди, но «война компроматов» уже началась. Бирюков назвал своего преемника, первого вице-губернатора Синченко, его поддерживают и рыбные «генералы», боящиеся возможных потрясений и переделов. Градоначальник тоже себя считает человеком Бирюкова, но тот вроде бы сказал, что пока он ещё до этого поста «не дозрел». Есть и другие желающие, но шансов у них поменьше...

Посылаю пару относительно свежих опусов на юбилейно-рыболовную тематику. Про двухсотлетие города вышла статья не совсем в моём первоначальном варианте: её сократили, причём вырезав, на мой взгляд, наиболее красочные куски, да и название не моё. Приготовил ещё третью фотографию неизвестного автора — родная улица Вилюйская в 1939 г. (кстати, она появилась где-то в 1935—1936 гг.). По дороге чуть не по колено в грязи бредёт какой-то интеллигент в шляпе. За шестьдесят лет грязи у нас поубавилось, но асфальт, как тебе известно, до сих пор так и не появился. Говорят, фотка не поместилась...

27 ноября 2000 г. ...Несмотря на то что нас регулярно пугали (в основном из Москвы) всякими ураганами и буранами, последних

как-то не случилось, поэтому весь месяц было спокойно и достаточно тепло. Первый снег, чисто символический, выпал по старой традиции после бывшего главного праздника бывших советских людей, то есть 7 Ноября. А вот настоящий, толщиной примерно сантиметров десять, лёг только вчера. Сегодня с утра продолжается небольшой снегопад. На улице красотища! Тепло, вода — горячая и даже более чем.

Ещё о градоначальнике. Это, действительно, официальное название должности, теперь уже без кавычек. Лужкова называют так же, но официально он именуется на заграничный манер — «мэром». Кстати, в советские времена «мэром», если помнишь, называли в Петропавловске председателя горисполкома. Между прочим, несмотря на вроде бы старинное название, должность градоначальника в славном граде П&П появилась всего десять лет назад: в царские времена её не существовало.

Ну, так вот, слегка отвлеклись от главной темы: у нас по случаю объявления выборов будущих градоначальников и губернаторов, как уже заявлено, вполне тепло. Впрочем, на этот счёт ходят всякие слухи (в смысле дальнейшего), причём их весьма успешно используют и претенденты на соответствующие кресла. На одного показывают пальцем и говорят, что, мол, он-то точно ведает, как это самое тепло добыть, а на других — вот, ребята-избиратели, у них нет опыта, они в Москве никого не знают, с ними вы совсем пропадёте.

А в последнее время появился ещё один железный козырь: события в Приморье. Это — совсем удивительный край, в котором света, тепла, а также воды, похоже, не бывает вообще. При том, что там полно угольных разрезов и электростанций. Ну, я думаю, ты эти страсти по телевизору видела. Вот наше местное народонаселение и думает, что его вскоре ждёт такая же участь. Впрочем, 3 декабря не за горами, посмотрим.

Загадывать особенно не приходится, так как судьба распоряжается самым причудливым образом. Нас, например, давно не встряхивало, по крайней мере, в этом году что-то не припомню, а вот вчера по телевизору рассказали, что тряхануло в Баку и даже кого-то там завалило...

«Литературно-историческая» деятельность временно приостановилась. Вернее, она-то продолжается, но публикация результатов оной откладывается до окончания предвыборной кампании. У газетчиков появилась возможность подзаработать, вот они ею и пользуются. Сейчас готовлю третий сборник, через неделю будет

макет, а уж когда напечатают, это никому не ведомо, но надеюсь, что таки в первом квартале следующего года.

Да, со старинными особняками, про которые ты пишешь, славному граду П&П не повезло. Самое древнее, что у нас есть, можно перечесть по пальцам. Из домов — несколько деревянных по улице Красинцев (это в центре под Никольской сопкой на входе в парк, бывшая улица Казначейская), дома построены в 1909—1911 гг. Памятник-часовня на братской могиле — 1912 г., по случаю приближавшегося трёхсотлетия Дома Романовых. Есть ещё несколько деревянных зданий в центре, их реставрировали, это теперь памятники градостроительства.

Между прочим, памятник архитектуры — здание рыбного техникума, это тот, с колоннами, что возле бывшего Камчатрыбпрома. Его начали строить в 1942 г. Это — одно из первых шикарных капитальных сооружений в городе.

Несмотря на 260-летнюю историю, здесь Петропавловску похвастаться особо нечем. А самое древнее сооружение — это памятник Берингу в виде колонны в центре города. Его привезли году в 1828-м. Он несколько раз менял своё место.

Хотя на Камчатке и случилась масса всяких событий, но у нас в основном останавливаются на Беринге да обороне Петропавловска. Документов этой поры в оригинале нет, они все, какие остались, хранятся в центральных архивах. Вот местные товарищи краеведы и упражняются в переложении давно известного, то есть переписывании существующих книжек да в придумывании новых версий. Мне это дело непонятно: история XX в. совсем (более-менее за исключением времени установления советской власти) тёмная, в то время как документы как раз налицо. Правда, загадка решается достаточно просто: в своё время к этим бумагам особо не подпускали, да и видимо, было неинтересно, а сейчас, кроме «бабок», большинству публики ничего и не нужно.

25 декабря 2000 г. ...Вот и заканчивается очередной год, век и даже тысячелетие. Можно подводить некоторые итоги. В целом год был хуже, чем предыдущие, с материальной точки зрения и отсутствия перспектив на успокоение и улучшение жизни. Политический год закончился неожиданно — и в области, и в городе победили коммунисты. Коммунист вышел во второй тур вместе с действовавшим тогда первым вице-губернатором. Коэффициент полезного действия этих двух кандидатов оказался несопоставим. Первый истратил более чем скромные средства, второй вложил,

наверное, не сам, в избирательную кампанию громадные в современной терминологии «бабосы».

За время избирательной суеты, как водится, кандидатами и их приспешниками было вылито друг на друга огромное количество грязи. Складывалось впечатление, что люди живут вместе последний день. Как будто завтра они перестанут встречаться. Приёмы ведения политической борьбы, распространенные в столицах, начинают проникать и на нашу богом забытую окраину.

По окончании выборов у местных обывателей основная тема для разговоров — это расчёт времени окончания электричества. Благо, за примерами ходить далеко не надо — Приморье под боком...

В учёбе сейчас временное затишье. Воспользовавшись им, завершаю некоторые наработки. Недавно пришла хорошая новость. Если помнишь, давно сообщал тебе, что как-то на досуге написал для детей книжку под названием «Судовые энергетические установки. История развития». Маленьким, символическим тиражом она вышла в нашем университетском издательстве ещё в 1998 г. Потихоньку я её доработал, добавил нового материала и в начале лета этого года отправил по всяким академикам. Короче, Минобраз присудило ей статус учебного пособия. Книжка получилась в триста девяносто страниц мелкого текста с двумя сотнями картинок. В новом году буду думать, как издать её нормальным тиражом и в настоящем издательстве.

Попутно заканчиваю работу над трудом, посвящённым истории промышленного освоения Охотско-Камчатского края в конце девятнадцатого — первой половине двадцатого века. Те «опусы», которые тебе посылал, имеют некоторое отношение к этой тематике. Думал, по старой советской привычке, закончить работу к дате, то есть к Новому году, но тут подвернулась масса уникальных материалов, отыскать которые, честно говоря, и не надеялся. Так что изыскания продолжатся, а конец трудам, видимо, придёт в январе или феврале. Думаю, что эта работа должна вызвать интерес местной публики, тем более что ничего подобного до сих пор почему-то никто соорудить так и не сподобился.

Да, посылаю очередной «опус» из сериала про камчатские консервы, тоже имеющий некоторое отношение к этому самому промышленному освоению наших краёв. Так что «творческий процесс» протекает благоприятно...

5 февраля 2001 г. ...Обещанный и чуть было на самом деле не наступивший очередной энергокризис нас таки миновал. В конце января совсем было решили начать отключения, только всё сомне-

вались, как это лучше сделать: то ли вырубить бессрочно всё электричество, оставив теплоснабжение, то ли начать «веерные» отключения. Склонялись к первому, так как накопленный местный опыт рукотворных бедствий убедил их создателей в том, что второе является нерациональным из-за частых выходов из строя всякой коммутирующей аппаратуры.

Но в итоге обошлись и без первого, и без второго. По последним данным, топлива гарантированно хватит до середины февраля, а там должен быть утверждён новый график поставок. Пример соседнего Приморья позволил-таки решить наши сложности. Попутно местные власти решили увеличить стоимость киловатта для населения до полутора рублей. Летом она должна вырасти до двух, так что не за горами и очередной виток цен на всё возможное.

Местная публика по поводу состояния дел в энергетике отпускает разнообразные шутки. Например, журналисты предлагают назвать «человеками года» Сергея Шойгу (тогда руководитель МЧС. — *С. Г.*) и Бориса Бутому (это бывший министр судостроительной промышленности СССР, ныне покойный, в честь него назван танкер, который возит нам мазут). Такой вот особенный юмор, порождённый особыми же условиями нашего существования.

Но, тем не менее, следует отметить, что зиму, выражаясь казённым языком, «прошли» удачно. Всё-таки свет не гас, было довольно тепло. В доме ниже семнадцати не опускалось, последние дни стало двадцать и более. Погода тоже способствовала. Надо сказать, что зима снова получилась мягкая, не было даже обычных крещенских морозов, не опускалось ниже минус двенадцати. За всё время случилось всего два снегопада, последний пришёлся на минувшие выходные. Правда, снега выпало много, но с ним коммунальные службы быстро справились. Конечно, впереди февраль и март, но в принципе зима уже перешла за середину.

Я вот, правда, никак не пойму, а чего это у вас-то свет отключают? Ну, ладно, мы бедные родственники, никакого своего топлива у нас пока нет, а с газом будут канителиться ещё несколько лет. Но вы же сидите на газовой трубе, почему в Астрахани-то такие сложности?

...Про аспирантуру можно сказать следующее. Наши руководители решили по её окончании присваивать желающим квалификацию «Преподаватель высшей школы», то есть в ходе обучения аспирант может получить типа высшее педагогическое образование, что, например, мне совсем не помешает. Учиться всегда любил, поэтому решил воспользоваться такой возможностью.

Аспирантура была открыта в 1997 г., в неё поступил в 1998-м, за год всё «изучил» и оказался ещё в прошлом годе единственным прошедшим полный курс. В конце прошлогоднего мая написал квалификационную работу, вернее, в качестве таковой представил свою методичку «Учебные работы. Разработка и оформление». Она издана уже дважды и представляет собой составленное на основе нашего опыта курсового и дипломного проектирования руководство для студентов (и для преподавателей), чего и как делать надо, а главное — чего и как делать не надо. Работу защитил в пединституте (теперь, кстати, он называется «педагогическим университетом»), заполнили на меня все нужные бумаги. И тут выяснилось, что наше руководство не решило принципиальные вопросы деятельности аспирантуры: чего-то не лицензировало, чего-то не оформило и т. д. Вот сейчас идёт какая-то суета, а я сижу и жду обещанного диплома. Постепенно подтягиваются ещё несколько человек, тоже окончивших курс обучения. Они будут защищать работы в конце февраля или марте, надеюсь, скопом дипломы и дадут. Таким образом, не удалось мне первым получить диплом «первого на Камчатке университета» (этот статус мы обрели в апреле 2000 г., а я предполагал завершить учёбу в мае, раньше выпуска студентов и курсантов). Все кандидатские экзамены сдал в марте 2000 г., поэтому и претендовал на роль первого «закончившегося» в аспирантуре, но... (см. выше). Зато «первым окончившим первый университет на Камчатке» заделаться, правда, только по хронологии, таки случилось. Глядишь, тоже когда-нибудь потянет на историческое событие.

Результатом аспирантуры должно стать написание диссертации. Прошлым летом сел было за это дело. Ну и тоскливое же это оказалось занятие — подбирать казённые фразы да создавать ореол наукообразия! Короче, плюнул я на него и решил написать книжку (монографию), смысл которой сводится к показу особенностей становления транспортного обслуживания камчатского побережья и развития промышленных предприятий — рыбоконсервных заводов. Вот теперь могу доложить: книгу завершил 2 февраля. Назвал её «Вдоль камчатских берегов» (полное название «Вдоль камчатских берегов. Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX в.», вышла в 2003 г. — *С. Г.*). В ней шесть глав, пять посвящены флотским делам, шестая — консервным заводам. Сделал макет, его объём получился под шестьсот страниц, два десятка приложений, несколько десятков фотографий и иллюстраций. С присущей мне

скромностью могу сообщить, что ничего подобного в нашей губернии ещё не было. Сейчас работа находится у местных знатоков, хочу, чтобы её внимательно посмотрели и высказали своё мнение.

Материал собирал по местным архивам с лета 1996 г. Собственно книгу делал с августа прошлого года. Оказалось это очень увлекательным занятием. Вот на основе этой книжки, если придётся, и буду делать эту самую злополучную диссертацию, хотя под научную специальность она не подходит. Некоторые фрагменты, приспособленные под газету, тебе высылал. Сегодня посылаю парочку новых опусов, но они к книге отношения не имеют, это просто подборка материалов. Со временем подготовлю отдельную работу по развитию активного рыболовства, но это пока далёкие планы.

Про Бирюкова. Сейчас будет заниматься своим проектом: газопроводом. Я тебе писал, что он сильно за это дело переживал, но вот теперь стройка, вроде, наладилась. Человек он с огромным в области авторитетом, посему новая власть при всей её предыдущей нелюбви к нему поняла, что другого кандидата на эту должность просто нет...

12 марта 2001 г. ...Температура в феврале достигала минус двадцати шести, чего, по наблюдениям местных метеорологов, не было последние пятьдесят лет. Думали мы, что в конце февраля — начале марта морозы отступят, но до последних дней по ночам держалось до минус семнадцати, а днём — до минус десяти. Довольно холодно было и на мартовские праздники.

Морозы отпустили только 10 марта. Днём началась оттепель, потихоньку закапало с крыш. Но первый многолетний признак наступающей весны — проплешина на Мишенной сопке — ещё не проявился.

Долгожданного энергокризиса, в целом, не случилось. То есть электроэнергию не отключали ни «веерно», ни полностью, хотя с начала года трижды обстановка обращалась в критическую. Дело в том, что последние четыре-пять месяцев живём, что называется, «с колёс», вернее, от танкера до танкера. Никаких стратегических запасов топлива на ТЭЦ нет совершенно (в советские времена они составляли сто тысяч тонн). Сильные морозы осложнили ледовую обстановку в море и затруднили своевременный подход судов. В результате в какой-то из дней начала марта топлива на ТЭЦ-2 оставалось всего на двенадцать часов работы. Администрации удалось «перехватить» тысячу тонн мазута у коммерсантов, это облегчило положение и позволило предотвратить остановку станции.

С теплом было более-менее, но морозы и недостаток топлива привели к тому, что во многих районах, особенно не имеющих отопления от ТЭЦ, температура в квартирах держалась на уровне десяти-двенадцати градусов. Для того чтобы не погасить станцию, уменьшили отпуск с её складов мазута для котельных. Многие районы города (начиная с «Силуэта» и дальше) отапливаются от коммунальных кочегарок, туда вода от ТЭЦ ещё не подведена. Их обитатели последние зимы регулярно мёрзнут. Кстати, район здания бывшего Камчатрыбпрома, в том числе и наш университет, по-прежнему отапливаются от коммунальных котельных, а именно от той, которая расположена под зданием прома. (Интересно, что сам пром от её услуг давно отказался, установив лет пять-шесть назад себе автономный бойлер и дизель-генератор.)

В результате пострадало наше славное учреждение. В начале февраля, самый разгар морозов, ночью на промовской котельной произошла авария, в результате у нас в трёх корпусах перемёрзли системы. Теплоснабжение частично удалось восстановить, но в некоторых аудиториях полопались батареи. Пришлось из-за холода даже менять регламент занятий: сокращать их и заменять аудитории.

Дома, хотя жары и не было, но замёрзнуть не удалось — ниже плюс шестнадцати не опускалось.

Обстановка с энергетикой сложная, область имеет огромные долги перед поставщиками мазута, они уже перевалили за миллиард рублей. Расплачиваться за всё это приходится рядовой публике. Если помнишь, писал, что собирались увеличить тариф за киловатт-час до полутора рублей. Так вот, увеличили до двух. Это в четыре-пять раз больше, чем в среднем по стране. Так что наша губерния прочно вышла по стоимости жизни на первое в Российской державе место. К этому надо добавить, что с 1 марта повышена плата за проезд в автобусах до пятёрки, а вскоре следует ждать роста стоимости коммунальных услуг.

Ещё одна неприятная история — это введение аукционов по продаже рыбных квот. Это некое новшество — продажа будущего улова, который об этом ещё не подозревает и шевелит хвостиком в воде, а не бьётся от радости на палубе или в трюме. Флот наш стоит, доходов область не получает. Зато под этот шумок снова выросли цены на всю рыбу. Стоимость лосося местную публику удивляла ещё два года назад: она казалась непропорционально большой для рыбных краёв. Но теперь, похоже, и остальная рыбка становится роскошью. Мороженая горбуша — двадцать пять — двадцать шесть рублей за кило, кета, кижуч — тридцать — сорок,

минтай-колодка — двадцать пять — тридцать (!), камбала и навага — восемнадцать — двадцать два, кальмар-тушка — до сорока, трескатушка — сорок, палтус от сорока и далее. Всё это также не радует...

(По поводу уровня тогдашних цен, для сравнения. Копаясь в домашнем архиве, нашёл справку от 26 февраля 2001 г. о своей средней зарплате. Из неё следует, что тогда она составляла четыре тысячи шестьсот тридцать рублей. — *С. Г.*)

8 апреля 2001 г. ...Мы ещё живы, но наше доселе относительно безмятежное существование, похоже, на следующей неделе окажется нарушенным. А именно — очередной энергокризис, о наступлении коего долго все говорили, — уже на подходе и с понедельника станет явью. Готовятся «глубокие» отключения, свет в жилые районы теперь будет подаваться по особому графику по десять часов в сутки, это удовольствие будет длиться две недели, а потом оно закончится совсем. Первый признак надвигающейся суровой жизни приключился на прошлой неделе, в самом конце марта. Мирные обыватели вдруг остались без привычных мыльных телесериалов — это наши славные энергетики «вырубили» за долги телерадиоцентр. Продолжалось это дня три, сейчас вещание восстановлено в полном объёме. Впрочем, вы, наверное, в курсе этих наших последних событий, по крайней мере, о них вещало центральное радио.

Основная масса народа относится к предстоящим событиям с философским стоицизмом: за годы «демократических перемен» мы уже повидали всякого. Тем более что зима, в общем, закончилась, насмерть замёрзнуть теперь точно не успеем, а световой день и так достаточно долгий. Это те не в декабре или январе сидеть в потёмках! Правда, вчера (в субботу вечером) мелькнуло сообщение, что может быть удастся приглушить этот самый кризис — чего-то там удалось решить в самый последний момент и в результате пара танкеров то ли встала, то ли вот-вот встанет под заливку в Находке.

Погода наладилась более-менее, пурги прошли, последнюю неделю снег не падает, а наоборот начал усиленно таять. Днём тепло, солнце, ночью пока заморозки до минус двух (это в городе), а за его пределами — до минус двенадцати.

Некоторые наши новости. Посылаю вырезку из газеты «Рыбак Камчатки» с сообщением о выборах Бирюкова председателем ассоциации рыбопромышленников Камчатки. До этого им был П., который написал заявление с просьбой отпустить его «по возрасту», хотя вряд ли он старше В. А. Похоже, дело связано с нашумевшей суетой по поводу введения аукционов на продажу рыбных ресурсов,

хотя точно этого расклада я не знаю. То он громко шумел против этих аукционов, то вдруг на втором побежал покупать для своей частной конторы, которая, кстати, называется «Камчатрыбпром», но, как ты уже догадалась, к тому самому бывшему прому никакого отношения не имеет.

Попутно посылаю очередные «опусы». Третий сборник, похоже, удался. По крайней мере, показывать его не стыдно. Сейчас потихоньку собирается следующий, по-моему, будет ещё интереснее...

Да вот, наступил понедельник, 9-е. С утра встаём — света нет, но с подъездной площадки несутся какие-то звуки: оказывается, это идёт профилактический ремонт проводки. Сейчас пришёл на работу — свет есть и здесь, говорят, что бог миловал...

25 мая 2001 г. ...Завершился отопительный сезон, а вместе с ним, естественно, и горячая вода. И произошло сие скорбное событие чрезвычайно рано: аж 19 апреля, когда, как ты помнишь, на полуострове ещё совсем не жарко. Да и сейчас, месяц спустя, тоже прохладно: днём до плюс десяти, ночью ещё недавно было около и ниже нуля. Последние два дня идёт противный дождь, сыро. Вначале дома было ничего, потом стало холодно, затем, вместе с потеплением на улице, снова терпимо, а сейчас опять началось похолодание.

Зиму пережили. Несмотря на смену власти (она перешла к «коммунистам»), предрекаемая нам по этому поводу голодная и холодная смерть не состоялась. За зиму свет основательно и надолго не гас, хотя имелось несколько случаев, когда ТЭЦ работали «с колёс» при запасе топлива менее чем на сутки. Зато сейчас картина интересная: две недели в бухте стоит танкер с пятнадцатью тысячами тонн мазута, не сливается, так как за него не заплатили. Говорят, что благодаря вот этому самому раннему отключению тепла удастся отсрочить возможный конец света.

Тем не менее, очередной кризис, правда, в «не явной» форме, всё же налицо. Так, первой исчезла горячая вода и тепло, затем вырубили Центральное телевидение, потом стали поговаривать о том, что, мол, горводоканал что-то давно денег не платит... Одним словом, хорошо хоть воздух нам перекрыть, как ни старайся, пока никак нельзя.

Без телевизора сидели две недели, вот сегодня его включили. Кстати, полезное это занятие — периодически гасить этот самый «ящик»: от тоски люди переделали полно всяких полезных, но скучных дел. Между прочим, в сегодняшней газете пишут: за время «информационной блокады» резко увеличилось число посетителей библиотек!

Да, раз уж речь зашла о телевизоре — недавно началось у нас экспериментальное вещание ещё одного московского канала — ТНТ (не знаю, есть у вас такой или нет). Изображение хорошее. Правда, есть одно неудобство, заключающееся в том, что программа идёт по хабаровскому времени, то есть со сдвигом на два часа, другими словами — поздно заканчивается.

Недавно прошла конференция по поводу освоения местных сырьевых богатств. На ней впервые открытым текстом аборигенам и старожилам (то есть нам) объявили: мол, никуда вы теперь не денетесь, будем добывать у вас на шельфе и газ, и нефть, и никто вас особенно спрашивать о том, хотите ли вы этого или нет, не будет. Всё же это очень хорошо и удачно сочетается с этим самым энергетическим кризисом и объявленными ранее аукционами по продаже рыбных ресурсов. Говорят, что аукционы привели к тому, что наш флот стоит, а рыбку ловят другие. К тому же постоянно слышим рассуждения о «нерентабельности северов», о том, что их надо «закрыть», «осваивать вахтовым методом» и прочее.

А тут ещё самые подозрительные граждане недавно заговорили о том, что, похоже, решено расстаться с Южными Курилами. Некоторые из них сделали вывод, что это в сочетании с высокими тарифами на всё, и особенно на энергоносители, при мизерном уровне жизни является признаком того, что вначале хотят вытеснить отсюда побольше народу, чтоб не мешал хозяйничать, затем выкачать чего можно, а потом уже спокойно сбагрить все эти самые «севера» новым хозяевам. Тем более что местных обитателей в этом никто особенно-то и не разубеждает. Так что вовремя я занялся составлением истории рыбной промышленности: похоже, она завершается. Вот, подведём итоги и можно будет сдавать дела. Новым господам это всё будет неинтересно, потому что у них есть своя история (но всё же надеюсь, что это такая шутка юмора)...

В университете кипят собственные страсти: на 31 мая намечены выборы ректора. Сейчас вовсю идёт предвыборная кампания со всеми признаками настоящей политической борьбы. Тут тебе и соперничающие группировки, и компромат, и «заказные» статьи, и пропагандистские телепередачи. Хотя, казалось бы, это частное, внутреннее дело учебного заведения, к тому же совершенно естественный процесс, так как все научно-педагогические должности в вузах по многовековой традиции являются выборными.

Наш ректор (ныне исполняющий обязанности) слишком в своё время увлёкся «большой» политикой: то губернатором ему хотелось стать, то депутатом Государственной Думы. Наконец, года

четыре назад удалось-таки стать областным депутатом. Занимаясь этими делами, запустил их в собственном хозяйстве. Всё это создало массу недовольных, что в своих интересах решили использовать конкуренты. Смешно сказать: на Петропавловск с его весьма скромным, менее чем двухсоттысячным населением имеется аж двадцать девять всяких «университетов», «академий», филиалов и прочего добра, обладающего зачастую одними только вывесками. Вот между этими конторами и развернулась борьба за абитуриентов, число которых, впрочем, как и уровень, падает из года в год. Тут все средства оказались хороши. В это дело стали втягивать и рядовую публику. Довольно неприятно видеть некогда, типа культурных и интеллигентных людей, тянущих одеяло в разные стороны. Надеемся, что скоро это всё закончится. Похоже, победителем выйдет всё же действующий.

Да вот, насчёт множества этих самых вузов. Поговаривают, что, наконец, наверху спохватились, что всё должно иметь свои пределы. Теперь в дипломы будут записывать не только название головного вуза, но и местонахождение его отделения или филиала, а также форму обучения. Согласись, есть разница в написании: «Московский университет чего-нибудь» и «Заочное отделение Мухосранского филиала Московского университета чего-нибудь». Кое-какие сведения для возможного работодателя в такой надписи уже содержатся... (Тогда я явно погорячился, этого не случилось. — *С. Г.*)

1 июля 2001 г. ...Хотя по календарю уже середина лета, таковое на самом деле ещё не началось — среднесуточная температура всего плюс восемь. Если не идёт дождь, то просто пасмурно и прохладно. За весь июнь случилось всего два солнечных дня (последний из них вчера, а сегодня, в воскресенье, опять слабый дождик при поддержке сильного тумана), дня четыре с «переменной облачностью» и остальные, сама поняла, какие.

Поначалу в помещениях было холодно, сейчас стало более-менее, но противно, так как сыро. Говорят, что улучшение погоды возможно после 4 июля. Посмотрим. Не помню, писал в прошлый раз или нет, но такого лета не было за весь двадцатый век, что-то похожее приключилось в 1942 г. Трава выросла, но деревья только-только распустились. Видимо, из-за холода ещё нет ни мух, ни комаров. Зато в окрестных лесах объявились клещи по типу тех, которые обитают в Приморье и являются переносчиками энцефалита. В своё время я на них насмотрелся, будучи в «рядах» на славном острове Русском. Вот теперь время от времени нам про них рассказывают по местным средствам массовой информации.

Именно по местным, так как центральные телеканалы отключены уже второй (или третий? не помню) раз в этом году и не работают уже недели три. Правда, один раз сделали исключение — 22 июня, по случаю годовщины начала войны, ожидали президентского выступления, поэтому в этот день телевизоры светились. Это дело несколько напомнило славное советское прошлое, когда по всем кнопкам одновременно показывали что-нибудь вроде очередного съезда КПСС. Но теперь это называется «укреплением вертикали государственной власти».

Про виды на урожай и грибы-ягоды говорить пока рано, но жизнь показывает, что сезоны с таким паршивым июнем не бывают плодоносными. Впрочем, ответ на этот вопрос уже не за горами. С точки зрения рыбы, этот год считается нелососёвым. Подходы на Западной Камчатке слабые, но в районе Усть-Камчатска оказались совсем неплохими, превысив обещанное. Новая областная администрация неоднократно заявляла о том, что она будет уделять путине много внимания, что не допустит прошлых промахов и прочее...

Но пока что в этой сфере начался передел: места былых любимчиков заняли другие компании. Правда, многие авторитеты говорят, что сделан упор на местных ребят, причём тех, которые занимаются на побережье «социалкой». Последнее десятилетие камчатский берег представлял собой страшную картину разрушения, только в последние года два-три здесь началось некоторое оживление.

Теперь упор сделан на возобновление береговой рыбообработки и консервное производство. Кстати, в прошлом году «ожил» Петропавловский завод, до того времени больше стоявший (вроде там чего-то морозили в небольших количествах). Однако времена изобилия рыбной кулинарии его производства, похоже, канули в Лету, такового понятия сейчас просто не существует. Не думаю, что имеющиеся в продаже полуфабрикаты (большая часть которых имеет иногороднее и иноземное происхождение) в вакуумной упаковке являются её аналогами. К тому же и цены на них для большинства бюджетников являются запредельными.

Да вот, насчёт этих самых бюджетников. Это расхожее определение сейчас, на мой взгляд, стало одной из составляющих новой классовой структуры нашего общества. Раньше были дворяне, мещане, крестьяне и прочие, затем им на смену пришли пролетарии и колхозное крестьянство, а также «прослойка», к коей мы некогда принадлежали. Сейчас же структура, по моему разумению, такова: олигархи, «новые русские» (то есть бандиты, политики,

коммерсанты и их обслуга), бюджетники, пенсионеры и люмпены. Разница между тремя последними весьма условная. Количество люмпенов в нашем славном городе-герое П&П стало огромно: плохо пахнущие дяди вполне трудоспособного, я бы даже сказал, что призывного возраста заполонили все окрестности. Кроме них, есть и много неблагополучных детишек-попрошаек. Количество так называемых «бичей», обычной принадлежности портовых городов, если помнишь, всегда было довольно велико, но сейчас оно начинает превышать все разумные пределы...

Июнь и первая половина июля у меня привычно наиболее напряжённое время — самый «сенокос». Начался выпуск нашей «продукции». Уже закончили с техниками (дневными и заочниками), которых в общей сложности оказалось пятьдесят один, заочниками-инженерами (двенадцать), теперь ещё две недели забот с «бакалаврами» — госэкзамен и защита дипломных работ. Этих около тридцати. Инженеров (двадцать два) в этом году выпустили в марте, теперь это будет их постоянным временем защиты. А иначе совсем тут с ума сойдёшь, если всю эту публику обслуживать летом, особенно с учётом того, что нас на кафедре всего шестеро.

Народ продолжает учиться. Правда, за последние лет пять лет ход «учёбы» несколько видоизменился: сейчас людям нужны не столько знания, сколько всякие дипломы, то есть «корочки». Интерес к учёбе не как к результату, а как ко вполне увлекательному процессу добывания знаний упал. С учётом того, что подготовка в школе сейчас аховая (причём интересно, что качество знаний стало обратно пропорционально количеству разнообразных медалистов) и появились технические возможности, облегчающие «учёбу», вроде компьютеров и Интернета, знания весьма слабые и поверхностные. Например, в последние годы стало невозможно приводить в аудитории примеры и фразы из классической литературы. Народ не понимает, о чём идёт речь, приходится пояснять. И это — пока ещё плоды «перестройки и гласности». А через лет через пять вообще придут дети «демократии и свободы», вот тут-то и запоём.

Из-за этой суеты дела с книжкой пока повисли, нет времени её пропихивать. Поскольку «навариться» на этом деле нельзя, то и особого интереса у имеющих возможности поспособствовать оно не вызывает. На прошлой неделе завершил четвёртые «Вопросы...» объёмом в сто семьдесят страниц, в них даже один японец затесался. Думаю к концу месяца запустить в печать.

Насчёт казино — тут вы от нас отстали: уже года два действуют два таких заведения. Одно под названием «Мельница» располагает-

ся в районе «Силуэта» в сильно перестроенном помещении бывшего пивбара. Рядом — шикарный магазин «Центральный», тоже переделан, но из «Пельменной». Где-то есть ещё одно, но не знаю, так как их клиентом не являюсь. Зато знаю, где четвёртое, — в ресторане гостиницы «Авача». Его открыли весной, но завершающие работы продолжаются. Вот так. Это всё происходит на фоне полного упадка городского хозяйства, паршивых дорог и прочего. Дороги не освещаются уже года два, как же, «энергетический кризис» ведь на дворе!

Битва за пост ректора завершилась ожидаемо. С итогом три к одному им остался действующий.

1 августа 2001 г. Наконец-то началось лето. Море прогрелось, осадков давно не было. В конце июля температура днём выросла до плюс двадцати трёх в солнечные дни. По ночам, как обычно, прохладно — до плюс десяти. День ВМФ, в отличие от Дня рыбака, прошёл удачно, было не очень жарко, сухо. Август обещают более тёплым, чем обычно. Поговаривают даже, что он будет засушливым. Виды на урожай средние. В окрестных лесах появились грибы, на рынке они есть уже довольно давно.

Рыба идёт полным ходом. Её меньше, чем в прошлом году, но вроде хватает. Вот вчера передавали, что дополнительные квоты наука разрешает взять как на востоке — в Усть-Камчатске, так и на западе — в Усть-Большерецке. Рыночные цены следующие: горбуша — от восьми до пятнадцати (в зависимости от размера и икряности), кета — пятнадцать — двадцать, кижуч, нерка, как правило, от тридцати рублей за кило. Это не дёшево, но терпимо.

Новая городская власть, действия которой трудно назвать удачными (не берусь судить о том, насколько они профессиональны в своём деле, но следует помнить, что как славный град П&П, так и вся область сидят по горло в долгах и довольно долго и привычно нас называют «банкротами»), приняла несколько мер по облегчению положения пенсионеров. Так, введён бесплатный проезд для них по городу на всех автобусах. Это же распространено и на школьников до двенадцати лет (наверное, более старшие школяры отчего-то богатеют), и открыты два рыбных магазина, в которых продаётся так называемая «дешёвая» рыба. Один из них в Сероглазке, второй — на Моховой, где-то в районе ПРКЗ. Торгуют в них белорыбицей, красной вроде ещё не было. Для этой цели «на город» работают несколько колхозных (имени Ленина) МРС.

Новая же областная власть, как я уже писал, принялась «наводить порядок» в рыболовных делах. Начался и передел сложившихся

было позиций. По этому поводу, естественно, много недовольных, появляются всякие шумные публикации и прочее...

Между делом освоил издательскую систему. Это такая компьютерная программа, разработанная специально для вёрстки книг, газет, журналов. Слегка усовершенствовался в редакторском деле. Вот этот сборник, надеюсь, будет сделан уже как настоящее полиграфическое «произведение». До этого материалы готовились в обычном текстовом редакторе, вроде этого послания.

Вернёмся к действиям областной администрации. Она утверждает, что её потуги направлены на получение от рыболовной отрасли наибольшей отдачи, особенно в ожидании предстоящей зимы. За последнее десятилетие рыбная промышленность превратилась в клубок криминала и источник обогащения отдельных лиц. Это «дело воровское» (слова Петра Великого) доходов в казну приносит мало. Вот и начался, выражаясь по-современному, «наезд по полной программе» на промышленников, особенно попавших в немилость.

По большому счёту обывателю, коими мы являемся, всё равно, кто из них начальству мил, а кто нет. Нам надо немного: чтобы было тепло, светло и по возможности нешибко дорого. Всё лето обещали будущее зимнее светопреставление и даже поговаривали о «грядущей катастрофе». Сейчас выражают некоторый оптимизм, уже связывая его с получением в бюджет от рыбалки определённых средств, которые и должны пойти на решение коммунальных дел. Центральные власти, на словах, за регион, за улучшение, за стабилизацию, но действий с их стороны пока не видать. Правда, приезжают всякие комиссии, качают головами, цокают языками. Вот, вскоре опять ожидают очередного чубайса.

Про наших выпускников хочу сказать следующее. Кафедра выпускающая, работает с тремя факультетами, на которых готовится одна и та же специальность: родной мореходный (инженеры и бакалавры), заочный (инженеры и техники) и особый, действующий с 1997 г., «факультет среднего профессионального образования». Этот не совсем удачный заменитель былой средней мореходки готовит техников-судомехаников на основе школьных девяти и одиннадцати классов.

Вот такая у нас особенность. Весь мореходный факультет учится на бюджете, остальные — за деньги. С одной стороны, это плохо, а с другой — если бы не эта добавка, то давно бы мы все вымерли с голоду: бюджетная зарплата доцента как раз около прожиточного минимума...

13 сентября 2001 г. ...Потрясены и возмущены вашим ужасным происшествием — взрывом на рынке... Как идёт следствие? Нашли злодеев или нет? Если ничего не путаю, то в прошлом году у вас тоже были теракты, погибли люди? Дожили — жизнь человеческая, словно в гражданскую войну, опять ничего не стоит...

В школе теперь первая смена начинается в девять утра, так же как и в нашем славном университете, а не полдевятого, как раньше. Но это не насовсем, а временно, говорят, в целях экономии столь дефицитного ныне электричества.

Последнее пока есть без перебоев, но по отсутствию горячей воды мы уже побили все наши собственные рекорды: выключили её в этом году в двадцатых числах апреля, а включать пока не собираются. Говорят, что это славное событие случится только к концу сентября. Таким образом, почти полгода сидим без централизованного горячего водоснабжения! Прогноз на зиму до конца неясен, но похоже, что глобальных потрясений не будет. Будем надеяться на это.

Погода привычно для августа и сентября стоит хорошая, правда, ночью уже весьма прохладно: до плюс шести, а то и ниже. Днём при солнце — пятнадцать, бывает и восемнадцать. Надежды на путину не оправдались: главного сырья — горбуши было очень мало. Правда, оказалось довольно много нерки, но всё же их количества никогда не были сопоставимы. Областные власти утверждают, что в рыбной промышленности, в распределении лимитов и сборе налогов они навели порядок и потому собрали в местный бюджет неплохие деньги. Посмотрим, подтвердится ли это предстоящей зимой.

Славный град П&П отпраздновал очередную годовщину со дня основания. Погода была так себе, поэтому на праздник не ходили... Надо сказать, что город потихоньку ветшает и стареет, серьёзного строительства давно не ведётся, дороги плохие, тротуары развалились, фасады облезли, всё серое и пыльное. Отдельные цветовые пятна принадлежащих коммерсантам заведений только усиливают контраст и подчёркивают общую разруху. Хорошо, пожалуй, только с общественным транспортом, с которым, если помнишь, раньше всегда были сложности.

Одно время власти занимались благоустройством, сейчас и этого нет. Положительная сторона: в черте города осталось мало привычных мрачных заборов, казарм, складов и тюрем. На их месте сами собой образовались вначале пустыри, затем рынки и автостоянки, а сейчас некоторые пустоши начинают застраивать лёгкими

конструкциями типа павильонов. Таким образом, город стал как бы «пошире». Только в районе КП исчезли: старая мебельная фабрика, комендатура и военторговские склады, старые деревянные дома, пожарное депо и пограничная часть возле областной больницы.

Да, вот ещё интересное явление. Понятие «центр города» за несколько лет сместилось с привычного места от обкома партии и театра в сторону бывшего «Силуэта». Теперь это самая деловая часть, здесь пребывает большинство контор, самые большие магазины, рынки и т. д. Одно время бывший центр совсем было умер, там даже не осталось ни одного продмага, но за последний год жизнь здесь вроде опять наладилась.

Из заметных, как раньше выражались, «общественно-политических событий» у нас идёт всероссийский кинофестиваль «Живая вода» экологической и биологической направленности, а в понедельник откроется международная конференция по поводу «аспектов жизни в прибрежной зоне», или что-то вроде, точно не помню. Присутствовать на ней буду или нет, ещё не решил, хотя вроде тоже в некоторой степени занимаюсь как раз историей этой самой «жизни в прибрежной зоне».

Сейчас в отпуске, который можно назвать «творческим», пытаюсь завершить свои изыскания. За это время почти удалось закончить большую книжку. Вскоре встанут сложности с изданием, так как никому в нашей суматошной жизни это особенно и не нужно (речь идёт о «Маленьких камчатских историях», вышедших летом 2002 г. — *С. Г.*). Такой сложился своеобразный парадокс: лет пятнадцать назад подобные вещи не получились бы из-за того, что не дали доступа к архивам, зато можно было напечататься за казённый счёт. Теперь материалы можно заполучить относительно свободно, есть простор в плане использования компьютерной техники, издавать можно всё, что душе угодно, зато нет денег.

Думаю всё-таки пропихнуть эту работу под маркой предстоящего семидесятипятилетнего юбилея Акционерного Камчатского общества, для чего придумал целую кампанию по этому поводу. Вот, кстати, посылаю очередной опус на эту тему. Недавно в ходе раскопок случайно наткнулся на малоизвестные неопубликованные материалы, относящиеся к Петропавловской обороне 1854 г. В этом деле я не «крупный специалист», потому ничего толковать не стал, а просто попытался донести до людей своеобразный язык и стиль, по-моему, небезынтересных документов того времени (это об очерке «“Пардону” врагу не дали». — *С. Г.*)...

Из коммунальных потрясений нас вскоре ожидает очередная прибавка квартплаты — с октября. В преддверии нового учебного года заговорили о «повышении социального статуса педагогов». Причём говорят так много, что становится ясно, что денег не дадут. Так что светлое будущее в очередной раз отодвигается на потом...

23 октября 2001 г. ...Отопительный сезон начался с перебоями. Всё трубное хозяйство гнилое, каждый день чего-нибудь да рвётся. Вот сегодня приехал экскаватор, копает под окном канаву: ищут разорванную теплотрассу от теплового пункта, размещённого в нашем подвале, наверх на сопку. Там бедненькие жители трёх деревянных трёхэтажек этого самого тепла не видали аж с конца апреля...

Последние две недели трясло нас раз по пять на дню, как-то даже балла на четыре, то есть вполне ощутимо. Одновременно началось извержение одного из «домашних» вулканов — Авачинского. Из него валит дым, идёт пар, слегка дрожит земля. Говорят, что в районе самого вулкана даже пепел выпадал. Но надо сказать, что извержение заметно слабее того, которое случилось то ли в 91-м, то ли в 92-м году: тогда по ночам была видна раскалённая магма в жерле и даже лавовые потоки по склонам. В этот раз идёт один дым, да и тот потихоньку сходит на нет. Катастрофических событий пока не ожидают...

Посылаю порцию свежих «опусов». Книжку эту сделал два месяца назад, работа была довольно интересная, и в качестве редактора, и верстальщика, и автора части комментариев. Для меня эта работа ценна тем, что всю её соорудил своими собственными пальц*а*ми. Попутно освоил систему компьютерной вёрстки и методику взаимодействия с издательством. Хотя, как и положено, первый блин вышел комом. Смотрю, есть мелкие дефекты вёрстки и кое-где ошибки. На будущее сей отрицательный опыт учтём. Сейчас заказали мне небольшую работёнку по истории посёлка Ключи с его предприятиями (в смысле отредактировать и сверстать её, так как эта тематика находится за пределами моих интересов). Собственные книжки потихоньку себе пишутся, но пока, что называется, «в стол». Денег надо на них много, а с этим делом туго...

28 января 2002 г. ...На новогодние праздники приключилась пурга, дуло два дня, но снега выпало умеренно и его довольно быстро разгребли. 12 января обещали пургу, но обошлось, просто был сильный ветер, а осадки выпали где-то по дороге. Очередное буйство стихии пришлось на 22—23 января, впрочем, его последствия

также уже преодолены. Зима в этом году, а теперь она уже перевалила через середину, оказалась умеренно снежная и не морозная. Крещенские холода нас, похоже, обошли. Температура не падала ниже минус одиннадцати, в то время как в прошлом году самый низ был минус двадцать шесть. Сегодня, например, светит солнце, тихо и минус пять.

Дома тепло, перебоев с горячей водой и светом не было. Температура в квартире выше двадцати, что как раз на пределе нормы. Правда, начали поговаривать о том, что вновь образовались большие долги у местных властей перед Камчатскэнерго и, мол, скоро начнутся ограничения по теплу. Причём эти новости передаются по московскому радио. Сегодня, например, целый день рассказывают о том, что у нас тут включили электропитание военным. Честно говоря, о том, что его выключали, мы и не знали. Впрочем, как известно, из Москвы оно виднее...

Запас топлива (государственный резерв) составляет восемьдесят тысяч тонн. В пятницу его разбронировали и изъяли пять тыщ для муниципальных котельных: задержки с доставкой вызваны какой-то неразберихой. Его, уже оплаченного, в Находке скопилось аж пятьдесят семь тыщ тонн. Вот и решили в качестве временной меры «вскрыть кубышку». Думаю, что всё-таки зиму пройдём без осложнений...

Посылаю несколько новых опусов и обещанный четвёртый сборник... Твои «мемуары» набил в компьютер, но ещё не обрабатывал. Собрал в кучу все подобные документы, какие были, фотографии, твои старые письма и письма от тети Лоры с подобным же содержанием. К лету сделаю из них описание истории нашего семейства и выстрою генеалогическое древо, а потом вышлю этот первый вариант тебе и тётушкам для правки и «на утверждение». Будет внукам на память отправная точка, на случай, вдруг они, вроде меня, спохватятся, если, конечно, спохватятся. А то и поговорить-то на эту тему им будет не с кем...

16 марта 2002 г. ...Бытовая обстановка в городе так себе. С теплом и электричеством перерывов не было, не в пример прошлым годам. Правда, несколько дней назад говорили о том, что снова возникла напряжёнка с топливом, вернее, не с ним самим, а с оплатой того его количества, которое находится в Находке, но пока на мирных обывателях это никак не сказалось. Снова вскрывали госрезерв, благо он заполнен, что называется, «под завязку», чего в прошлые времена сделать не удавалось.

Тарифы на электроэнергию (напомню, что самые высокие в стране) торжественно обещали до конца года не изменять (читай повышать), более того, их даже заметно понизили для некоторых предприятий, обеспечивающих «жизненно важные производства». Правда, на стоимости оказываемых ими услуг это пока никак не отразилось. Цены продолжают расти. С начала года стоимость рыбы выросла на десять — пятнадцать рублей за кило, и это дело продолжается. Былая дешевизна и доступность нашего основного продукта ушла в небытие и, похоже, навсегда.

Главная сложность, вставшая перед славной Камчатской губернией, заключается в том, что в результате введённых правительством рыбных аукционов и снижения квот в этом году нам досталась всего третья часть того, что действительно необходимо. Правительство обещает погасить недопоступление средств своими подачками, то есть, говоря научно, трансфертами, но это не решает вопрос уменьшения численности флота и рабочих мест. Начинаются сокращения и плавсостава, и управленцев. Это вызывает резкую отрицательную оценку и напряжённость в народе. Некоторые компании обзавелись так называемыми «мёртвыми караванами», то есть стоянками законсервированных до лучших времён судов. Мои выпускники заходят, рассказывают, что появились сложности с трудоустройством, падают заработки.

Одним словом, Камчатка не живёт, а выживает. В отличие от славного города Астрахани, который, как я успел заметить, развивается весьма быстро и, как говорили в прошлые времена, «с уверенностью смотрит в будущее». Мы как раз в будущее смотрим без уверенности, но, однако, и без паники. Жизнь показала, что ни один самый печальный, равно как и самый оптимистичный прогноз для России, в том числе и Камчатки, до конца не сбывается. Чем и будем утешаться.

Посылаю тебе пару статей из «Рыбака Камчатки», в которых более подробно рассказывается о наших страхах. Попутно шлю и один из последних своих «опусов». Потихоньку начал разрабатывать малоизвестную тему взаимодействия русских и японцев на Камчатке. Правда, материал довольно неудачно сократили, поэтому здесь нарушена плавность повествования. Но общее состояние тогдашних дел он передаёт.

Раз уж зашла речь о публикациях, то теперь могу доложить состояние дел и в этой области. Двухмесячный труд по разрешению всякого рода организационных вопросов завершился вроде бы благополучно. 12 марта подписан договор между Тралфлотом

и издательством «Камчатский печатный двор» о выпуске книги «Маленькие камчатские истории» тиражом в тыщу штук. Книжка состоит из трёхсот двух страниц текста и шестнадцати фотовкладок на мелованной бумаге, будет иметь мягкую цветную обложку. Дело осталось за малым: оплатить услуги полиграфии. Тралфлот обещал сделать это к концу марта, так как у него возникли некоторые сложности с финансами по причине, изложенной выше. Вот такая приятная для меня новость. Если всё пойдёт по плану, то тираж должен быть готов к 25 мая. Буду надеяться, что так и получится.

На этой неделе произошла и ещё одна подвижка: госадминистрация рыбного порта, похоже, заинтересовалась моим главным трудом — монографией о транспортном и рыбопромысловом освоении охотско-камчатского побережья (пятьсот семьдесят шесть страниц и тридцать две фотовставки). По крайней мере, меня послали, и не куда-нибудь совсем далеко, а за калькуляцией стоимости этой работы. Это обнадёживает. Основная сложность в поиске «меценатов» заключается в страшной дороговизне местных полиграфических работ, которая также растёт от квартала к кварталу.

Ходил я с этой работой и в ассоциацию рыбопромышленников, и к «слугам народа», и к губернатору с его заместителями, и в управление культуры. Все говорят правильные слова об интересе к истории и о патриотизме, но денег не дают. Поэтому решил обратиться к конкретным хозяевам жизни, которые, как правило, говорят сразу, дадут они чего или нет. Например, тот же Тралфлот.

На работе завал — полно занятий, каждый день по три-четыре пары да плюс ещё всякие консультации. Книжки-то и писать некогда. Всё это изматывает, забирает свободное время, не принося ни моральных, ни тем более материальных благ. Удалось хоть выкроить один денёк на неделе специально для решения всяких «оргвопросов» и хождения по разным кабинетам...

15 июня 2002 г. ...Погода в начале июня была обычная: довольно прохладно, пытался идти противный холодный мелкий дождь, стояли туманы. Вчера и сегодня наладилось: солнце светит, всё высохло, наступила «жара», но, наверное, ненадолго. Всё-таки настоящее лето у нас приходит только в июле, если приходит. С ним начинаются и бытовые сложности. А именно: 1-го числа отключили тепло и горячую воду до сентября. Пока на улице было прохладно, дом*а* порядком остыли, народ жалуется на сырость. Среди детишек распространилась ангина, много заболевших.

На работе у одного коллеги трёхлетний сын даже попал в больницу с очень высокой температурой...

Посылаю новое сочинение и завершение предыдущего. Бывшая средняя мореходка обычно отмечала годовщину своего основания в апреле. В этом году у нас юбилей — шестьдесят лет, празднование намечено на середину октября. Торжество будет большим: решено устроить аж международную конференцию по поводу образования в рыбохозяйственной сфере. Коллеги попросили написать по этому поводу чего-нибудь. Сейчас готовлю очередной, пятый выпуск «Вопросов истории...», который целиком будет посвящён этому делу.

Статья в «Рыбаке Камчатки» на эту тему сильно сокращена. Говорят, что не хватило места, так как давали материал про отборочный тур на нового «Последнего героя». Найдёшь в ней знакомые фамилии.

Экономическая обстановка в области довольно сложная, пожалуй, как никогда. Рыбные аукционы «аукнулись» очень сильно: за год добыча упала на треть. Возлагали надежды на лососёвую путину, но сейчас озвучивают весьма осторожные прогнозы. Про газопровод, который несколько лет рассматривали как возможное решение многих сложностей, последнее время как-то не вспоминают. Правда, этот год был единственным, когда не мёрзли зимой. Вот такая интересная у нас жизнь пошла: радуемся самым обыденным вещам, которые ранее подразумевались сами собой...

20 июля 2002 г. ...Давненько (по местным меркам) не было у нас энергетических кризисов, даже несколько отвыкли от этого дела и расслабились. Но вот с конца июня начались разговоры про очередной «конец света». Причин у него много, и одна из них — вздорожание топлива на мировом рынке, в результате чего отечественные производители кинулись продавать мазут за рубеж, и его даже за сумасшедшие деньги (от пяти до пяти с половиной тысяч рублей за тонну) нет. «Конец света» должен был наступить 16 июля, но вроде обошлось — областные власти всё же как-то сумели «выкрутиться».

Прошёл главный праздник камчатского народа — День рыбака. Программа гуляний обычная: прибытие Нептуна, конкурсы, спортивные состязания, привычная уха. Одновременно работали несколько концертных площадок. Погода была неплохая, но почему-то народу в этот раз пришло меньше, чем обычно. Как гостей рыбацкие фирмы пригласили «астраханскую казачку» Надежду Бабкину и уже порядком подзабытого Игоря Саруханова.

Вечером — стрельба по небесам (в смысле салют) и дискотека на стадионе «Спартак».

Кстати сказать, Бабкина вначале побывала на моей исторической родине — в славном посёлке Озерная. РКЗ-55 сейчас работает, его полностью перестроили. С этого года завод будет после многолетнего перерыва действовать круглогодично. Владеет им сейчас некий бизнесмен из Приморья. Этот факт долго не давал покоя нелюбителям нашей новой администрации (которую принято называть «коммунистической»), мол, «экспансия приморцев» и т. д. Но ведь народ-то работает, налоги-то идут не в Приморье, а по месту размещения — на наш мужественный полуостров. Кроме того, завод ведь в карман не положишь и с собой не увезёшь. Попутно ещё и посёлок постепенно приводится в порядок: чего-то строят, ремонтируют. Так что историческая родина, надеюсь, пережила свои самые тяжкие времена.

Главный развал в середине 1990-х гг. был в Усть-Камчатске, но сейчас и там потихоньку жизнь налаживается: здесь командует местный предприниматель, к тому же пару лет назад выбранный главой администрации.

Помнишь, как я делился с тобой своими «наполеоновскими планами»? Похоже, что началось их осуществление. Первое и главное событие — это выход книги «Маленькие камчатские истории», которую ты сейчас держишь в руках. Написал я её довольно быстро, в августе-сентябре прошлого года, сюжеты тебе по большей части знакомые, уже прошедшие в газетах, но теперь в полной авторской версии. Специально написана третья часть о японцах. Это совсем тёмное дело, о коем нашему народу почти ничего не ведомо. Здесь пригодились архивные материалы Наркоминдела, которые мне зимой 2000 г. передал В. А. Бирюков. Я рассказывал, что это, в общем-то, тактический ход: книжка интересная, но не совсем то, что хотелось бы. Ценность её вижу в том, что это своеобразный итог предыдущей деятельности и главное — полностью моя работа: от, как принято говорить, «творческого замысла» до изготовления макета. Только обложку делал дизайнер: с цветом я не работаю. Издана на средства бывшего Тралфлота, нынешнего АО «УТРФ-Холдинг». Две части про историю этого предприятия — это тоже тактический ход, но не компромиссный, а удачно подвернувшийся.

Главный мой труд — томище «Вдоль камчатских берегов», написанный уже почти два года назад, пока лежит без движения. Макет полностью готов — вставляй в станок и печатай. Но это

дело требует денег, и больших. Вот с ними и задержка. Осенью прошлого года начал было его «проталкивание», но по известным причинам завершить не успел. За это время все народные депутаты поменялись, начинай сначала. Этот год в истории Камчатки юбилейный — исполняется семьдесят пять лет со дня основания АКО. Думаю, что наши промышленники всё-таки должны понять значимость момента и раскошелиться. Основное содержание книги как раз и посвящено деятельности АКО.

На следующей неделе иду в отпуск. Судя по всему, он вновь получится «творческим». Сейчас на стапеле стоит пятый сборник «Вопросов...», посвящённый шестидесятилетию нашего славного образования, к коему имею некоторое касательство. Пока покажу историю среднего и профессионального: ПКМУ, техникум, УКК, школы ФЗУ и прочее с 1930-х гг. О высшем будет что-нибудь попозже. Со временем напишу большую книжку с названием вроде: «Колыбель рыбацких кадров. История морского и рыбохозяйственного образования на Камчатке» или подобным.

Да, посылаю ещё одну свою редакторскую и оформительскую работу — «Козыревск». Сделал её в сентябре 2001 г., вышла в июне 2002 г.: столько автор искал деньги (совсем смешные) на издание. Хорошо понимаю его настроение...

Юбилей прошёл никак (не отмечал, чему тут радоваться: сорок лет, ума нет, денег нет, времени нет, да и дата какая-то сомнительная). Вообще подозреваю, что дни рождения уже закончились. Гораздо приятнее праздновать какие-то определённые события, вроде успешного воплощения очередной задумки. И вообще: ты мою позицию знаешь — чем меньше суеты, тем всем лучше и спокойнее. Побережём силы для чего-нибудь более серьёзного...

15 сентября 2002 г. ...Всё лето провёл, зарывшись в архивные бумажки и смотря в «телевизор», — так на нашем языке называется компьютерный монитор. Отмечаю, что в августе-сентябре уже третий год подряд наблюдается «творческий подъём», завершающийся чем-нибудь полезным. В прошлом году это была книжка «Маленькие...», которую ты уже видела. Сейчас же почти завершил работу над пятым сборником «Вопросов...» В отличие от прошлого, объём его будет раза в два с половиной больше. Точно ещё сам не знаю, так как макет не завершён, но где-то страниц под четыреста. Иллюстрации делать не стал, так как не успеваем с изданием. На следующей неделе закончу макет и будем готовиться к печати...

Этот самый «творческий подъём» наблюдается в августе-сентябре не случайно: кроме отпуска, заниматься изготовлением «опусов»,

что делаю с большим удовольствием, больше некогда. Для себя сделал вывод, что эти «исторические изыскания» являются чем-то вроде наркотика: затягивают. Но, надеюсь, что никому от этого хуже не стало, а ровно наоборот...

8 ноября 2002 г. ...С ответом опять слегка задержался — было полно забот. На днях завершил тот самый большой сборник, получился объёмом в четыреста восемь страниц мелкого текста. Пробный тираж в сто пятьдесят экземпляров вышел несколько дней назад, уже весь разошёлся. Коллеги просят, давай, мол, нам тоже книжку. По этому случаю решено сделать допечатку. Попутно обнаружил много мелких недочётов, вроде очепяток и дефектов вёрстки. Это дело за несколько дней поправил, теперь книжка выйдет без больших, бросающихся в глаза огрехов. Как отпечатают, так пришлю тебе её, найдёшь много знакомых фамилий. В общей сложности упомянуты несколько тысяч персонажей, в течение несколько десятилетий прошедших через наши основные заведения, как учащихся, так и учащих...

7 ноября, в бывший день былой, ныне отменённой за неправильностью Великой Октябрьской социалистической революции, ходили с ребёнком на площадь в центр, правда, довольно поздно, так как проспали. День был так себе: погода переменная, прохладно и небольшой ветер. Но зато оказалась нарушена многолетняя природная традиция: снег во второй половине дня, против ожидания, не пошёл. Култучное озеро покрылось очень тоненькой коркой (а ведь когда-то самые отчаянные граждане пробирались с демонстрации домой по прогибающемуся и коварно скрипящему под ногами льду).

Первый снег в этом году пытался выпасть 31 октября и 1 ноября, скорее даже не снег, а снег с дождём. Это было в те дни, когда центральные телевизор и радио два дня подряд на всю страну объявляли о «штормовом предупреждении на Камчатке», как о некоем неслыханном явлении. Давно подмечено, если Москва загодя начинает говорить об ужасных непогодах, то на самом деле ничего такого не случается.

На площади рассказывал ребёнку о том, как праздновали это самое 7 Ноября в былые годы. По-моему, самое сильное впечатление произвело повествование о том, как важные дядьки провозглашали с трибуны, что под памятником Ильичу, лозунги, вроде «Да здравствуют наши советские школьники, самые школьники и самые советские в мире! Ура!!!» во время прохождения по площади соответствующих колонн. А также о том, что эти самые призывы

загодя публиковались во всех газетах. Это нынешнему поколению непонятно. Объясняю, что у каждого времени своя окраска.

Отопление в этом году включили поздно: всё никак не могли договориться между собой городские и областные власти да энергетики. Тем более что губернатор находился на излечении в Москве. Наверное, слышала, что у нас 9 сентября случилась большая автоавария с участием секретаря Совбеза Рушайло, в которой погибли пять человек и ещё девять пострадали. 11 сентября объявлено в области днём траура. Сейчас с теплом более-менее нормально, да и на улице ещё вполне сносно: заморозки в городе только-только начались. Снега пока нет. Между прочим, на нашего местного чубайса, так же как и на вашего, тоже заводили уголовное дело, но закончилось оно ничем.

(В домашнем архиве сохранилось вот такое необычное распоряжение по кафедре от 30 октября 2002 г.: «В связи с отсутствием отопления и низкой температурой в помещениях КамчатГТУ, всем сотрудникам кафедры разрешается употребление спиртных напитков в рабочее время в разумных пределах для внутреннего обогрева». Почти как на фронте. — *С. Г.*)

Недавно прошёл выездной кинофестиваль «Серебряный витязь». Приезжали на неделю всякие знаменитости, вроде Николая Бурляева, Василия Ланового и других известных артистов, показывали десяток серьёзных «высокохудожественных» фильмов, выступали с концертами. Всё это дело было посвящено сбору средств на постройку кафедрального собора Святой Живоначальной Троицы, что на Четвёртом километре. Одновременно несколько дней подряд по местному радио и телевидению шёл благотворительный марафон по этой же части. Посылаю тебе календарик на новый 2003 г. с изображением этого храма. Таким он будет в 2004 г. Сейчас же уже возведён первый этаж. Сооружение впечатляет.

25 декабря 2002 г. ...Более-менее живы и здоровы. Общественно-политическая жизнь в Петропавловске в последний месяц весьма бурная. Наверное, ты сама это почувствовала: как включишь телевизор или радио, так видишь/слышишь про нас разнообразные страсти. Сейчас инициирована отставка градоначальника, а год назад завершилось неудачей для сильно того желавших затеянное было отстранение губернатора. Местные и московские газеты долго смаковали все повороты этого дела, подавались иски в суд, находились всякие граждане, бывшие «свидетелями нарушений» на избирательных участках и т. д., но ничего из этого, выражаясь на заграничный, ныне популярный манер, «импичмента» не вышло.

Теперь решили подобраться к нему со стороны градоначальника. Он тоже, как и губернатор, «красный», и является по совместительству вторым секретарём обкома компартии. Но это не самый тяжкий его грех: главная провинность заключается в том, что он решил навести порядок в таком запущенном деле, как коммунальное хозяйство. Изменились схемы финансирования, деньги пошли в другие руки, попытались устроить конкуренцию на рынке услуг, кое-кого сократить и т. д. Правильные идеи, но немножко резко он за это дело взялся. К тому же градоначальник не обладает достаточным красноречием, чтобы всё это доступно объяснить людям. И началось...

Местные политиканы «другой ориентации» (в смысле партийной) и обиженные коммунальные магнаты затеяли сыр-бор, поддержанный и раздутый московскими писаками и телевизионщиками. Здесь у нас уже почти месяц находятся корреспонденты аж трёх центральных каналов: НТВ, РТР, ОРТ. По телевизору периодически показывают кадры многолетней давности вперемешку с репортажами о забастовке коммунальщиков.

Хочу сказать, что на нас эта забастовка пока никак не сказалась: подъезд метут, мусор вывозят, топят и светят. Автобусы как ходили, так и ходят, ну а благоустройством и чистотой славный град П&П, как ты сама помнишь, никогда не отличался, даже в более благополучные времена.

Тем не менее, организовавшаяся «инициативная группа по отзыву градоначальника» собрала потребное количество подписей, куда-то их передала и теперь ждёт, что по этому поводу разразится референдум. По-моему, основная масса горожан на нём, если он и состоится, градоначальника поддержит.

Это всё я изложил к вопросу о том, что передают наши СМИ. Так вот, те сведения об ураганах и буранах, которые до вас довели, тоже не соответствуют действительности. Весь буран свёлся к сильному дождю, который местами повредил дороги и откосы, потекли кое-какие крыши да стояли большие лужи. Это было, по-моему, ещё в октябре. Но это не есть какая-то ненормальность. Следующая непогода случилась в первой половине ноября, но свелась к ветру без осадков.

А вот сейчас наблюдается настоящая природная аномалия: первый (и пока последний) снег выпал ещё 23 ноября, и вот уже больше месяца осадков нет, в городе снег почти сошёл, тротуары сухие. Дело дошло до того, что в центре кое-как насобирали несколько больших кубов снега, из которого будут вырезать фигуры,

а вот на горку его уже не хватило! Вот такие дела. В ближайшие дни ухудшения погоды не ожидается. По ночам температура примерно минус восемь-десять, днём — минус пять-шесть, ясно, тихо. Что меня, как бегуна-любителя, не может не радовать.

В целом отношусь к этим самым СМИ с большим скепсисом, ибо некоторое представление об их работе имею...

Отключений света у нас нет, но «порадовали» тем, что с февраля повысят тарифы. Мазут для ТЭЦ вздорожал за последние полгода вдвое. Так что все прибавки к зарплате и заявления, что «жить стало лучше, жить стало веселей», оказались только словами. А не за горами и новое повышение тарифов на жильё...

28 января 2003 г. ...Наконец дней десять назад выпал снег. Сейчас его лежит примерно с метр. Шёл пять дней подряд, причём при абсолютном безветрии. Было тепло. Первый день идёт — хорошо, красиво. Второй день идёт — тоже здорово. Так как ветра нет, то его благополучно убирают и особенно он никому не мешает, а детишкам, так совсем наоборот, в радость. Третий день — начинает напрягать, на четвёртый его уже многовато, ходить стало неудобно, да и надоел он по-настоящему. Наконец, на пятый день снегопад завершился. Разгреблись от него дня через два, сейчас жизнь наладилась.

Больших морозов в этом году в январе не было. В понедельник 14-го случился самый «крутой» холод, и тот всего около минус пятнадцати. Январь заканчивается, а февраль у нас, конечно, не жаркий, но и чересчур низкой температуры тоже, как мне помнится, в это время не бывает. В прошлом году зима тоже оказалась мягкой, да ещё в придачу основной снег выпал почему-то в апреле.

Так что с климатом всё в порядке: ни одного серьёзного катаклизма по природной части за зиму не случилось. Зато снова заговорили об очередном энергетическом кризисе. Примерно с неделю (с 17 по 24 января) эта тема занимала всех, но вот дня три как объявили о том, что он отменяется. Причинами возможного кризиса стал не недостаток топлива как такового на складах Камчатэнерго, а неплатежи производителю и низкие температуры в Находке, при которых оно застыло, почему притормозилась отгрузка. При этом надо отметить, что из-за этих же морозов усложнилась ледовая обстановка и замедлилось движение танкеров.

Шли разговоры о «раскупорке» госрезерва, но дело до этого не дошло, ограничений ни по теплу, ни по освещению не вводилось. Работает также и наружное освещение, которое обычно страдает в подобных случаях первым. Так что пока обошлось. Правда,

с 1 февраля в нашей славной губернии увеличивается стоимость киловатт-часа. Вместо прошлогодних двух рублей теперь будет два тридцать. Грозились повысить и стоимость коммуналки, но, как докладывал, в городе шла долгая война в этой сфере между работниками МУПов (то есть по-старому ЖЭКов) и городской администрацией. Это, как мы надеемся, заставит погодить с повышением оплаты, но, скорее всего, ненадолго...

Январь выдался относительно спокойным, поэтому первую его половину маненько отдохнули, отоспались. Вторая половина прошла тоже неплохо: занятий почти не было, за исключением заочников. Поэтому это время использовал для методических дел: написал работу «Технология использования воды, топлива и смазки», вот сейчас готовлю её к отправке во Владивосток на экспертизу для присвоения статуса учебного пособия. А в ноябре или октябре 2002 г., точно не помню, пришло разрешение на присвоение наименования «Учебное пособие» для книжки «Судовые энергетические установки. История развития». Эту работу затеял довольно давно, это первая моя большая книжка, на которой учился делать подобные вещи. В ней пересеклись два интереса: чисто профессиональный — собственно установки и исторический — ход их развития и совершенствования с точки зрения повышения надёжности и экономичности. Так что к весне предполагаю быть автором двух пособий для высшей школы, что весьма неплохо.

Газеты на время забросил, с ноября 2002 г. ничего не публиковал. Сейчас работаю над историей наших портов, думаю, к лету будет заготовка интересной книги с картинками. Большая книжка «Вдоль камчатских берегов...» готова полностью, сейчас нахожусь на стадии заключения договора между издательством и областной администрацией: расходы на её издание удалось вбить в бюджет области. Правда, боюсь, как бы его не «секвестировали» под предлогом нехватки денег на топливо. Об этом намекают всякие официальные лица, которые с телеэкранов вещают о том, что, мол, надо заморозить все расходы на социалку и культуру... Завтра пойду с этим договором в управление делами администрации, которая, как я надеюсь, выступит заказчиком издания...

Насчёт денег: журнал «Дальний Восток» обещает гонорар, «Неизвестная Камчатка» — это «общественная нагрузка», мои «Вопросы...» — то же да плюс так называемая «научная работа», которую преподаватель вуза должен вести во «вторую половину дня», как это у нас называется. Настоящие книжки денег пока не приносят, но дают моральные доходы и определённую известность, которая

тоже является в некоторых случаях капиталом. А если учесть, что писание книжек является «хобби», вроде того, как у скейтбордюка прыганье на трамплине или у шахматёра участие в турнирах, то главным гонораром здесь выступает творческое удовлетворение. Впрочем, надежды на то, что будет и материальное, не теряю. Пока же действуем по завету небезызвестного шефа контрабандистов из «Бриллиантовой руки»: «Чтоб ты жил на одну зарплату!»

Сейчас потихоньку начал делать шестой выпуск «Вопросов...», там будет много интересного, в том числе и часть твоих мемуаров про работу на побережье...

17 марта 2003 г. ...Понемногу наступает весна. Температура сейчас держится возле нуля, началось таяние снега, но пока ещё не очень бодрое. Всё это сопровождается усложняющим жизнь и передвижение гололёдом. Снега за зиму выпало не шибко много, в прошлом году было больше. Мороз минус пятнадцать случился лишь один день в январе, я тебе об этом писал, да вначале марта было по утрам прохладно: за минус десять. Зима в итоге вышла необычная. Своеобразность проявляется в том, что не было ни одной настоящей пурги: снег отдельно, ветер отдельно. То есть, если идёт снег, то при безветрии, а если дует ветер (раза три было за двадцать метров в секунду), то снега абсолютно нет...

Творческий процесс на подъёме. Давнишняя мечта, похоже, начинает сбываться. Это я о капитальной книжке: деньги на неё выделены из областного бюджета, предоплата в издательство уже сделана. Так что на этой неделе передаю макет, и к лету том будет готов. Три года ушло на сбор материала, год книжка писалась, два года вопрос об издании тянулся «по инстанциям», и вот теперь нашлись деньги.

Первая публикация в «Дальнем Востоке» прошла, в середине года будет вторая, а в начале 2004 г. — по случаю столетия начала русско-японской войны — должна быть третья. Так что удалось засветиться в журнале Союза писателей России. «Писакой» стал в прошлом году (6 сентября 2002 г. принят в Союз журналистов России. — *С. Г.*), теперь может быть удастся стать «писателем». Из ближайших, уже почти осуществлённых планов, можно отметить два: выпуск очередной «Неизвестной Камчатки» (иллюстрированный журнал, по-моему, очень интересный) и давно обещанная работа, посвящённая шестидесятилетию морского и рыбохозяйственного образования на Камчатке, первый вариант которой вышел ещё в октябре 2002 г. Всё это будет готово до конца текущего месяца.

Должен сказать, что издательское дело идёт с большим скрипом и очень медленно. Причин этому много, и в первую очередь ограниченность нашего местного «потребительского рынка». Слишком мало в Петропавловске людей, которым это дело по-настоящему близко и дорого. Буржуины жмутся, денег дают мало, хотя пока дают. А продолжать же начатое хочется. Одним словом, как чемодан без ручки: нести тяжело и неудобно, а бросать жалко.

Из коммунальных новостей. Война между городскими, областными властями, энергетиками, коммунальщиками и всякими «политическими деятелями» продолжается. На той неделе снова ходили слухи, что скоро начнутся ограничения из-за того, что город не оплатил энергетикам, а он в свою очередь тоже от кого-то чего-то не получил и т. д. Нам, простым мирным обывателям, слушать подобное крайне надоело. Если заходят разговоры на эту тему, то только с одним вопросом: когда же это всё закончится? А пока снова погасло наружное уличное освещение...

Вот более приятная новость: наконец-то мы дожили до персонального телефона. Оказывается, и сам-то это уже забыл, что на очередь встали ещё в 1989 г.! В сентябре прошлого года пришло извещение на перерегистрацию очереди. Сначала думали, что произошла ошибка, но потом вспомнили, в чём дело. И вот 3 января рано утром (!), когда все нормальные граждане только-только отходят от новогодних праздников, в подъезде раздался страшный скрип и шум. В чём дело? Оказывается, сверлят стенку, тащат провод...

19 апреля 2003 г. ...Снег в значительной степени уже сошёл (это в городе, за ним его ещё полно), тем более что было его меньше обычного. Зима, как я уже писал, вышла нетипичной: не случилось морозов и пург в полном понимании этих слов: то снег валил при безветрии, то ветер дул отдельно от осадков.

Обещанное отключение горячей воды и тепла, которое предрекали ещё в марте и начали осуществлять в районах с «четырёхтрубкой», у нас, слава Ему, не случилось. В некоторых местах народ сидел две недели с отоплением, но без ГВС. Мы же со своей «двухтрубкой» остались-таки с водой. Так сказать, в коем-то разе получили стратегическое преимущество! Вот на прошлой неделе объявили, что благодаря каким-то соглашениям с кем-то отопительный сезон закончится по плану, и более того, даже обещали летом не отключать горячую воду в «четырёхтрубных» домах на столь большой срок, как это происходило в последние годы. Впрочем, посмотрим, обстановка у нас в этом смысле всегда меняется стремительно...

Сейчас потихоньку готовлю шестой сборник, думаю, что завершу в мае. Материалы подобрались очень интересные, основная тема — семьдесят пять лет со дня организации АКО, которое (скромно упомяну, что по моей инициативе) отмечалось в прошлом году. Так что творческие планы потихоньку осуществляются...

31 мая 2003 г. ...Отвечаем с задержкой: было много суеты, началась сессия, госэкзамены, защита и прочее. Вот сегодня дети из нашего колледжа пригласили на «последний звонок», пришёл на службу пораньше, пишу это послание.

Этот самый колледж, как ты, наверное, уже поняла после знакомства с моими опусами в пятом сборнике, есть наследник бывшей средней мореходки. Я там читаю дисциплину «Судовые котельные установки» и веду по ней курсовое проектирование. Большая часть выпускников колледжа затем поступает на наш мореходный факультет на так называемую «ускоренную программу», то есть укороченную, как имеющие дипломы. Инженерами выпускаются через три с половиной года. В следующем году как раз будет первый выпуск этих самых бывших «колледжистов», моих, так сказать, дважды выпускников.

Дипломников-инженеров (дневников) в этом году «защитили» в марте, сейчас работаем с заочниками, которых в этом году как никогда много — аж двадцать шесть! Такого за последние лет десять что-то не припомню. А вот с бакалаврами повезло: летом маяться с ними не придётся. Их выпуск в этом году последний: переходим на новый учебный план, теперь из расчёта пяти с половиной годичного обучения с однократным присвоением квалификации инженера. С одной стороны — меньше мороки, а с другой — для себя сделал вывод, что чем дольше их учим, тем больше проку. Дело в том, что нынешний студент/курсант существенно отличается от такового десяти или пятнадцатилетней давности, не говоря уже о более ранних годах, и далеко не в лучшую сторону.

Введение в первой половине 1990-х гг. понятия «Государственный образовательный стандарт» привело к весьма, на мой взгляд, печальным результатам. Эти стандарты существенно урезают и понижают качество образования. Да ещё ретивые деятели на месте, стремящиеся угодить начальству по любому поводу, самостоятельно нивелируют учебный процесс, ничего в нём не понимая (в смысле подготовки морских специалистов). Для них что бухгалтер, что юрист, что юморист или артист, что моряк, то бишь судомеханик, — одно и то же.

Одним словом, скоро страна останется без нормальных специалистов. Уже сейчас ощущается недостаток профессиональных рабочих, инженеров не в смысле людей с дипломами разных институтов и академий, а профессионалов. Особенностью Камчатки, как замкнутого региона, является и то, что в настоящее время приток посторонних практически прекратился, за исключением торгашей. Уровень же основной массы выпускников местных школ резко упал. Сейчас они в массе не знают того, что ещё несколько лет назад не знать было совсем стыдно...

Напечатали второе учебное пособие «Технология использования воды, топлива, смазки». Эта дисциплина специализации читается на пятом курсе и на занятиях по повышению квалификации. В сентябре или октябре должна пройти государственная аттестация университета, так что эти работы завершены очень даже вовремя и для автора, и для учебного заведения.

С ноября прошлого года в газетах особенно ничего не печатал, занимался книжками. А сейчас снова принялся за популяризацию. Статья про начало Петропавловского порта — это заготовка будущей серьёзной книги (монографии), которая в рукописи вчерне готова более чем на половину. Подобрал и иллюстрации, но они тоже требуют существенной обработки. Рабочее название — «Три века Петропавловского порта». Думаю, что к осени рукопись и макет завершу, и начнётся самый «интересный» и главный этап нынешнего книготворчества: поиски денег на издание. Думаю, что пойду уже проверенным путём: к депутатам и в обладминистрацию...

Весна, хоть была и ранняя, но теплом особенно не радовала. Обычно май всегда был более-менее, но сейчас сухо, туман и довольно прохладно. Только с 25-го числа «включили лето». Опыт показывает: значит, скоро закончится отопление. Причём как только оно заканчивается, так сразу, по закону подлости, возвращаются холода. В июне нередко бывает и по четыре градуса, правда, с плюсом, но при противном «бусе».

Перебоев с теплом и светом в этом году не было, хотя опасность окончания отопительного сезона и возникала в апреле, но пронесло...

В городе грязно, всё какое-то убогое, серое, дороги паршивые, одним словом, картина безрадостная. Ю.К. сейчас морячит, недавно пришёл из Китая, всё никак не может прийти в себя от того, как он быстро развивается и строится. Да что Китай, даже у вас, в Астрахани, обстановка с нашей совершенно несопоставима. Единственное, чем мы можем похвастаться, так это более-менее сохранённой природой, чистой водой и относительной тишиной с точки зрения кри-

миналитета. Правда, с последним тоже не всё просто. Пули на улицах со свистом и рикошетом не летают, но недавно спалили казино, при этом погибли семеро его посетителей. (Ещё более десятка получили ожоги. Это случилось 11 апреля 2003 г. — *С. Г.*).

9 июля 2003 г. ...С 1-го числа нахожусь в отпуске. Он снова обещает быть трудовым. Последние годы в августе и сентябре наблюдается «творческий подъём», завершающийся очередным «шедевром».

Сейчас четвёртую неделю сижу в наших архивах. Главных два: первый называется «Государственный архив Камчатской области», в нём хранится документация о деятельности различных предприятий и организаций, второй — «Центр документации новейшей истории», то есть бывший партийный, где находятся бумаги органов власти. Он размещается в цокольном этаже бывшего обкома КПСС. Наверное, помнишь это большое здание с колоннами в стиле «сталинский ампир» на Ленинской. Надеюсь, что к осени эти очередные архивные «посиделки» воплотятся в книжку под названием «Три века Петропавловского порта». Вот как раз небольшую заготовку из неё посылаю в виде газетной вырезки. Эту серию изысканий завершаю на неделе, после чего засяду, наконец, дома и займусь обработкой материалов да завершением сам*ой* работы.

Попутно насобирал массу сведений вспомогательного характера, думаю со временем соорудить из них книжку в духе «Маленьких камчатских историй», то есть исторических миниатюр из местной жизни первой половины XX в. Но это задумка на будущее, сейчас же надо закончить то, что начато. (Позднее эти замыслы вылились в книгу «Камчатское наследие», выпущенную в 2006 г. — *С. Г.*) К нашему камчатскому национальному празднику — Дню рыбака — обещали порадовать меня сигнальным экземпляром «Вдоль камчатских берегов». Эта долгожданная и многострадальная книжка уже отпечатана, сейчас её «собирают», то есть сшивают, думаю, что многолетняя эпопея завершится к концу месяца. Очередной сборник «Вопросов...» с твоим «мемуаром» напечатали, сейчас он находится на переплёте. Скоро будет на руках, сразу же пришлю.

С погодой в этом году нам повезло. Последние несколько лет «жарой» лето нас не радовало, а июнь так просто был холодным, а сейчас тепло, как никогда... Это приятная сторона. А вот и неприятная: в середине июня многих наших земляков застало врасплох внезапное повышение стоимости авиабилетов до Москвы, более чем вдвое. На этой линии традиционно работает Аэрофлот (флот, да не тот!). Пользуясь монополией, он взвинтил цены в оба

конца аж до тридцати четырёх тысяч! Недели две только об этом и шли разговоры (смотри газетную заметку). Начали писать петиции, искать замену. Вроде нашли: компанию «Сибирь-Аэро» и ещё какую-то, они установили цены пониже, пришлось и флоту их сбавить. Эти фокусы сильно подпортили настроение многих земляков. Вот так ещё раз была показана наша уязвимость, незащищённость и оторванность от всей остальной страны.

Лососёвая путина на восточном побережье идёт вовсю: в Усть-Камчатске хорошие подходы нерки. Вообще-то её в последние годы стало гораздо больше, чем раньше. Есть одна сложность, заключающаяся в том, что два года открытием и закрытием путины руководит Москва. Раньше этими вопросами управляли на месте, а теперь столичные чиновники решили, что им с берегов Москвы-реки виднее, чем и когда Камчатке заниматься. Результат налицо: в прошлом году чуть не переполнили нерестилища, в этом году та же история. Завтра начинается путина на западе. Здесь вся надежда на Озерную.

Кстати, о ней. В ходе изысканий нашёл заметку в «Камчатской правде» за 14 июля 1963 г. под названием «Новая Озерная (путешествие по земле камчатской)». Вот небольшая выдержка из неё: «...Новое видно издалека. Кто бывал в Озерной раньше, видел вымокшие, почерневшие, обветренные стены домов и цехов, не может этого не увидеть. Дома стали другими, их выкрасили, побелили. Те самые дома, которые с момента рождения не знали, что такое краска или известь на наружных бревенчатых стенах, помолодели. В Озерной уже родилась "байка": "Тридцать лет директоры копили краску, а Гаврилов (нынешний директор) извёл её за три месяца". Сказать "извёл" — это не всё. Извёл с толком, со вкусом — так будет правильнее...» Помнишь эту историю?

13 августа 2003 г. ...Отдельное письмо тёте Лоре писать не стану, пускай придёт в себя. А вот небольшой сувенир ей от меня передай при удобном случае. Высылаю тебе и ей по книжке известного историка А. И. Алексеева, которая только-только вышла под моей редакцией. Знаю, что она очень уважает Витуса Беринга и прочих старинных мореплавателей. Эта же книжка — про не менее знаменитого адмирала Невельского и его семейство. По-моему, достаточно интересное получилось чтение.

Если бы мне ещё год назад сказали, что я буду редактировать, комментировать и издавать неопубликованную рукопись самого Алексеева (я на его работах, можно сказать, вырос в школьные и студенческие времена), то сильно бы этому удивился и, наверное,

счёл бы это за шутку. Посему принял такое предложение как высочайшую честь и священный долг. Деньги на печать выделили мои же выпускники, сейчас преуспевающие предприниматели по части торговли пищевыми продуктами (при встрече они говорят, то ли в шутку, то ли всерьёз, — «спекулируем»). Единственный недостаток готового издания пока вижу в том, что сместили на пару сантиметров вниз против задуманного надписи и изображение на обложке.

По этому поводу вспоминается старинный советский анекдот про скрипача, посланного за границу на международный конкурс, и приставленного к нему «искусствоведа в штатском». Оба сидят в номере, скрипач всё время репетирует, никуда не выходит. Истомившийся по западной свободе «искусствовед» спрашивает: “Вот ты так упираешься, а что тебе будет за победу?” — “Дадут поиграть на скрипке Паганини” — “И всё?” — “Понимаешь, это словно как бы тебе дали пострелять из маузера самого товарища Дзержинского”».

Вот такие дела. Необыкновенно тёплая погода отступила, последнюю неделю относительно прохладно. В воскресенье и понедельник прошёл дождь, которого не было больше двух месяцев. Попутно зацепил нас тайфун, по дороге много чего разрушивший в Японии и на Сахалине. Но в наших ближайших окрестностях ничего особенного не приключилось, за исключением того, что на Ключевской возле химического корпуса повалило старое дерево. Больше особых повреждений не отметил.

Москва же два дня рассказывала всей России о том, что у нас тут стихийное бедствие и прочее, хотя именно в это время светило солнце. Наверное, это даже к лучшему — пусть в славной столице лишний раз про нас задумаются, что будет очень даже полезно, особенно в связи со складывающейся неблагоприятной обстановкой вокруг подготовки к зиме: область — банкрот, город — банкрот, Камчатскэнерго — тоже. Неизвестно, когда в этом году будем с горячей водой. Намекают, что отопительный сезон может начаться поздно осенью.

Правда, какая-то суета по этому поводу происходит, ездят всякие начальники. Вот сейчас по радио передают, что вице-премьер Яковлев распорядился о помощи нашему «депрессивному региону». А тут ещё местные журналёры на народ нагнали страху, что отменят коэффициент 1,8 и сделают 1,4, а зарплату повышать с 1 октября не будут. И всё это обещали в понедельник, 11 августа. Но названный срок уже вышёл, а мы снова живы.

Не буду особо на этом останавливаться, так как посылаю несколько газет разного времени, в которых подробно расписаны

основные сложности нашего существования. Попутно там ещё есть и мои очередные «опусы». Шлю также журнал «Неизвестная Камчатка», в коем имею честь состоять членом редколлегии...

Хотел порадовать «мемуарами» да долгожданной книгой, но тут вышла загвоздка: всё напечатано, сшито, но не переплетено. В университетском издательстве переплётчик в отпуске, оставшиеся толстые книжки шить не умеют, а в «Камчатском печатном дворе» ждут картон. Наверное, это судьба, если в двух независимых издательствах одновременно возникает сложность с переплётом. Так что теперь, надеюсь, увидеть только в сентябре. Впрочем, дело сделано, можно и подождать, особенно с учётом того, что толстая книжка собиралась и писалась в общей сложности пять лет.

Да, вот ещё, найдёшь в газете сообщение о том, что собираются снимать многосерийный сериал по роману Пикуля «Богатство» про камчатскую жизнь 1903—1905 гг. (времена русско-японской войны) в вольном переложении этого беллетриста. Часть действительных городских событий той поры изложены в моем опусе «Две войны Петропавловска». Будет интересно посмотреть, давненько подобного кино не было. Кроме «Тайны дворцовых переворотов» ничего исторического и не припоминается. Кстати, а ты читала это «Богатство»?

А вот сериал «Идиот» получился классный, особенно на фоне того убожества, которое нам преподносят каждый день по всем каналам. Тут у нас всё сравнивали князя Мышкина в старом исполнении Юрия Яковлева и в новом фильме. Мол, кто лучше? По-моему, перефразируя товарища Сталина, «оба лучше».

11 сентября 2003 г. ...Вчера, 10 сентября, в городе прошёл митинг по трём вопросам. Первый — против предстоящего повышения местными товарищами квартплаты чуть не втрое (это проводится под маркой внедрения какого-то «федерального стандарта»). Второе — идут упорные слухи, всячески поддерживаемые частью местной политтусовки, о том, что в Петропавловске с 2005 г. будет установлен коэффициент 1,4. И третье — протест против того, что кто-то и где-то не будет повышать зарплату бюджетникам с 1 октября. Дескать, по этому случаю не принял решение Совет Федерации. С последним полная непонятка. Любому здравомыслящему гражданину бывшей Страны Советов известно, что эта контора голосует, как прикажут. Если президент громогласно и неоднократно объявил, что прибавка будет, то неужели этот самый совет за неё не проголосует? На собрании в университете сказали, что повышение уже заложено в бюджет вуза и состоится при любом раскладе.

По поводу коэффициента разговоры идут уже лет пять, недавно даже пришло письмо о том, что коэффициент 1,8 сохраняется. Таким образом, этот митинг — чистой воды популизм профсоюзного лидера, или, как сейчас принято выражаться, «пиар». Вот ещё словечко придумали! Вообще-то, это сокращённое английское выражение «Public Relations», что дословно означает «Публичные отношения». Им обозначается создание положительного облика, например, компании в глазах возможного потребителя. У нас же в больном воображении определённых граждан это прочно связано с неким компроматом, перетиранием грязного белья и всякими гадостями, в частности, с попыткой сорвать известность.

В итоге имеем: главная опасность — это предстоящее повышение квартплаты. Тут тоже напущено много тумана, но ясно одно: власти пытаются разрешить свои сложности за наш счёт. Уже писал, что весь наш «депрессивный регион» прочно попал в число банкротов. Славный град П&П тоже банкрот. Ходят слухи, что правительство ставит условие: финансовая помощь будет при переходе на этот самый «федеральный стандарт».

Короче, горячей воды нет и не предвидится. Последняя надежда нашего народа — это очередные предстоящие выборы в ГосДуму. Уж к ним-то, наверное, и затопят, и топливо привезут...

Да вот, пришёл на работу напечатать письмо: звонят из издательства «Камчатский печатный двор», докладывают, что, наконец, поступила моя многострадальная книжка «Вдоль камчатских берегов» на склад. Теперь осталось её заполучить. Эта многотрудная эпопея, похоже, завершена...

18 октября 2003 г. ...Вчера град П&П отметил свои двести шестьдесят три года. Особых торжеств в этот день обычно не устраивают, проводят лишь чествование почётных граждан и объявляют имя очередного из них. В этом году им стал Роберт Савельевич Моисеев, ныне он возглавляет Камчатский филиал Тихоокеанского института географии, известный учёный, настоящий патриот, родившийся в Петропавловске, и просто хороший и уважаемый человек. Выбор очень достойный. Знаю его, в первую очередь, по Русскому географическому обществу и по своим увлечениям историей. Он рецензировал одну из моих книжек и сильно способствовал её выходу в свет...

Обстановка в городе и области далеко не радостная. Большие сложности в коммуналке, много домов пока без тепла, из-за этого же остановились занятия в части школ и детских садах. Война между городскими и областными властями продолжается, но, я думаю,

ты в курсе событий, так как о них с завидным постоянством сообщает Центральное радио, да и такое же телевидение тоже про нас не забывает. По слухам, даже открыли дело против градоначальника и каких-то лиц из его окружения. Часто наезжают из Москвы и Хабаровска (это у нас тоже теперь «столица» — но Дальневосточного федерального округа) всякие комиссии, говорят правильные слова, но денег на коммуналку не дают.

Конкретно у нас отопление и воду включили неделю назад, вроде не холодно, но напор горячей воды слабый, а батареи регулярно «тухнут». Вот вчера вечером отопление опять «заглохло». Утром в субботу, то есть сегодня, пошёл на работу, заглянул в подвал: там прорыв — хлещет горячая вода. Вот поэтому-то и нет напора. Уж когда и кто будет устранять течь — одному Ему только и известно...

По поводу недостатков в твоих «мемуарах». Понял, учтём при подготовке более полного варианта для внутрисемейного употребления.

А если насчёт того писателя, которого ты вспоминаешь в своём «мемуаре», то вышла вот такая история. Этот сборник я раздал местным краеведам, дал его и председателю нашей областной писательской организации Е. В. Гропянову (он работает главным редактором издательства «Камчатский печатный двор»). Спустя несколько дней звонит, говорит, мол, мир тесен, спрашивает, догадываюсь ли я, о ком идёт речь. Из контекста сообразил, раз писатель из Краснодара, значит, скорее всего, Леонид Пасенюк. Так и вышло. Он, между прочим, является одним из основателей в 1974 г. камчатской писательской организации и сейчас поддерживает с ней тесные связи. Живёт в Краснодаре, а его сын — на Командорах, тоже имеет отношение к литературе, фотографии и краеведению. А тот его старинный рассказ в «Огоньке» назывался «Хозяйка таёжной речки». Так что с памятью у тебя всё в порядке. Кстати, об этой истории Гропянов отписал Пасенюку, что, мол, помнят ещё...

Сейсмообстановка в области отмечается как повышенная, тому способствуют и частые извержения. Пыхает и Карымский вулкан, о коем ты упоминаешь, коптят небеса Толбачик и Ключевская сопка. Согласно долгосрочному прогнозу академика Федотова (директора Института вулканологии), возможно, как говорят товарищи учёные, «событие» в течение четырёх-пяти лет в Авачинском заливе, то есть на расстоянии менее двухсот километров от Петропавловска.

28 ноября 2003 г. ...Первый снег выпал с задержкой, в середине ноября, тут же растаял и пару дней держался гололёд. Потом всё высохло, и вновь снег выпал уже 25 ноября, но на следующий день

началась оттепель — аж плюс шесть. А вчера ударил морозец, в результате чего всё встало колом, и ходить по городу теперь весьма небезопасно. Правда, говорят, что концу недели опять должен выпасть снег. Этот уже, надеемся, надолго и по-настоящему. Лучше вязнуть в сугробах, чем ломать кости на ледяном катке.

Коммунальные страсти продолжаются, но те «страшилки», которые показывают по центральным каналам, вновь имеют с истиной мало общего: отопление в городе работает, перебоев со светом нет. Видимо, эта шумиха разыграна в политических целях, но лично мне непонятно, в каких. С градоначальника сняли депутатские полномочия, он на больничном, дела в городе идут на самотёк, и ими никто особенно не управляет. Но, тем не менее, жизнь продолжается.

Осень в этом году была более тёплой, чем обычно. По поводу предстоящей зимы прогнозы высказываются разные, но следует отметить, что две предыдущие были очень мягкие, почти без морозов. Может, и в этом году нам повезёт.

Общественно-политическая обстановка нормальная, суета с выборами почему-то не такая бурная, как в прошлые годы. Сильно больших скандалов не наблюдается, хотя до самого события осталось чуть более недели.

Вот сейчас, когда пишу это, по Первому каналу передают репортаж о нашем епископе Игнатии, который недавно вернулся из подводного плавания на отремонтированном во Владивостоке атомном крейсере-ракетоносце. Это уже его второй подводный поход — говорят, что больше такого священника в России нет. Крейсер назвали «Георгий Победоносец», РПЦ взяла над ним шефство. Вообще наш Игнатий, по-моему, об этом тебе писал, личность выдающаяся. Местным верующим, да и не шибко тоже, сильно с этим духовным наставником повезло. Он ведёт большую просветительную работу. Храм на Четвёртом его трудами построен уже до второго этажа, в следующем году его намереваются завершить...

Теперь о делах писчебумажных. Наконец-то, как ты видишь, завершена эпопея с изданием моего главного на сегодняшний день труда. Небывалое ещё в нашей губернии дело сделано. Но пока оно вяло текло, завершил очередную книгу — «Три века Петропавловского порта», которая будет немного меньше по объёму, но хорошо за четыреста страниц (что-то потянуло на крупномасштабные «произведения»). Сейчас уже почти решился вопрос с деньгами. Вновь обратился за поддержкой в областной Совет народных депутатов, который ко мне уже попривык. Совет вставил затраты, правда, пока не ясно, в полном объёме или нет — дела